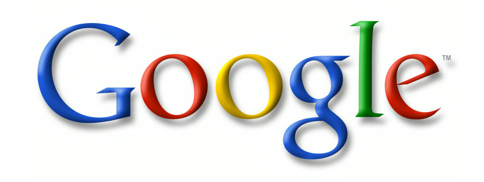


Гг. абонаты, не заявившіе при взятіи книги о порчѣ ея, вслучаѣ обнаруженіи таковой при возвращеніи книги, уплачиваютъ стоимость поврежденія по оцѣнкѣ библіоте-
ря

45

8

7

[redacted]

L KABEJEUL

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 4 части 5 р. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб., марта 31 дня 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

III

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ
и
РАЗСУЖДЕНІЯ,

ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НАРОДНОМУ БЫТУ, ПОВѢРЬЯМЪ, ПРАЗДНИКАМЪ И Т. П.

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА. *Соч. А. Терещенки. Спб. 1848. Въ семи частяхъ.*

1.

Книга г. Терещенки имѣетъ двѣ стороны, которыя непремѣнно надо различить, чтобы получить о ней правильное понятіе и оцѣнить ее безпристрастно. Во первыхъ, она представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріяловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріялы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простого народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ изчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная, за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнѣйшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки — драгоцѣнное пріобрѣтеніе и вмѣстѣ съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снегирева, Даля, Кирѣевскаго должно быть настольной книгой русскаго археолога, историка и филолога. Но, составляя свою книгу, г. Терещенко не думалъ ограничиться однимъ сообщеніемъ мате-

ріяловъ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ претензіи на трудную роль самостоятельнаго систематическаго изслѣдователя и критика. Г. Терещенко не только собралъ матеріялы: онъ ихъ обработываетъ, располагаетъ извѣстнымъ образомъ, объясняетъ, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Эта вторая сторона книги весьма слаба. Скажемъ болѣе · она ниже посредственности. Самые простые законы исторической критики неизвѣстны автору; какъ изслѣдователь, онъ безпрестанно впадаетъ въ самыя забавныя ошибки. Будучи, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ теперешнимъ простонароднымъ бытомъ, онъ нисколько не воспользовался этимъ знаніемъ, и оно ему ни мало не послужило къ открытію его главныхъ, характеристическихъ чертъ. А открыть ихъ было не такъ трудно при множествѣ собранныхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ туземные письменные памятники старины и отрывочныя, разновременныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и путешественниковъ по славянскимъ землямъ. Народные обычаи, у насъ и вездѣ, удерживаются весьма долго. Потерявъ первоначальное живое значеніе, они преобразуются въ символы, обрядовыя дѣйствія и въ этомъ видѣ сохраняются народами въ продолженіи многихъ вѣковъ. Ихъ первоначальный смыслъ наконецъ изчезаетъ, часто влагается въ нихъ новый смыслъ, болѣе соотвѣтствующій настоящимъ понятіямъ и быту народа, хотя и невѣрный, произвольный; но они все-таки повторяются потомками и для исторической критики служатъ драгоцѣнными матеріялами при возстановленіи отдаленнѣйшей древности, первоначальнаго быта, отъ которыхъ не осталось ни письменныхъ памятниковъ, ни преданій. По указаніямъ этихъ обрядовыхъ, символическихъ, торжественныхъ дѣйствій можно прослѣдить внутреннюю жизнь народа, ея постепенныя измѣненія, вліяніе различныхъ элементовъ, при входившихъ въ нее извнѣ или вызванныхъ внутреннимъ послѣдовательнымъ раз-

витіемъ. Г. Терещенко не обратилъ никакого вниманія на это значеніе обычаевъ; кажется, онъ его и не подозрѣвалъ. Никакого единства, цѣлости въ трудѣ, кромѣ единства предмета, которое не зависѣло отъ автора; никакого взгляда, и потому отсутствіе плана въ расположеніи цѣлаго и частей, отсутствіе мысли въ изслѣдованіяхъ. Выходитъ, что авторъ оказалъ бы великую услугу, еслибъ скромно и добросовѣстно ограничился изданіемъ однихъ матеріяловъ, не подмѣшивая къ нимъ своихъ разсужденій. Послѣднія совершенно безполезны, ни къ чему не ведутъ, нерѣдко искажаютъ факты. Дѣйствительно, разглагольствованіями авторъ часто заслоняетъ отъ читателей живой источникъ, откуда черпалъ данныя, такъ что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, что̀ повѣрье народа, что̀ соображенія, не всегда глубокомысленныя, г. Терещенки.

Это обстоятельство, а именно, что авторъ приступилъ къ дѣлу неприготовленный, безъ научнаго взгляда, безъ критики, безъ достаточнаго изученія, конечно и было причиной, почему его книга не заняла почетнаго мѣста въ нашей исторической литературѣ и осталась мало замѣченной. Нѣкоторые критики были къ ней даже несправедливы, обративъ исключительное вниманіе на ея слабую сторону; къ счастію, есть и другая, которую мы усердно рекомендуемъ читателямъ. То, что̀ почерпнуто изъ народнаго быта, описанія праздниковъ, хороводовъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, игръ и т. д., такъ важно и содержитъ такіе богатые матеріялы для узнанія теперешней и давно-прошедшей нашей жизни, что мы позволимъ себѣ войдти въ подробное разсмотрѣніе книги г. Терещенки.

Она раздѣляется на семь частей. Въ первой говорится о народности, жилищахъ, домоводствѣ, нарядѣ, образѣ жизни, музыкѣ; во второй о свадьбахъ; въ третьей о времясчисленіи, крещеніи, похоронахъ, поминкахъ, Дмитріевской Субботѣ; въ четвертой о забавахъ: играхъ и хороводахъ; въ пятой о про-

стонародныхъ обрядахъ: Первомъ марта, встрѣчѣ весны, Красной Горкѣ, Радуницѣ, Запашкѣ, Кукушкѣ, Купалѣ, Ярилѣ, Обжинкахъ, Бабьѣ лѣтѣ, братчинахъ; въ шестой: объ обрядныхъ праздникахъ: Недѣлѣ Вай, Пасхѣ, Русальной Недѣлѣ, Семикѣ, Троицинѣ днѣ, Первомъ апрѣля, Первомъ мая; наконецъ въ седьмой о Святкахъ и Масляницѣ.

Изъ этого перечня содержанія книги г. Терещенки видно, что программа его обширна. Онъ задумалъ огромный трудъ, почти невыполнимый, для одного человѣка. Кто не знаетъ, какихъ средствъ и усилій нужно для собранія однихъ матеріяловъ! Сверхъ того авторъ не опредѣлилъ границъ, не уяснилъ себѣ предмета предпринятой работы, и этимъ создалъ самъ для себя новыя трудности. Хотѣлъ ли онъ подробно описать бытъ русскаго народа, какимъ мы его теперь видимъ, или думалъ прослѣдить этотъ бытъ и исторически до нашего времени, заимствуя данныя о прошедшемъ изъ книгъ, о теперешнемъ—изъ живыхъ обычаевъ и обрядовъ? Далѣе, входило ли въ его планъ изложить только бытъ собственно коренно-русскій, или и всѣ тѣ измѣненія, которыя въ немъ произошли вслѣдствіе постороннихъ вліяній, особенно европейскаго? Эти вопросы вовсе не обратили на себя вниманія г. Терещенки; онъ объ нихъ и не думалъ, принимаясь писать книгу. Этотъ недосмотръ, ошибка—отозвались въ его трудѣ. Въ одной главѣ находимъ только описаніе стараго, по письменнымъ источникамъ, въ другой—только теперешняго, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и замѣтокъ. Вообще авторъ не охотникъ до новыхъ обычаевъ; старые кажутся ему лучше, и онъ ихъ описываетъ съ особенною любовью. Согласны, этотъ взглядъ имѣетъ свою полезную сторону, побуждая собирать и сохранять въ печати, для будущихъ изслѣдователей, то, что̀ съ каждымъ днемъ уходитъ и изглаживается. Но г. Терещенко описываетъ же мѣстами и новизну. Только эта новизна у

него неполна, не обнимаетъ всѣхъ слоевъ общества и, какъ по всему замѣтно, списана не съ высшаго круга. Будь разбираемое нами сочиненіе не болѣе какъ собраніе матеріяловъ, мы бы не обратили вниманія на эту неполноту и сказали спасибо и за то, что̀ нашли; но авторъ хочетъ быть изслѣдователемъ, розыскателемъ, слѣдовательно заставляетъ быть требовательнымъ. Въ систематическомъ разсужденіи такая неопредѣленность — важный недостатокъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало остаться вѣрнымъ главной, хотя и не высказанной задачѣ; слѣдовало описать обычаи простого народа, прослѣдить ихъ въ прошедшемъ, сколько дозволяютъ источники, и пожалуй, ихъ измѣненія или искаженія въ тѣхъ классахъ, которыхъ европейское вліяніе коснулось слегка; о привычкахъ и образѣ жизни образованныхъ слоевъ общества, менѣе извѣстныхъ автору можно бы и не говорить вовсе; читатели не стали бы жалѣть объ этомъ, да и наука бы ничего не потеряла.

Разсматривая, далѣе, программу, мы находимъ, что она и неполна по заглавію книги: «Бытъ русскаго народа», и совсѣмъ безсвязна. Она неполна, потому что въ ней нѣтъ отдѣла для пословицъ, пѣсенъ, поговорокъ — этихъ неразлучныхъ спутниковъ русскаго человѣка; нѣтъ еще и многаго другого, что̀ составляетъ бытъ народа. Она безсвязна, потому что нельзя никакъ понять, на какомъ основаніи г. Терещенко дѣлитъ свое сочиненіе на части, части на главы; почему народность составляетъ особенную главу, тогда какъ вся книга — картина русской народности; почему братчины, запашки, обжинки отнесены къ числу простонародныхъ обрядовъ; почему всѣ народные праздники отнесены къ этому отдѣлу, а хороводы, свадьбы, похороны—не отнесены, какъ-будто и они не сопровождаются простонародными обрядами, не суть простонародные обряды. Такихъ почему, при разсмотрѣніи програмы г. Терещенки, множество приходитъ въ голову. Довольно

и этихъ. Они достаточно обнаруживаютъ, что сочиненіе написано безъ мысли, безъ систематическаго взгляда на предметъ, безъ критической оцѣнки обрядовъ простого народа, что̀ мы ужь и прежде сказали.

Надобно замѣтить, что предисловіе автора скромнѣе его книги, и кто остановится на немъ, на предисловіи, тотъ назоветъ насъ и слишкомъ строгими и придирчивыми. Судя по послѣднему, г. Терещенко «имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслію: трудъ не по силамъ. Эта мысль, дѣйствительно справедливая, отнимала всякую надежду приступить когда-нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, онъ рѣшился начертить его въ бытѣ русскаго народа. Не безъ робости представляетъ онъ его своимъ соотечественникамъ» (стр. III). Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что «изложить бытъ народа, сколько можно съ должно вѣрностію, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ». Поэтому онъ «старался представить его сколько могъ по своимъ силамъ, и отнюдь не думаетъ, чтобъ его трудъ не былъ измѣненъ, даже въ самое короткое время» (стр. VI). Но въ книгѣ этого скромнаго тона, этого недовѣрія автора къ своимъ силамъ мы уже не находимъ: тутъ онъ судитъ и рядитъ смѣло, рѣшительно; подумаешь, подъ названіемъ «быта русскаго народа» авторъ издалъ курсъ нравственности и психологіи; нѣкоторыя статьи даже какъ-будто цѣликомъ взяты изъ какой-нибудь физіологіи женскаго сердца и попали сюда ошибкой. Ясно, предисловіе — вѣжливая фраза, обыкновенная, условная свѣтская любезность, обращенная къ публикѣ, — никакъ не болѣе. Этому мы увидимъ не одно доказательство.

Мы сказали, что предметъ первой главы — народность. Это слово такъ объемисто, совмѣщаетъ въ себѣ столько раз-

личныхъ значеній, что едва ли можно сказать что-либо дѣльное, основательное о народности на какихъ-нибудь полутора-ста страницахъ разгонистой печати. Народность—цѣлая исторія народа со всѣми ея сторонами, цѣлая народная жизнь, во всѣхъ ея выраженіяхъ. Мы думаемъ, лучше было бы вовсе не посвящать народности особой главы. Авторъ думалъ иначе. Чѣмъ же онъ наполнилъ эту главу?

А вотъ посмотримъ.

Сначала авторъ говоритъ о различіи людей вслѣдствіе климатическихъ вліяній,—различіи, которое выражается въ очертаніи лица и образованіи тѣла. По этимъ признакамъ онъ дѣлитъ весь человѣческій родъ на пять расъ, или породъ, и описываетъ ихъ. Почему онъ остановился именно на той системѣ, которая принимаетъ пять породъ — мы не знаемъ. Обыкновенно писатели излагаютъ сперва главныя классификаціи человѣческаго рода и ужь въ заключеніе объясняютъ, какой они сами придерживаются. Пока вопросъ окончательно не уясненъ, такая метода самая естественная и потому самая лучшая. Автору она вѣроятно почему-либо не нравится. Но это бы еще ничего; а вотъ что̀ странно: вслѣдъ за описаніемъ породъ говорится на полутора страничкахъ, что Славяне принадлежатъ къ кавказскому племени и старожилы въ Европѣ, а потомъ авторъ прямо переходитъ къ описанію ихъ свойствъ. Въ книгѣ, посвященной быту русскаго народа, старожитность Славянъ въ Европѣ, ихъ отношенія къ другимъ расамъ, ихъ раздѣленіе на племена и разселеніе конечно должны бы обратить на себя нѣкоторое вниманіе. Еслибъ г. Терещенко даже увлекся тутъ подробностями, и ничего не сказалъ о раздѣленіи цѣлаго человѣческаго рода —все было бъ простительнѣе, чѣмъ вовсе не говорить о славянскомъ племени. Чтобъ читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ авторъ принимается за ученые вопросы, вотъ обращикъ:

«Конечно, мы ничего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они были тогда, или чтобы славились уже своими дѣлами: но то должно быть достовѣрно, что они издревле заселяли Европу, и по этому суть коренные европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что славяне наружностію и умомъ ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ европейцамъ — германамъ и франкамъ; что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе европейцы; что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибнули отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди лютыхъ испытаній и переворотовъ не упадали духомъ, — были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ». (Т. I. стр. 5 и 6.)

Эти ничего не значащія слова — безъ малаго все, что сказано о происхожденіи Славянъ. Свойства ихъ описаны не лучше; нѣсколько выписокъ изъ древнѣйшихъ туземныхъ и иностранныхъ сказаній о полудикомъ бытѣ этого племени конечно не даютъ еще ни малѣйшаго понятія о его свойствахъ. Да и старая манера описывать свойства народа давно ужь брошена, потому что не ведетъ ни къ чему и не характеризуетъ нисколько народа. Въ разныя эпохи, при разныхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же народъ такъ измѣняется, что его едва можно узнать. Примѣровъ много. Описать свойства народа значитъ написать его исторію, а не начинить книгу выбранными наудачу характеристиками, часто случайными, пристрастными, односторонними, составленными за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, по поверхностному знакомству съ народомъ чужеземцовъ и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Какъ мало вѣсятъ такія описанія свойствъ, видно ясно изъ книги г. Терещенки. Славяне, по его описанію, были добродушны, гостепріимны, кротки, воинственны, храбры, набожны, любили пѣсни, музыку, пляску. Прекрасно! Но какъ составить себѣ по этимъ признакамъ хоть какое-нибудь понятіе объ от-
ныхъ чертахъ славянскаго племени? Сколько наро-

довъ имѣютъ описанныя свойства? Наконецъ, они — общія если не всѣмъ, то навѣрное большей части народовъ въ первобытномъ состояніи.—Слѣдующее за тѣмъ описаніе свойствъ русскихъ Славянъ составлено совершенно въ томъ же тонѣ, и потому мы надъ нимъ не останавливаемся. Замѣтимъ только, что, описавъ эти свойства, авторъ разсказываетъ, какъ прекрасныя качества нашихъ предковъ были искажены и унижены татарскимъ игомъ, какъ, спустя двѣсти лѣтъ, началось возрожденіе, и наконецъ новыя бѣдствія, въ началѣ XVII вѣка, насъ возвеличили. Потомъ говорится о веселости, неизмѣнномъ свойствѣ Русскихъ, о народности, сохранившейся въ древнихъ сочиненіяхъ. «Въ первыхъ вѣкахъ нашей гражданственности — говоритъ авторъ — познанія тѣсно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удальствомъ и силою» (стр. 45). Эта не совсѣмъ понятная фраза подаетъ ему поводъ привести отрывокъ изъ пѣсенъ Кирши Данилова, въ сокращеніи разсказать теперешнимъ языкомъ «Слово о полку Игоревѣ» и бросить нѣсколько словъ о древнемъ, преимущественно духовномъ, просвѣщеніи. Въ слѣдующей за тѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: «непоколебимость народа и его слава», риторически, по образцу Кайданова, разсказана русская исторія XVII—XIX вѣковъ на одиннадцати страницахъ. Нѣсколько озадаченный всѣмъ этимъ, читатель смиренно слѣдуетъ за авторомъ, не зная, куда онъ его ведетъ. Наконецъ вотъ, кажется, и пришли къ желанной цѣли. Рѣчь идетъ о «дѣйствіи народности».

«При всѣхъ переворотахъ гражданственности, русской любилъ богатыя одежды и роскошь, гордился своимъ хлѣбосольствомъ и нѣгою. Любилъ травить звѣря и не боялся идти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тѣшился плясками и веселилъ себя пѣснями. Въ самомъ горѣ онъ услаждалъ себя ими: пѣвалъ почти безумолкно. И теперь онъ тотъ же самой: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у воротъ своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины,

дороги для его сердца, все сочувствуетъ съ нимъ, все ему знакомое. Голубое небо, усѣянныя поля душистыми цвѣтами, нѣжные плоды южныхъ жителей, не производятъ въ душѣ его столько сладкихъ воспоминаній, какъ сумрачный день, свистъ бури и снѣжныя долины; они напоминаютъ ему родное. Воздухъ морозной, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули,—и онъ здѣсь успокоится съ ними. Конечно, истлѣвать тѣлу вездѣ равно, но покоиться праху среди родныхъ, на своей родинѣ, усладительно для памяти: она не умираетъ, переходитъ по наслѣдству, по чувству безсмертія, и самой прахъ оживаетъ тогда!—И дикіе звѣри и хищныя птицы, знаютъ свое рожденіе, свое гнѣздо: берегутъ и защищаютъ его воплемъ, ревомъ и стономъ. А человѣкъ, царь природы, не постоитъ за свою родину! Это чудовище, а не гражданинъ, и произведшая его на свѣтъ, должна проклясть день рожденія! Нѣтъ въ мірѣ ни одной былинки, ни одного насѣкомаго, которое бы не любило свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнетъ и умретъ. Перенесите самое презрѣнное насѣкомое въ область ему чуждую, оно не перенесетъ потери своего отечества: и самое презрѣнное любитъ свою землю! Нѣтъ ничего въ природѣ, что̂ бы не дорожило своимъ собственнымъ, не любило бы и самыя странности, но только свои. Онѣ странны для тѣхъ, которые рождены съ каменнымъ сердцемъ, чугуннымъ разсудкомъ, ледянымъ умомъ. Но и самый ледъ, перенесенный въ теплую страну, таетъ,—онъ таетъ отъ любви къ своему сѣверу: разрушается и оставляетъ слезы. Все плачетъ, все рыдаетъ по своемъ родномъ, по своей жизни! Магнитъ устремляется на сѣверъ и указываетъ каждому: вотъ гдѣ мое отечество. Не разлучайте меня съ нимъ! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мнѣ любовь» (Т I. стр. 68—70.)....

«Никогда Русской не потерпитъ, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тотъ непримиримый ему врагъ, кто посягаетъ на его Православіе, — и горе супостату! Съ Православіемъ тѣсно связано отечество. Кто нападаетъ на его вѣру, тотъ нападаетъ на его отечество, потому прежде надобно истребить вѣру, чтобы, не говорю, уничтожить народъ, даже завладѣть имъ! Нашествіе французовъ въ 1812 г., никогда не могло быть достигнуто цѣли,—цѣли завоеванія Россіею, потому что они были враги Православной вѣры. Положимъ даже, что они могли бы имѣть торжество надъ ними, и повелѣвать имперіею! но, на долго ли?—Это торжество обрушилось бы къ погибели властелиновъ. Рано или поздно, но русскіе не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же татары господствовали надъ ними болѣе двухъ сотъ лѣтъ? Какъ мы терпѣли это?—Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъ личныхъ выгодъ; но религія была покровительствуема самыми угнетателями, для того только, чтобы усыпить насъ. Когда же укрѣпилась единодержавная

власть, тогда всѣ кончились крамолы. Доколѣ пребудетъ единство чувствъ и согласія, доколѣ благодѣтельное самодержавіе будетъ управлять нами;—дотолѣ никто не овладѣетъ Россіею! (Т. I. стр. 72 и 73).....

Мѣстная потребность, привязанность къ своей землѣ, есть физическая народность, а не нравственная. Нравственная народность выше всякаго могущества; она всегда неразлучна съ господствующимъ языкомъ; но у насъ имъ говорятъ по всѣмъ отдаленнымъ концамъ обширной монархіи.... Языкъ сближаетъ всѣхъ, плѣняя слухъ и народную гордость, но гдѣ говоритъ сердце или умъ, тамъ образцы вкуса и ума; гдѣ кипятъ страсти, тамъ унижается небесный даръ слова; гдѣ чистой пламень мыслей, тамъ присутствіе добраго генія, котораго вдохновеніе всѣ раздѣляемъ невольно: оживаемъ въ его дыханіи возносимся въ его пареніи,—и чье сердце можетъ быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова?—Даже простаго, обыкновеннаго, но давно неслыханнаго своего роднаго.... Звѣри узнаютъ другъ друга, въ страшномъ рыканіи, и не терзаютъ; птицы привѣтствуютъ птицъ, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; змѣи и гады ползутъ другъ къ другу на свистъ и шипѣніе, для насъ страшное,—но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вѣтьви: они говорятъ, перешептываются; цвѣточекъ склоняетъ свою головку къ другому, вмѣстѣ съ нимъ родившемуся, и своимъ колыбаніемъ выражаютъ взаимно тихую радость, какъ бы переговариваясь украдкой между собою. Языкъ природы разлитъ повсюду. И чувство его столь пламенное, столь, горячее, что оно двигаетъ самыми металами. Одинаковой металъ сродняется съ однороднымъ. Языкъ, таинственный узелъ народности, скрѣпляетъ еще болѣе людей между собою. (Т. I. стр. 76—78).

Авторъ очень вѣрно изобразилъ въ этихъ словахъ православіе, самодержавіе и народность, какъ тройственное основаніе русской жизни и быта. Но одно изъ этихъ основаній, народность, онъ больше характеризуетъ какъ чувство, слѣдовательно въ субъективномъ, а не реальномъ, объективномъ значеніи слова. Послѣ весьма внимательнаго чтенія, мы все-таки не могли себѣ уяснить, въ чемъ именно, по мнѣнію автора, заключается русская народность. Въ заключеніе, г. Терещенко говоритъ о способности русскихъ къ просвѣщенію, о сохраненіи народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ и уклоненіи отъ самобытности. Наклонность къ просвѣщенію доказываетъ авторъ бѣглымъ очеркомъ, хронологическимъ перечнемъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи,

извлеченіемъ изъ отчетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія о числѣ училищъ и учащихся съ 1832 года по настоящее время, наконецъ очеркомъ русской литературы со времени Ломоносова. Особенно интереснымъ показался намъ взглядъ на изящную литературу.

«Созданіе русской словесности, въ прямомъ смыслѣ, принадлежитъ Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началъ писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Кострова и Петрова слогъ возвысился. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзія. Здѣсь прославились Богдановичъ, Химницеръ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Княжнинъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, Измайловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и знатокъ изящнаго слога; Муравьевъ (Мих. Ник.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловъ, народный баснописецъ; Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Пушкинъ неподражаемый, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ, Востоковъ, Воейковъ, Веневитиновъ, Давыдовъ, бар. Дельвигъ, дѣвица Кульманъ, Граф. Ростопчина, кн. Баратынскій и др. — Гречъ, Булгаринъ и Сеньковскій, дали новое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ застарѣлыхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Даль,—прославившійся народными сказками,— всѣ они представили образцы сочиненій въ народномъ духѣ и жизни русской. Но гораздо сильнѣе и умилительнѣе излилось русское слово и чувство, въ сочиненіи Цыганова. Его народныя пѣсни трогательныя и поучительныя, увлекательныя и восхитительныя». (Т. 1. стр. 84 и 85).

О народныхъ пѣсняхъ и отношеніи къ нимъ теперешней литературы авторъ выражается весьма краснорѣчиво. Вотъ его мнѣніе:

«Весьма жаль, что многіе изъ нашихъ съ большими способностями литераторовъ, уклонялись отъ своей народности, замѣняли русскія выраженія иностранными, и подражали слѣпо чужеземному. Старинныя народныя и нынѣшнія пѣсни убѣждаютъ насъ, что можно писать безъ слѣпаго подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувствованій сохранились во многихъ нашихъ пѣсняхъ! Какой въ нихъ стройной звукъ, и какая невыразимая пріятность. въ оборотахъ и мысляхъ! Потому что все излито изъ сердца, безъ вымысла, натяжки, и раболѣпной переимчивости. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ; потому что все это наше русское, неподдѣльное; все проникнуто любовію къ родинѣ, отечеству. Народныя пѣсни суть драгоцѣнной памятникъ самобытной поэзіи нашей. Это

наша слава, безъ подражанія иноземной. — Конечно, пѣсни наши не вездѣ стройныя, но полныя страстей: печаль льется рѣкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадежность омываетъ слезами грудь, изсушиваетъ сердце и оно умираетъ безъ утѣшенія; любовь или тонетъ въ морѣ сладостныхъ упоеній, или погибаетъ безъ участія къ ней. Отвага, молодечество, радость, веселіе и забавы, воспѣваются безъ хитрыхъ затѣй, складываются въ простотѣ лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца». (Т. I. стр. 89 и 90).

Затѣмъ, приведя въ доказательство множество образцовъ русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ, авторъ въ трогательныхъ выраженіяхъ обнаруживаетъ желаніе, чтобъ наша литература обратилась, какъ онъ говоритъ, «къ своему собственному назначенію».

Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ: ни ни предметовъ, ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткѣ. Какихъ хотите народныхъ предметовъ?—Загляните въ отечественную исторію,—тамъ неисчетное число событій величественныхъ и печальныхъ, отрадныхъ и убійственныхъ, поучительныхъ и злодѣйскихъ. А гдѣ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе лѣса и бездонныя пропасти, воды и океаны, богатства южныхъ и горячихъ странъ, ужасъ природы отъ береговъ Ледовитаго моря до упоительной роскоши,—предметовъ безчисленное множество! Человѣкъ съ пламенной душею, возвышенной мыслію, чистымъ сердцемъ, съ жаромъ ко всему прекрасному, изящному и благородному найдетъ вездѣ себѣ пищу,—ему не надобно указывать.—Но можно ли найдти для предметовъ и красокъ, приличные обороты и мысли?—Не только приличные, но возвышенные и глубокіе. Это зависитъ отъ выбора предмета, который часто самъ воодушевляетъ, и отъ мѣста, поражающаго наши чувствованія, потрясающія душу и вызывающія такъ сказать, слова и мысли, на просторъ безпредѣльныхъ размышленій: тутъ онѣ стаями явятся, налетятъ на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижутъ его жемчужными словами и развернутся предъ вами бриллiантовою струей, въ ослѣпительномъ сіяніи. Рой звонкихъ выраженій и плачевныхъ отголосковъ, отзовутся въ оледѣнѣвшей душѣ, и сплетутъ съ лучезарной свѣточью мыслей, блестящія украшенія. Повѣрьте можно достигнуть украшеній, надобно умѣть чувствовать. Я уклонился отъ предмета, но онъ такъ близокъ къ нашему сердцу, что невольно увлекаетъ. (Ib. стр. 126 и 127).

«Пора уже намъ оставить чужеземные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слѣпо думать, что мы не въ состояніи создать собственнаго природнаго; что нашъ языкъ не замѣнитъ приторныхъ выраженій: comme c'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'st un ange! и т. п.—Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смѣетъ спорить съ нимъ? Кто будетъ столько невѣжливъ, чтобы осмѣлился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!!! Мущины не одарены нѣжнымъ свойствомъ судить ложно, и не всѣ они такъ пристрастны, какъ римскій императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскомъ языкѣ говорятъ съ Богомъ, па французскомъ съ друзьями, на нѣмецкомъ съ непріятелями, а на италіянскомъ съ женскимъ поломъ.—Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ, громокъ и живописенъ, силенъ и богатъ». (Т. I. стр. 128 и 129).

Объяснивъ, что русскій языкъ «не только существуетъ, но что онъ богатѣйшій въ мірѣ, послѣ аравійскаго» (стр. 130), авторъ благоразумно предостерегаетъ всѣхъ благомыслящихъ людей противъ двухъ, равно опасныхъ крайностей: излишняго пристрастія къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и къ книжному слогу.

«Мы знаемъ на опытѣ, что въ образованномъ обществѣ говорятъ нарѣчіемъ правильнымъ и очищеннымъ. Это доказываетъ, что эти люди изучивали его свойство, силу и духъ, что они знаютъ, гдѣ надобно избѣгать не свойственныхъ выраженій, приличныхъ одному какому-нибудь мѣсту, городу или деревнѣ; что они сами признаютъ тотъ правильнымъ языкъ, который освобожденъ отъ мѣстныхъ привычекъ. Смѣшно было бы, еслибы кто сталъ изъясняться книжными словами. Были примѣры, что многія изъ прекраснаго пола, говорили цѣлыми статьями изъ какого-нибудь любимаго ими романа или повѣсти, написанной, правда, увлекательно,—но это обнаруживаетъ явное незнаніе языка, слѣпой вкусъ и тщеславное желаніе блеснуть чужими оборотами выраженій, которыя весьма кстати были сказаны писателями; но изуродованы легкомысленными подражателями». (Т. I. стр. 135 и 136).

Эта истина блистательно подтверждается примѣромъ одного именитаго купца (вѣроятно короткаго знакомаго г. Терещенки), который, какъ видно, въ самомъ дѣлѣ довелъ злоупотребленіе книжнаго языка до крайности.

«Одинъ именитый купецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ свой разговоръ краснорѣчиво, затвердивъ напередъ тьму украшеній, коихъ непонимаетъ онъ силы; продолжаетъ разговоръ съ жаромъ пылкаго и дарови-

таго витія. Его слушаютъ и не понимаютъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго ораторства, для него самаго, онъ оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, что у него продается лучшій табакъ, или: ради того чего иного, совокупнаго — совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго компанства,—табакъ дешево продаю, и самый лучшій-съ, право-съ, да-съ». (Т. I. стр. 136, въ вын.).

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій г. Терещенко выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Любовь къ собственному счастію, раждаетъ любовь къ своему отечеству; благородное честолюбіе каждаго, народную гордость. — Народная гордость не можетъ существовать, безъ сознанія собственнаго достоинства; слава народа не можетъ проявляться безъ любви къ отечеству. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тотъ не можетъ питать любви ни къ чему родному. Кто не знаетъ, что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію царства; тотъ только можетъ быть всемирнымъ гражданиномъ. Божественный свѣтъ религіи, скрѣпляетъ всѣ общественныя связи, а народность утверждаетъ въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ человѣка съ Богомъ; внутреннее, неизглаголанное чувство съ Небомъ: она выше всего земнаго, выше всѣхъ мудрыхъ законовъ; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ея жизни, невидимая связь соотечественниковъ, сближеніе ея съ одними чувствами, съ одними мыслями, и она вездѣ дѣйствуетъ на землѣ съ самоотверженіемъ, какъ дѣйствовала прежде,—слѣдовательно: народность, есть выраженіе любви къ отечеству.—Но какимъ образомъ можно пріобрѣсть народность? Странной вопросъ! какъ будто-бы народное чувство можно купить, какъ сребролюбивое сердце. Но тотъ, которой продаетъ себя, продаетъ себя всѣмъ безотчетно.—Какъ же мы можемъ понять народность, и гдѣ можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важной, но отвѣтъ написанъ въ сердцѣ каждаго русскаго: въ воспитаніи народномъ». (Т. I. стр. 140—142).

Итакъ, всѣ пространныя разсужденія, историческія и статистическія изслѣдованія, которыми наполнена первая глава, привели автора къ тому окончательному результату, что «народность есть выраженіе любви къ отечеству». Мы совершенно согласны, что любовь къ отечеству есть чувство, если можно такъ выразиться, посредственное сознаніе народности; но она все же не есть сама народность. Въ чемъ же состоитъ русская народность, что она такое—этого вопроса авторъ не

разрѣшилъ. Къ чему же вся глава? Какъ ни справедливы положенія автора, какъ ни роскошенъ и краснорѣчивъ его слогъ—не стоило расточать столько глубокомыслія и таланта, чтобъ доказать, что въ любви къ отечеству выражается чувство народности. Эта истина сама по себѣ такъ очивидна и проста, что ее нечего доказывать; довольно прочесть ее въ эпиграфѣ.

Вторая глава посвящена жилищамъ русскаго народа. Предметъ любопытный! Мы прочли эту главу съ большимъ вниманіемъ, надѣясь въ ней найдти подробное описаніе крестьянскаго двора, со всѣми его строеніями, клѣтями, сараями, и т. д. и съ мѣстными названіями разныхъ принадлежностей и частей крестьянскаго жилья. Какую важную услугу оказалъ бы г. Терещенко русской археологіи такимъ описаніемъ! Сколько темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ прояснилось бы разомъ! Но мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ. Авторъ взглянулъ на предметъ иначе, нежели мы. Вмѣсто того, чтобъ обратиться къ настоящему и съ его помощью допросить потомъ памятники старины, онъ, напротивъ, углубился въ старину, а о теперешнемъ говоритъ весьма мало, почти ничего. Глава начинается общими разсужденіями о превосходствѣ европейскаго климата передъ климатомъ прочихъ частей свѣта, со всѣмъ не кстати, не умѣста. Повторяются давно извѣстныя древнѣйшія географическія свѣдѣнія о теперешней Россіи. Мы ихъ называемъ давно извѣстными, потому что авторъ выписываетъ ихъ, кажется, изъ Карамзина, и съ новыми изслѣдованіями мало знакомъ или незнакомъ вовсе. Общія мѣста о томъ, что Славяне жили сперва въ лѣсахъ и пещерахъ, потомъ стали строить хижины—все это разумѣется есть. Собственно археологическая часть предмета обработана тщательно. Множество данныхъ о разныхъ жилыхъ строеніяхъ древней Руси собраны авторомъ изъ лѣтописей и иностранныхъ писателей (съ которыми,

сколько мы могли замѣтить, онъ хорошо знакомъ) и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Трудъ конечно полезный; но мы не думаемъ, чтобъ онъ могъ повести къ важнымъ результатамъ, пока во всей подробности не будетъ описано теперешнее крестьянское жилье, ибо многое заставляетъ предполагать, что въ старину крестьянскій домъ и каменныя палаты боярина различались только убранствомъ, числомъ покоевъ, а не внутреннимъ расположеніемъ жилья; слѣдовательно, въ устройствѣ теперешней избы съ ея принадлежностями должно искать объясненія отрывочныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ извѣстій о древнихъ зданіяхъ. Тутъ же, не знаемъ зачѣмъ, г. Терещенко говоритъ о пожарахъ, частыхъ въ древности, и разрушавшихъ цѣлые города; о пожарной полиціи, которой первые слѣды открываетъ уже въ XV вѣкѣ, и краснорѣчиво описываетъ дѣйствіе петербургской пожарной команды.

«Ни одна изъ пожарныхъ стражей, быть можетъ во всей Европѣ, сколько мнѣ не случалось ее тамъ видѣть, не поступаетъ съ такимъ самоотверженіемъ, какъ петербургская. Ужасъ обнимаетъ, когда смотришь на дѣйствующихъ во время пожара. Сквозь пламень и адъ огня, пожарный служитель взлетаетъ безстрашно на крайнюю высоту зданія: онъ — горитъ! — но онъ не заботится объ этомъ: ему надобно спасать несчастныхъ. Испепеляющій жаръ, дымъ столбомъ, огненное облако искръ, обхватываютъ его — онъ погибъ! нѣтъ, онъ спасаетъ: на своихъ плечахъ онъ выноситъ ребенка, или дряхлаго старца, передаетъ другому, и вновь летитъ спасать, не думая ни о себѣ, ни о своемъ семействѣ! Товарищи его, обожженные и обгорѣлые, отуманенные удушливыми облаками дыма и обхватываемые огнемъ, — носятъ смерть въ своей груди, но они ничего не видятъ, кромѣ своей обязанности. — Иные, держась одной рукою на лѣстницѣ и часто вися на воздухѣ, схватываютъ другою остатки имущества несчастнаго; другіе, не зная смерти, кромѣ смерти другихъ, устремляются на огненный костеръ и вырываютъ изъ его вулканическихъ челюстей вопіющихъ о спасеніи! Вотъ уже валятся бревна, разсыпается домъ съ ужаснымъ громомъ, ничто не сопротивляется сокрушительной силѣ. Но одинъ противится русской! Онъ дѣйствуетъ безтрепетно, идетъ на встрѣчу смерти, и если падаетъ подъ грудою развалинъ; то умираетъ съ благороднѣйшимъ самопожертвованіемъ, свойственнымъ русскому».

Въ этой главѣ находимъ далѣе кое-что о строительномъ уставѣ и теперешнихъ строеніяхъ; о куреняхъ, мазанкахъ, хатахъ, о числѣ домовъ въ Россіи, объ улучшеніи городовъ; изчисляется, сколько въ городѣ фабрикъ, лавокъ, трактировъ, питейныхъ домовъ и рабочихъ людей. Очевидно, авторъ не уяснилъ себѣ задачи: говоритъ о томъ, что̀ нейдетъ къ дѣлу, не упоминаетъ о главномъ, существенномъ. Впрочемъ это отличительная черта всего сочиненія: оно колеблется между статистикой и бытоописаніемъ, археологическимъ изслѣдованіемъ и курсомъ краснорѣчія и нравственности, но ни одному изъ этихъ назначеній не удовлетворяетъ вполнѣ. А все оттого, что планъ неопредѣленъ! Кромѣ того, мы замѣтили во второй главѣ нѣсколько ошибокъ; такъ въ 1 примѣчаніи на 153 стр. сказано, что церкви назывались у насъ ропатами. Но такъ назывались только иновѣрческія, а не православныя. На стр. 188 авторъ говоритъ, что зарубки, которыми связываются четыре бревна въ рубленыхъ строеніяхъ, называются вѣнцами. Но вѣнцемъ называются весь четырехъ-угольникъ изъ бревенъ, связанный такими зарубками. На 191 стр. читаемъ: «Между куренями возвышались насыпи или курганы, которые ничто иное были, какъ сторожевые; по нимъ давали знать о движеніи непріятелей или хищническихъ набѣгахъ,—но въ ихъ курганахъ никакихъ не открывали сокровищъ, потому что они служили маяками». Это мнѣніе совершенно опровергается новѣйшими изслѣдованіями о курганахъ; они могли служить для сторожей, но происхожденія ихъ нельзя этимъ объяснить, и, сколько можно заключать уже теперь, всѣ они восходятъ къ глубочайшей древности и суть могилы.

Третья глава посвящена домоводству. Что̀ должно составлять ея предметъ? По нашему мнѣнію, подробное и по возможно большему числу губерній составленное описаніе домашняго и полеваго хозяйства крестьянской семьи; изчисленіе

домашней крестьянской утвари, земледѣльческихъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ обыкновенномъ домашнемъ крестьянскомъ быту, съ ихъ мѣстными названіями; обзоръ крестьянскаго будничнаго дня въ разныя времена года, занятій по хозяйству отъ утра до вечера; подробное описаніе, какъ крестьянская семья воздѣлываетъ землю, кормитъ и содержитъ лошадей, домашній скотъ и птицу; какія наблюдаются при этомъ примѣты, суевѣрные обряды, и т. д. Вотъ статья о домоводствѣ въ сочиненіи: «Бытъ Русскаго народа». Что̀ жь мы находимъ вмѣсто того? описаніе кушаній и питей, старинныхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ, введенныхъ въ Россію. Кромѣ того о табакѣ, курительномъ и нюхательномъ. И только. Конечно и это могло бы войдти въ обозрѣніе домоводства, но какъ только это наполнило всю главу о домоводствѣ—не можемъ понять. Забавно, что даже въ описаніи пищи, питья и табаку авторъ не удерживается въ границахъ простого, историческаго повѣствованія, а поучаетъ. Вотъ нѣкоторыя назиданія. Они курьёзны.

«Нѣтъ досаднѣе смотрѣть, какъ женщины предаются нюханію, особенно если видишь *красавицу*, окруженную роемъ *поклонниковъ, и созданную для однихъ поцѣлуевъ*. Буало хорошо выразился на этотъ счетъ:

Et fait à ses amants, trop faibles d'estomac,
Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.

«Нѣтъ непріятнѣе смотрѣть на пожилую женщину, когда ноздри ея покрыты табакомъ, но нѣтъ отвратительнѣе видѣть старика, когда онъ поминутно набиваетъ свой носъ, пачкаетъ вокругъ себя и самаго себя: свою одежду, свой ротъ и къ довершенію течетъ изъ носа по губамъ въ ротъ,—часто капаетъ еще. Одинъ этотъ гнусный видъ, не убѣждаетъ ли, что это происходитъ отъ разстроенныхъ уже нервовъ, по этому нюхать табакъ: не вредно ли?» (Т. I. стр. 298 и 299).

«За границей менѣе его пьютъ (кофе) нежели у насъ, и напрасно думаютъ, что нѣмки страстныя охотницы. Я видѣлъ, что онѣ пьютъ мало и не крѣпкій, но причинѣ пламенныхъ воодушевленій къ нѣжностямъ». (Ib. стр. 279).

Особенно краснорѣчиво ораторствуетъ г. Терещенко противъ пьянства. Прочтите: это громъ и молнія.

«Между простымъ народомъ водка до такой степени въ употребленіи, что объ ней заботятся едва ли не болѣе, нежели о самой пищѣ,—даже послѣднее несутъ въ питейный домъ. Есть особо записные пьяницы, которые всю свою жизнь проводятъ въ кабакахъ. Цѣловальники нарочно заманиваютъ таковыхъ, и поятъ ихъ ежедневно безденежно. Обязанность записныхъ пьяницъ состоитъ въ томъ, чтобы завлекать сюда всѣхъ проходящихъ, и поселять въ нихъ страсть къ невоздержной жизни. Получая даромъ каждодневно, четыре чарки водки, они являются поутру, предъ обѣдомъ, предъ полудникомъ и ввечеру, и стараются заводить ссору или драку съ гуляющими. Цѣловальникъ же, пользуясь этимъ случаемъ, грозитъ имъ полицейскимъ усмиреніемъ. Тогда поссорившіеся прибѣгай къ мировой: требуютъ штофъ водки, за этимъ другой и т. д. Вмѣсто того, чтобы поссорившійся выпилъ самъ себѣ, двѣ или три чарки, онъ выпиваетъ уже нѣсколько штофовъ, и поитъ записнаго пьяницу, который гуляетъ въ чужомъ похмѣльи,—а цѣловальникъ тогда безжалостно обманываетъ пьющихъ: общитываетъ и нащитываетъ на нихъ.—Если записной пьяница, не можетъ поссорить кого-либо; то онъ пьетъ изъ десятой чарки. Пьющіе, допивая девятую чарку, подносятъ десятую записному пьяницѣ, который сторожитъ свою добычу,—какъ *сѣрый* (?) котъ. Если бы пьющіе не поднесли ему десятой чарки, то онъ самъ вырываетъ изъ ихъ рукъ. Удовольствіе отъ опьяненія такъ сильное, что оно губитъ каждаго. Сначало оно пріятно возбуждающее, потомъ производитъ ослабленіе тѣла, а наконецъ умственныхъ силъ, и пьяница обращается тогда въ полусумасшедшаго: онъ пьетъ до нельзя, и разсудокъ его помрачается. Такой человѣкъ... на что не можетъ рѣшится? Благосостояніе гражданъ ему не понятно... потому что благоразумные граждане, чуждаются его. Чѣмъ болѣе пьющихъ, тѣмъ они вреднѣе; сердце у нихъ черствѣетъ и развращается, совѣсть не пробуждается... Надобно имѣть необыкновенную силу собственнаго убѣжденія, чтобы вырваться изъ оковъ продолжительнаго безумія: потому что вліяніе винныхъ спиртовъ, столь же враждебное, сколько злоба *адскаго духа, противу счастія смертныхъ*. Большую часть преступленій, должно приписать пьянству».

Предоставляемъ знатокамъ дѣла разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли, какъ утверждаетъ г. Терещенко, «въ продолженіи существованія цѣлаго поколѣнія, теряется во всемъ государствѣ отъ пьянства, деньгами и временемъ 245,755,623,189 р.». (стр. 227); дѣйствительно ли открытіемъ свекловичнаго сахара мы обязаны тому, что французскія колоніи, возвращенныя во время реставраціи своей метрополіи и подчинившись снова ея управленію, устремили всѣ свои усилія о воспреще-

нія ввоза во Францію иностраннаго сахара» (стр. 269). Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что недурно сдѣлалъ бы авторъ, доказавъ существованіе въ Россіи сахарныхъ фабрикъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 271) и распространеніе мѣльницъ въ XIV (стр. 209). Сказать только—мало. Не понимаемъ, потомъ, какимъ образомъ въ концѣ XVIII вѣка пироги, хлѣбы и сладкія кушанья могли доставлятьcя въ Петербургъ изъ Парижа въ шесть дней (стр. 174); это и теперь невозможно.

Въ археологическомъ отношеніи статья о домоводствѣ, какъ и предыдущая, имѣетъ свои достоинства. Но, сколько мы могли замѣтить, авторъ не воспользовался всѣми древними источниками; напримѣръ каталогъ русскихъ явствъ и питей XVII вѣка у него весьма неполонъ.

Наряды занимаютъ четвертую главу. Не правильнѣй ли назвать ихъ одеждами? Между тѣмъ и другимъ есть разница. Какъ бы то ни было, существенные недостатки этой главы опять тѣ же: авторъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія только о старинной русской одеждѣ, заимствуя ихъ отвсюду. Жаль, что онъ не составилъ подробнаго реэстра и описанія старинныхъ матерій, изъ которыхъ она дѣлалась; въ археологическомъ изслѣдованіи это необходимо; притомъ предметъ труденъ и не разъясненъ. О теперешней одеждѣ простолюдина почти ничего не сказано: повторены, безъ всякой нужды, однѣ общеизвѣстныя вещи. Это замѣтный пробѣлъ въ книгѣ. Сколько мы знаемъ, авторъ много путешествовалъ по Россіи и хорошо знакомъ съ обычаями и нравами крестьянъ. Отчего бы не сообщить читателямъ наблюденія и замѣтки объ особенностяхъ въ крестьянскихъ одеждахъ, особливо женскихъ, по разнымъ мѣстамъ? Съ каждымъ днемъ древніе наряды, головныя украшенія изчезаютъ. Сохранить ихъ для будущихъ изслѣдованій— великая заслуга, и во всякомъ случаѣ стóитъ хронологической выборки извѣстій изъ письменныхъ памятниковъ. Какіе важ-

ные и богатые матеріалы для древнѣйшей исторіи и этнографіи доставилъ бы такой трудъ, исполненный добросовѣстно и подробно.

Въ пятой главѣ, подъ заглавіемъ: образъ жизни, говорится о всякой всячинѣ, относящейся къ разнымъ главамъ и частямъ. Оно и понятно. Образъ жизни—выраженіе такое неопредѣленное, что подъ него и подходитъ и не подходитъ все, что хотите. Независимо отъ этого, въ числѣ множества общихъ мѣстъ, ничего не говорящихъ, отчасти доказывающихъ, что авторъ не довольно вникнулъ въ историческое происхожденіе и образованіе нашихъ обычаевъ и нравовъ, попадаются и любопытныя замѣтки. Укажемъ на нѣкоторыя.

Мнѣніе, будто бы мужъ побоями доказываетъ женѣ свою любовь, такъ что она печалится, если мужъ ее не билъ, видя въ этомъ признакъ холодности,—это странное мнѣніе заслуживаетъ ли вѣроятія?

«Я однажды слыхалъ—говоритъ авторъ—жаловавшуюся жену на своего мужа,—что онъ не любитъ ее. Когда я спросилъ ее: отчего она такъ думаетъ?—тогда она отвѣчала мнѣ, что онъ ее ни разу не билъ.—Да развѣ въ этомъ любовь? «Э, батюшка, жена не вѣдаетъ любви мужней безъ битья. Чѣмъ крѣпче и почаще побиваетъ мужинекъ, тѣмъ-то жена боится мужа и холитъ его. Бабій волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Не потрепли ея косыньки, не оставь синева на плечикахъ и щекахъ румяныхъ, и что за любовь»!—Случилось еще видѣть, что мужъ билъ свою жену и весьма жестоко. Когда я замѣтилъ, что онъ поступаетъ съ ней безчеловѣчно, тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: «нѣтъ, батюшка, это ужь такая наша поведенція. Не бей жену, она ругается: ты меня не любишь.—Если любишъ, то бей меня»! Во время сердечныхъ побоевъ, жена не плачетъ и не кричитъ, она переноситъ терпѣливо, и этимъ еще гордится между своими пріятельницами». (Т. I. стр. 416, вторая вып.)

По скорому изчезанію этого и множества другихъ подобныхъ обычаевъ уже можно судить, какъ мы быстро идемъ впередъ. Теперь доказывать женѣ любовь побоями—уже преданіе и въ простомъ народѣ. А еще самъ авторъ былъ свидѣтелемъ побоевъ въ знакъ любви! Впрочемъ такое понятіе весьма замѣ-

чательно и характеристично. Оно тѣсно связано съ нашимъ древнѣйшимъ родовымъ бытомъ, а не заимствовано отъ Татаръ, какъ утвердительно говоритъ г. Терещенко (стр. 417). Ниже, въ разборѣ свадебныхъ обрядовъ, мы еще къ нему возвратимся.

Извѣстно, что русскія женщины и дѣвицы вели въ старину затворническую жизнь и не могли, не нарушая приличія, выходить не только къ гостямъ, даже къ родственникамъ и братьямъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ этотъ уставъ однако нарушался. Вотъ какъ описываетъ г. Терещенко появленіе жены и дочерей хозяина къ гостямъ. Его разсказъ заимствованъ изъ иностранныхъ путешественниковъ.

«Было великимъ праздникомъ для женскаго пола, когда мужья, изъ уваженія къ почетнымъ гостямъ, дозволяли своимъ женамъ приходить послѣ обѣда въ столовую, и подносить каждому гостю по чаркѣ вина, за что отъ каждаго онѣ получали поцѣлуй. Когда же выходило нѣсколько женъ къ гостямъ, еще до обѣда, когда гости становились у дверей: жены привѣтствовали ихъ небольшимъ наклоненіемъ головы (это называлось *малымъ обычаемъ*), а гости кланялись имъ въ землю *(большимъ обычаемъ)*. Хозяинъ, кланяясь въ землю гостямъ, билъ имъ челомъ: чтобы они *изволили цѣловать* его жену; но гости просили его, чтобы онъ цѣловалъ прежде. Потомъ гости, одинъ за другимъ, кланялись женамъ до земли, подходили и цѣловали каждую въ губы: поцѣловавъ же, отступали на нѣсколько шаговъ назадъ и опять кланялись въ землю; поцѣлованная благодарила каждаго наклоненіемъ головы. Затѣмъ жена хозяина подносила гостямъ по чаркѣ двойнаго или тройнаго зеленчика; чарка бывала мѣрою въ четверть кварты. Хозяинъ между тѣмъ упрашивалъ гостей, чтобъ они *изволили пить* вино изъ рукъ его жены, но по прошенію гостей, хозяинъ приказывалъ выкушать женѣ, послѣ пилъ самъ, а наконецъ подносили гостямъ. Предъ питьемъ и послѣ питья, каждый гость, отдавая чарку, кланялся въ землю. Кто не пилъ водки, тому подносили кубокъ романеи или ренского. Обнесши кругомъ, хозяйка раскланивалась и шла въ покои своихъ гостей (?). — Женскій полъ никогда не обѣдывалъ вмѣстѣ съ мужескимъ, исключая близкихъ родственниковъ и свадебъ. За обѣдами пили, послѣ каждаго кушанья, по чаркѣ водки, романеи, ренского, пива поддѣльнаго, простаго и разныхъ медовъ. Когда подавали на столъ круглые пироги, тогда выходили невѣстки и замужнія дочери или жены ближайшихъ родственниковъ; гости же, вставъ изъ-за стола, становились у дверей и кланялись

[illegible]

[illegible] хозяйки [illegible] по [illegible] съ [illegible] въ

[illegible]

[illegible] на [illegible] за [illegible] По [illegible]

открылъ, по своей рѣзвости, дверь въ пріемной прежде выхода особъ и этимъ обнаружилъ потаенное ея убѣжище.

Спустя нѣсколько времени, Царь совершалъ съ нею набожное путешествіе въ Троицко-Сергіевскій монастырь: она тогда ѣхала въ открытой колымагѣ, чтобы всѣ ее видѣли; но народъ, пораженной этимъ поѣздомъ, потупилъ глаза въ землю и не смѣлъ смотрѣть на нее. При въѣздѣ польскихъ пословъ въ Москву (1678 г.), были зрителями уже многія постороннія дѣвицы. Эти примѣры дали поводъ Царевнѣ Софіи обходиться съ мущинами вольно· не закрывая лица и не скрываясь отъ людей. Она не только разговаривала открыто съ сановниками, но назначала аудіенціи иностраннымъ посламъ; выходила къ народу и стрѣльцамъ, принимала лично челобитни и сама судила. Быстрый переходъ отъ затворничества къ свѣтскости не нравился закоренѣлымъ старообычникамъ, но они сами нечувствительно перенимали нововведенія, а народъ постепенно привыкалъ къ нимъ. Во время въѣзда цесарскихъ уполномоченныхъ (1698 г.), уже никому не казалось страннымъ, что Царица и Царевны, стоя у растворенныхъ оконъ, смотрѣли на пышный посольскій въѣздъ. Петръ I, спустя послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ, угощалъ многихъ иностранныхъ министровъ въ домѣ своего любимца Лефорта, и заключилъ угощеніе великолѣпнымъ баломъ. Въ то время Царевна Наталія и многія придворныя дамы, находились подлѣ танцовальной залы и смотрѣли сквозь полуоткрытый занавѣсъ». (Т. I. стр. 445 и 446)

Весьма любопытно также описаніе первыхъ *каруселей*, введенныхъ у насъ Екатериной II.

«Каррусель представленъ у насъ въ первый разъ въ присутствіи Екатерины II, на площад(и)ѣ зимняго дворца (въ 1766 г. іюня 16). Распорядитель каррусели былъ кн. П. И. Репнинъ, а церемоніймейстеромъ кн. П. А. Голицынъ, отъ коего были розданы билеты всѣмъ желавшимъ видѣть рыцарское представленіе. Каррусель состоялъ изъ 4 кадрилей: 1 славянскаго, коимъ предводительствовалъ Гр. И. П. Салтыковъ; 2. римского, имъ предводительствовалъ генералъ-фельдцейхмейстеръ гр. Г. Г. Орловъ; 3. индѣйскаго, подъ начальствомъ кн. П. И. Репнина, и 4. турецкаго, подъ начальствомъ гр. А. Г. Орлова. — Въ день представленія, въ два часа по полудни, былъ данъ пушечный сигналъ съ крѣпости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные дѣйствовать въ кадрил(и)ѣ, собирались въ назначенныя мѣста. Славянскій и римскій собирались на царицыномъ лугу въ шатрахъ, а турецкій и индѣйскій въ малой морской въ своихъ шатрахъ. Ничего не щадили для пышности.—Двѣ богатыя ложи были устроены предъ зимнимъ дворцемъ на концѣ цирка: одна для Императрицы, а другая для Наслѣдника престола. Посреди цирка стоялъ тронъ, на коемъ сидѣлъ главный судья бойцевъ; его ок-

ружали 40 офицеровъ, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четыремъ угламъ цирка играли трубачи и музыка. Вокругъ амфитеатра были устроены мѣста для зрителей. По прибытіи Государыни на свое мѣсто, началось шествіе кадрилей. Славянскій и римскій, шли изъ царицына луга по большой милліонной, а индѣйскій и турецкій по малой морской; каждый кадриль проходилъ чрезъ свои тріумфальные ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стеченіе зрителей было чрезвычайное. Участвовавшіе въ каррусели были въ пышныхъ одѣяніяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и драгоцѣнностями. Дамы ѣхали на колесницахъ, коими управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатыхъ лошадяхъ; всѣ они остановились предъ своими судьями, коихъ было 12, а главнымъ восьмидесятилѣтній старецъ фельдмаршалъ гр. Минихъ.—По данному знаку съ сѣдалища главнаго судьи, трубнымъ звукомъ, начался бѣгъ на колесницахъ, а потомъ на лошадяхъ. Офецеры, занимавшіе мѣста секретарей, записывали по указанію судьи отличившихся. По окончаніи бѣга главный судья съ прочими 12 судьями, и всѣ участвовавшіе, выступили изъ амфитеатра и отправились стройными рядами въ залу лѣтняго дворца, для разбиранія и назначенія наградъ. Императрица встрѣтила ихъ на крыльцѣ. Когда всѣ прибыли въ залу, тогда вынесли на золотыхъ подносахъ награды, а главный судья, ставъ по срединѣ своихъ судей, произнесъ: «Знаменитыя дамы и кавалеры!—Извѣстно вамъ, что ни одинъ не проходилъ день, въ который бы наша Императрица не прилагала материнскихъ попеченій о славѣ своей Имперіи, благоденствіи ея всѣхъ подданныхъ и возвышеніи знаменитаго дворянства. Безпримѣрная въ исторіи Монархиня избрала этотъ безсмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успѣхами оружія. Кто не раздѣлитъ со мною чувство удивленія къ повелительницѣ нашей, которая, со свойственною ей проницательностію и нѣжностію матери, назначила каррусель, чтобы видѣть въ немъ отличія знаменитаго дворянства. Дамы и кавалеры! съ высокимъ рожденіемъ вашимъ неразлучны возвышенныя достоинства: они служатъ вѣрнымъ залогомъ вашихъ побѣдъ, милостей нашей Императрицы, благосклонности Наслѣдника престола и всеобщихъ похвалъ». Потомъ, обратясь къ меньшой дочер(и)ѣ гр. П. Г. Чернышева, Наталіи Петровнѣ, сказалъ: «Графиня!—Императрица уполномочила меня вручить вамъ первую награду. Позвольте мнѣ поздравить васъ съ этимъ высокимъ отличіемъ, и съ тѣмъ правомъ, какое предоставлено вамъ раздавать всѣмъ дамамъ и кавалерамъ остальныя награды. Я, покрытый сѣдинами шестидесятипятилѣтней, службы, старѣйшій воинъ въ Европѣ, водившій много разъ русскихъ героевъ къ побѣдамъ, я считаю единственной себѣ наградой, что былъ свидѣтелемъ и судьею вашихъ блистательныхъ доблестей».—Послѣ этого привѣтствія, онъ вручилъ ей богатыя брилліантовыя пукли.—Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. фрейлинѣ Ан. Вас. Паниной, золотую табакерку съ брилліантами. 2. гр. Ек. Ал. Бутурлиной, брилліантовый перстень. 3. кн. Ив.

Ан. Шаховскому, бриллiантовую петлицу и бриллiантовую пуговицу на шляпу. 4. полк. Ребиндеру трость съ бриллiантовой головкой. 5. гр. фонъ-Штейнбоку бриллiантовый перстень.—Возницамъ, за ихъ искусное управленiе: 1. поручику конной гвардiи фонъ-Ферзину, золотую записную книжку съ финифтью; 2. секундъ-ротмистру конной гвардiи Щепотьеву, золотую табакерку съ финифтью; 3. каммергеру гр. Дм. М. Матюшкину, золотую готовальню съ финифтью.—Потомъ читанъ былъ приговоръ, подписанный главнымъ и 12 судьями, а именно: 1 фельдмаршаломъ гр. Бутурлинымъ; 2. оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ; 3. генералъ-аншефами: кн. Голицынымъ. 4. Глѣбовымъ. 5. гр. Чернышевымъ. 6. Панинымъ 7. Олицемъ. 8. генералъ-поручиками: Веймарномъ. 9. Бергомъ. 10. Дицемъ. 11. Бибиковымъ и 12. маiоромъ конной гвардiи кн. Голицынымъ. Приговоръ былъ слѣдующаго содержанiя: «Ничто не можетъ быть такъ лестно для рожденныхъ отъ благородной крови, какъ предъ лицемъ Монархини и многочисленныхъ зрителей, отличиться искусствомъ въ бѣганiи, заслужить всеобщую похвалу и награду. Изъ исторiи храбрыхъ народовъ извѣстно, что они удержали въ мирное время военныя забавы, чтобы не заразиться праздностiю. Эти забавы воспламеняютъ похвальное стремленiе къ битвамъ, возвышаютъ душу и укрѣпляютъ тѣло, и съ тѣмъ вмѣстѣ открываютъ путь къ геройскимъ подвигамъ. Наша Монархиня, возвеличенная во всемъ свѣтѣ своимъ миролюбiемъ, исполнена истиннымъ геройскимъ духомъ. Она, воодушевляя сердца храбростiю, желаетъ заблаговременно прiучить самую мысль къ воинственнымъ доблестямъ, чтобы, при необходимости ополченiя за вѣру, отечество и престолъ, умѣли поражать враговъ. Каррусель есть школа для воиновъ: онъ, соединяя прiятное съ полезнымъ, доставилъ нынѣ дорогой случай къ отличiямъ и прекрасному полу.—Мы ожидали, что въ этомъ каррусели прiимутъ участiе прiѣзжiе иноземцы, изъ дальнихъ предѣловъ царствъ, чтобы показать свое искусство; но они не явились,—хотя еще въ прошедшемъ году было объ этомъ объявлено,—не явились безъ сомнѣнiя потому, что не надѣялись восторжествовать надъ нами. Отличившiеся въ бѣгу достойно почтены наградами и мы поименовали ихъ безпристрастно». За этимъ слѣдовали имена награжденныхъ подарками. По прочтенiи приговора, Императрица угощала участвовавшихъ въ каррусели—обѣденнымъ столомъ, за коимъ играла духовая и инструментальная музыка. Послѣ обѣда начался маскированный балъ, который продолжался до пятаго часа утра. Этимъ заключился первый каррусель. Вторый, возобновленный чрезъ нѣсколько недѣль, происходилъ въ томъ же самомъ порядкѣ, предъ зимнимъ дворцемъ (iюл. 11), и первую награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальныя: 1. фрейлинамъ: Елизав. Ник. Чеглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. каммергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но какъ между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный

судья не зналъ, кому изъ нихъ отдать первенство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и награду, потому положено было рѣшить соперничество взаимнымъ ратоборствомъ. На другой день явились графы Орловы въ броняхъ, и съ прежнимъ пышнымъ шествіемъ кадрилей. По данному знаку трубою они оба начали бѣгать съ такою стремительностію, искусствомъ и ловкостію, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдалъ преимущество Григ. Григор. Орлову, поднесъ присужденную ему награду, и другую тайно заготовленную, по собственному его распоряженію, лавровую вѣтвь.—Это всѣхъ изумило.—Дамы подносили ему букеты цвѣтовъ, поздравляли его съ побѣдою, и потомъ съ торжествомъ проводили его въ театръ, въ которомъ давали тогда оперу Дидона. Государыня и весь дворъ, бывъ свидѣтелями торжества Орлова, присутствовали въ театрѣ. Тутъ встрѣтило его рукоплесканіе и оно раздавалось безпрерывно. Гр. Алексѣя Григорьевича почтили одними лестными адресами». (Ib. стр. 453—459).

Нельзя наконецъ не обратить вниманіе на то, какими глазами смотрѣли наши предки на сценическое искусство и музыку.

«Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года сказано о комическихъ играхъ: «тѣшили Великого Государя какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева», далѣе: «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ и на инструменты и танцовали», далѣе: «тѣшили Великаго Государя за заговѣнье нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ и фіолахъ и на инструментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными». Народъ смотрѣлъ на это съ изумленіемъ. Онъ долго никакъ не могъ вѣрить, чтобы все это дѣлалось людьми: онъ думалъ, что нечистый духъ вселился въ нихъ и забавлялся зрителями. Многіе изъ простолюдиновъ боялись говорить съ актерами, полагая, что въ нихъ поселился дьяволъ; не смѣли ѣсть изъ одной съ ними чаши, почитая оскверненнымъ; хлѣбъ, одежду и деньги неиначе принимали отъ нихъ, какъ по прочтеніи молитвы; избѣгали всякаго сообщества съ играющими на театрѣ, даже чуждались самихъ зрителей; душу актеровъ считали погибшею. Такое мнѣніе въ народѣ господствовало долго, до начала XIX вѣка. Тѣла актеровъ часто не предавали погребенію, считая ихъ за богохульниковъ и за людей живущихъ, въ дружбѣ съ чертями. (Т. I. стр. 460 и 461).

«Селившіеся у насъ Нѣмцы, вводили постепенно разнообразные инструменты. Духовенство осуждало русскихъ, прилѣплявшихся къ музыкѣ, и оно запрещало имъ веселиться ею. Патріархъ, говоритъ Олеарій, запретилъ всѣ музыкальные инструменты, употреблявшіеся русскими во время пиршествъ и увеселеній. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, онъ велѣлъ обыскать всѣ домы частныхъ людей, и найденные инструменты, бывъ сложены на пяти

большихъ возахъ, приказалъ свесть за рѣку Москву и сжечь. Однимъ только нѣмцамъ дозволялось имѣть музыку и веселиться. Это однакожь не воспрепятствовало многимъ боярамъ держать музыку и веселиться ею, бояринъ Матвѣевъ, былъ страстный ея любитель, и онъ нетолько имѣлъ своихъ музыкантовъ, но выписалъ еще иностранную трупу актеровъ, которые представляли комическія піесы и балеты, сопровождавшіеся музыкой. Такое нововведеніе столь было непріятное всѣмъ поклонникамъ старины, что во время изгнанія Матвѣева, ему ставили въ вину, между многими несправедливыми на него обвиненіями, что онъ любилъ музыку и занимался чернокнижіемъ. Тогда это считали преступленіемъ государственнымъ.—Бояринъ Языковъ, первый министръ и любимецъ Царя Өеодора, не препятствовалъ распространенію музыки и не обращалъ вниманія на тѣхъ, которые считали ее дьявольскимъ увеселеніемъ. Царевна Софія, вопреки невѣжественному мнѣнію, поддерживала любителей музыки, такъ что въ началѣ XVIII столѣтія Петру Великому менѣе уже стоило трудовъ ввесть музыку, хотя и тогда простой народъ и нѣкоторые изъ бояръ смотрѣли на нее съ негодованіемъ, и избѣгали слушать ее, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ; раскаившихся не допускали къ причастію безъ покаянія.

Входившее въ обыкновеніе пѣніе равно было осуждаемо: думали, что разнообразное измѣненіе голоса и по нотамъ нельзя выполнить человѣку безъ содѣйствія злыхъ духовъ. Такое мнѣніе, поддерживаемое гонителями добра и полезнаго, невольно укрѣпляло невѣжество въ ложномъ мнѣніи; за всѣмъ тѣмъ многіе уже любили музыку и пѣніе, и если не смѣли открыто заниматься ими, то и не упускали случая участвовать во время игръ и пѣнія. Петръ Великій успѣлъ разсѣять мракъ невѣжества, успокоить совѣсть старовѣровъ и убѣдить, что музыка, доставляя веселіе невинное, смягчаетъ грубость нравовъ, возвышаетъ чувство и ведетъ непосредственно ко всему изящному» (Т. I. стр. 492—495).

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь, кстати, одно замѣчаніе. У нѣкоторыхъ первобытныхъ восточныхъ народовъ было такое же отвращеніе къ инструментальной музыкѣ. Все, что̀ выводило человѣка изъ внутренняго созерцанія и давало внѣшнее, отдѣльное существованіе, дѣйствительность, его внутреннимъ чувствамъ, казалось преступнымъ и преслѣдовалось законами. Это потому, что въ младенческомъ возрастѣ и у народа и у отдѣльнаго лица чувства чрезвычайно неопредѣленны, не имѣютъ ясно очертаннаго содержанія. Они только на степени

стремленій, порываній къ чему-то неизвѣстному, и такими остаются долгое время. Ихъ обнаруженіе въ такомъ видѣ невозможно, потому что они не укладываются ни въ какую форму. Отсюда и нежеланіе выразиться во внѣшнемъ образѣ или дѣйствіи. Такова первая любовь: она ограничивается одними тайными воздыханіями. Юноши отличаются своей нелюбовью къ практическому міру, къ внѣшней дѣятельности. Поэтому, упадку предразсудковъ противъ музыки, театра, въ русскомъ человѣкѣ можно искренно радоваться какъ успѣху въ нравственномъ развитіи, какъ выходу изъ міра неопредѣленныхъ чувствъ въ мірѣ дѣйствительности и реальности.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ, нравоописательныхъ страницъ изъ книги г. Терещенки. Къ сожалѣнію, роль повѣствователя, спокойнаго наблюдателя обычаевъ его не удовлетворяетъ. Его остроуміе ищетъ болѣе широкой арены. Вотъ образцы:

«*Каждый народъ имѣетъ свой особый духъ и такія качества, которыя только ему одному свойственны. Женскій полъ отличается во всемъ свѣтѣ чувствительностію и нѣжностію сердца, но при этомъ онъ обнаруживаетъ свои наклонности. Нѣмки хорошія хозяйки, голландки постоянныя, англичанки вѣрныя, ишпанки пламенныя, португальки страстныя, швейцарки патріотки, француженки любезныя, италіянки ревнивыя, а русскія нѣжныя матери. Мущины же въ своихъ страстяхъ такъ измѣнились, что всѣ они болѣе или менѣе на одинъ ладъ непостоянные, но этотъ недостатокъ они вознаграждаютъ твердостію воли, глубокомысліемъ и проницательностію*». (Г. стр. 418).

«Если приходите къ чиновнику, барину и т. п., и спрашиваете у горничной или у лакея: дома ли баринъ? то всегда отвѣчаютъ: нѣтъ ихъ дома, и никогда не скажутъ: нѣтъ его дома.—Случается слышать часто подобные отвѣты отъ самихъ чиновныхъ, напримѣръ спрашиваете: у себя ли его превосходительство? Отвѣчаютъ: у себя, но они заняты. Такая вѣжливость, противная свойству языка, употребляется постоянно въ семейномъ кругу. Спросите у дѣтей, даже взрослыхъ: у себя ли маменька?—У себя, отвѣчаютъ вамъ, но онѣ не здоровы.—А папенька?—Онѣ только что вышли. Подобныя выраженія можно допустить одной нѣжности дѣтей, особенно чувствительнымъ дѣвушкамъ,

боящимся оскорбить самый слухъ; но никакъ нельзя извинить въ этомъ знающихъ языкъ. Величіе Божіе ни мало не оскорбляется, когда говорятъ объ Немъ: Онъ могуществевъ,—Его воля святая, а не: Онѣ могущественны,—Ихъ воля святая. *Изъ устъ прекраснаго пола проистекаютъ болѣе всѣхъ несправедливыя слова*».

Мы замѣтили также въ этой главѣ нѣсколько ошибокъ. На стр. 419, въ выноскѣ авторъ говоритъ, между прочимъ, что нашъ обычай изъ вѣжливости придавать къ каждому слову *съ* заимствованъ отъ лакеевъ. А они откуда его взяли—не сказано, слѣдовательно вопросъ не разрѣшенъ. Мы думаемъ, что *съ*—сокращенное сударь, чтò въ древности не означало господина надъ холопями, а судью: сударь, съ придыханіемъ государь, по этимологическому производству, значитъ судья. А что *съ* есть сокращенное сударь—на это указываютъ слѣдующія данныя. Въ правыхъ грамотахъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, встрѣчается нѣсколько разъ частичка *су*, повидимому съ значеніемъ нашего *съ;* кромѣ того мы положительно знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тульской губерніи крестьяне говорятъ *су* вмѣсто *съ:* да-су, я-су, нѣтъ-су и т. д. Эта форма уже больше напоминаетъ корень, отъ котораго повидимому она ведетъ свое начало. —«Нарицаніе подлый человѣкъ, подлые люди дано крестьянамъ потому, что они жили подлѣ своихъ господъ, тоже самое, что дворовый человѣкъ, дворовые люди, и какъ они отъ вольныхъ людей отличались большею несправедливостью, хитростями, неправдами и бѣдностію, то мѣстное прозваніе обращено было на всѣхъ тѣхъ, кои поступали подобно имъ» (стр. 423 примѣч.). Тутъ—что ни слово, то неправда! Производить подлый отъ подлѣ, все равно, что боярина отъ бой ярый; подлыми людьми, далѣе, пазывались не одни крестьяне, а всѣ лица низшихъ классовъ, безъ различія, и притомъ—просимъ автора замѣтить это—сначала слово подлый не было ни бранью, или унизительнымъ прозвищемъ: оно означало только

низкую ступень, занимаемую человѣкомъ въ обществѣ, или его происхожденіе изъ низшихъ классовъ. Сколько мы можемъ припомнить, оно не было извѣстно въ древнемъ русскомъ языкѣ и появилось у насъ не ранѣе Петра. Это заставляетъ думать, что оно не русское и взято изъ какого-нибудь другого славянскаго нарѣчія, можетъ-быть изъ польскаго. Корень его очевидно не подлѣ, а подъ—частичка, съ которою въ переносномъ смыслѣ соединяется понятіе о подвластности, подчиненности, зависимости.

Послѣдняя глава первой части содержитъ извѣстія о музыкѣ. Авторъ, не знаемъ почему, ограничился изчисленіемъ однихъ музыкальныхъ инструментовъ, извѣстныхъ въ древней Россіи и употребительныхъ теперь въ простомъ народѣ. Какъ-будто вся музыка въ каталогѣ этихъ инструментовъ и оркестровъ! О нашемъ церковномъ пѣніи, о народныхъ напѣвахъ—ни слова. А мы знаемъ, что теперь нѣкоторые артисты серьёзно занимаются изученіемъ русскихъ пѣсенныхъ мотивовъ; ихъ изслѣдованія были бы въ этой главѣ совершенно у мѣста. Наконецъ авторъ могъ бы выбрать нѣсколько русскихъ мотивовъ, особенно замѣчательныхъ, или новыхъ, и отпечатать ихъ въ своей книгѣ—и то ужь было бы пріобрѣтеніе; но онъ и этого не сдѣлалъ.

Разборомъ первой части «быта русскаго народа» мы познакомили читателей съ самой слабой стороной книги. Конечно, мѣстами, и эта часть имѣетъ свои достоинства; но они относятся къ частностямъ, отдѣльнымъ фактамъ, а не къ цѣлому ея составу. По своему главному назначенію она должна бы заключать, въ отдѣлахъ общаго содержанія (о народности, образѣ жизни), взглядъ автора на бытъ русскаго народа, преобладающія черты этого быта, и ихъ объясненіе историческое и философское; ничего подобнаго мы однако не находимъ. Одаренный способностью наблюдать простонародный бытъ и

передавать подмѣченное, авторъ впадаетъ въ общія мѣста, когда дѣло идетъ о характеристикѣ народа, его настоящаго и прошедшаго. Высшее воззрѣніе, міръ отвлеченнаго разумѣнія ему совершенно недоступны. Нельзя не пожалѣть, что г. Терещенко самъ не понялъ, въ чемъ онъ силенъ и въ чемъ слабъ. Еслибъ онъ это понялъ, онъ конечно и не принялся бы за трудъ, не только превышающій его силы, но едва ли и вообще возможный и выполнимый въ настоящее время. Фактовъ собрано слишкомъ мало; собранные слишкомъ мало обработаны. — Слѣдующіе томы гораздо интереснѣе и богаче содержаніемъ. И въ нихъ часто проблескиваетъ желаніе автора поразить читателей остроуміемъ, свѣтскостью, любезностью къ прекрасному полу, и въ нихъ виденъ поверхностный критикъ-моралистъ; но здѣсь по крайней мѣрѣ предметъ опредѣленъ и совершенно положителенъ, слѣдовательно поводовъ къ общимъ воззрѣніямъ, сравнительно, гораздо меньше. Авторъ бо̀льшею частью разсказываетъ одни факты, а они ему хорошо и подробно извѣстны, — и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается рѣшительное превосходство послѣднихъ шести частей книги передъ первой: общее и въ нихъ поверхностно, безцвѣтно или ошибочно; за то оно рѣже встрѣчается.

Содержаніе этихъ частей чрезвычайно разнообразно, такъ что почти невозможно подвести его подъ какія нибудь общія рубрики. Всѣ обряды, примѣты, повѣрья русскаго человѣка, относящіяся къ его обыденной, будничной и праздничной жизни, вошли въ составъ книги. Этимъ, хотя и отрицательно, опредѣляется ея содержаніе. Частная жизнь человѣка и преимущественно простолюдина — ея начало, важнѣйшія минуты и конецъ, жизнь семейная, домашняя и общинная, во сколько она опредѣляется не законами, а обычаями и нравами, описана г. Терещенкой весьма подробно; быта общественнаго и государственнаго въ ихъ разнообразныхъ выраженіяхъ онъ

едва коснулся. Мы уже сказали, что по заглавію книги это содержаніе не довольно полно, что, принимая бытъ даже въ томъ тѣсномъ значеніи, которое придаетъ ему авторъ, все-таки многаго недостаетъ въ его сочиненіи. Теперь разсмотримъ то, что въ немъ есть, что собрано авторомъ.

Наши простонародные обряды, примѣты и обычаи, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ, очевидно сложились изъ разнородныхъ элементовъ и въ продолженіи многихъ вѣковъ. Все, что имѣло на Россію болѣе или менѣе продолжительное вліяніе извнѣ, всѣ эпохи ея внутренняго историческаго возрастанія проводили какую-нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя къ нимъ новое, измѣняя, уничтожая или переиначивая старое. Вслѣдствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому безсвязное, сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками, памятники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порожденіе единой творческой мысли. Чтобъ внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критика должна найдти ключь къ этимъ ископаемымъ изчезнувшаго историческаго міра.

Такая работа гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Не говоря объ условіяхъ, которыя она необходимо предполагаетъ въ изслѣдователѣ и которыя рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, она представляетъ на каждомъ шагу почти непобѣдимыя матеріяльныя трудности. Въ безчисленномъ множествѣ фактовъ, изъ которыхъ слагаются обычаи, повѣрья и торжественные обряды, очень немногіе сохранились во всей первоначальной свѣжести, оригинальности, животрепещущими свидѣтелями изчезнувшаго порядка вещей; бо̀льшая часть представляется въ искаженномъ видѣ, съ поправками, передѣлками, относящимися къ разнымъ эпохамъ, и подъ вліяніемъ различныхъ понятій и элементовъ. При подвижности, если можно такъ выразиться, чувствительности и воспріимчивости обычныхъ обрядовыхъ дѣйствій и понятій малѣйшее измѣненіе часто переиначиваетъ первоначальный ихъ смыслъ такъ, что его и узнать нельзя, тѣмъ болѣе, когда обрядъ или повѣрье подвергались нѣсколькимъ послѣдовательнымъ передѣлкамъ, и каждый разъ въ иномъ смыслѣ. Окаменѣлости, находимыя въ землѣ, по крайней мѣрѣ навѣки удерживаютъ свою форму, видъ; обычаи не имѣютъ этой неподвижности, и вотъ почему часто всѣ усилія отдѣлить въ нихъ одинъ элементъ отъ другого остаются безъ успѣха и не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ есть факты, очевидно весьма древніе, но до того сгладившіеся и потерявшіе всякую форму, что по нимъ ужь ничего нельзя прочесть.

Къ этой трудности, заключающейся въ самыхъ данныхъ, и ихъ печальной для изслѣдователя судьбѣ, присоединяется еще и другая, часто столько же непреодолимая. Многіе обряды повѣрья, торжественныя дѣйствія и слова имѣютъ, по понятіямъ народа, извѣстное значеніе, опредѣленный смыслъ. Казалось бы, это должно облегчать изысканія; надъ смысломъ того, что̀ объясняетъ самъ народъ, не для чего ломать себѣ

голову, вотъ повидимому прямое и самое естественное заключеніе. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Вмѣсто того, чтобъ облегчить трудъ, такія объясненія часто запутываютъ еще болѣе, вводя въ ошибки, выдавая фантазіи народа за дѣйствительные факты, — словомъ, сбивая критика съ толку на каждомъ шагу.

Какъ образуются сти историческіе миражи въ самомъ народѣ, объяснить, кажется, нетрудно. Всякой обрядъ, повѣрье, обычай непремѣнно имѣютъ исторически, въ основаніи своемъ, дѣйствительный фактъ, естественный или бытовой. Сначала они не повѣрье, не обрядъ, а простое понятіе или живое дѣйствіе. Приходитъ время, измѣняются тѣ естественныя и бытовыя условія, при которыхъ образовалось понятіе, установился образъ дѣйствія; начинаютъ появляться новыя условія; тогда прежнее представленіе становится освященнымъ преданіемъ, повѣрьемъ, образъ дѣйствія — обрядомъ. Они къ жизни не имѣютъ того непосредственнаго, живаго отношенія, какъ при прежнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ; но уже есть къ нимъ привычка, уваженіе, потому что такъ думали и поступали предки. Что̀ жь выходитъ? Мало-по-малу первоначальный смыслъ обрядовъ и повѣрій, съ значительнымъ измѣненіемъ естественныхъ и житейскихъ условій, вовсе утрачивается. Народъ ихъ придерживается, чтитъ, но ужь не понимаетъ. А какъ потребность понимать есть, то онъ и придаетъ постепенно этимъ памятникамъ старины значеніе, сообразное съ его новымъ бытомъ, примѣняя къ настоящему и не стѣсняясь старымъ, по мѣрѣ того, какъ оно изглаживается изъ памяти. Такъ образуется различіе между первоначальнымъ смысломъ факта и его толкованіемъ, или объясненіемъ въ народѣ. Мало того: подъ вліяніемъ этихъ толкованій самъ фактъ измѣняется. Внѣшняя форма обряда, повѣрья не можетъ устоять противъ новаго содержанія, которое въ нихъ вкладывается и она по немъ

современемъ становится другая, болѣе близкая, болѣе доступная для народа.

Путешественники и самые изслѣдователи древностей не всегда обращали должное вниманіе на это различіе обряда, повѣрья и значенія, которое народъ съ нимъ связываетъ. Вмѣсто того, чтобъ видѣть въ послѣднемъ матеріялъ, источникъ для изученія настоящаго быта — и источникъ чрезвычайно обильный — они пользовались имъ какъ средствомъ объяснить прошедшее и тѣмъ закрывали для себя всякую возможность доискаться до настоящаго, историческаго смысла обычаевъ. Трудно изчислить, сколько ошибокъ, недоразумѣній и превратныхъ понятій объ отдаленной древности проистекло отсюда! Въ этомъ отношеніи, книга г. Терещенки представляетъ много поучительныхъ примѣровъ. Онъ не только на вѣру принимаетъ теперешнее народное толкованіе обычаевъ за ихъ дѣйствительный смыслъ, но даже, если мы не ошибаемся, нерѣдко выдаетъ свое толкованіе за народное. То по крайней мѣрѣ вѣрно. что въ большей части случаевъ, объяснивъ смыслъ обычая, онъ не говоритъ, его ли это личная догадка, или мнѣніе простолюдиновъ. Это важная неточность, значительно уменьшающая историческое и ученое достоинство сборника г. Терещенки. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ говоритъ, что poisson d'Avril названа во Франціи апрѣльская шутка, чтобъ означить, «что людей такъ легко обманывать, какъ нѣмыхъ рыбъ» (ч. VI, стр. 202). Это толкованіе принадлежитъ автору, но такъ высказано, что можетъ быть принято за народное. Въ другомъ мѣстѣ: «У простолюдиновъ есть поговорка: тонко прясть, долго ждать; это значитъ, что работа, производимая съ отчетливостію, требуетъ терпѣнія; что не много выработать, но хорошо — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ, что тонкая пряжа, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльнѣе» (Ч. V, стр. 156, въ выноскѣ).

Это тоже объясненіе автора, и очевидно неправильное, натянутое; а приведено оно такъ, что не знаешь, кому оно принадлежитъ: автору или народу. Еще примѣръ: авторъ говоритъ, что въ честь Іоанна, списателя лѣствицы (марта 30), пекутъ у насъ пшеничныя маленькія лѣстницы, и потомъ прибавляетъ: «Лѣсенки пекутъ еще въ день Вознесенія Іисуса Христа. Значеніе этого обычая есть милостыня, которая есть лѣствица духовная для восхода души на небо» (Ч. VI, стр. 20). Хотя бы авторъ прибавилъ: вѣроятно, можетъ-быть, а то и подумать нельзя, что это, совершенно невѣроятное, объясненіе не есть народное, а собственнаго изобрѣтенія автора. Еще примѣръ: «поднявши ихъ (новобрачныхъ) съ постели, одѣваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости бьютъ горшки, стаканы, и все что̀ попадется имъ на глаза» (Ч. II. стр. 286). Вмѣсто выраженія радости это очень извѣстный символическій обрядъ на свадьбахъ благополучныхъ. Онъ могъ стереться и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратиться въ шумное выраженіе радости. Такъ какъ авторъ рѣдко вникаетъ въ эти мелочи, онъ и не передалъ намъ во всей точности оттѣнковъ обычая. Такимъ образомъ, его исторія, несмотря на слова автора, остается для насъ сомнительной и темной. «Мыло (которое укладываютъ послѣ благословенія въ ящикъ, вмѣстѣ съ гостинцами) означаетъ благодарность за материнскую заботливост объ ея дочери» (Ч. II, стр. 449, I выноска). Опять тоже недоразумѣніе! Толкованіе совершенно невѣроятно. Но если оно принадлежитъ народу — тутъ должно что-нибудь да скрываться. Читатель поставленъ въ затрудненіе и не знаетъ, оставить ли это толкованіе безъ вниманія, какъ выдумку автора, или доискиваться до его источника. Въ заключеніе, вотъ еще два самыхъ рѣзкихъ примѣра. «Въ иныхъ мѣстахъ — говоритъ авторъ — молодой, прежде чѣмъ явится въ домъ невѣсты, пріучаетъ своего коня не бояться огня, а

потому перескакиваетъ съ нимъ черезъ костеръ пылающій» (Ч. II, стр. 469, въ выноскѣ). Объ этомъ же обычаѣ, въ той же части: «Молодые переѣзжаютъ чрезъ огонь въ томъ мнѣніи, что огонь очищаетъ ихъ отъ всякой нечистой силы и предохраняетъ отъ порчи» (Ч. II, стр. 532, въ выноскѣ). Вотъ два разныя толкованія одного и того же обряда. Которое изъ нихъ справедливо, предоставляется рѣшить читателю. Мы того мнѣнія, что оба — догадки автора, или — это ужь навѣрное — теперешнія мѣстныя объясненія обычая, первоначальный смыслъ котораго забытъ и потерянъ народомъ. Тоже самое съ обрядомъ обсыпанія молодыхъ хмѣлемъ. Всѣ писатели, одинъ за другимъ повторяли, что это выраженіе желанія, чтобъ молодые были зажиточны и въ довольствѣ. Это говоритъ и г. Терещенко. «Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, съ хлѣбомъ солью и свѣчею; а одна женщина стоитъ въ сѣняхъ за дверью, съ блюдомъ овса и хмѣлемъ, и когда они идутъ въ избу, тогда она осыпаетъ ихъ, желая имъ богатства» (Ч. II, стр. 286). Но такое толкованіе опровергается или по крайней мѣрѣ значительно ослабляется описаніемъ того же обряда въ Смоленской губерніи. Здѣсь «по возвращеніи молодыхъ изъ-подъ вѣнца ихъ встрѣчаетъ свекровь въ шубѣ, вывернутой шерстью вверхъ, и съ чашею, въ которую насыпанъ овесъ, перемѣшанный съ хмѣлемъ: этимъ она осыпаетъ новобрачныхъ. Дружко гоняется въ это время за свекровью съ плетью въ рукахъ, приговаривая: зачѣмъ ты мнѣ засорила молодыхъ?» (Ч. II, стр. 457). Судя по этому разсказу, обсыпанье овсомъ и хмѣлемъ не было ни хорошимъ предзнаменованіемъ, ни желаніемъ богатства. Любопытно бы узнать, кому же принадлежитъ толкованіе этого обычая въ хорошую сторону? Неужели писатели его выдумали? Немудрено! Это случается часто, въ ущербъ науки и истины. Еслибъ они, толкуя обычаи, больше придерживались фактовъ, историческихъ свидѣтельствъ и не

замѣщали ихъ дѣйствительнаго смысла фантазіями и легковѣрной догадкой по первому взгляду, они увидѣли бы въ древности многое, чего не примѣтили или что̀ положительно отрицали.

Эти замѣчанія могутъ показаться болѣе придирками, мелочными нападками, чѣмъ дѣйствительными, серьёзными возраженіями. Въ примѣненіи къ какому-нибудь современному предмету, гдѣ тысячи данныхъ освѣщаютъ точку зрѣнія и вопросъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ повѣрка на лицо — это было бы такъ. Совсѣмъ другое, когда идетъ дѣло о правахъ, установленіяхъ, понятіяхъ, отъ которыхъ сохранились двѣ, три черты, да и тѣ бо́льшею частью искаженныя, долженствующія пройдти сначала чрезъ самый строгій, критическій анализъ, чтобъ предстать въ настоящемъ свѣтѣ. Тутъ каждое слово должно быть взвѣшено, каждый оттѣнокъ опредѣленъ на основаніи самыхъ подробныхъ, микроскопическихъ наблюденій. Придайте немногимъ, дошедшимъ до насъ фактамъ отдаленной древности произвольный смыслъ, — что̀ такъ легко сдѣлать: сто̀итъ только на одну минуту ослабить вниманіе, — и въ результатѣ получится совсѣмъ не та эпоха, люди, понятія, какими они дѣйствительно были. Смыслъ мелкой, скучной, дрязгливой работы, веденной такъ или иначе, вполнѣ обозначается лишь въ своихъ послѣднихъ, окончательныхъ выводахъ, въ исторической картинѣ, для которой она приготовляетъ тѣни и краски.

Обратимся теперь назадъ. Мы сказали, что нашихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій нельзя уложить въ догматическую систему, — что ихъ нужно сперва разобрать на группы какъ старинныя вещи въ музеѣ, и потомъ ужь пользоваться ими, для историческихъ изысканій. Какъ это сдѣлать? какая нить будетъ руководить въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ? какъ найтись въ этомъ сборномъ мѣстѣ всѣхъ вѣковъ, періодовъ, понятій русской земли, гдѣ они смѣшаны безъ разбора? Рѣшить

этотъ вопросъ мы не беремся: онъ превышаетъ наши силы. Передадимъ читателямъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній — результатъ наблюденій надъ обычаями и еще болѣе надъ ошибками изслѣдователей. Быть-можетъ, современемъ, они послужатъ къ чему-нибудь при созданіи науки русской археологіи, въ чемъ уже чувствуется настоятельная потребность.

Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ, очевидныхъ парадоксо̀въ, положенныхъ въ основаніе русской археологіи, заключается въ объясненіи нашихъ обычаевъ чужими обычаями, нашихъ нравовъ — чужими нравами. Странно! Не только русская археологія, даже русская исторія долго разработывались по этой ложной мысли. Въ недавнее время въ исторіи противъ этого направленія явилось противодѣйствіе, и оно приноситъ свои плоды, хотя само вдалось въ крайность; но въ археологіи оно преобладаетъ до сихъ поръ. Замѣтитъ ли изслѣдователь какое-нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ, онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ отъ Евреевъ; съ греческимъ или римскимъ — отъ Грековъ и Римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ — отъ Персовъ, Индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, чрезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія. Мы понимаемъ, почему г. Погодинъ объясняетъ все, что̀ у насъ ни было въ IX, X, отчасти въ XI вѣкѣ, изъ скандинавскаго элемента; тутъ есть по крайней мѣрѣ историческій поводъ, вѣроятная или хоть правдоподобная основа гипотезы, въ которую авторъ влюбился до крайности; его ошибка — въ страстномъ развитіи своей мысли до ея крайнихъ послѣдствій. Можно съ нимъ не соглашаться, но можно понять путь, которымъ онъ пришелъ къ ложнымъ выводамъ. Бо̀льшая часть изслѣдователей нашей ста-

рины, напротивъ, поступали такъ совершенно безкорыстно и съ рѣдкой наивностью, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Имъ было все равно, изъ какого народа выводить обычаи — только бы выводить.

Откуда взялась эта манера — любопытный вопросъ, который, кажется, можно рѣшить такимъ образомъ. Началомъ критической разработки русской исторіи были изслѣдованія объ образованіи государства, о происхожденіи Варяговъ-Руси. Варяги пришли изъ-за моря, изъ Скандинавіи; слѣды скандинавскихъ элементовъ сохранились въ нашей первоначальной, лѣтописной исторіи; вдобавокъ первые критическіе изслѣдователи русской исторіи были иностранцы; будучи ближе знакомы съ германскимъ элементомъ, чѣмъ съ славянскимъ (надобно вспомнить, въ какомъ состояніи находились тогда славянская филологія и исторія!), они весьма естественно обратили бо́льшее вниманіе на первый, чѣмъ на послѣдній, и тамъ, гдѣ оба были только сходны, почти тожественны, увидѣли заимствованіе. Въ эту ошибку впасть было тѣмъ легче, что въ отдаленной древности оба элемента дѣйствительно имѣли много общаго и представляютъ не одну черту разительнаго сходства между собою. Вотъ какимъ образомъ въ частномъ вопросѣ, въ отношеніи къ одной только эпохѣ русской исторіи, впервые получилъ у насъ право гражданства ученый пріемъ — объяснять туземный бытъ и исторію посторонними, чуждыми элементами. Но за тѣмъ весь ходъ нашей внутренней исторіи и быта въ XVIII вѣкѣ долженъ былъ способствовать къ распространенію на всю исторію, возведенію въ главное, общее начало исторической критики этого взгляда, конечно справедливаго въ частностяхъ и въ приложеніи къ отдѣльнымъ историческимъ явленіямъ. Въ это время иноземные обычаи, литература, понятія, учрежденія вводились одни за другими, быстро проникали въ жизнь и высоко цѣнились нами въ срав-

ненія съ туземными, своими, которые вытѣснялись и сглаживались. Подъ этими впечатлѣніями невольно, безсознательно должна была воспитаться мысль, что мы и прежде жили чужимъ, а не своимъ; ибо человѣкъ не въ силахъ совсѣмъ оторваться отъ своего времени; изъ него смотритъ онъ на прошедшее и окружающее и непремѣнно переноситъ частицу самого себя во взгляды, понятія, повидимому чисто объективныя, исключительно и строго основанныя на осязательныхъ, непреложныхъ данныхъ. Въ эпоху заимствованій было естественно объяснять прошлое такими же заимствованіями. Чувство національности этому не противилось; оно не было слышно изъ-за высшихъ требованій государственной жизни и просвѣщенія. Потомъ этотъ ложный взглядъ на старину обратился въ привычную рутину, пробитую колею, о которой никому не хотѣлось серьёзно подумать. По ней продолжаютъ идти у насъ и до сихъ поръ въ археологіи.

Не стоитъ труда доказывать, какъ ложна, сама по себѣ, такая рутина. Это и безъ того совершенно ясно и очевидно. Народъ, имѣющій свой языкъ, свою физіономію не могъ все заимствовать у другихъ; что-нибудь было же у него свое, природное. Возьмемъ, для примѣра, отдѣльное лицо и начнемъ въ него вглядываться. Что̀ мы найдемъ въ немъ? Въ одно и тоже время родовые признаки, общіе всѣмъ лицамъ, и въ нихъ особенныя, только этому лицу свойственныя черты. Вотъ чѣмъ опредѣляется сходство и различіе лицъ между собою; и то и другое существуетъ рядомъ, въ смѣшеніи и постоянномъ взаимномъ воздѣйствіи. Еслибъ мы теперь вздумали опредѣлить, въ чемъ же именно заключаются особенности даннаго лица, отличающія его отъ всѣхъ другихъ, какъ бы мы поступили? Положимъ, мы стали бы анализировать его съ величайшей подробностью. Что̀ жь бы вышло изъ этого? Заранѣе можно сказать, мы бы пришли къ нулю; ибо, разсматривая свойства,

принадлежности этого лица въ отдѣльности, мы непремѣнно найдемъ точно такія же свойства и принадлежности въ другихъ лицахъ; чѣмъ подробнѣе такой анализъ, тѣмъ безплоднѣе результаты, тѣмъ менѣе остается за лицомъ исключительно ему принадлежащаго. Вмѣсто него мы получимъ сумму признаковъ, свойствъ, принадлежащихъ болѣе или менѣе всему человѣческому роду, общее, отвлеченное, а не данное лицо. А между тѣмъ послѣднее запечатлѣно особенностью, индивидуальностью; слѣдовательно, результатъ изысканій противорѣчитъ факту, и надо искать другого пути, чтобъ достигнуть истины. Этотъ путь—разсмотрѣніе всѣхъ признаковъ даннаго лица въ ихъ совокупности, въ единствѣ, въ органической цѣлости, въ какой они являются въ этомъ лицѣ. Изученіе взаимнаго отношенія его свойствъ и принадлежностей, какъ они сводятся въ немъ къ одному цѣлому, приводитъ насъ къ цѣли, недостижимой путемъ аналитическаго и сравнительнаго ихъ изслѣдованія въ отдѣльности.

Тоже самое и съ изученіемъ народа. Онъ представляетъ такое же органическое существо, какъ и отдѣльный человѣкъ. Начните изслѣдовать отдѣльно его нравы, обычаи, понятія, и остановитесь на этомъ: вы его не узнаете. Всѣ его обычаи, повѣрья, подъ орудіемъ подробнаго, отвлеченнаго анализа, превратятся непремѣнно въ общія принадлежности всѣхъ, многихъ или нѣсколькихъ народовъ. Выводить изъ этого, что они заимствованные—не тоже ли, что утверждать, будто одно лицо заимствовало отъ другого таланты, умъ, глаза, выраженіе физіономіи, потому только, что они сходны? Всѣ эти свойства, улетученныя ошибочной методой въ общія принадлежности человѣческаго рода или присвоенныя другимъ племенамъ, суть неотъемлемая принадлежность этого народа; онъ ими живетъ и выражаетъ свою жизнь. Умѣйте взглянуть на нихъ въ ихъ взаимной связи, въ ихъ отношеніи къ цѣлому народному

организму, и вы подмѣтите особенности, отличающія одинъ народъ отъ всѣхъ прочихъ. Только такимъ образомъ откроется безконечное различіе между фактомъ отрывочнымъ и заключеннымъ въ организмѣ, во внутренней связи съ другими.

Вотъ почему мы думаемъ, что и къ нашимъ обычаямъ, нравамъ, повѣрьямъ, особенно самымъ древнимъ, которыхъ сохранилось очень немного, надо приступать съ предположеніемъ, что они туземные, а не заимствованные; ихъ сходство съ чужими не должно сбивать насъ съ толку. Есть факты, дѣлающіе, при большомъ сходствѣ, заимствованіе возможнымъ или вѣроятнымъ; есть прямыя, непреложныя свидѣтельства заимствованія—тогда другое дѣло; но гдѣ ихъ нѣтъ, одна близорукая критика, теряющаяся въ общихъ категоріяхъ, лишенная всякихъ положительныхъ основаній, можетъ озираться кругомъ, не найдетъ ли гдѣ-нибудь близкое, похожее, напоминающее, чтобъ выводить оттуда обычаи другой земли. Словомъ, мы думаемъ, что какъ въ правильномъ гражданскомъ судопроизводствѣ истецъ доказываетъ свои права на вещь, а не владѣлецъ ея, такъ и въ археологіи вѣроятность, возможность или дѣйствительность заимствованія чужихъ обычаевъ должна быть доказана; нѣтъ доказательствъ—обычай остается за народомъ, его національной собственностью, фактомъ его, а не чужой жизни. Это столько же относится къ нашимъ хорошимъ качествамъ, сколько къ человѣческимъ жертвамъ и другимъ подобнымъ явленіямъ древняго славянскаго быта, на которыя иные изслѣдователи такъ великодушно уступали право собственности германскому племени.

Г. Терещенко, по слѣдамъ большей части русскихъ археологовъ, выводитъ наши обычаи, обряды, повѣрья изъ чужихъ земель.

«Въ первыхъ вѣкахъ монархическаго правленія римлянъ, было... въ обыкновеніи похищеніе дѣвицъ. По разрушеніи Римской Имперіи это обыкнове-

ніе продолжалось долго между германскими народами (слѣдовательно, у римлянъ оно не прекращалось? Какъ же понять связь?), и потомъ *перешло* къ славянскимъ племенамъ: радимичамъ, вятичамъ и сѣверянамъ» (Ч. II, стр. 11). «Семицкія пѣсни, въ коихъ воспѣваются липа и береза, напоминаютъ остатки языческихъ обрядовъ *Украшеніе же вѣнками есть также остатокъ обычаевъ древняго міра* (т. е. греко-римскаго, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ) (Т. VI, стр. 149). «Колядованье вошло въ обычай прежде на югѣ Россіи, *а потомъ распространилось* по всей Россіи... Если бы коляда праздновалась во время лѣтописца Нестора, то нѣтъ сомнѣнія (ну, конечно!), что онъ упомянулъ бы объ ней въ своей лѣтописи... Ближе всего можно думать, что Коляда *произошла отъ Польскаго Коленда,* значущая поздравленіе» (Ч. VII, стр. 12, 13 и 15). «Въ какое время появились святки въ Россіи? Откуда они *перешли къ намъ*». (Ч. VII, стр. 130).

Итакъ первая мысль, первый вопросъ, при взглядѣ на обычай, праздникъ: отъ кого они взяты! Отчего жь прежде всего не приходитъ въ голову, что онъ нашъ? Непостижимо! «Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, въ половинѣ XVII вѣка Малороссіяне начали мало по-малу заимствовать нѣкоторые святочные обряды отъ Русскихъ» (Ibid. стр. 132). Вѣрно до этого времени тоже нигдѣ не упоминается въ источникахъ о малороссійскихъ святкахъ какъ у Нестора о колядѣ. Бѣдная русская археологія! «По мѣрѣ ознакомленія Россіи съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранные обряды и повѣрья, но есть обычаи и увеселенія, перешедшіе также отъ грековъ и римлянъ» (Ibid. стр. 133). Кто жь упомянулъ объ этомъ г. Терещенко? А вотъ и цѣлая теорія, какъ въ руки переходили обычаи и повѣрья.

Чародѣи, волшебники, колдуны, гадальщики, вѣдьмы, вѣщуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители знали чернокнижіе. Но все это, есть ли произведеніе воображенія русскаго народа, или перенесено къ намъ изъ другихъ странъ? отвѣчать не трудно. Индія, колыбель чудовищныхъ вымысловъ, облекала ихъ въ таинственныя предзнаменованія, которыя производили чудеса между грубымъ народомъ; пылкіе и хитрые жрецы направляли мысли къ слѣпому вѣрованію, управляли людьми и царствами! — Явились толпы поклонниковъ всего таинственнаго, и потомъ образовались общества

чернокнижниковъ, или маговъ, къ коимъ благоговѣли самые властители народовъ. Все вопрошало маговъ, и ихъ толкованія принимали за гласъ боговъ. Египтяне, малоазійскіе греки, вавилоняне, древніе мидяне, ведя торговыя сношенія съ Индіею, перенесли въ свое отечество сокровенныя знанія, которыя нашли между ними не только вѣрователей, но еще ревностныхъ распространителей. Отсюда быстро разлились повѣрья и чудеса по Персіи, европейской Греціи и римскимъ владѣніямъ. Въ Персіи утверждались восточныя вѣрованія магами, а въ Греціи и Римѣ жрецами. Европа ознакомилась съ вымыслами древняго міра еще до паденія Греціи и Рима; но она пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомству разгадывать темные и глубокомысленные миѳы Индіи, коихъ основная идея была: твореніе міра и жизнь. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ и философовъ доискиваться начала міросозданія. Многіе изъ нихъ, бывъ проникнуты чистымъ свѣтомъ наукъ, понимали таинственную природу, какъ созданіе невидимаго духа, вездѣ и повсюду парящаго и творящаго; но тѣ, разумѣнію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда проистекло вѣрованіе въ то, чего народъ не понималъ и міръ увидѣлъ созданіе новыхъ понятій о самомъ себѣ, его жизни, назначеніи, и наконецъ гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевѣрій. Такъ Европа приняла въ свои нѣдра весь запасъ тысячелѣтнихъ догадокъ и миѳовъ. Наши предки, Славяне, скитаясь по Европѣ, въ вѣка необразованные и суевѣрные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда получили осѣдлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ. — Вѣрованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римѣ, подъ названіемъ: *авгуровъ*, птицегадателей, *агромантіи*, гаданіе по состоянію воздуха, *астрологовъ*, по теченію планетъ и созвѣздій, *антрологомантіи*, по внутреннимъ частямъ тѣла, *гороскепы*, по жертвамъ животныхъ, *гидромантіи*, по движенію и цвѣту воды, *гонтіи*, признаваніе духовъ и вызываніе тѣней умершихъ изъ гробовъ (и т. д. слѣдуетъ изчисленіе разныхъ *мантій*) — всѣ эти гаданія и суевѣрія, перешли къ намъ и перемѣшались съ предразсудками. Простой народъ, и даже посвященные въ таинства чернокнижныя, не имѣя свѣдѣній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, дѣйствовали по своимъ правиламъ, примѣняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ раченіемъ изучали чернокнижіе, которое было верхомъ человѣческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ празднествамъ предразсудки и гаданія, и мало-по-малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдѣ образовался отдѣльный міръ толковъ, предзнаменованій и вѣрованій» (Т. VII, стр. 288 — 291).

Игра въ бабки казалось бы ужь безспорно наша. Нѣтъ!

«Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась *астрагалось*. Отъ грековъ она распространилась по Европѣ, а *русскіе такъ ее усвоили*, что она понынѣ составляетъ первое удовольствіе мальчиковъ... Должно замѣтить, что въ бабки любили играть татары Золотой Орды» (Ч. IV. стр. 61). Откуда же взяли ее Татары? — Русалки тоже перешли къ намъ отъ Грековъ и Римлянъ (Ч. IV, стр. 121). «У Іудеевъ, украшеніе домовъ и городовъ цвѣтами и деревьями, утвердилось въ воспоминаніе заповѣдей, полученныхъ Моисеемъ отъ Бога, на горѣ Синаѣ. У нихъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ которомъ праздновались ихъ зеленыя святки, украшали подсвѣчники, потолки, окна, зданія и храмы зеленью, цвѣтами, цвѣточными вѣнками и многочисленными деревьями. Сей обычай, *безъ сомнѣнія*, перешелъ отъ нихъ къ прочимъ народамъ.

Въ другомъ мѣстѣ глубокомысленно изслѣдуется вопросъ, откуда взялось унасъ поминовеніе по усопшимъ: отъ Грековъ или Германцевъ? (Ч. III. стр. 119). Авторъ склоняется въ пользу послѣдняго мнѣнія и этимъ рѣшаетъ дѣло. Можно бы привести еще нѣсколько такихъ же заключеній г. Терещенки. Но и эти ясно показываютъ, что авторъ держался старой рутины, не вникая въ дѣло, не имѣя оправданій, которыя могутъ привести въ свою защиту первые изслѣдователи русской исторіи и нѣкоторые изъ новыхъ. У нихъ была своя опредѣленная точка зрѣнія; у г. Терещенки ея нѣтъ! Не понимаемъ, какъ онъ можетъ съ особенной любовью говорить о русской народности; ибо гдѣ жь она если все, даже поминаніе усопшихъ, такой свойственный всѣмъ людямъ и народамъ обрядъ — и то иноземное нововведеніе?

Другое, чего не должно терять изъ виду при изученіи народныхъ повѣрій, обычаевъ и торжественныхъ обрядовъ—это постепенность, внутренняя послѣдовательность, съ которою происходятъ различныя измѣненія въ народной жизни, на ка-

кой ступени мы ее ни возьмемъ. Какъ живой организмъ усвоиваетъ, уподобляетъ себѣ пищу и питье самыя разнородныя, превращаетъ ихъ въ свою плоть и кровь, — какъ нравственная природа человѣка освоиваетъ внѣшнее—отчего одинъ и тотъ же предметъ производитъ разныя впечатлѣнія на лице въ разное время и возрасты: такъ и цѣлый народъ. Подобно всякому живому существу, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, чтò внѣ этого опредѣленнаго круга его понятій, внѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторія новый элементъ, условіе въ народную жизнь,—случай ли броситъ въ нее данное, выросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другаго порядка вещей и понятій — они или передѣлываются, или остаются тѣже, но народъ соединяетъ съ ними другое понятіе, присущее ему; слѣдовательно, внѣшній образъ или смыслъ ихъ, — все равно — становятся другими, и, принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себѣ вѣренъ. Такъ сначала, и это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дѣйствіе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свѣдѣнія народа, они въ свою очередь измѣняютъ народный организмъ; но это измѣненіе, обновленіе, перерожденіе его является естественнымъ, какъ-будто совершающимся изъ собственныхъ, внутреннихъ силъ народа; ибо дѣйствительно, все то, чтò его обогатило, увеличило его содержаніе, сначала было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятій.

Насильственные, внезапные историческіе перевороты какъ-будто опровергаютъ то, чтò мы сказали. Но это только кажется. Они измѣняютъ одни внѣшнія условія человѣческаго

общества, и потому не въ силахъ вдругъ измѣнить народнаго организма. Оттого и плоды ихъ — добрые и злые — обозначаются, по времени, гораздо позднѣе, когда новые факты успѣютъ совершить въ народной жизни свой обычный кругъ какъ пища въ человѣческомъ тѣлѣ. Народы могутъ погибать вслѣдствіе враждебныхъ вліяній и внутреннихъ измѣненій, — безспорно; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. И человѣкъ можетъ умереть отъ яду, что̀ не опровергаетъ основной формулы его органическаго существованія. Бываетъ, что цѣлые народы стираются съ лица земли до единаго человѣка; но это не возраженіе противъ общихъ, непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Мы старались опредѣлить формулу, по которой совершаются внутреннія измѣненія народнаго быта — живого и живущаго, а не мертнаго или умирающаго, въ которомъ нормаленъ только законъ смерти, а не законъ жизни.

Единственный случай, когда вѣчная постепенность измѣненій народнаго быта и понятій нарушается — это при смѣшеніи двухъ или нѣсколькихъ разныхъ народовъ, въ одинъ. Чѣмъ быстрѣе, насильственнѣе оно происходитъ, тѣмъ нарушеніе рѣзче; когда одно племя мало-по-малу поглощается другимъ, оно обнаруживается общимъ отклоненіемъ отъ начальнаго типа, новыми чертами; но послѣдовательность не прерывается. Впрочемъ въ томъ и въ другомъ случаѣ изъ чуждыхъ народностей слагаются новые организмы, живущіе по тѣмъ же законамъ, и къ которымъ слѣдовательно приложимо все, что̀ мы доселѣ сказали.

Эти мысли не новы; мы ихъ и не выдаемъ за новость. Но, слишкомъ понятныя и очевидныя въ ихъ общей формѣ, какъ положеніе, правило, онѣ очень рѣдко, почти никогда не примѣняются къ дѣлу. Въ исторіи народныхъ обычаевъ безпрестанно встрѣчаются примѣры органическаго слитія старыхъ

туземныхъ понятій съ новыми, привзошедшими позднѣе въ народную жизнь. Особенно часты эти примѣры въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій. Здѣсь новые предметы обожанія, какъ бы они ни были различны отъ прежнихъ, немедленно заступаютъ ихъ мѣсто; имъ воздаются тѣже почести, отношенія къ нимъ остаются тѣже, что̀ и къ прежнимъ; въ понятіи народа послѣдніе нисколько не измѣнились и продолжаютъ жить въ новыхъ. Итакъ, первый результатъ — полное поглощеніе новаго элемента старымъ, совершенное преобразованіе его по образцамъ, представленіямъ, существующимъ и готовымъ въ народныхъ понятіяхъ. Въ святомъ Виттѣ сѣверные Славяне обоготворили Святовида. Съ именемъ св. Власія смѣшали у насъ Волоса, Велеса «скотьяго бога». Лишь позднѣе начинается переработка прежняго подъ вліяніемъ новаго. Этимъ объясняется, почему установлялись иногда новые, прежде несуществовавшіе обряды, празднества, совершенно по старому, и слагались вполнѣ изъ старыхъ элементовъ; почему новые предметы поклоненія, тамъ, откуда принесены, и у народа, ихъ вновь принявшаго, безконечно различны между собою. Вмѣсто того, чтобъ уловить въ кажущемся новомъ старое и искать пристально слѣдовъ начала дѣйствительнаго перерожденія прежнихъ элементовъ, подъ вліяніемъ и вслѣдствіе вліянія новыхъ, археологи, не пускаясь въ даль, разнимаютъ обыкновенно оба элемента, изслѣдуютъ каждый отдѣльно, самъ по себѣ, въ его рѣзкой особенности, обусловленной ихъ разной исторической судьбой до соединенія, и на основаніи такого анализа дѣлаютъ выводы, важно заключая о существованіи у народа такихъ-то элементовъ и началъ въ данное время. Среднія звѣнья, которыми въ жизни соединяется розное, сливается противоположное, изчезаютъ при такомъ разъятіи; вмѣсто картины прошедшаго, вѣрнаго воспроизведенія самой жизни, какъ она была, мы получаемъ отвлеченности,

которыя точно входили въ нее какъ составныя части, но сочетавались и относились въ ней другъ къ другу иначе, нежели въ головахъ и книгахъ изслѣдователей. Еслибъ, изучая какое-нибудь органическое тѣло, естествоиспытатель удовольствовался разложеніемъ его на составные элементы и упустилъ изъ виду свойство и различные фазисы химическаго процесса, соединившаго ихъ въ одно цѣлое, — вѣдь мы бы сказали, что онъ еще не знаетъ этого тѣла. Но въ исторіи, въ изслѣдованіи древностей на этой первой операціи обыкновенно останавливаются, въ увѣренности, что все сдѣлано, изысканія кончены, истина открыта и явленіе понято. Важная ошибка! Мы думаемъ, что проникли въ самую жизнь, а на дѣлѣ хватаемъ одни призраки. Одно и тоже понятіе, представленіе, привитое народу, имѣетъ у него въ разныя времена разное значеніе. Чтобъ это понять, надо забыть на время, что̀ оно значило на той почвѣ, гдѣ развилось, откуда пересажено, и изучить его въ условіяхъ, по понятіямъ народа, который его принялъ. Хронологія, раздѣленіе на періоды, предстанутъ тогда въ новомъ видѣ. По внѣшнимъ отвлеченнымъ признакамъ, по голымъ названіямъ, мы теперь нерѣдко относимъ извѣстныя преобразованія народной жизни къ отдаленному времени, тогда какъ въ народныхъ понятіяхъ — въ чемъ вся и важность — оно совершалось гораздо, иногда нѣсколькими вѣками позднѣе. Мы иногда удивляемся появленію новыхъ установленій у народа, въ старомъ духѣ, и не знаемъ, что̀ о нихъ думать: правда ли то, что они новыя? не существовали ли они гораздо прежде? Начинаются изслѣдованія, расточается страшная ученость, часто совершенно безполезно, и вмѣсто того, чтобъ выяснить вопросъ, его окончательно запутываютъ. А дѣло бываетъ просто. Часто новое понятіе окружается старыми установленіями, потому что въ народномъ сознаніи оно отражается по старому; хронологиче-

скія изслѣдованія не могутъ въ такомъ случаѣ привести ни къ чему, потому что не во времени дѣло. Другіе доискиваются въ такихъ установленіяхъ слѣдовъ стариннаго, исконнаго явленія народной жизни, искаженнаго новымъ элементомъ, и стараются проникнуть въ его смыслъ, его первоначальное назначеніе. Опять труды понапрасну! По источникамъ, понятіямъ, по мысли они старыя установленія и, въ этомъ смыслѣ, матеріялъ для изученія древности. Но ихъ начало, по времени, новое. Это выраженіе народныхъ понятій и вѣрованій, которыя перераждаются не скоро; но все-таки они — не древній историческій фактъ и въ этомъ смыслѣ не памятникъ отдаленной старины.

Наконецъ, одна изъ главныхъ путеводныхъ нитей въ изученіи народныхъ обрядовъ, повѣрій, обычаевъ есть ихъ непосредственный, прямой, буквальный смыслъ. Это положеніе мы высказываемъ здѣсь не въ томъ общемъ смыслѣ, что всякое историческое изслѣдованіе должно быть основано на положительныхъ данныхъ: оно само по себѣ очевидно и не требуетъ доказательствъ. Напоминая общеизвѣстную истину, мы имѣли въ виду ея особенное, чрезвычайно обширное приложеніе въ изслѣдованіи древнѣйшаго народнаго быта. Тамъ, гдѣ предъ историкомъ одна нестройная груда разновременныхъ и разнохарактерныхъ, большею частью отрывочныхъ, фактовъ, и нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ и когда они появились, измѣнялись и смѣнились другими, — буквальное истолкованіе весьма часто замѣняетъ до нѣкоторой степени хронологію и историческія доказательства и ведетъ къ открытію не только порядка, послѣдовательности, въ которой смѣнялись однѣ формы быта другими, но даже причинъ, вслѣдствіе которыхъ онѣ смѣнялись именно въ этой, а не въ другой постепенности. Цѣлый отжившій и давно изчезнувшій міръ, съ его понятіями и историческимъ значеніемъ иногда вдругъ оживаетъ въ яр-

кихъ краскахъ отъ одного устраненія переноснаго значенія двухъ, трехъ старинныхъ обычаевъ, которое вкладывали въ нихъ изслѣдователи, и отъ возвращенія имъ ихъ буквальнаго, непосредственнаго, прямого смысла. По древнѣйшему римскому праву, кредиторъ имѣлъ право изрубить на куски неоплатнаго должника. Долго понимали это положеніе въ переносномъ значеніи; думали, что это усиленное, фигуральное выраженіе полныхъ правъ, которыя получалъ кредиторъ надъ неоплатнымъ должникомъ; въ послѣдствіи ученые должны были признать, что сначала дѣйствительно кредиторы разрубали должниковъ на части. Еще примѣръ изъ римскаго права: по формамъ древняго гражданскаго судопроизводства, тяжущіеся о какой-нибудь вещи, явясь на судъ, вступали передъ судьей въ борьбу между собою: одинъ отнималъ вещь у другого. Это былъ символъ; дѣйствительной борьбы не происходило, она дѣлалась для виду. Но въ этомъ символѣ сохранилось живое преданіе, что было время, когда тяжущіеся дѣйствительно боролись и силой рѣшали, кому владѣть спорной вещью, — словомъ, когда символъ былъ фактомъ. Приходятъ ли по нашимъ свадебнымъ обрядамъ сваты съ посохомъ и ведутъ рѣчь съ родителями невѣсты, какъ-будто чужіе, никогда не слыхавшіе о нихъ — хоть и живутъ дворъ объ дворъ — вѣрьте, что эти теперь символическія дѣйствія были когда-то, въ отдаленной древности, событіями, живыми фактами ежедневной жизни. Плачетъ ли невѣста по волѣ, выражаетъ ли свадебная пѣснь ея неохоту, страхъ ѣхать въ чужую, незнакомую сторону — эти символы были тоже въ старину живой дѣйствительностью и въ этомъ значеніи являются однимъ изъ самыхъ богатыхъ историческихъ источниковъ. Думаетъ ли народъ, что на распутіяхъ водится лихой человѣкъ — вѣрно когда-нибудь это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Какая драгоцѣнная черта для древнѣйшей общественности! Словомъ, ищите

въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ — былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и вы откроете цѣлый историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ; ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ.

Конечно эта точка зрѣнія на обычаи, повѣрья и обряды не можетъ и не должна одна исключительно руководить археолога. Едва ли нужно доказывать, что ею не только не разрѣшить всѣхъ трудностей дѣла, можно даже изуродовать факты, отдалиться отъ ихъ истиннаго смысла, прилагая ее безъ разбора и не у мѣста. Вообще гдѣ можно и гдѣ нельзя, какъ можно и какъ нельзя—рѣшаетъ здравый смыслъ; замѣтимъ только, что въ изслѣдованіи семейнаго, домашняго, общественнаго и юридическаго быта эта точка зрѣнія всего чаще находитъ прямое приложеніе; въ изслѣдованіи религіозныхъ вѣрованій—рѣдко прямое; они должны быть подвергнуты особенной критикѣ, основанной на законахъ развитія и измѣненія религіозныхъ вѣрованій у младенческаго народа (объ этихъ законахъ мы скажемъ подробно въ своемъ мѣстѣ). Но, объясненныя этой предварительной критикой, они совершенно подходятъ подъ изложенный взглядъ. Мало этого: чтобъ сдѣлать ихъ совершенно понятными, необходимо взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія и услѣдить простой, естественный фактъ нравственнаго или физическаго міра, лежащій въ ихъ основаніи.

Въ пользу буквальнаго объясненія обычаевъ, повѣрій, торжественныхъ словъ говорятъ не только простота, очевидная разумность такого способа понимать и толковать историческіе памятники, но и естественный ходъ образованія и развитія обычаевъ. Здѣсь кстати будетъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Откуда взялись обычаи, изъ какихъ элементовъ они сложились? Чтобъ уяснить себѣ этотъ вопросъ, возьмемъ примѣръ, къ которому мы не однажды прибѣгали, говоря о народѣ: возьмемъ человѣка. Исторія и наблюденія показываютъ, что всѣ понятія, вѣрованія, вся нравственная и умственная сторона человѣка развиваются непремѣнно подъ вліяніемъ опыта, внѣшнихъ впечатлѣній. Ихъ содѣйствіе играетъ такую существенную, необходимую роль въ образованіи его нравственной, духовной стороны, что она, при отсутствіи этихъ внѣшнихъ впечатлѣній и опытовъ, остается совершенно неразвитою и какъ бы не существуетъ въ немъ вовсе. Самымъ яркимъ доказательствомъ этой истины служатъ люди, съ младенчества, случайно, прожившіе внѣ человѣческаго общества: имъ извѣстны только грубыя физическія потребности, въ ихъ непосредственной, первоначальной формѣ, и ничего болѣе; они даже не умѣютъ говорить; слово, этотъ органъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, замѣняютъ безсвязные дикіе звуки. Таковъ человѣкъ, поставленный внѣ условій, дѣлающихъ его человѣкомъ!

Отъ этого положенія, основаннаго на опытѣ, сдѣлаемъ теперь посылку назадъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что теперешнія наши понятія, убѣжденія,—словомъ, та нравственная, духовная атмосфера, въ которой живетъ современный человѣкъ, образовалась и сложилась постепенно и есть результатъ прошедшаго. Чѣмъ жилъ человѣкъ, какимъ вліяніемъ опредѣлялась жизнь цѣлыхъ народовъ, когда этой нравственной атмосферы еще не было, а была только одна темная, неразвитая и несознаваемая способность создать ее? Очевидно они жили, ихъ жизнь могла опредѣлиться только внѣшней, ихъ окружавшей природой. Общественныя отношенія—если они на этой степени развитія могутъ быть названы общественными—были совершенно не опредѣлены, не устроены, и потому, во сколько они зависятъ отъ воли человѣка, совершенно случайны,

или исключительно опредѣлялись непосредственными требованіями внѣшней природы.

Итакъ, прежде понятій, прежде обычаевъ—первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній, нераздѣльно и исключительно преобладалъ нопосредственный, грубый *фактъ*, во всей случайности или внѣшней необходимости: за нимъ ничего не было. Слѣпо покорялся ему первобытный человѣкъ. Онъ не научился еще обладать природой, приспособляя ея непреложные законы и отправленія къ своимъ нуждамъ и требованіямъ; онъ еще не пытался подчинить случайность отношеній съ подобными себѣ постояннымъ, опредѣленнымъ, общимъ правиламъ. Онъ еще не имѣлъ мысли, сознанія. Таковъ младенецъ.

Первымъ актомъ сознанія, первымъ шагомъ къ возобладанію надъ случайностью и непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ законовъ, было явленіе, повидимому совершенно противоположное тому и другому, а именно обобщеніе и случайности и слѣпой внѣшней необходимости, признаніе ихъ дѣйствій за вѣчный, непреложный законъ. Казалось бы, этимъ ихъ господство было увѣковѣчено. Но, вглядываясь пристальнѣе, мы увидимъ въ этомъ обобщеніи, въ этомъ признаніи дѣйствительнаго факта первое выраженіе потребности существовать подъ владычествомъ разумнаго закона, первую попытку высвободиться изъ-подъ власти слѣпого случая.

Здѣсь зародышъ убѣжденій и обычаевъ. Ихъ содержаніе не отвлеченная мысль, не психологическая или философская истина, а непосредственныя отправленія и дѣйствія внѣшней природы или грубыя, случайныя явленія еще хаотической, первоначальной общественности. Съ этой стороны древнѣйшія вѣрованія и обычаи, какъ они ни важны исторически, представляютъ мало поучительнаго. Но это содержаніе въ нихъ впервые является подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ мысли, сознанія

человѣка; въ нихъ оно подвергается первоначальной, грубой обработкѣ, и вотъ съ какой стороны они имѣютъ чрезвычайно важное психологическое и антропологическое значеніе.

Однажды признавъ случайныя и внѣшнимъ образомъ необходимыя явленія, факты за непреложный, вѣчный законъ, преобразивъ ихъ въ понятія, человѣкъ хранитъ ихъ, слѣпо повинуется имъ весьма долго. Обстоятельства и условія его существованія измѣняются, мѣстность не та, подъ вліяніемъ которой сложились эти вѣрованія, общественный бытъ другой, а понятія остаются все тѣже; ибо фактъ, послужившій имъ матеріяльной основой, преобразился въ нихъ въ неразлучное достояніе человѣка, переносимое имъ съ мѣста на мѣсто, неизмѣнное, несмотря на новую обстановку. Вѣка проходятъ, а они все тѣже, пока наконецъ новыя впечатлѣнія мало-помалу не вытѣснятъ прежнихъ и не создадутъ новыхъ обычаевъ и убѣжденій.

На эту, чисто фактическую, простую, такъ сказать, внѣшнюю основу обычаевъ и убѣжденій изслѣдователи не всегда обращали должное вниманіе. Правда, они ее знаютъ и видятъ; иногда она такъ очевидна и несомнѣнна, что надобно нарочно закрыть глаза, чтобъ ея не замѣтить. Но мы думаемъ, что, вообще говоря, она еще не играетъ той важной и рѣшительной роли въ объясненіи первобытныхъ обычаевъ и убѣжденій, какъ бы слѣдовало. Привыкнувъ во всякомъ, малѣйшемъ явленіи теперешней общественности видѣть плодъ сознательной мысли, анализа, результатъ обдуманной переработки, надъ которой трудились многія поколѣнія, мы невольно смотримъ такими же глазами на бытъ отдаленной древности, ищемъ въ немъ символовъ великихъ истинъ какой-то первобытной мудрости, которая, если не была выше, то навѣрное не ниже теперешней; всюду мерещатся намъ аллегоріи, иносказанія, гіероглифы, разладица между содержаніемъ и формой, какія те-

перь видимъ. Чтò мудренаго, если усильныя вопрошенія древности съ этой задней мыслью и привели повидимому къ открытію философскихъ системъ, поражающихъ глубиной и зрѣлостью своихъ положеній? Чтò ищешь, то и найдешь, особливо перетолковывая скудные, отрывочные и бóльшей частью искаженные факты. Результатъ такихъ изслѣдованій — призраки, мысли, принадлежащія изыскателю, а не старина, какой она была въ самомъ дѣлѣ. Фактическая основа этой такъ называемой мудрости, забытая, затертая на второй планъ, утрачиваетъ подъ перомъ изслѣдователей свои живыя, яркія краски, и простое разумѣніе дѣлается невозможнымъ.

Причина такого неестественнаго способа изслѣдовать древности первобытныхъ народовъ—кромѣ весьма понятнаго перенесенія теперешнихъ понятій на прошедшее—заключается, какъ намъ кажется, еще въ томъ, что законы исторической критики сложились преимущественно подъ вліяніемъ изученія древняго, классическаго міра, а послѣ ихъ стали безразлично прилагать ко всѣмъ народамъ, не обращая вниманія на существенныя различія въ быту и исторической судьбѣ послѣднихъ. Но одни изъ нихъ успѣли вполнѣ раскрыться, достигнуть высокой степени цивилизаціи, и, высказавшись всѣми своими сторонами, пройдя всѣ фазисы развитія, сошли со сцены. Таковы нѣкоторые изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи: Китайцы, Индійцы, Персы, Арабы; таковы Египтяне въ Африкѣ; таковъ греко-римскій міръ. Ихъ развитіе представляетъ оконченное, въ себѣ замкнутое цѣлое. За періодомъ непосредственнаго состоянія, младенчества, у нихъ была своя эпоха сознательности,—конечно болѣе или менѣе исключительно національной, и потому тѣсной, ограниченной, слишкомъ проникнутой историческими элементами, чтобъ сравниться съ теперешней, охватывающей всѣ племена и народности; но все же преданія и первобытныя вѣрованія этихъ народовъ, утратившія живой,

естественный смыслъ, стали служить формой, матеріяломъ, для выраженія философскихъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ понятій и представленій. Образовались *миѳы*, система миѳовъ, подъ сказочной и причудливой оболочкой народныхъ преданій и вѣрованій, скрывавшіе философское воззрѣніе. Объяснить эти миѳы можно только угадавъ или понявъ мысль, подъ наитіемъ которой они сложились; фактъ, чисто-историческая или природная основа не даютъ къ нимъ ключа. Но вѣдь далеко не всѣ народы успѣли такъ пройдти всѣ историческіе возрасты. Многіе изчезли на полу-пути, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ; еще бóльшая часть живутъ и развиваются до сихъ поръ. Прилагать къ первобытнымъ представленіямъ и вѣрованіямъ этихъ народовъ способъ изслѣдованія миѳовъ, этихъ памятниковъ древней мудрости, иносказательныхъ или символическихъ выраженій мысли и истинъ, добытыхъ сознаніемъ, значитъ совершенно не понимать естественнаго хода исторіи, не понимать законовъ психологическаго развитія народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Для объясненія первоначальнаго быта—не по времени, къ которому онъ относится во всемірной исторіи, а по степени развитія, которую выражаетъ—непосредственный, живой фактъ есть самый вѣрный источникъ, самый надежный руководитель.

Г. Терещенко конечно не видитъ въ нашей старинѣ миѳовъ: этого упрека нельзя ему сдѣлать! Но, избѣгнувъ ошибки ученыхъ, онъ сдѣлалъ другую, совершенно не ученую. Рѣдкій обычай, примѣты остались у него въ книгѣ безъ самаго наивнаго и нравственнаго толкованія. И какъ легко онъ приступаетъ къ дѣлу! Спокойно, не ломая головы надъ задачей, онъ послѣ всякаго обряда и повѣрья озирается, и первое толкованіе, которое придетъ ему на умъ, онъ тотчасъ же заноситъ въ книгу. Системы, плана, общей мысли въ этихъ объясненіяхъ, разумѣется, нѣтъ. Авторъ справляется не съ исторіей, не съ

данными, а только съ личными ощущеніями. И просто, и назидательно! Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Читатели знаютъ, что понедѣльникъ считается несчастнымъ днемъ. Почему? Авторъ не обинуясь говоритъ: «по принятіи христіянской вѣры наши предки вѣроятно обязаны были являться по воскресеньямъ въ церковь; не исполнившіе же этого, подвергались наказанію и понедѣльникъ былъ днемъ расплаты» (Т. VI. стр. 55). Какъ легко и просто! «Сохранилось еще повѣрье, что въ дни русальные не должно бросать скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ, а надобно раскрошить на мелкія части, потому что если скорлупа попадетъ въ воду, то русалки построятъ изъ нея корабликъ и будутъ плавать на зло людямъ. Если же кто выброситъ надворъ скорлупу, потомъ накопится въ ней вода и напьется сорока, то на того нападетъ лихоманка». Вотъ кажется, есть надъ чѣмъ задуматься и стать втупикъ. Но авторъ не останавливается надъ непонятной вещью. У него все объясняется очень скоро. «Смыслъ этого повѣрья — говоритъ онъ — конечно (разумѣется!) состоитъ въ одной острасткѣ, чтобы выбрасываемыя скорлупы не пріучали собакъ таскать яица и не поваживали бы домашнюю птицу разбивать свои яица и выпивать ихъ» (!). Тамъ же на 130 и 131 страницахъ авторъ сообщаетъ заговоры противъ русалокъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Извѣстно, что у насъ такихъ заговоровъ и заклинаній много; г. Сахаровъ сообщилъ ихъ нѣсколько. Опять есть надъ чѣмъ подумать и серьёзно потрудиться; но авторъ и тутъ отдѣлывается нѣсколькими словами. Въ выноскѣ онъ говоритъ: «Заговоръ списанъ со словъ кіевскихъ ворожей. У нихъ, кромѣ сихъ заклинаній, находятся и другія, но столько же безсмысленныя (?), непонятныя и безтолковыя (?!), какъ самыя ворожеи (sic). Онѣ часто сами составляютъ, по произволу, всякаго рода заговоры... Всѣ заговоры звучатъ татарскими словами». И только. Поучительный способъ из-

слѣдовать древности! «Семикъ, при всѣхъ мѣстныхъ разнообразіяхъ, у насъ во всеобщемъ употребленіи. Онъ только въ Сибири называется тюльпою, вѣроятно (?) оттого, что на празднество собирались толпами» (!) (Т. VI, стр. 148).— «Бить въ это время (на свадьбѣ) посуду, или во время крестинъ и пирушекъ — хорошая примѣта. Это повѣрье выдумано, какъ должно думать, (авторъ могъ бы, съ большимъ правомъ, сказать, что онъ такъ думаетъ), для того, чтобы разбитыя вещи не нарушали спокойствія и удовольствія хозяевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишали бы веселости гостей» (Т. II, стр. 138, въ выноскѣ). «Масло, которое несла мать (послѣ несчастливой свадьбы), означаетъ, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностью дочери». (!!) (Т. II, стр. 228). «Невѣста (у донскихъ казаковъ) не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею пріѣзжаетъ самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвѣшивается колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать его пріѣздъ» (!) (Т. II, стр. 616). Четвертая часть, въ которой собраны игры и хороводы, преисполнена такихъ толкованій; на каждой страницѣ они встрѣчаются, и по нѣскольку. Напримѣръ игра теребить носъ имѣетъ, по мнѣнію г. Терещенки, высшее, философское (кто бы могъ подумать?) значеніе. «Эта игра — говоритъ онъ — повидимому ничего не объясняетъ собою; но, вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно: то за нѣжные вздохи и любовныя дѣлишки, то за дурачество и житейскіе промахи — однимъ словомъ, повсюду носы, — кто не получалъ ихъ? — Обращаюсь къ вамъ, не сердитесь за носъ. Безъ носа нельзя быть. — Безъ носа только дурные люди, — фи! — Носъ! носъ! дайте носъ: безъ носа никто не можетъ жить» (Т. IV, стр. 10 и 11). Игра сѣрый волкъ — указаніе на то, что «много на свѣтѣ людей, подобныхъ волкамъ» (ib. стр. 16). — Бумажный змѣй — аллегорическое

выраженіе истины, что «скрытные друзья опаснѣе змѣй» (ib. стр. 23). — Огарушекъ изображаетъ засидѣвшихъ дѣвицъ, которыя, посмѣиваясь надъ тихими и счастливыми въ любви, клевещутъ на нихъ изъ злости. Женское злословіе проистекаетъ наиболѣе изъ устъ старыхъ дѣвъ» (Ib. стр. 47). — Игра въ чушки «повидимому намекаетъ на то, что кто въ свѣтѣ проворенъ, тотъ и успѣваетъ» (Ib. стр. 57). — Игра дригунъ «обнаруживаетъ (?) сладкіе поцѣлуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ; а дѣвушка нарочно упряме(и)тся скакать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. Дѣвушки страстно любятъ поцѣлуи (ну, это смотря по дѣвушкѣ, г. Терещенко!), думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество въ тѣсной дружбѣ» (Ib. стр. 88).

Мы бы никогда не кончили, еслибъ хотѣли выписать всѣ подобныя объясненія, щедро разсыпанныя авторомъ въ четвертой части. Довольно и приведенныхъ. Бѣдная русская археологія! Чего она не должна вытерпѣть, пока наконецъ наступитъ и для нея чередъ строгаго, серьёзнаго, добросовѣстнаго изученія. А время уходитъ, факты изчезаютъ и ихъ не воскресить!

2

Разборъ книги г. Терещенки естественно привелъ насъ къ нѣсколькимъ общимъ замѣчаніямъ о происхожденіи, развитіи и объясненіи обычаевъ, повѣрій, торжественныхъ обрядовъ и словъ. Но мы бы исполнили только половину своей задачи, еслибъ этимъ ограничились. Русско-славянскій бытъ — главный предметъ этой статьи — имѣетъ свою исторію, свои составные элементы, слѣдовательно свои особенности, необъ-

яснимыя изъ одникъ общихъ началъ и законовъ. Чтобъ его понять, надо вглядѣться въ эти особенности, опредѣлить ихъ. Только тогда исторія русскихъ обычаевъ, народныхъ вѣрованій и обрядовъ предстанетъ предъ нами какъ живое, органическое цѣлое, при общихъ чертахъ имѣющее свою особенную физіономію.

Постараемся теперь разрѣшить эту вторую, самую важную и самую трудную половину задачи.

Довольно одного бѣглаго, поверхностнаго взгляда на русскій простонародный бытъ, чтобъ открыть въ немъ присутствіе двухъ рѣзко противоположныхъ элементовъ, видимо преобладающихъ надъ всѣми прочими. Мѣстные, отрывочные слѣды монгольскаго вліянія, примѣсь финнскихъ элементовъ тамъ, гдѣ русскіе сосѣдили съ финнскими племенами, слились съ ними или ихъ обрусили, — слабое, бóльшею частію внѣшнее, и только около большихъ центровъ имперіи и въ образованныхъ слояхъ общества замѣтное воздѣйствіе европейскихъ понятій и нравовъ — все это ничто въ сравненіи съ двумя началами, опредѣлившими почти исключительно жизнь простого русскаго народа. Мы разумѣемъ: восточное православное христіянство, перенесенное къ намъ изъ Греціи, и первобытное. древнее язычество.

По времени христіянство вошло въ нашу жизнь позднее язычества. Считая у насъ сперва немногихъ послѣдователей, непризнаваемое, нерѣдко гонимое, и потому сначала тайное, христіянство въ X вѣкѣ стало наконецъ господствующей религіей въ Россіи. Великій князь Владиміръ крестился съ народомъ и торжественно уничтожилъ язычество. Съ этого времени незыблемо водворилась у насъ христіянская церковь, устроилась и съ каждымъ днемъ пріобрѣтала бóльшія и бóльшія силы. Онѣ были ей нужны. Церкви предстоялъ важный подвигъ въ Россіи и большія трудности.

Язычество [illegible] Руси, но могли [illegible] [illegible] издавна было [illegible] христіанъ [illegible] гнули древнихъ [illegible] и [illegible] другихъ отдаленныхъ [illegible] сіи? Мы и видимъ [illegible] писателей, язычество [illegible] которые христіанскіе [illegible] ческій вѣкъ. Церковь [illegible] боролась съ язычествомъ [illegible] ства съ христіанствомъ [illegible] происходившая [illegible] ная, продолжалась [illegible] Еще въ [illegible] въ Стоглавѣ. Правда [illegible] но быть и тогда [illegible] оно было окончательно [illegible] церковью, и съ того времени [illegible] обычаяхъ, повѣрьяхъ [illegible] воспоминаніе старины [illegible] живое значеніе. Въ [illegible] ствомъ въ древней Руси [illegible] ихъ, какъ религій. Онѣ [illegible] ко разныя религіозныя [illegible] ственный и гражданскій бытъ. [illegible] могло ограничиться [illegible] и христіанство встрѣчалось [illegible] ежедневномъ быту, въ [illegible] стороны, церковь [illegible] ныхъ сильныхъ [illegible] Ей стоило большихъ [illegible] общественнаго и частнаго [illegible] да насъ въ [illegible]

яснимыя изъ одних общихъ началъ и законовъ. Чтобъ его понять, надо вглядѣться въ эти особенности, опредѣлить ихъ. Только тогда исторія русскихъ обычаевъ, народныхъ вѣрованій и обрядовъ предстанетъ предъ нами какъ живое, органическое цѣлое, при общихъ чертахъ имѣющее свою особенную физіономію.

Постараемся теперь разрѣшить эту вторую, самую важную и самую трудную половину задачи.

Довольно одного бѣглаго, поверхностнаго взгляда на русскій простонародный бытъ, чтобъ открыть въ немъ присутствіе двухъ рѣзко противоположныхъ элементовъ, видимо преобладающихъ надъ всѣми прочими. Мѣстные, отрывочные слѣды монгольскаго вліянія, примѣсь финнскихъ элементовъ тамъ, гдѣ русскіе сосѣдили съ финнскими племенами, слились съ ними или ихъ обрусили, — слабое, бо́льшею частію внѣшнее, и только около большихъ центровъ имперіи и въ образованныхъ слояхъ общества замѣтное воздѣйствіе европейскихъ понятій и нравовъ — все это ничто въ сравненіи съ двумя началами, опредѣлившими почти исключительно жизнь простого русскаго народа. Мы разумѣемъ: восточное православное христіянство, перенесенное къ намъ изъ Греціи, и первобытное. древнее язычество.

По времени христіянство вошло въ нашу жизнь позднее язычества. Считая у насъ сперва немногихъ послѣдователей, непризнаваемое, нерѣдко гонимое, и потому сначала тайное, христіянство въ X вѣкѣ стало наконецъ господствующей религіей въ Россіи. Великій князь Владиміръ крестился съ народомъ и торжественно уничтожилъ язычество. Съ этого времени незыблемо водворилась у насъ христіянская церковь, устроилась и съ каждымъ днемъ пріобрѣтала бо́льшія и бо́льшія силы. Онѣ были ей нужны. Церкви предстоялъ важный подвигъ въ Россіи и большія трудности.

Язычество, несуществовавшее явно съ самого крещенія Руси, но могло изчезнуть вдругъ. Если въ Кіевѣ, гдѣ уже издавна было много христіянъ, народъ плакалъ, когда низвергнули древнихъ боговъ и ругались надъ ними, что̀ жь было въ другихъ, отдаленныхъ, полудикихъ странахъ тогдашней Россіи? Мы и видимъ, что въ лицѣ кудесниковъ, волхвовъ, прорицателей, язычество безпрестанно возставало; въ XII вѣкѣ нѣкоторые христіянскіе проповѣдники приняли у насъ даже мученическій вѣнецъ. Церковь, поддерживаемая князьями, неутомимо боролась съ язычествомъ, разрушала его. Эта борьба язычества съ христіянствомъ, мало изслѣдованная, большею частію происходившая незамѣтно, но въ высокой степени любопытная, продолжалось долго. Еще въ XVI вѣкѣ слѣды ея видны въ Стоглавѣ. Правда, капища и боги изчезли гораздо прежде, но бытъ и тогда дышалъ язычествомъ. Только къ XVII вѣку оно было окончательно обезсилено, до основанія разрушено церковью, и съ того времени слѣды его удержались только въ обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ и обрядахъ, какъ смутное воспоминаніе старины, какъ привычка, утратившая всякое живое значеніе. Въ основаніи борьбы христіянства съ язычествомъ въ древней Руси лежала не одна противоположность ихъ, какъ религій. Оба предполагали и обусловливали не только разныя религіозныя убѣжденія, но совершенно разный общественный и гражданскій бытъ. Поэтому ихъ столкновеніе не могло ограничиться одной чисто религіозной сферой. Язычество и христіянство встрѣчались враждебно на каждомъ шагу въ ежедневномъ быту, въ общественной и частной жизни. Съ этой стороны, церковь является въ древней Руси однимъ изъ самыхъ сильныхъ дѣятелей гражданственности и цивилизаціи. Ей стоило большихъ усилій насадить у насъ сѣмяна лучшаго общественнаго и частнаго быта; она сдѣлала это и приготовила насъ къ послѣдующей исторической жизни.

Славянское язычество — нетолько какъ религія, но какъ извѣстный общественный и частный бытъ, выражало естественное, природное состояніе Славянина, и притомъ въ первоначальной, грубой, полу-дикой формѣ. Всѣ явленія, перемѣны и свойства внѣшней природы, имѣющія непосредственное отношеніе къ человѣку и вліяніе на его бытъ и судьбу, всѣ условія, отъ которыхъ зависѣли его частная жизнь и отношенія къ другимъ лицамъ, — все это рано сдѣлалось для него предметомъ поклоненія и обожанія. Такихъ предметовъ было много; ибо первобытный человѣкъ не понимаетъ законовъ природы, не знаетъ основныхъ пружинъ и двигателей общественной и частной жизни. Онъ по необходимости слѣпо и безусловно покоряется тому, что̀ около него дѣлается и на него вліяетъ, потому что не умѣетъ приспособить законовъ природы къ своимъ нуждамъ, заставить ихъ служить своимъ пользамъ, вызывая и производя извѣстнымъ образомъ тѣ или другія явленія природы. Міръ общественныхъ и частныхъ отношеній для него также невѣдомъ; онъ для него существуетъ въ томъ непосредственномъ, необработанномъ видѣ, какимъ вышелъ изъ рукъ природы. Итакъ, естественно, что чѣмъ слабѣе, беззаботнѣй, невѣжественнѣй и разобщеннѣй съ подобными себѣ былъ человѣкъ, тѣмъ грубѣе было его поклоненіе, тѣмъ больше предметовъ обожанія.

Уже въ этомъ между прочимъ заключалось огромное различіе нашего первобытнаго язычества и христіянства. Послѣднее принесло съ собою нравственныя идеи, вѣру въ истину, лежащую внѣ видимаго, дѣйствительнаго міра, передъ которой ничто всѣ блага и сокровища земли. Его призваніе, цѣль — внутреннее очищеніе, освященіе человѣка, любовь къ Богу и ближнимъ, слѣдовательно смягченіе отношеній между людьми. Язычество не знало ничего подобнаго. Нравственная сторона человѣка была ему неизвѣстна. Рожденное невѣжествомъ и

страхомъ, оно и выражало одинъ страхъ и невѣжество; нравственныя обязанности замѣнялись въ немъ обрядовыми дѣйствіями. Христіянство перераждаетъ, воспитываетъ человѣка; язычество не перераждало, не преобразовывало. Имъ высказывалось грубое признаніе того, что̀ существовало на фактѣ. Оттого-то оно было мѣстное, національное и не имѣло всеобщности, отличительной черты всемірнаго христіянскаго ученія.

Какъ ни грубо первоначальное славянское язычество, какъ ни скудны о немъ историческія извѣстія, видно однако, что оно имѣло свою исторію. Оно нѣсколько разъ измѣнялось, и, если вглядѣться ближе, очень послѣдовательно и постепенно.

Разсмотримъ эти измѣненія въ вѣрованіяхъ и бытѣ.

Славянская миѳологія до сихъ поръ мало разработана и темна. Причина этой неизвѣстности лежитъ, кажется, не столько въ предметѣ, сколько въ пріемахъ ученыхъ, ихъ способѣ изслѣдованія. Въ славянской миѳологіи, какъ и во всемъ славянскомъ, искали покуда чего нѣтъ, проходили безъ вниманія, что̀ есть, задавали себѣ вопросы невозможные, оставляли въ сторонѣ естественные и близкіе. Ходъ и развитіе понятій не занимали: занимали названія, число и назначеніе боговъ, ихъ взаимныя отношенія, ихъ историческое происхожденіе по племенамъ; славянскихъ боговъ тоже производили нивѣсть откуда; въ нихъ тоже, во что̀ бы то ни стало, влагали высокія философскія и психологическія истины или нравственныя качества,— словомъ, какъ нарочно, затемняли дѣло.

Въ первой статьѣ мы видѣли, что въ основаніи всѣхъ первобытныхъ вѣрованій, обычаевъ, торжественныхъ, обрядовыхъ дѣйствій и словъ непремѣнно лежитъ естественный или бытовой фактъ, — что въ младенчествѣ и человѣкъ и народъ возводитъ на степень непреложныхъ истинъ не аксіомы духовнаго, нравственнаго міра, а явленія и дѣйствія внѣшнія, непосредственныя, подлежащія чувствамъ. Такъ и Славяне-языч-

ники. Ихъ древнее богослуженіе, ихъ религіозныя вѣрованія указываютъ на обожаніе природы, ея силъ, явленій и тѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыхъ древній Славянинъ не умѣлъ устроить и опредѣлить правильнымъ, разумнымъ образомъ, и потому предоставлялъ на произволъ случая. Къ этимъ двумъ категоріямъ сводится весь славянскій Олимпъ, такой же грубый, непосредственный, и неправильный какъ среда, въ которой онъ образовался.

Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что славянское язычество началось монотеизмомъ. Трудно рѣшить, правы они или нѣтъ. Поводы такъ думать—ихъ нельзя отрицать—очень нерѣшительны. Главный—существованіе у Славянъ верховнаго божества, чтимаго преимущественно передъ другими. Но если монотеизмъ и былъ исходной точкой славянскаго язычества, то онъ очень рано долженъ былъ перейдти въ многобожіе. Во первыхъ, послѣднее весьма древне; во вторыхъ, къ этому необходимо вела сущность язычества. Оно было обожаніемъ природы и случайности, слѣдовательно и языческій монотеизмъ могъ быть только первичной, самой неопредѣленной, неразвитой формой поклоненія внѣшней, матеріяльной силѣ природы или случая, а это предполагаетъ крайнюю бѣдность понятій и совершенное отсутствіе сколько-нибудь устроенной общественной и частной жизни. Стало-быть языческій монотеизмъ могъ существовать только пока человѣкъ не умѣлъ даже различать явленій и предметовъ. Лишь только онъ ознакомился съ благодѣтельнымъ и вреднымъ дѣйствіемъ того, что̀ его окружало, младенческій языческій монотеизмъ долженъ былъ уступить мѣсто многобожію. Послѣднее не только естественно и необходимо смѣнило монотеизмъ, но было, даже во многихъ отношеніяхъ успѣхомъ, высшей степенью развитія, ибо выражало, сравнительно, лучшій, болѣе опредѣленный взглядъ на вещи.

На эту внутреннюю связь и преемство языческихъ вѣрованій изслѣдователи не обратили вниманія. Судя обо всемъ по своему времени, они увидѣли въ языческомъ монотеизмѣ Славянъ слѣды ихъ первобытной глубокой мудрости, стертой последующимъ невѣжествомъ и варварствомъ. Но когда и гдѣ она была—они не позаботились доказать. Они ухватились за единобожіе и, не разбирая, какое оно было, создали по готовому о немъ понятію цѣлую небывалую историческую эпоху. Вотъ что̀ значитъ строить системы, основываясь на однихъ названіяхъ, а не сущности, содержаніи вещей! Стоитъ внимательно вникнуть въ дѣло, чтобъ убѣдиться, что между нашимъ единобожіемъ и языческимъ монотеизмомъ древнѣйшихъ, полудикихъ племенъ безконечное разстояніе, и нѣтъ возможности судить о послѣднемъ по первому: отклоненіе Евреевъ и Христіянъ къ языческому политеизму—преступленіе и упадокъ; переходъ Славянъ отъ природнаго безсмысленнаго монотеизма къ многобожію былъ, напротивъ, успѣхомъ, шагомъ впередъ въ развитіи понятій.

Итакъ, во времена язычества Славяне боготворили природу и бытовыя случайности. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ поклоненіи.

Натуральный, природный политеизмъ состоялъ первоначально въ непосредственномъ обожаніи предметовъ и явленій природы. Но онъ не могъ навсегда остановиться на этой ступени. Современемъ онъ долженъ былъ мало по-малу привести къ болѣе отвлеченному вѣрованію. Конечно, грубое, непосредственное обожаніе предметовъ осязательныхъ, видимыхъ, физически и постоянно существующихъ, по опредѣленности ихъ удерживалось весьма долго въ первоначальномъ видѣ. Но обожаніе перемѣнъ, силъ, быстро-проходящихъ явленій природы не могло быть такъ прочно. Ихъ дѣйствія, вліяніе были ощутительны, а движущее, дѣйствующее не имѣло ни нагляд-

ности, ни пребываемости, ни опредѣленнаго существованія. О немъ можно было судить по явленіямъ, но оно само было невидимо, не подлежало чувствамъ. Какое же оно было? Этотъ вопросъ не могъ не представиться первобытному человѣку. Да и въ самихъ видимыхъ предметахъ человѣкъ долженъ былъ, современемъ, различить то, что̀ онъ видѣлъ, отъ того, что̀ побуждало видимое къ дѣйствію, руководило имъ, внушало то или другое,—словомъ, различить внутреннее отъ внѣшняго. Какое же было это внутреннее—другой вопросъ, столько же трудный для отвѣта, какъ и первый. Сначала эти отвлеченныя вѣрованія не имѣли никакого положительнаго содержанія; съ невидимыми и невѣдомыми дѣятелями не связывалось никакихъ представленій, никакихъ опредѣленныхъ понятій; только существованіе ихъ, безличное и безо̀бразное, предчувствовалось смутно. Нужна была нѣкоторая степень образованности и большія усилія, чтобъ облечь эти предчувствія въ какую-нибудь форму, вложить въ нихъ какое-нибудь содержаніе. Мы не знаемъ, какъ долго совершался этотъ переходъ и какъ онъ совершился у разныхъ племенъ. Въ короткое время онъ не могъ сдѣлаться; это очевидно, ибо предполагаетъ развитіе сознанія, и есть самъ по себѣ умственный и психологическій актъ, невозможный безъ воображенія, анализа и отвлеченнаго мышленія.

Къ эпохѣ неопредѣленнаго предчувствія невѣдомыхъ силъ, смѣнившаго грубое обожаніе видимыхъ предметовъ, относится замѣчаніе, сдѣланное о древнѣйшемъ язычествѣ г. Терещенко. «Вѣрованіе въ существованіе высшаго бытія—говоритъ онъ—господствовало въ незапамятныя времена язычества; но изображеніе его не дерзали ни вырѣзывать, ни рисовать, страшась навлечь гнѣвъ невидимаго бога, коему молились съ трепетомъ» (Ч. VI, стр. 119). Отбросивъ фигуральное въ этихъ словахъ, мы получимъ вѣрный взглядъ на тѣ времена,

когда человѣкъ не находилъ ὀбраза для своихъ религіозныхъ представленій. Буквально мнѣніе г. Терещенки примѣнимо только къ тому періоду, когда въ народныхъ понятіяхъ божества уже начали облекаться въ опредѣленныя формы; но вѣковѣчный обычай противился и останавливалъ первыя попытки выразить представленія во внѣшнемъ ὀбразѣ.

Какое же содержаніе и какую форму далъ современемъ первобытный язычникъ невидимымъ силамъ, которымъ поклонялся? Весьма естественно, онъ представилъ ихъ себѣ людьми, перенесъ въ нихъ самого себя. Правда, эти люди были не такими какъ онъ; все было въ нихъ сверхъестественно: и сила, и власть, и размѣры, и всѣ принадлежности. Даже ихъ внѣшній видъ не находилъ подобнаго между человѣческими существами; замѣтимъ, что сверхъ того человѣкъ еще не зналъ искусства, не умѣлъ слѣдовательно воспроизвести свою мысль въ художественномъ, изящномъ образѣ. Но для насъ важно не выполненіе, не формы, а то, чтò именно хотѣлъ выразить этотъ первобытный язычникъ, а онъ очевидно хотѣлъ представить человѣка.

Вотъ начало и происхожденіе антропоморфизма въ языческихъ религіяхъ. Идолы, истуканы—олицетвореніе древнѣйшихъ предметовъ обожанія: сперва эти предметы были видимыя явленія природы, потомъ невидимыя, неопредѣленныя силы; наконецъ силы преобразились въ живыя, человѣко-подобныя существа. Вотъ почему каждое славянское божество непремѣнно имѣетъ атрибуты, напоминающіе древнѣйшую натуральную религію. Сквозь человѣческій образъ боговъ проступаютъ первобытные естественные предметы обожанія. Стоитъ только совлечь съ нихъ обманчивую внѣшнюю форму, приданную человѣкомъ, чтобъ понять ихъ происхожденіе.

Съ превращеніемъ явленій и силъ природы въ живыя, человѣческія существа язычество вступаетъ въ новую эпоху раз-

витія. Ея натуральная основа мало-по-малу начинаетъ уходить на второй планъ, постепенно забывается. На первый выступаютъ человѣческія свойства и принадлежности боговъ, и онито постепенно развиваются. Боги болѣе и болѣе становятся похожими на людей и совершенно подчиняются условіямъ народной жизни, быта, понятій. По мѣрѣ того, какъ они измѣняются, измѣняются и качества, свойства, принадлежности мнимыхъ боговъ. Успѣхи народа отражаются въ миѳологіи, которая становится хранилищемъ народныхъ понятій и вѣрованій. Оттого языческое божество, имѣвшее сначала одно значеніе, часто получаетъ потомъ совсѣмъ другое; или съ прежнимъ соединяется новое, вызванное новыми условіями народнаго быта; нѣкоторыя божества входятъ въ славу у цѣлаго племени, даже у нѣсколькихъ племенъ, иногда по причинамъ совершенно случайнымъ: удачнымъ прорицаніямъ, знатности или богатству храма, племени, и т. д. Появляется іерархія между языческими богами, сперва равными между собою: нерѣдко идолы переносятся отъ одного племени къ другому и вмѣстѣ съ туземными дѣлаются здѣсь предметомъ поклоненія; наконецъ у одного и того же племени, по разнымъ мѣстностямъ, можетъ быть нѣсколько божествъ съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, или однимъ только въ началѣ, но различнымъ въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ. Словомъ, величайшая неправильность, случайность и произволъ господствуютъ въ первоначальной миѳологіи, когда она выработывается изъ первобытнаго, естественнаго язычества. Такова была и славянская миѳологія. Напрасно стараются ученые изчислить славянскихъ боговъ, подробно опредѣлить свойства и значеніе каждаго изъ нихъ, порядокъ и старшинство: напрасно надѣются они когда-нибудь привести хаотическій славянскій Олимпъ въ систему, разрѣшить въ немъ противорѣчія, объяснить различія тождественныхъ явленій. Этимъ путемъ можно сдѣлать много любопыт-

ныхъ наблюденій, даже весьма важныхъ открытій; достигнуть предположенной цѣли—нельзя: противорѣчія, тождественные факты, отсутствіе системы, правильности, единства—лежатъ въ самомъ предметѣ; ихъ нельзя устранить не затемнивши его смысла. Неопредѣленность есть его опредѣленіе, неправильность—его правило, его нормальный видъ.

Дальнѣйшее развитіе первоначальнаго антропоморфизма состоитъ въ томъ, что божества совершенно перестаютъ быть олицетвореніемъ силъ и явленій природы и становятся воплощеніемъ нравственныхъ, философскихъ и политическихъ идей: вмѣсто природы боги выражаютъ внутренній міръ человѣка. Наука и философія въ послѣдствіи обработываютъ этотъ матеріялъ, придаютъ ему искусственную систематичность и единство. Является новая, философская миѳологія, или философія въ миѳологическихъ образахъ. Таковы греческая и римская миѳологія. Въ ихъ окончательной, наукой обдѣланной формѣ нѣтъ и слѣдовъ первоначальной естественной религіи. Славянская миѳологія не успѣла пройдти эти двѣ послѣднія ступени полнаго развитія языческихъ религіозныхъ вѣрованій; она не пошла далѣе олицетворенія силъ природы и въ самомъ зародышѣ была подавлена и уничтожена христіянствомъ. То что̀ мы о ней знаемъ, служитъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ: дошедшіе до насъ слѣды славянскаго язычества представляютъ одни остатки грубаго первоначальнаго антропоморфизма, и ничего болѣе.

Бытовыя условія, общественныя и частныя отношенія, важныя въ жизни первобытнаго человѣка, но отъ него независящія, непредвидимыя и неотвратимыя, были тоже предметомъ религіознаго почитанія, ибо казались дѣйствіями и велѣніями божества. Мысль о такомъ божествѣ могла явиться позднѣе обожанія природы, какъ и потребность сколько-нибудь опредѣленнаго и устроеннаго общежитія, которую она выражала.

Впрочемъ рѣшительно этого утверждать нельзя, потому что бытовыя отношенія и условія были тогда такъ же случайны и мало зависѣли отъ воли и сознанія людей, какъ силы и явленія внѣшней природы, и слѣдовательно могли совершенно съ ними сливаться.

Въ бытовой религіи какъ и въ естественной, предметами обожанія могли быть и живыя существа — лица и невидимыя силы, обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ. Которыя изъ нихъ прежде стали предметомъ поклоненія, трудно рѣшить. Кажется, лица прежде. Къ этому заключенію приводитъ слѣдующее. Прежде племенъ и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и мировъ, существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава семьи и рода полновластно господствовалъ надъ ними; въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ; словомъ, онъ—ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена мало-по-малу сглаживается значеніе домоначальниковъ. Они удерживаютъ свою власть у себя дома; но рядомъ съ внутренними родовыми отношеніями появляются между-семейныя и между-родовыя, надъ которыми они не имѣютъ такого исключительнаго господства. Послѣднія сперва случайны. Общежитіе представляетъ хаосъ. Этому-то состоянію и соотвѣтствуетъ поклоненіе невидимой силѣ, опредѣляющей общественный бытъ. Побѣды, пораженія, насилія — нормальныя явленія первобытныхъ обществъ,—приписываются божеству, такъ что оно играетъ ту же роль въ между-семейныхъ и между-родовыхъ отношеніяхъ, какую домоначальники въ семейномъ и родовомъ. Впрочемъ изъ этого только слѣдуетъ, что языческое поклоненіе судьбѣ, управляющей дѣлами человѣческими, установилось и развилось позднѣе обожанія домоначальниковъ:

происхожденіе его все-таки остается темнымъ, ибо оно могло также скрываться въ рѣдкихъ, случайныхъ столкновеніяхъ семей и родовъ, въ войнахъ и походахъ, которые они предпринимали другъ противъ друга, или нападеніяхъ пришлыхъ и сосѣднихъ народовъ.

Поклоненіе усопшимъ предкамъ есть первобытная форма обоготворенія лицъ. Его источникъ — вѣра въ личное безсмертіе, причина—огромное значеніе домовладыкъ въ первоначальномъ быту. Чѣмъ онъ ближе подходилъ къ природному, естественному, чѣмъ больше сосредоточивался въ семейныхъ союзахъ, тѣмъ больше была власть и роль доманачальниковъ. Слѣдовательно, ихъ обоготвореніе по смерти было весьма естественно; послѣ нихъ семья, родъ оставались безъ главы, безъ устройства. Имъ поклонялись, къ нимъ взывали во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, съ ними совѣщались въ рѣшительныя минуты жизни. Труднѣе объяснить историческое происхожденіе домашнихъ боговъ (домовыхъ), духовъ-покровителей общинъ, городовъ, даже цѣлыхъ областей и племенъ. Были ли они сначала обоготворенные предки, или возникли позднѣе, съ установленіемъ постоянныхъ внѣ-семейныхъ и внѣ-родовыхъ отношеній, — вотъ чего нельзя рѣшить. Историческія извѣстія слишкомъ скудны. Быть-можетъ первое предположеніе вѣрно, но очень вѣроятно, что уже въ незапамятныя времена оно потеряло смыслъ. Тождество домашнихъ божествъ съ усопшими предками еще могло долго продолжаться, но боги-покровители цѣлыхъ общинъ и союзовъ во всякомъ случаѣ рано отрѣшились въ народномъ сознаніи отъ своихъ историческихъ прототиповъ-родоначальниковъ. Такъ заставляетъ думать несомненно давнишнее отсутствіе единовластительства въ древнейшихъ славянскихъ общинахъ.

Впрочемъ основанія бытоваго язычества и естественнаго были тѣже; развитіе ихъ совершалось по тѣмъ же законамъ и

въ той же постепенности. Сначала язычникъ безсмысленно покорился случайности, потомъ приписалъ ей разумъ и волю Въ этомъ безсознательно выразилъ онъ и то, чего онъ требовалъ отъ общественности и чего ему въ ней недоставало. Съ вѣрой въ рокъ, судьбу, найдена первая точка опоры противъ хаотическаго состоянія быта, и установляется связь между нимъ и языческими вѣрованіями, такъ что дальнѣйшее ихъ развитіе идетъ уже рядомъ, опираясь одно на другое: бытъ измѣняетъ религіозныя бытовыя вѣрованія; они въ свою очередь измѣняютъ бытъ. Какъ въ естественной религіи, такъ и въ бытовой, языческія вѣрованія современемъ утрачиваютъ свою непосредственную, грубую основу.

Въ заключеніе остается сказать о древнемъ языческомъ богослуженіи.

Первобытное богослуженіе Славянъ было тѣсно связано съ развитіемъ ихъ языческихъ вѣрованій; съ ними оно измѣнялось, отъ нихъ заимствовало характеръ и особенности. При непосредственномъ обожаніи грубой силы, дѣйствующей помимо сознанія и воли челокѣка, какъ неизбѣжный законъ, неотвратимый рокъ, поклоненіе и богослуженіе были невозможны. Со страхомъ и трепетомъ подчинялся человѣкъ своей судьбѣ. Въ безусловной покорности состояло обожаніе. Съ первыми зачатками антропоморфизма появляются и первые, слабые зачатки богослуженія и поклоненія въ языческихъ вѣрованіяхъ. Лишь только человѣкъ приписалъ волю, хотя ему и непонятную, неодушевленнымъ предметамъ, силамъ природы, случайностямъ бытовыхъ отношеній,—лишь только онъ предположилъ въ нихъ разумность и сознательность, хотя и дѣйствующую по особеннымъ, сверхъестественнымъ предначертаніямъ, онъ перенесъ на нихъ свои тогдашнія отношенія къ земнымъ властителямъ: сталъ изъявлять имъ знаки покорности и подчиненія, просить о томъ, что̀ ему было нужно, умилостивлять, приносить

имъ дань, выбирая ту, которая могла быть имъ пріятнѣе и угоднѣе. Формы языческаго богослуженія — самое правдивое свидѣтельство о древнѣйшихъ отношеніяхъ между главами семействъ и семьями, господами и ихъ подвластными. Но вмѣстѣ съ поклоненіемъ и самое исполненіе велѣній божества составляло необходимую, существенную часть богослуженія, получило религіозный характеръ. Для примѣра укажемъ на древнія славянскія сатурналіи и вакхическіе праздники, совершавшіеся въ опредѣленное время со всей торжественностью религіозныхъ обрядовъ: въ основаніи ихъ лежитъ внѣшній физическій законъ, возведенный на степень языческаго священнодѣйствія. Таковы и многія другія древнія языческія торжества, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ съ олицетвореніемъ божествъ въ человѣческомъ образѣ, съ появленіемъ идоловъ и кумировъ, языческое богослуженіе впервые получаетъ правильную форму. Являются жилища боговъ — капища и храмы; въ нихъ сосредоточивается поклоненіе, съ самого начала не имѣвшее опредѣленнаго мѣста, потомъ происходившее подъ открытымъ небомъ, въ лѣсахъ и рощахъ, у рѣкъ, источниковъ, на поляхъ, горахъ и возвышеніяхъ, освященныхъ обычаемъ или народными вѣрованіями. Вмѣстѣ съ послѣдними и богослуженіе начинаетъ слагать съ себя первобытную, грубую, непосредственную форму и становится искусственнѣе, такъ сказать, отвлеченнѣе. Образуется сословіе храмовыхъ служителей — жрецовъ. Они естественно становятся посредниками между богами и людьми, органами божеских велѣній, хранителями тайнъ того, что̀ пріятно и непріятно кумирамъ, какъ лучше имъ угодить. Такими слугами являются сперва древнѣйшіе первосвященники — родоначальники; потомъ, съ образованіемъ общинъ и союзовъ — выборные изъ знатнѣйшихъ родовъ и старѣйшинъ; наконецъ, у нѣкоторыхъ племенъ, должность жрецовъ становится наслѣд-

ственною, какъ и многія должности, тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ родственный бытъ.

Очень вѣроятно, что къ этому же времени относится появленіе кровныхъ и человѣческихъ жертвъ у Славянъ. Онѣ, кажется, тѣсно связаны съ антропоморфизмомъ. Только уподобивъ себѣ боговъ, человѣкъ могъ начать воздавать имъ человѣческія почести. Языческія божества пили, ѣли, одѣвались какъ и смертные. Жертвы—дары, приношенія—сообразовались съ этимъ понятіемъ. У хищныхъ, кровожадныхъ племенъ, въ странѣ, гдѣ жили Геродотовы андрофаги, человѣческія жертвы богамъ не представляли исключенія изъ ежедневныхъ привычекъ людей, и боги могли быть подобны людямъ. До утвержденія антропоморфизма человѣкъ, кажется, не могъ такъ рѣшительно приписывать богамъ свои наклонности и привычки; по крайней мѣрѣ это трудно себѣ представить. Представленія о богахъ были слишкомъ шатки, сбивчивы, а потому и служеніе имъ не могло имѣть опредѣленнаго, высказаннаго характера.

Вотъ первобытныя вѣрованія и ихъ развитіе. Перейдемъ теперь къ древнѣйшему общественному и домашнему быту Славянъ.

Многіе думаютъ—и это сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ всѣхъ разсужденій—что внутренній бытъ этого племени, особенно русскихъ, мало измѣнился въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, лучше сказать, что онъ вовсе не измѣнился. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Надобно вовсе не знать племени, его исторіи, его преданій и древнихъ памятниковъ, чтобъ утверждать подобныя вещи. Измѣненія эти такъ существенны, теперешній бытъ такъ не похожъ на прежній, что, не имѣй мы подъ глазами несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ и живыхъ слѣдовъ прошедшаго, нельзя бы вообразить себѣ наше прежнее, какимъ оно дѣйствительно было. Надо наконецъ

убѣдиться въ этой истинѣ и отбросить однажды навсегда застарѣлый предразсудокъ, который только потворствуетъ нашему невниманію къ самимъ себѣ и очень удобенъ для поверхностнаго разрѣшенія важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ.

Древнѣйшій славянскій бытъ, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный. Еслибъ мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли бы къ тому же заключенію; въ этихъ вѣрованіяхъ первобытный Славянинъ выразился всѣми своими сторонами. Его миѳологія, олицетвореніе силъ природы и разныхъ естественныхъ и бытовыхъ случайностей, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи всякихъ нравственныхъ началъ, всякаго порядка и правильности во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Внѣшняя сила, слѣпая случайность играли, судя по той же миѳологіи, важную и рѣшительную роль въ тогдашнемъ быту, а формы языческаго богослуженія въ рѣзкихъ чертахъ выставляютъ всю непосредственность, грубость нравовъ.

Главная характеристическая черта древнѣйшей славянской общественности заключалась въ томъ, что послѣдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человѣческія общества. Вѣками пріобрѣтенная опытность, научившая общественному порядку, правильнымъ отношеніямъ между людьми и перешедшая въ нравы, привычки, ежедневную практику, не существовала для первобытнаго Славянина. Дитя природы, не получившее воспитанія, онъ слѣпо, безотчетно слѣдовалъ внушеніямъ ея, не стѣсняясь нравственными правилами и общественными условіями. Его ничто не опредѣляло, не обуздывало, кромѣ страха и внѣшней силы.

Поэтому уже нетрудно составить себѣ картину первоначальнаго славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперва

уживались одно возлѣ другого въ отношеніяхъ между членами семьи и рода. Послѣ, когда патріархальный бытъ сталъ формулироваться юридически, они выказались; сначала они не были чувствительны. Отсюда невозможность подвести эти отношенія подъ какое-нибудь начало или правило.

Сперва глава семьи имѣлъ, какъ мы видѣли, огромную, безусловную власть надъ домочадцами. Это было полное господство, незнавшее границъ, вдобавокъ несмягченное нравственнымъ чувствомъ, лежащимъ въ основаніи теперешнихъ семейныхъ отношеній. Въ современномъ обществѣ семейный бытъ очень сложенъ. Онъ условливается не однимъ чувствомъ любви, взаимной преданности, узами крови, но и всѣми основаніями гражданскаго общежитія: состраданіе, нѣжность къ слабымъ существамъ, уваженіе къ человѣческому достоинству, живое сознаніе высокихъ гражданскихъ обязанностей, налагаемыхъ воспитаніемъ дѣтей, имѣютъ теперь рѣшительное вліяніе на внутренній бытъ семьи. Пока образованіе не развило этихъ нравственныхъ элементовъ, ихъ нѣтъ и въ семейномъ быту; послѣдній поддерживается только привычкой, властью, силой. Вотъ почему дѣти и рабы не различаются въ первобытныхъ обществахъ и носятъ общее названіе домочадцевъ. Впрочемъ и власть, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она не была еще сознана, опредѣлена какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно; безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя бы и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ. Оттого рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неподвластность, неподчиненіе домочадцевъ главамъ семей и какъ бы равенство между ними: собственность принадлежитъ семьѣ, а не родона-

чальнику, и управляется съ общаго согласія членовъ послѣдней; домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ всѣхъ членовъ семейнаго союза. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ древности дѣти расхищали общее имущество во вредъ отцовъ, такъ что законодательство должно было взять послѣднихъ подъ свою защиту. Наконецъ шаткость власти выборныхъ доможачальниковъ, замѣнившихъ въ послѣдствіи природныхъ, и страшный обычай убивать престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителей—указываютъ тоже на отсутствіе строгой подвластности и подчиненности домочадцевъ естественнымъ начальникамъ семейныхъ союзовъ.

Эти противорѣчія были до сихъ поръ камнемъ преткновенія для славянскихъ археологовъ, источникомъ самыхъ противоположныхъ мнѣній и самыхъ странныхъ ошибокъ. Каждый выбиралъ факты, которые ему больше нравились, казались ему правдоподобнѣе, естественнѣе, и умалчивалъ о другихъ или упорно ихъ отвергалъ. Образовались разныя воззрѣнія: одинъ утверждалъ одно, другой другое, оба съ равнымъ основаніемъ, опираясь на доказательства. Одни идеализировали древній славянскій бытъ въ хорошую сторону, другіе въ дурную; всѣ были согласны только въ отрицаніи того, что не подходило подъ ихъ систему. Однако искусныя натяжки, разныя ученыя уловки и хитрости не могли совсѣмъ затемнить дѣла, потому что факты не легко вычеркнуть изъ исторіи. Вопросъ о древнѣйшемъ славянскомъ бытѣ остался и до сихъ поръ нерѣшеннымъ, потому что ни одному изъ славянскихъ археологовъ не пришло въ голову обратить вниманіе на источникъ, причину противорѣчащихъ извѣстій. Это еще предстоитъ будущимъ славянскимъ ученымъ.

Тѣми же условіями опредѣлялось и положеніе женщины въ первобытной славянской семьѣ; но къ нимъ приводили еще другія. Многіе думаютъ, что женщина была тогда рабой; но что

значитъ эта фраза? Юридическаго характера, уравнивающаго людей съ вещами, рабство не имѣло въ отдаленной древности, и мы видѣли, что дѣти не различались отъ рабовъ. Нельзя не сознаться, что опредѣлить и въ нѣсколькихъ словахъ выразить значеніе женщины въ древнѣйшемъ обществѣ чрезвычайно трудно. Оно имѣло столько разныхъ сторонъ и такъ измѣнялось по возрасту, положеніямъ, племенамъ, что не можетъ быть подведено подъ общее начало. Женщина покупалась и продавалась какъ товаръ; мужъ имѣлъ надъ женой такую же безусловную власть, право жизни и смерти, какъ надъ домочадцами; многоженство и конкубинатъ унижали ее; семейныя добродѣтели требовались отъ нея насильственно и строго охранялись членами семьи, такъ что онѣ очевидно болѣе интересовали семью, чѣмъ женщиу, и заслуга ихъ соблюденія болѣе относилаеь къ первой, чѣмъ къ послѣдней. Наконецъ всюду, и преимущественно у Славянъ, на замужнихъ женщинахъ лежали всѣ, даже самыя трудныя домашнія работы. Вотъ давныя, по которымъ, казалось бы, можно думать, что тогдашняя женщина не выходила изъ разряда прочихъ домочадцевъ, даже стояла ниже ихъ; мужской полъ имѣлъ многія преимущества передъ женскимъ; притомъ въ началѣ женщина не принадлежала къ роду, мущины имѣли на ихъ судьбу и бытъ большое вліяніе. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ, что жена домовладыки, какую бы второстепенную роль она ни играла въ семьѣ, была однако матерью его сыновей, и уже по одному этому стояла выше остальныхъ домочадцевъ. Какъ мать, она естественно, по законамъ природы, не могла не пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны дѣтей; положимъ даже, что въ грубомъ, неопредѣленномъ быту оно было слабо и часто нарушалось, особенно сыновьями, пришедшими въ совершеннолѣтній возрастъ, все же оно было, и мы знаемъ, что у первобытныхъ народовъ привязанность и уваженіе сыновей къ матерямъ очень

сильны. Кромѣ того рано появилось приданое, составлявшее отдѣльную собственность жены; также рано жена, по смерти мужа, становилась главою семьи, управляла домомъ и получала часть изъ мужнина имѣнія. Мнѣніе, что женскій полъ есть слабѣйшій, не вполнѣ оправдывается исторіей, и потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслѣдованіяхъ о женщинѣ. Напримѣръ, что̀ значитъ сказаніе объ амазонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымыселъ. Нѣкоторые замѣчаютъ даже именно у славянскаго племени какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ; притомъ изъ исторіи славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себѣ жениховъ. Наконецъ у всѣхъ славянскихъ племенъ дѣвушки жили на волѣ, не работали и не знали тягостей домашней жизни.

Соображая это рѣзкія противоположности, мы выводимъ изъ нихъ вотъ что: въ первоначальномъ быту, управляемомъ естественными природными, а не нравственными законами, физіологическое назначеніе женщины быть женой, матерью, должно было выдаваться очень ярко и играть важную роль въ опредѣленіи общественнаго положенія женскаго пола. Но это назначеніе, какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и послѣдовательно проведенное начало. Сверхъ того оно понималось грубо, слишкомъ матеріяльно, и потому не мѣшало обращаться съ женщиной какъ со всѣми прочими домочадцами. Вотъ источникъ противорѣчій, которыми наполнена жизнь первобытной женщины. Ея дѣвичество было приготовленіемъ къ браку, ожиданіемъ супружества. Дѣвушка не вступившая въ бракъ была, по тогдашнимъ понятіямъ, существомъ неполнымъ, недостигнувшимъ своего назначенія. Слѣды этихъ понятій удержа-

лись у насъ долго. Вышедши замужъ, она переходила въ полную власть супруга, становилась подчиненной ему наравнѣ съ прочими членами семьи [1]); но съ ними она не была равна; ея отношеніе къ домовладыкѣ, и еще болѣе ея значеніе матери нѣкоторыхъ изъ членовъ семьи, если не всѣхъ, дѣлали ея положеніе особеннымъ, исключительнымъ. По смерти мужа-домовладыки, роль ея опять измѣнялась. Она была послѣ него главой семьи, старшей, естественной властительницей своихъ дѣтей, и потому вступала въ его права. Въ юридически установленномъ общежитіи развивается власть старшаго сына надъ матерью на основаніи юридическаго предположенія, что сынъ заступаетъ мѣсто умершаго отца, слѣдовательно пріобрѣтаетъ власть и надъ матерью; въ естественномъ быту это невозможно, потому что слишкомъ искусственно. Мать остается во всякомъ случаѣ матерью, по закону природы, и потому старшею надъ сыномъ. Это заставило нѣкоторыхъ думать, что у Славянъ не было отеческой, а была родительская власть, другими словами, что власть надъ домомъ принадлежала не

---

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что Славянамъ была неизвѣстна опека надъ женщинами, и видятъ въ этомъ характеристическую, народную особенность славянскаго племени. Это мнѣніе и справедливо и нѣтъ. Оно справедливо въ томъ смыслѣ, что у Славянъ власть мужа надъ женой дѣйствительно не развилась въ юридическую власть, и потому не переходила по смерти мужа къ другимъ лицамъ, т. е. родовое начало у насъ не формулировалось въ строгій, опредѣленный законъ, какъ, напримѣръ, въ римскомъ правѣ. Оттого эта власть и не была у насъ проведена послѣдовательно. Но что она существовала, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: историческія свидѣтельства, весьма опредѣлительныя, не допускаютъ никакого сомнѣнія. Итакъ, мнимая особенность сводится къ общимъ законамъ развитія внутренняго быта всѣхъ племенъ и народовъ. Знай мы что-нибудь о древнѣйшемъ бытѣ Римлянъ, пока онъ не установился юридически, мы вѣроятно нашли бы тоже, что и у насъ. Конечно важное преимущество Славянъ передъ Римлянами и Германцами состоитъ въ томъ, что нашъ бытъ началъ принимать опредѣленную форму гораздо послѣ введенія христіянства; но это особенность исторіи, а не народнаго характера.

одному отцу-домовладыкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и его женѣ, матери семейства. Но такое мнѣніе несправедливо; мать сама была подвластной отцу, какъ и остальные домочадцы. Только смерть послѣдняго дѣлала ее господиномъ; при жизни домовладыки она пользовалась, какъ мы видѣли, особеннымъ, исключительнымъ положеніемъ, а не властью. Наконецъ жены домочадцевъ, кромѣ ближайшей власти мужей, стояли еще подъ господствомъ главы семейства, которое не прекращалось со смертію первыхъ. Итакъ, общественное положеніе женщины въ первобытной семьѣ условливалось ея значеніемъ матери, жены и измѣнялось по лицамъ, по членамъ семейства, по возрасту. Внѣ этихъ отношеній она была работницей, слугой, наравнѣ съ прочими, подлежащей самому полновластному, хотя и неопредѣленному, произволу домовладыки.

Всего рѣшительнѣй, ярче высказывается первобытный взглядъ на женщину въ древнѣйшемъ бракѣ. Его естественная сторона очень развита, нравственная совершено забыта. Женихъ покупалъ невѣсту или увозилъ ее насильно; всего чаще браки заключались по волѣ домовладыкъ, какъ договоръ купли и продажи; согласія будущихъ супруговъ не требовалось. Главное условіе брака было — чистота невѣсты; главное въ бракѣ — соединеніе брачущихся. Взглядъ былъ самый матеріяльный. Полигамія — невозможная тамъ, гдѣ личность женщины и личныя къ ней отношенія какъ къ человѣческому существу играютъ хоть какую-нибудь роль въ бракѣ — полигамія была нормальнымъ явленіемъ въ первобытномъ обществѣ; наконецъ бракъ и конкубинатъ не только существовали рядомъ, но даже почти не различались. Единственное ихъ различіе состояло, кажется, только въ томъ, что въ конкубинатѣ не было сожительства въ одномъ домѣ. Другихъ мы не знаемъ, да и подозрѣвать нельзя.

Вотъ начальная славянская семья. Изъ такихъ-то семей,

сначала чуждыхъ другъ другу, сложилась древнѣйшая общественность этого народа. Самымъ естественнымъ ближайшимъ путемъ ея образованія было распложеніе семьи въ многочисленный родъ и племя. Важныя перемѣны во внутреннемъ быту, которыя мы показали въ своемъ мѣстѣ, сопровождали это постепенное расширеніе домашняго порядка въ племенной и общественный. Но такой путь не былъ единственнымъ. Былъ и другой, который условливался враждебными и мирными соприкосновеніями между собою чуждыхъ семей. Эти соприкосновенія, неизбѣжныя при сосѣдствѣ и сожительствѣ на одномъ пространствѣ, должны были породить съ одной стороны войны, грабежи, хищническіе набѣги и завоеванія, съ другой—договоры, миры и сдѣлки. Въ послѣднихъ, равно какъ и во внутреннихъ отношеніяхъ размножившихся семей, скрывались первые зачатки правильныхъ, гражданскихъ отношеній между посторонними, чужими, неродственниками. Постараемся поближе вглядѣться въ эти мирныя и договорныя отношенія.

Они были условныя, въ самомъ непосредственномъ, грубомъ значеніи слова. Теперешнія внутреннія и общественныя отношенія не даютъ о нихъ ни малѣйшаго понятія. Теперь гражданскіе сдѣлки и договоры происходятъ между людьми, уже связанными государственною жизнью, или между-народнымъ правомъ въ одно цѣлое. Столѣтія утвердили эту связь; общіе интересы, общія условія бытія, образованіе, и вслѣдствіе того чувство законности, и сознаніе человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ, сильно ослабили, если не совершенно уничтожили разобщенность, враждебность или чуждость людей другъ къ другу. Въ основаніи теперешней общественности лежитъ насажденное христіянствомъ нравственное начало уваженія, любви къ ближнему. Это начало поддерживается и развивается учрежденіями, администраціей и предшествуетъ всякой частной сдѣлкѣ, всякому гражданскому дого-

вору, такъ что они только ближайшее примѣненіе общаго начала союза, любви, единства къ тому или другому данному отношенію между извѣстными людьми, сообразно съ ихъ частными удобствами и пользами. Первобытное общежитіе не знаетъ этого начала ни въ его нравственной, ни въ юридической формѣ; въ немъ нѣтъ сознанія единства, нѣтъ установленій, которыя обеспечивали бы союзъ внѣшнимъ образомъ. Если поэтому первоначальныя взаимныя отношенія не представляютъ положительной враждебности между людьми, то они и не показываютъ положительнаго расположенія, довѣренности ихъ другъ къ другу: возможная до нѣкоторой степени внутри первобытныхъ семей, довѣренность была невозможна, какъ общее правило, въ сношеніяхъ между посторонними, чужими. Вотъ почему договоры, условія, сдѣлки имѣли тогда чрезвычайно важное значеніе. Не будучи основаны на общемъ государственномъ и гражданскомъ союзѣ между договаривающимися лицами, сдѣлки и договоры играли первостепенную, а не вторую роль, какъ теперь, и рѣшительно опредѣляли всѣ отношенія людей. Посмотрите пристально на первоначальный внѣ-семейный бытъ: онъ весь слагается съ одной стороны изъ насилій грубыхъ, физическихъ фактовъ, съ другой — изъ договоровъ, условій, сдѣлокъ. Этимъ объясняется, почему судопроизводство въ отдаленной древности было такъ страшно дорого, и судьи продавали каждое свое дѣйствіе по процессу на вѣсъ золота; почему проценты съ должниковъ взимались непомѣрные, почему кредиторы были такъ неумолимы и жестоки.

При такомъ порядкѣ вещей миры — первыя договорныя общины — были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній. Формы мировъ — чисто патріархальныя; видно, что они созданы наро-

[illegible] кромѣ семейнаго,
[illegible] Притомъ миръ—
[illegible] договоровъ и
[illegible] значенія.
[illegible] людьми; на-
[illegible] его пер-
[illegible] вы-
[illegible] община,
[illegible] остро-
[illegible] ы,
[illegible] не по-
[illegible] человѣ-
[illegible] съ по-
[illegible] ность;
[illegible] сій,
[illegible] любви и

[illegible] ности
[illegible] ми. и
[illegible] лись и
[illegible] довѣ-
[illegible] значеній
[illegible] возникав-

[illegible] прибѣг-
[illegible] случайности
[illegible] древнѣйшія
[illegible] общежитіемъ.
[illegible] ой и пра-
[illegible] тодно и
[illegible]

гіозный характеръ. Языческіе жрецы принимали участіе въ ихъ заключеніи; ихъ нарушеніе было имъ непріятно, они рѣшали правильность суждень, правы или неправы спорящіе и ведущіе войну, и карали преступниковъ; общественныя дѣла народа, маг-кія подъ общимъ управленіемъ [illegible] и при отсутствіи правильной администраціи тоже разрѣшались по внушеніямъ боговъ. Словомъ, все, чего не могъ естественными силами сдѣлать или устроить первобытный человѣкъ, онъ приписывалъ дѣйствію невидимыхъ, божественныхъ силъ.

Этимъ вполнѣ объясняется, почему древнѣйшій общественный бытъ Славянъ такъ глубоко былъ проникнутъ языческими религіозными вѣрованіями, почему такъ тѣсно были связаны религіозное и общественное устройства. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ они даже совпадали. Жрецы имѣли огромное вліяніе на общественныя дѣла [illegible] зей. Народныя собранія, [illegible] въ храмахъ или около храмовъ, съ [illegible] общественное дѣло, [illegible] безъ совѣщанія съ [illegible]. На конецъ, народныя [illegible] цѣлыя общины и которыми скрѣплялся союзъ и миръ между ихъ членами, были часто религіозные [illegible] пищь, [illegible] пирами и братчинами [illegible] Нарушеніе однообразнаго [illegible] были семейственными торжествами, съ которыми обыкновенно [illegible] и всѣ общественныя дѣла, показываетъ [illegible]

[illegible] ніе и вліяніе на поддерживаніе [illegible] священности [illegible] языческія вѣрованія [illegible] лич-

первый оплотъ младенческаго гражд[illegible] [illegible] тѣло быка

[illegible] случайности и дикаго произв[illegible] [illegible] гр. 33). «Въ

наглаго нарушенія частны[illegible] [illegible] полосы Россіи, ко-

[illegible] омъ, а въ Малорос-

домъ, незнавшимъ никакого другого быта, кромѣ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ миръ— гражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдѣлокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Міры не выражали начало единства, союза между людьми; напротивъ, они вели ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, безсознательная, отчасти случайная форма. Разные выводы изъ этимологическаго тождества словъ *міръ*—община, *міръ*—вселенная, и *миръ*—согласіе,—могутъ быть остроумны, но не ведутъ ни къ чему; это историческіе каламбуры, не болѣе. Вселенная названа нашими предками *міромъ* не потому, что они понимали назначеніе, послѣднюю цѣль человѣческаго рода; напротивъ, они на вселенную перенесли тѣ понятія, въ которыхъ воспитала ихъ ближайшая общественность; словомъ *міръ* они выражали прекращеніе войны, несогласій, безпрестанныхъ враждебныхъ отношеній, а не начало любви и единства.

Впрочемъ при хаотическомъ безпорядкѣ и неустроенности всѣхъ отношеній, міры, не обезпеченные ни учрежденіями, ни общественной нравственностью, безпрестанно нарушались и не имѣли прочности. Несмотря на договоры, условія, довѣренность не могла родиться. Въ чемъ же искалъ обезпеченій первобытный человѣкъ? что̀ могло утвердить едва возникавшую гражданственность?

Вѣрованія. За недостаткомъ дѣйствительности онъ прибѣгнулъ къ вымыслу; бытовая религія обратила всѣ случайности и насилія, столько обыкновенныя и неизбѣжныя въ древнѣйшія времена, въ велѣнія боговъ, управляющихъ общежитіемъ. Этимъ положено первое прочное основаніе разумной и правильной общественности. Понятія о томъ, что было угодно и не угодно богамъ, измѣнялись вмѣстѣ съ бытомъ. Вотъ какимъ образомъ договоры и сдѣлки получили съ самого начала рели-

гіозный характеръ. Языческіе боги принимали участіе въ ихъ заключеніи; ихъ нарушеніе было имъ непріятно; они рѣшали праведнымъ судомъ, правы или неправы спорящіе и ведущіе войну, и карали преступныхъ; общественныя дѣла міровъ, шаткія подъ общимъ управленіемъ замиренныхъ враговъ и при отсутствіи правильной администраціи, тоже разрѣшались по внушеніямъ боговъ. Словомъ, все, чего не могъ собственными силами сдѣлать или устроить первобытный человѣкъ, онъ приписывалъ дѣйствію невидимыхъ, божественныхъ силъ.

Этимъ вполнѣ объясняется, почему древнѣйшій общественный бытъ Славянъ такъ глубоко былъ проникнутъ языческими религіозными вѣрованіями, почему такъ тѣсно были связаны религіозное и общественное устройство. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ они даже совпадали. Жрецы имѣли огромное вліяніе на общественныя дѣла, уважались иногда болѣе князей. Народныя собранія, договоры, суды совершались въ храмахъ или около храмовъ, съ участіемъ жрецовъ, потому что никакое дѣло, домашнее или народное, не предпринималось безъ совѣщанія съ богами, безъ испрошенія ихъ согласія. Наконецъ, народныя празднества, на которыя собирались цѣлыя общины и которыми скрѣплялся союзъ и миръ между ихъ членами, были чисто религіозные; они отправлялись около капищъ, оканчивались пирами и братчинами, съ шумнымъ веселіемъ. Нарушеніе однообразнаго, разобщеннаго быта семей языческими торжествами, съ которыми обыкновенно совпадали и всѣ общественныя дѣла, показываетъ, какое важное значеніе и вліяніе на поддерживаніе и утвержденіе древней общественности имѣли языческія вѣрованія. Въ нихъ образовался первый оплотъ младенческой гражданственности противъ чистой случайности и дикаго произвола, первое обезпеченіе противъ наглаго нарушенія частныхъ отношеній и гражданскаго союза.

Главные простонародные праздники раздѣляются, по времени, на двѣ группы. Одни празднуются зимой, другіе лѣтомъ. Время первыхъ въ концѣ и началѣ нашего гражданскаго года; время вторыхъ въ концѣ мая и іюнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ постояннаго времени, другіе отправляются въ опредѣленные дни. Это разнообразіе происходитъ оттого, что почти всѣ народные праздники совпадаютъ съ церковными и сообразуются съ ихъ распорядкомъ. Было ли такъ и до введенія христіянства — неизвѣстно; вѣроятно, что всѣ имѣли опредѣленное время, и что подвижность нѣкоторыхъ произошла вслѣдствіе уничтоженія языческихъ торжествъ и замѣны ихъ христіянскими, отчего первыя потеряли свою самостоятельность и слились съ послѣдними. Главные зимніе простонародные праздники суть: коледа, авсень, святки (субботки) и масляница; главные лѣтніе: купало, семикъ и троицынъ день (зеленыя святки). Разсматривая эти двѣ группы праздниковъ, нельзя не замѣтить между ними какого то соотвѣтствія, соотношенія. Между отдѣльными торжествами есть даже аналогія и сходство. Это-то сходство невольно приводитъ къ мысли, что въ распредѣленіи праздниковъ, зимнихъ и лѣтнихъ, долженъ скрываться какой-нибудь общій законъ; они должны находиться въ связи съ какими-нибудь постояными важными измѣненіями въ природѣ и имъ соотвѣтствовать. Дѣйствительно, нетрудно замѣтить, что простонародные праздники группируются зимой около вступленія солнца въ знакъ козерога, лѣтомъ — около вступленія его въ знакъ рака. Поворотъ солнца на лѣто и его поворотъ на зиму — центры, около которыхъ вращался языческій богослужебный календарь нашихъ предковъ. Зная это и соображая время празднованій съ характеромъ торжествъ, можно уже составить себѣ приблизительное понятіе о главныхъ чертахъ древняго славянскаго язычества. Исходнымъ пунктомъ служили ему жизнь и смерть при-

роды. Оживленіе, дѣятельность, развитіе ея силъ были жизнью; ихъ омертвѣніе, усыпленіе—смертью. Эти два начала, враждебныя, вѣчно борющіяся между собою, управляли міромъ и раздѣляли все существующее на два враждебныя царства, такъ что всѣ явленія, силы и предметы видимой природы были отнесены къ тому или другому. Все напоминало о нихъ, все къ нимъ сводилось. Въ суткахъ день и ночь, въ жизни человѣка — бодрствованіе и сонъ, жизнь и смерть, въ жизни природы — весна, лѣто, осень и зима безпрестанно представляли эти враждебныя начала и ихъ борьбу. Первое было благодѣтельнымъ, добрымъ началомъ; второе вреднымъ, злымъ, потому что оно представлялось не только какъ отрицан'е перваго, но какъ самостоятельное, положительное само въ себѣ. Оно было не уничтоженіемъ, но измѣненіемъ, преобразованіемъ, метаморфозой живущаго, его особеннымъ, ненормальнымъ, сверхестественнымъ способомъ существованія. Были ли оба эти начала олицетворены въ двухъ божествахъ, слѣдовательно сознаны, или славянское язычество ограничилось однимъ олицетвореніемъ атрибутовъ того и другого начала и не возвысилось до теоріи, сознанія дуализма, лежащаго въ его основаніи, — трудно рѣшить. Послѣднее гораздо вѣроятнѣе, потому что въ разныхъ праздникахъ упоминаются все разныя божества. Притомъ, какъ мы уже сказали, славянское язычество очевидно не успѣло развиться до общихъ началъ и остановилось на первой степени грубаго антропоморфизма, на которой сознаніе невозможно.

Разсмотримъ праздники по группамъ, придерживаясь данныхъ собранныхъ г. Терещенкой.

Зимніе представляютъ вмѣстѣ и встрѣчу весны и поклоненіе зимѣ. Замѣчательно, что первая предшествуетъ въ нихъ второму. Почему, — трудно рѣшить. Быть можетъ этотъ порядокъ условливался тѣмъ, что тогда наступалъ по-

воротъ солнца къ лѣту; быть можетъ и то, что древній порядокъ языческихъ праздниковъ измѣнился подъ вліяніемъ христіянства. Самое невѣроятное, что перемѣна произошла со введеніемъ гражданскаго времясчисленія, ибо оно далеко не такъ сильно отозвалось въ простонародномъ быту, какъ церковное. Въ заключеніе скажемъ, что христіянское отправленіе церковныхъ праздниковъ, по времени совпавшихъ съ древними, до-христіянскими, такъ сильно измѣнило обряды послѣднихъ, такъ съ ними слилось и перемѣшалось, что почти невозможно провести между ними черту и указать, что̀ относится къ старому, что̀ къ новому.

Передъ Рождествомъ и въ рождественскіе дни праздновалась коляда, которая носила разныя названія у разныхъ славянскихъ племенъ.

Коляда, самый ранній весенній праздникъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: «Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ наканунѣ Р. Х. бѣдай. У нѣкоторыхъ задунайскихъ Славянъ... въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ бѣдай. Поселяне отправляются въ лѣсъ рубить дубовые чурбаны, называемые бадinnякомъ... Вносящіе баднякъ въ избу привѣтствуютъ... Ихъ осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ» (Ч. VII, стр. 19 и 20). «Карпато-Россы совершаютъ наканунѣ Р. Х. Крачунъ, который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ.. Домашнія животныя у Карпато-россовъ начинаютъ линять съ Р. Х. какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лѣто, и это линянье извѣстно подъ именемъ искраканья... Когда начинаетъ смеркаться, тогда приступаютъ къ принятію крачуна. Отъ порога сѣней до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилаютъ дорогу чистой соломой. На столѣ ставятъ большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбнымъ зерномъ... Съ появленія звѣзды возвѣщаютъ шествіе крачуна... Двое почтительно

выносятъ большой овсяный или ячменный снопъ, и ставятъ его въ уголъ избы: прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски». Послѣ того поется пѣсня о томъ, какъ страшный волкъ пришелъ «подъ лозище», на которое влѣзла коза. «Пѣснь оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а коза спасается» (Ib. стр. 20 — 23). Въ Герцеговинѣ обычаи, имѣющіе тотъ же самый смыслъ. Гость-полажайникъ, олицетворяющій весну, «посыпаетъ избу зерновымъ хлѣбомъ». Баднякъ — чурбанъ изображаетъ зиму; полажайникъ разбиваетъ кочергой догорающія головни бадняка. Разныя предзнаменованія на будущій урожай и изобиліе заключаются въ дѣйствіяхъ полажайника. Почти тоже у Черногорцевъ. «Въ Польшѣ, Галиціи, Червонной Руси... коляда начинается накунѣ Рождества Христова, послѣ солнечнаго захода. Того же вечера поселяне устилаютъ внутренность избъ соломою или сѣномъ; по угламъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на столѣ, сѣномъ покрытомъ, кладутъ предъ каждымъ человѣкомъ головку чесноку, для отогнанія всѣхъ болѣзней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ на столъ земледѣльческое орудіе отъ (?) плуга... Послѣ ужина выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ изъ сноповъ, и ворожатъ ими на полетѣ. Хозяинъ пересчитываетъ съ заботливостью: сколько полныхъ и неполныхъ въ снопѣ колосьевъ, и по нимъ предсказываетъ будущій урожай» (ib. стр. 27 и 28). «Въ другихъ мѣстахъ празднуютъ (декабря 23) субботу, съ особой таинственностію. Домашнимъ животнымъ даютъ немного свяченаго, и съ большимъ раченіемъ затворяютъ двери сараевъ, чтобы не проникали сюда злыя чары» (ib. стр. 30). «Молодцы, убранные въ праздничное платье, водятъ за собою, ввечеру этого дня, чучело быка или волка» (ib стр. 31). «Дарятъ яблоки» (ib. стр. 33). «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной и восточной полосы Россіи, коляда называется авсенемъ, и таусеномъ, а въ Малорос-

сіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ удержано древнее названіе; однако въ нѣкоторой части Литвы иногда она называется вечеромъ колодокъ или вечеръ блокковъ и вездѣ готовится кутья изъ пшеничнаго зерна, и каша изъ гречневыхъ крупъ; по уваркѣ гадаютъ о будущемъ урожаѣ и неурожаѣ хлѣбовъ» (ib. стр. 37). «Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской и Архангельской губерній до нынѣ приготовляютъ изъ пшеничнаго теста различныя изображенія животныхъ, какъ-то: овецъ, коровъ, быковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ» (ibid). «Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ, на канунѣ Рождества Христова въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою. Въ пѣсни, которую поютъ при этомъ, есть намекъ, что колядѣ приносили въ жертву козла» (ib. стр. 57). «Въ Россіи и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ, еще до обѣдни, поздравлять хозяевъ съ новымъ годомъ. Въ это время обсѣваютъ ихъ (т. е. мальчики хозяевъ) ячменемъ, пшеницею и овсомъ» (ib. 108). «Въ другихъ мѣстахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ, и по ихъ клеванію замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ» (ib. стр. 109). «Обрядъ обсѣванья сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Россіи... онъ именуется авсенемъ, овсеномъ, усенемъ, говсенемъ, бауценемъ, баусенемъ и таусенемъ. Всѣ эти слова суть испорченныя отъ мѣстнаго употребленія. Нѣтъ сомнѣнія (?), что они означаютъ овесъ (?), коимъ обыкновенно посыпаютъ въ то время, и самое поздравленіе поэтому называется овсеномъ... Ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы; зерно это собираютъ для весенняго посѣва» (ib стр. 110). «Овсень... употребляется часто вмѣсто коляды» (ib стр. 111). «Коляда... такъ искажена народомъ, что она иногда поется на Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда, а иногда замѣняетъ посыпальный обычай» (ib. стр. 116). И такъ коляда и авсень составляли во времена язычества одинъ большой праздникъ. Въ

одной колядовой пѣснѣ ихъ даже упоминаютъ вмѣстѣ: «коледа таусень» (стр. 123).

Коляда была языческимъ божествомъ. Противъ этого г. Терещенко ратуетъ всѣми силами. «Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ — говоритъ онъ — что русскіе язычники славили коляду, бога торжествъ и мира, и что въ Кіевѣ стоялъ ему кумиръ. Ни бога мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ никогда не было» (ib. стр. 12). А почему жь коляда воспѣвается? почему есть ея чучелы, люди одѣваются колядой? «Изъ вышеприводимыхъ пѣсней — продолжаетъ авторъ — видно, что коляда означала то подарокъ, то поздравленіе, то славленіе» (ib. стр. 33). Но какъ не видитъ авторъ, что поздравляющіе, славящіе, дарящіе, въ лицахъ представляли коляду, приносили съ собой земные плоды, и именно за то были принимаемы съ особенной благосклонностью? Этого не замѣтить!?

Поклоненіе враждебнымъ богамъ, олицетвореніямъ смерти, сна, зимы, ночи происходило въ святки и масляницу. Враждебныхъ боговъ не призывалъ первобытный человѣкъ; онъ старался ихъ умилостивить, смягчить ихъ гнѣвъ, и потому изъявлялъ имъ покорность, приносилъ жертвы, совершалъ въ честь ихъ празднества. Эти празднества обыкновенно отправлялись ночью: необходимой ихъ принадлежностью были личины, маски, ибо на праздникахъ, посвященныхъ духамъ тьмы, первобытные язычники въ лицахъ представляли враждебныя силы, которыя сами были нечто иное, какъ олицетворенное измѣненіе, сверхъестественный ненормальный видъ всего живаго, существующаго.

Обожаніе враждебныхъ силъ оставило по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ поклоненіе дѣятельнымъ, живымъ силамъ природы. Причины этого должно искать, кажется, въ преслѣдованіяхъ церкви. Христіянство, не допускающее никакихъ сдѣ-

локъ между добромъ и зломъ, научившее міръ познавать побѣду перваго, низложеніе второго, не могло равнодушно смотрѣть на поклоненіе духу тьмы. Оно было тѣмъ нетерпимѣе въ христіянствѣ, что въ народныхъ понятіяхъ дьяволъ и языческіе злые духи слились въ одно. Другая причина заключалась, можетъ-быть, еще и въ томъ, что большая часть важнѣйшихъ христіянскихъ праздниковъ бываетъ зимой или къ веснѣ, слѣдовательно именно въ то время, когда язычники совершали обычныя поклоненія враждебнымъ богамъ; съ утвержденіемъ христіянства эти поклоненія не могли не изсчезнуть передъ церковными торжествами. Наконецъ безнравственность языческихъ вакханалій, обыкновенно происходившихъ въ одно время съ праздниками въ честь враждебныхъ боговъ и составлявшихъ необходимую принадлежность богусложенія, вызвали противъ себя всю строгость нашего духовенства, что также должно было не мало содѣйствовать искорененію этихъ праздниковъ.

«У скандинавскихъ и германскихъ племенъ — говоритъ г. Терещенко — отправлялись на Рождество Христово готескія игры, подъ другими названіями. Въ Саксоніи онѣ извѣстны подъ именемъ Рупертовыхъ слугъ. Въ продолженіи 12 дней Рождества Христова они одѣвались въ звѣриныя шкуры, натирали лицо сажею, украшали голову рогами, во ртѣ носили раскаленныя уголья, и бѣгали по улицамъ съ крикомъ, пѣніемъ и плясками подъ музыку. Въ другихъ мѣстахъ проводили канунъ Рождества Христова въ чувственномъ пресыщеніи и пѣніи стыдливыхъ (вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: безстыдныхъ) пѣсенъ» (ib. стр. 3). Такіе же обряды соблюдались и у насъ. Какъ мы сказали, они означали служеніе враждебнымъ, нечистымъ духамъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи бьютъ... на Рожественскіе праздники свиней и пекутъ пироги; убитаго кабана окропляютъ водой, оку-

риваютъ и обрызгиваютъ огонь кровью, на коемъ обжигали его. Это дѣлаютъ въ томъ предубѣжденіи, чтобы нечистая сила не ходила по скотнымъ хлѣвамъ, на канунѣ Рождества Христова и не портила бы ихъ домашній скотъ» (ib. стр. 4). Ясно, что во времена язычества свинья приносилаеь въ умилостивительную жертву нечистой силѣ. «У насъ на Руси было непремѣннымъ кушаньемъ въ Рождество Христово начиненный поросенокъ кашею или кабанья голова съ хрѣномъ» (ib. 6). «Женщины не оставляютъ вечеромъ кудели на прялкахъ, чтобы дьяволъ не сѣлъ прясть вмѣсто ихъ. Такое повѣрье господствуетъ во всей западной Россіи, гдѣ еще думаютъ, что если не допрядутъ кудели, то она будетъ ходить за ними... Остаются ли нитки на мотовилѣ, то не снимаютъ ихъ, а перерѣзываютъ» (ib. стр. 6). «Изъ Стоглава извѣстно, что наканунѣ Рождества Христова и св. Крещенія мущины и женщины сходились на ночное плещованье, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни» (ib. стр. 38). «Иные по выходѣ изъ крещенской заутрени запрягаютъ сани, въ нихъ насаживаютъ ребятишекъ, и съ ними скачутъ во весь духъ по деревнѣ. Причина этому та, чтобы уродился хорошій и долгій ленъ» (ib. стр. 38). «На Рождество Христова не должно выпускать домашняго скота изъ хлѣвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей» (ib. стр, 39). «Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубъ воды (въ Крещенье) давно здѣсь (въ Петербургѣ) неизвѣстенъ, и тутъ живетъ оно въ одномъ воспоминаніи... Еще по нынѣ, во многихъ мѣстахъ Россія существуетъ это обыкновеніе» (стр. 41). «Наканунѣ новаго года женщины Саратовской губерніи Хвалынскаго и Петровскаго уѣздовъ сносятъ огромный ометъ (кучу) соломы, и зажигаютъ его посреди улицы. Горящій ометъ называется тогда костромою, которая окружается дѣвушками и ими величается» (ib. стр. 116). «У Литвиновъ... нынѣ на канунѣ коляды, таскаютъ изъ

селенія въ селеніе кододки, перескакиваютъ чрезъ нихъ и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ» (ib. стр. 60). «У венгерскихъ Словаковъ ходятъ (колядовать) съ деревяннымъ ужемъ, который сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на лбу корона изъ позолоченой бумаги» (ib. стр. 17).—Итакъ, поклоненіе водѣ (впрочемъ быть можетъ, и даже вѣроятно, что это не поклоненіе водѣ, а почитаніе богоявленской воды, слѣдовательно не остатокъ язычества), огню, принесеніе кровныхъ жертвъ, составляли принадлежность предрождественскихъ и рождественскихъ языческихъ праздниковъ.

Святки — продолжающіяся отъ Рождества Христова до крещенскаго сочельника, по мнѣнію автора, «происходя отъ глагола святить, находятся въ тѣсной связи съ воспоминаніемъ о рожденіи Спасителя міра» (ib. стр. 130). Но почемужь Духовъ день называется «зелеными святками»? Можетъ быть авторъ и правъ, отвергая (стр. 127) производство святокъ отъ Святовида; но его догадка не лучше. Мы думаемъ, что названіе «святокъ», присвоенное двумъ праздникамъ въ году, зимнему и лѣтнему, показываетъ ихъ особенную важность во время язычества, а можетъ быть ихъ сродство между собою. Какъ бы то ни было, святки имѣли въ древности совсѣмъ не то значеніе, какое приписываетъ имъ г. Терещенко. Онъ увѣренъ, и хочетъ другихъ увѣрить, что «предметъ святочныхъ забавъ... выражаетъ народное веселіе и семейную жизнь въ гаданіяхъ и переряживаніи» (стр. 132). Онъ и не подозрѣваетъ, что святки и святочные обряды были во время язычества поклоненіемъ мрачнымъ духамъ, враждебнымъ силамъ. Всѣ факты это доказываютъ: «въ Орловской губерніи особенно опасаются чертей, и ихъ называютъ здѣсь святошными и святошами. Никто не ходитъ ночью поздно въ гости, и никто ни за что не согласится ходить въ полночь,

изъ опасенія попасться въ руки чертей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи доселѣ думаютъ, что въ святочныя ночи бѣгаютъ черти» (ib. стр. 132). «Хари, личины или маски, употреблявшіяся у насъ издревле, были преслѣдуемы духовенствомъ» (стр. 133). Гаданья, переряживанья, святочныя игры и гулянья ночью составляли существенную принадлежность святокъ. Еслибъ авторъ вглядѣлся въ первоначальное значеніе этихъ теперь невинныхъ препровожденій времени, онъ увидалъ бы въ нихъ несомнѣнные слѣды поклоненія нечистымъ духамъ и вакханалій. Переряживанье, надѣванье личинъ было, какъ мы замѣтили, принадлежностью всѣхъ языческихъ праздниковъ въ честь злыхъ духовъ; ибо они сами были нечто иное, какъ олицетвореніе смерти, измѣненіе живыхъ существъ. Самъ г. Терещенко говоритъ, что всего чаще переряживались въ буку, медвѣдя, ягу-бабу, козу, плясуновъ, дорожныхъ, а эти образы представляли враждебное человѣку. У буки «лицо... было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тѣло обвивалось чѣмъ-нибудь косматымъ, съ привѣшенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленныя уголья, изъ онаго выпускалъ онъ дымъ» (ib. стр. 162). Но вѣдь это образъ дьявола! Курящаго табакъ сравнивали съ дьяволомъ, издыхающимъ огонь, и потому-то церковью запрещалось курить. Слѣдовательно, забавнаго въ образѣ буки ничего не было, хоть г. Терещенко и находитъ его забавнымъ. Коза сопровождала буку; ужь одно это заставляетъ думать, что она не была символомъ благодѣтельной силы. Потомъ яга-баба «въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костылемъ. Зубы имѣла она черные, и открытое лицо старое, морщиноватое, дѣлала загадки и сама отгадывала» (ib. стр. 162). Яга-баба тоже не благодѣтельное существо. Весьма замѣчательны ея загадки: онѣ — ал-

легоріи, иносказанія и совершенно естественны въ устахъ существа, принадлежащаго къ царству смерти; ибо смерть, по понятіямъ язычниковъ, тоже существованье въ иномъ образѣ. Плясуны едва ли принадлежали къ личинамъ язычниковъ; но они совершенно подходятъ подъ общій тонъ масокъ: извѣстно, что плясуны, фигляры, какъ и актеры, по прежнимъ понятіямъ, тѣшили дьявола. Наконецъ дорожные, пріѣзжіе — обыкновенно сваты; мы увидимъ доказательства этому въ разборѣ второй части «быта русскаго народа». Итакъ, вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ маскарадъ; къ нимъ присоединялась еще смерть: «иногда въ веселый кругъ является смерть, одѣтая въ саванъ; голова ея повязана наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы, огромные клыки изъ рѣдьки. Въ лѣвой рукѣ она держитъ свѣчу со свиткомъ бумаги, или чашу съ зажженой водкой, а въ правой деревянную косу» (ib. стр. 187). Если прибавимъ къ этому, что въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ святки назывались кудесами, а наряженные кудесниками (ib. стр. 195 и 224), что «въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи святочные вечера носятъ названіе субботокъ» (ib. стр. 224), — то окончательно увѣримся, что святки имѣли прежде не то значеніе, какое имѣютъ теперь: ибо съ словомъ кудесникъ соединяется понятіе волшебника, чародѣя, а названіе субботокъ слишкомъ напоминаетъ шабаши, справляемые, по преданіямъ, вѣдьмами на Лысой горѣ. Что субботки имѣли много общаго съ шабашемъ, видно изъ того, какъ они праздновались въ Псковской губерніи. «Ими распоряжается извѣстная безпорочною жизнью вдова... Вечеръ проводили въ пѣніи и гаданіи... Мущины прежде не имѣли права участвовать въ субботкахъ, но время измѣнило обрядъ... невѣсты и женскій полъ соблюдаютъ строгое благонравіе» (ib. стр. 225). Въ обрядѣ опахиванья полей, во время скотскаго падежа, соб-

людалось тоже самое: соху везетъ вдова; мущины не принимаютъ участія въ обрядѣ и подвергаются опасности, если встрѣтятъ процессію. — «Во Франціи — говоритъ самъ же г. Терещенко — простой народъ вѣрилъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ — прибавляетъ онъ — нѣкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ». Далѣе: «въ прежнія времена маскированные корчили изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лисицами, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мущины въ женскія платья, бѣгали по городу съ зазженными факелами, били въ бубны, кричали и ревѣли голосами разныхъ животныхъ... Нашъ простой народъ до нынѣ думаетъ, что со дня Рождества Христова до Богоявленія посѣщаютъ домы ихъ дьяволы, подъ образомъ оборотней, вулкулакъ, букъ и хватаютъ маленькихъ дѣтей. Есть еще мнѣніе, кто во время святокъ наряжался чортомъ, особенно если кто надѣвалъ на себя рожу (маску), тотъ страшный грѣшникъ, и грѣхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только рѣшимостью окунутся три раза въ крещенской проруби» (стр. 295, 296).

Вотъ о переряживаньи. Теперь нѣсколько словъ о ночныхъ святочныхъ забавахъ и играхъ. «Наканунѣ Рождества Христова, Василія Великаго, Богоявленія и св. Іоанна мущины и женщины сходились ночью, пѣли, играли, плясали... Въ утро великаго четверга... лживые пророки бѣгали изъ села въ село — нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесныхъ видѣніяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мущины и женщины мылись, по какому-то обряду, въ однѣхъ баняхъ», и дѣлались другія безчинства (ib. стр. 299 и 300). «Изъ наряжавшихся по наибольшимъ безчинствамъ извѣстны новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на масляницѣ нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное насла-

жденіе увлекали ихъ» (ib. стр. 300). Слова патріарха Іоакима о святочныхъ забавахъ въ концѣ XVII вѣка свидѣтельствуютъ тоже самое: онѣ были нечто иное, какъ остатокъ языческихъ вакханалій. Конечно теперь не то. Теперь въ томъ же Новгородѣ, переряженные «со второго дня Рождества Христова до крещенія ходятъ въ тѣ домы, гдѣ увидятъ на окнахъ свѣчи, тѣшатъ хозяевъ плясками и шутовскими представленіями. Въ Тихвинѣ... украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ, сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ» (Ib. стр. 304 и 305). Что такое святочныя игры? перенесенныя съ улицы въ комнату, смягченныя приличіемъ и христіянской нравственностью развалины прежнихъ вакханалій. Суженый, суженыя — альфа и омега святочныхъ игръ; а мы знаемъ, что это могло значить въ отдаленные времена язычества. Самъ г. Терещенко говоритъ, что святочныя пляски позволяютъ «нѣкоторыя вольности» (ib. стр. 189). Всѣ игры позволяютъ тоже: напримѣръ, онѣ обыкновенно оканчиваются поцѣлуемъ. Наконецъ гаданья святочныя состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ языческими вѣрованіями въ духовъ тьмы. Мы видѣли, что яга-баба предлагаетъ загадки. Замѣтимъ, что святочные гаданья происходили ночью, съ разными таинственными обрядами. Пѣтухъ, котораго крикъ прогонялъ нечистыхъ духовъ, является охранителемъ дѣвушки противъ нечистаго духа, когда онъ приметъ видъ ея суженаго, и чуранье ей не помогаетъ (стр. 227). Всѣ гаданья, — пытаніе неизвѣстнаго, которое открывается иносказательно, въ аллегоріяхъ, — имѣютъ связь съ надѣваніемъ масокъ, и слѣдовательно съ поклоненіемъ божествамъ мрака, смерти. Въ гаданія, какъ замѣтно, входитъ и вызываніе нечистыхъ духовъ. Слѣды всего этого ясно видны но множествѣ гаданій,

собранныхъ и описанныхъ г. Терещенко весьма подробно (ч. VII, стр. 225 — 287).

Наконецъ масляница представляетъ какое-то странное смѣшеніе всѣхъ зимнихъ языческихъ празднествъ. Кажется, она по преимуществу была праздникомъ въ честь мертвыхъ: на это указываетъ употребленіе блиновъ, неразрывныхъ спутниковъ поминаній, и нѣкоторые обычаи: «по древнему обычаю— говоритъ г. Терещенко — нашъ народъ поминаетъ усопшихъ блинами; потому въ Тамбовской губерніи и смѣжныхъ съ нею мѣстахъ первый испеченный блинъ кладется на слуховое окошко, въ томъ предположеніи, что души родственниковъ, знакомыхъ, особенно родителей невидимо съѣдаютъ его. Если онъ остается нетронутымъ, то думаютъ, что злые духи до него не допускаютъ: въ такомъ случаѣ прогоняютъ ихъ заклинаніями. Набожныя женщины, садясь за столъ, ѣдятъ первый блинъ за упокой усопшихъ, а слѣдующими блинами встрѣчаютъ масляницу» (ib. стр. 330). «Есть въ Россіи мѣстами обыкновеніе, что въ послѣдній день, прощаясь другъ съ другомъ, ходятъ просить отпущенія грѣховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ» (ib. стр. 346). Сверхъ того масляница была, кажется, и праздникомъ злыхъ, враждебныхъ духовъ. На это тоже много указаній. «Въ Костромской губерніи... въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мущинъ, съ соломенными на головѣ колпаками, верховая поѣздка, называемая обозъ. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются—это значитъ сожигать масляницу... По деревнямъ поютъ пѣсни, а вечеромъ мущины и женщины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется сожечь соломеннаго мужика» (ib. стр. 331). «Во Владимірской и частью Вятской губерніяхъ... возятъ на саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью лошадьми, наря-

женнаго мужика. Онъ сидитъ на колесѣ, утвержденномъ среди саней; въ рукахъ держитъ полуштофъ съ виномъ и калачи. Съ нимъ сидятъ наряженные музыканты, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дѣйствіе происходитъ въ Симбирской, Саратовской, Пензенской и Нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вмѣстѣ нѣсколько дровень, застилаютъ ихъ досками; посрединѣ ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесѣ усаживается наряженный, который веселитъ народъ своими забавами и продѣлками. Потомъ возятъ по всѣмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми, наряженными въ разныхъ другихъ животныхъ: все нарочно на нихъ испещрено странными уборами. Многіе, вмѣсто масокъ, разчерчиваютъ лице угольями и сажею, надѣваютъ на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы: при шествіи скачутъ и поютъ. Вмѣсто музыки ударяютъ въ бубны и тазы. Шествіе это называется проводами честной масляницы, и обыкновенно случается въ прощеное воскресенье.» Такой же почти обычай и въ Рязанской губерніи. Тамъ, послѣ проводовъ «вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвѣта. Блины не сходятъ со стола, въ продолженіе даже ночи». (ib. стр. 335 и 336). «По нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи было прежде въ обыкновеніи съ пѣніемъ носить по улицамъ чучело; толпа дѣтей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снѣжныя комки... Въ другихъ мѣстахъ возили на саняхъ масляницу—деревянное изображеніе женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за городомъ въ воскресенье» (ib. стр. 4 (3) 43 и 344). «Господствуетъ между суевѣрными еще предубѣжденіе, что кто хочетъ пріобрѣсть дешевою цѣною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду и пріобрѣтать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случаѣ надобно, въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во

время полуночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изо рта, и не дозволяя чертямъ дотрогиваться до него... Многіе увѣряютъ, что для успѣха въ томъ, впередъ надобно продать душу чорту» (ib. стр. 345). «Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни разводить огня, ни зажигать свѣчь» (ib. стр. 346). Въ чистый понедѣльникъ «во многихъ городахъ поутру собираются кучами ребятишки, идутъ толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватами, кочергами, помелами, сковородами и кричатъ: мы масляницу прокатили, святы вечера проиграли, мы рожественъ постъ пропряли» и т. д. (ib. стр. 348). Въ всѣхъ этихъ обрядахъ и повѣрьяхъ, относящихся къ масляницѣ, видны слѣды служенія злымъ духамъ. Къ этимъ же слѣдамъ должно отнести ночныя гулянья и катанья, обычныя на масляницѣ (стр. 340, 342); въ Литвѣ ѣздятъ на необъѣзжанныхъ лошадяхъ (стр. 348); сюда же относятся переряживанье и маски (стр. 338). Что въ масляницу во времена язычества происходили вакханаліи, весьма вѣроятно изъ преведенныхъ фактовъ. Но есть еще одинъ, очень замѣчательный. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на масляницѣ «самыя дѣвушки надѣваютъ на голову повойники и кички» (ib. стр. 342). Наконецъ масляниця есть, отчасти, и празднованіе весны. Въ Ярославской губерніи въ это время поютъ коляду (стр. 328). Въ Саратовской встрѣчютъ масляницу подъ видомъ деревяннаго истукана съ веселыми пѣснями; но въ воскресенье ввечеру истукана погребаютъ съ слѣдующими обрядами: «наряжаютъ старика въ черное рубище, и навязавъ на веревочку осколки битой посуды подаютъ ему въ руку; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ» (стр. 332 и 333). Что̀ значатъ эти встрѣчи и похороны? Ихъ можно толковать различно. Можетъ быть масляница въ самомъ дѣлѣ олицетворена въ этомъ истуканѣ; можетъ быть истуканъ, играющій роль масляницы, соединялъ въ себѣ олицетвореную весну, которую встрѣчали, и зиму, которую провожали. Такое смѣшеніе ча-

ето встрѣчается въ народныхъ обычаяхъ. Какъ бы то ни было, встрѣча совершается съ весенними обрядами, а проводы или похороны напоминаютъ торжества въ честь враждебныхъ силъ. Въ заключеніе замѣтимъ вообще, что въ празднованіи масляницы, обрядовъ, сопровождающихъ весенніе праздники, несравненно меньше, чѣмъ относящихся къ служенію злымъ духамъ и мертвымъ.

Весенніе и лѣтніе праздники, подобно зимнимъ, представляютъ обожаніе живительныхъ, благодѣтельныхъ силъ природы и поклоненіе злымъ духамъ. Слѣды перваго мы находимъ въ празднованіи красной горки, Семика, Троицына дня, ярилы и наконецъ купалы; слѣды втораго очень замѣтны въ обрядахъ русальной недѣли.

У Чеховъ и Словаковъ весна встрѣчалась радостными пѣснями. У первыхъ, кажется, при этомъ выносилась изъ села чучела, которая называлась смертью и была олицетвореніемъ зимы, и приносилась другая, олицетворявшая наступающее лѣто (ч. V, стр. 6). Въ Малороссіи носятъ чучело марену, или мару, тоже олицетвореніе прошедшей зимы, или ласточку—образъ наступающаго лѣта. Веснянки, по мнѣнію русскихъ простолюдиновъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—духи, появляющіеся весною, какъ зимнянки зимой, осянки, или оснянки осенью (ibid. стр. 8 и 9). Съ этимъ соединяется множество разныхъ повѣрій о цѣлебной силѣ перваго весенняго дождя, купанья въ опредѣленные дни, иногда въ весенніе праздники, о черпаньи воды весной съ особенными обрядами, разныя воззванія къ солнцу, и т. д. Г. Терещенко собралъ о встрѣчѣ весны интересные факты. Не знаемъ только, почему онъ говоритъ, что «въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи малоизвѣстны» (ibid. стр. 8). Изъ его же словъ видно совершенно противное. Красная горка и вьюнишникъ (какъ справедливо замѣчаетъ авторъ отъ

юный, юность ib. стр. 16), составляющіе, по мнѣнію однихъ, особенные праздники, и нераздѣльные, по мнѣнію другихъ, въ томъ числѣ и г. Терещенко, — не только представляютъ празднованіе весны, но, кажется, даже и слѣды языческихъ вакханалій, которыя вездѣ и всегда происходили въ опредѣленное время, напоминая тѣмъ о когда-то бывшемъ чисто природномъ состояніи человѣка. Темное преданіе о нихъ сохранилось въ поздравленіи молодыхъ, обычномъ на красную горку; въ хороводахъ, примѣтѣ, что «время красной горки почитается благопріятнѣйшимъ для свадьбъ» (ib. стр. 18). Красная горка называется мѣстами толпищемъ (ib. стр. 17). Въ другихъ она празднуется «въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле сопровождается служеніемъ молебновъ, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стадъ, въ томъ мнѣніи, что этимъ дѣйствіемъ прогоняется нечистая сила, которая въ то время бываетъ самая злая и чрезмѣрно портитъ скотъ» (ib. стр. 18).

Въ ярилѣ во времена язычества несомнѣнно обожали производительную, творящую силу природы. Праздникъ его, разумѣется, бывалъ въ началѣ нашего лѣта. Замѣчательно, что въ концѣ іюня ярилу хоронили съ плачемъ и рыданіями. Начало и конецъ жнитвы сопровождаются тоже обрядами, напоминающими язычество. Божество плодородія (если оно было) олицетворяется снопомъ, который одѣваютъ въ женское платье (названіе снопа: имянинникъ, кумушка, едва ли древнія), и около него празднуютъ жатву, съ пѣснями, плясками и разными обрядами, очевидно старинными, остатками язычества.

Семикъ и Троицынъ день—два праздника, очень сходные между собою какъ зимніе Коледа и Авсень. Это, кажется, празднованіе окончанія весны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Троицынъ день справляются проводы весны. Въ Муромѣ,

въ первое воскресенье послѣ Троицына дня «погребаютъ Кострому, а во Владимірѣ на Клязьмѣ, погребаютъ, въ это самое время Ладу» (ч. VI, стр., 192). Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ Троицынъ и Духовъ дни сопровождаются страннымъ обычаемъ. Дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, сходятся на условленное мѣсто; тамъ, избравъ одну изъ своихъ подругъ, съ названіемъ Костромы, кладутъ ее на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду» (ib. стр. 189). Кострома символъ любви, наслажденій любовью, что до сихъ поръ сохранилось въ народныхъ поговоркахъ; ладъ, ладо— не «общепринятыя для обрядныхъ и хороводныхъ пѣсенъ окончанія», какъ утверждаетъ г. Терещенко (ч. V, стр. 56, въ выноскахъ), а весьма опредѣленно значатъ мужъ, что видно изъ имъ же приведенныхъ пѣсенъ, напр. Ищуль я, ищу, ласкова ладу... добрый молодчикъ, будь моимъ ладой (ч. VI, стр. 166 и 167). (Тутъ ладъ очевидно означаетъ мужа, а не жену, какъ думаетъ г. Терещенко ib. въ выноскѣ) или: «да не быть рѣпю, съ тыномъ равну, да не быть ладу, супротивъ братцевъ моихъ (ч. IV, стр. 218). Похороны Лады самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что Ладо не только могло быть, но и дѣйствительно было языческимъ божествомъ, противъ чего г. Терещенко совершенно неосновательно споритъ съ гг. Снегиревымъ и Савельевымъ-Ростиславичемъ (ibidem). По тому смыслу, который имѣетъ въ нашихъ пѣсняхъ слово ладъ, кажется, Ладо было олицетвореніемъ любви и наслажденій. Множество фактовъ, относящихся къ простонародному празднованію Семика и Троицына дня, приводятъ къ этому заключенію. «Въ Московской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ сгибаютъ молодыя плакучія березы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся чрезъ вѣнки (цѣлуются)» (ч. VI, стр. 151). Вѣнокъ—символъ дѣвичества. Это видно напр. изъ пѣсни: «кому вѣнокъ износить? Носить вѣнокъ ста-

рому, старому вѣнокъ не сносить, мою молодость не сдержать» (ib. стр. 171). Поэтому припѣвъ въ Семикъ, когда дѣвушки кумятся: «покумимся кума, покумимся, чтобы намъ съ тобою не браниться, вѣчно дружиться» (ib. стр. 151) — не выражаетъ первоначальнаго смысла этого обряда; да и бóльшая часть хороводныхъ пѣсенъ и припѣвовъ такъ: обороты древніе остались, а слова измѣнились. Далѣе, покумившись, онѣ «дарятъ другъ друга желтыми яицами. Во Владимірской губерніи ходятъ еще дѣвушки, поутру, съ пирогомъ на яицахъ, собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яичницу. У волжскихъ жителей дѣвицы пекутъ козули, — лепешки на яицахъ, въ видѣ вѣнка» (ib. стр. 152). Въ другихъ мѣстахъ дѣйствующими лицами являются кумъ и кума; мущина и дѣвушка ставятся по срединѣ хоровода (ib. стр. 153). «Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Костромской губерніи... мѣняются при кумовствѣ кольцами и серьгами (очень можетъ быть, что такъ дѣлалось между дѣвушками и мущинами. Еще доселѣ у насъ мущины въ простомъ народѣ носятъ серьгу въ ухѣ). Въ Саратовской губерніи «по свитіи вѣнка каждая пара кумится. Это состоитъ въ томъ, что одна другой (дѣвушки) подаетъ, сквозь вѣнокъ по яйцу; потомъ, обмѣнявшись имъ, цѣлуются сквозь вѣнокъ. За этимъ приступаютъ къ выбору: которой изъ нихъ быть старшей кумою» (ib. стр. 165). «Надобно замѣтить, что въ Троицынъ день дѣвушки спрашиваютъ у зозуль (кукушекъ), когда онѣ кукуютъ: долго ли имъ быть еще въ домѣ отца?» (стр. 178). «На другой день недѣли (т. е. авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать: воскресенья), поутру рано, отправляются дѣвушки купаться. У каждой изъ нихъ на головѣ вѣнокъ, а въ рукѣ полынь. Съ ними онѣ входятъ въ рѣку и ныряютъ: вѣнки сплываютъ съ ихъ головъ; послѣ онѣ выходятъ на берегъ и слѣдятъ глазами за вѣнками. Чей вѣнокъ принесется водою

первымъ къ берегу, та думаетъ, что она прежде всѣхъ своихъ подругъ выйдетъ замужъ, и т. д.» (ib. стр. 180). Съ этимъ въ связи «существовало обыкновенiе, которое мѣстами отправляется понынѣ, что парень задумавшiй жениться, долженъ вытащить изъ воды вѣнокъ для той, которую проситъ за себя (ib. стр. 184). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губернiи, на канунѣ Троицына дня, «поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь ярилы» (ib. стр. 187). «Въ Орловской губернiи пекутъ на Троицынъ день два коровая: это печенье называется моленiемъ короваю. Одинъ ѣдятъ за столомъ, а съ другимъ ходятъ дѣвушки въ рощу завивать вѣнки» (ib. стр. 192). Коровай, какъ извѣстно, игралъ большую роль на свадьбѣ. «Въ Семикъ и Троицынъ день разыгрываютъ, въ сѣверной части Россiи, хороводную игру жениха и невѣсты при завиванiи вѣнковъ» (ib. стр. 195). Эта игра «оканчивалась въ старину расплетенiемъ косы» (ib. стр. 196); расплетенiе косы—обрядъ свадебный. «Между суевѣрными предметами, народъ сохранилъ на берегу р. Мечи, въ селѣ Козьемъ (около Тулы), кучу камней, расположенныхъ хороводнымъ кругомъ. Тамъ думаютъ, что этотъ кругъ состоялъ изъ хороводныхъ дѣвушекъ, которыя за неистовыя пляски па Троицынъ день, превращены небеснымъ громомъ въ камни» (ib. 197). Впрочемъ мы никакъ не смѣемъ утверждать навѣрное, что въ Семикъ и Троицынъ день праздновались исключительно супружеская любовь и наслажденiя. Очень можетъ быть, что Ладо было олицетворенiемъ не только этой любви, но семейнаго согласiя и прiязни вообще. На это есть даже указанiя въ фактахъ, собранныхъ г. Терещенко. Во всякомъ случаѣ остается, кажется, внѣ всякаго сомнѣнiя, что сначала Ладъ, Ладо, было божествомъ любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; потомъ значенiе его могло расшириться, даже еще во времена язычества, и измѣнить сущность празднованiя.

По нѣкоторымъ примѣтамъ можно думать, что Семикъ и Троицынъ день, во времена язычества, составляли одинъ и тотъ же праздникъ: Семикъ начало, а Троицынъ день — конецъ. Замѣтимъ, что въ хороводныхъ пѣсняхъ оба воспѣваются часто вмѣстѣ: «Семикъ да Троица» (ib. стр. 190, 191, 164),—что въ Семикъ заплетали вѣнки, а въ Троицынъ день ихъ развивали (ib. стр. 166), — что наконецъ въ Семикъ кумились, въ Троицынъ день раскумливались (ib. стр. 191).

Впрочемъ эти праздники не были однимъ почитаніемъ Лады; въ нихъ праздновалась весна; и то и другое сливалось, по причинамъ весьма понятнымъ въ естественномъ, природномъ состояніи человѣка. «Въ старину дѣвушки и пожилыя женщины сходились на окрестный близь Кіева лугъ, и пѣли разныя сладострастныя пѣсни, или пляшущая толпа выходила изъ города и деревень съ зелеными въ рукахъ вѣтвями, и плясала около поставленнаго въ полѣ истукана, который украшался цвѣтами полевыми, сучьями зеленыхъ деревьевъ и разноцвѣтными лоскутьями» (ib. стр. 141). «Изъ пѣсенъ и обычаевъ видно, что въ Семикъ производились гаданія при рѣкѣ и колодезѣ; дѣлали тамъ вопросы; умывали глаза водою, чтобы они не болѣли, и бросали туда мелкую монету» (ibid.). Въ Малороссіи, въ Семикъ, «обставляютъ храмы, дворы, домы и покои молодыми кленовыми деревьями, иногда липовыми и березовыми. Внутренность комнатъ посыпаютъ травою и цвѣтами. Въ Велико-Россіи такой же обычай» (ib. стр. 146). «Дѣвушки бросаются толпою къ березкамъ, плетутъ вѣнки, перевиваютъ ихъ лентою, и несутъ березку домой, съ пѣснями» (ib. стр. 156). «Въ Тульской губерніи называютъ кумою семицкую березу» (стр. 159). Въ другомъ мѣстѣ: «Въ Троицынъ день наряжаются дѣвушки, поутру рано, въ лучшіе сарафаны, и потомъ отправляются вмѣстѣ въ ту рощу, гдѣ завивали въ Семикъ вѣнки: берутъ съ собой березку, укра-

шають ее лентами и приносять съ пѣснями, въ избранную ими для празднованія избу» (ib. стр. 188). «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской губерніи одѣваютъ березку въ пестрое платье, и ставятъ ее въ клѣть до Троицына дня. Это чучело изъ березки называется гостейкою. Въ Троицынъ день послѣ обѣдни, выносятъ дѣвушки съ парнями гостейку за селеніе; завиваютъ въ рощѣ вѣнки и пляшутъ около гостейки» (ib. стр. 192). Въ Воронежской губерніи «для праздника строили шалашъ за городомъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистою зеленью; внутри его ставили чучело одѣтое въ богатое платье, мужское или женское. Около шалаша толпились люди обоего пола, раскладывали на застланныхъ скатертью столахъ или на землѣ, нарочно приготовленное кушанье, и ставили разнаго рода напитки: медъ, пиво, варенуху и водку: садились и угощали другъ друга. Затѣмъ начинали пѣть и плясать около шатра» (ib. стр. 194). «Въ древности ходили въ священныя рощи снимать кору съ деревьевъ, березы, липы и дуба и прикладывали ее къ ранамъ. Добывая огонь изъ священныхъ деревьевъ помощью тренія, хранили его дома. Другіе брали кусочекъ затлѣвшаго дерева, или щепочку (?) золы, и берегли у себя, думая предохраниться отъ заразы» (ib. стр. 197).

Съ празднованіемъ церковью памяти Іоанна Крестителя, св. Агриппины и св. апостоловъ Петра и Павла совпадало древнее языческое торжество, котораго слѣды удержались до сихъ поръ. Какое божество праздновалось въ это время—неизвѣстно. Въ народныхъ обрядахъ и пѣсняхъ на эти дни упоминаются купало, коледа. Самое время празднованія называется во многихъ мѣстахъ соботкой и собуткой (часть V, страница 54), что напоминаетъ вмѣстѣ и святки, носившія мѣстами названіе субботокъ и шабаша. Изъ этого естественно возникаетъ вопросъ: не былъ ли праздникъ купалы установленъ въ честь враждебныхъ боговъ? Многія причины заставляютъ съ пер-

ваго взгляду такъ думать. Во первыхъ, праздникъ купалы имѣлъ непосредственное отношеніе къ повороту солнца на зиму. «Почти во всей Европѣ—говоритъ г. Терещенко—празднуется Иванъ Купало, и онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ» (ib. стр. 53). «Въ Силезіи Ивановскій огонь (о немъ ниже) называютъ огненнымъ поворотомъ солнца» (ib. стр. 67). «У Сербовъ господствуетъ мнѣніе, что въ Ивановъ день солнце останавливается три раза на своемъ теченіи» (ib. стр. 54). «Въ Ивановъ день солнце, по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и бриллiантовомъ къ своему супругу мѣсяцу; въ проѣздъ свой пляшетъ солнце и разсыпаетъ по небу огненныя искры, которыя могутъ видѣть только при его восходѣ» (ib. стр. 75). Оттого во многихъ мѣстахъ сохранился обычай наканунѣ Иванова или Петрова дни ожидать солнечнаго восхода (стр. 78). Во вторыхъ, въ тѣсной связи съ этими повѣрьями находятся другія, представляющія ночь наканунѣ купалы страшной, таинственной, въ которую нечистыя силы составляютъ заговоръ противъ людей и домашнихъ животныхъ. «Наканунѣ субботки или Ивана Купалы—говоритъ авторъ—не выпускаютъ земледѣльцы въ полѣ своихъ коней, въ томъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на нихъ въ Кіевъ на Лысую гору, гдѣ въ то время бываетъ ихъ сборище» (ib. стр. 75). «Ивановская ночь почитается въ Малороссіи страшной ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотные загоны посѣщаются вѣдьмами и вукулаками (оборотнями). Для отвращенія ихъ посѣщенія раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ, жгучую крапиву или папоротникъ. Однѣ яги-бабы, колдуньи и кіевскія вѣдьмы, которыя собираются тогда во множествѣ, летаютъ на помелѣ на Лысую гору или чортово берепище, находящееся подъ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуются на пагубу людей и животныхъ» (ib. стр. 87). «Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что въ ночь

предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы высасываютъ молоко у коровъ» (стр. 74, 81 и 73). Кромѣ этихъ данныхъ есть извѣстія о празднованіи Купалиной ночи у Поляковъ и Русскихъ въ XVI вѣкѣ; изъ нихъ видно, что она, кажется, была посвящена злымъ духамъ (стр. 58, 59 и 70). Въ Силезіи «предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу» (?) (стр. 67). «Ночь купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ: деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою» (стр. 79) Въ томъ же мнѣніи, т. е. что Ивановская ночь была посвящена злымъ духамъ, повидимому утверждаетъ нѣкоторое сходство этой ночи съ святочными. Напр. въ древности въ эту ночь тоже происходили вакханаліи. Польскій ботаникъ Мартинъ говоритъ, что «въ день св. Іоанна никого небывало въ церкви, потому что все проводило собутки съ бѣсами, со всякимъ безчинствомъ... Пѣли сатаническія пѣсни, скакали» (стр. 59). Игуменъ Панфилъ писалъ Псковичамъ: «егда бо пріидетъ праздникъ во святую нощь, мало не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся: въ бубни и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ, и плясаніемъ: женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ и устнами ихъ непріязненъ кликъ, вся скверные пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; туже и женское и дѣвичье шептаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» (стр. 70). Тоже находимъ въ Стоглавѣ. На такое провожденіе Ивановской ночи есть намеки и въ теперешнихъ обычаяхъ. Славяне приносили жертву купалѣ Потомъ, юноши, дѣвицы, мущины и женщины... раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за

руки и пѣли пѣсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла становили качели, съ тѣми же обрядами; качались, пѣли, плясали и скакали на доскахъ (ib стр. 73 и 74). Качели запрещались духовенствомъ. Далѣе: «Въ Витебской губерніи, наканунѣ Иванова дня,... молодыя дѣвушки надѣваютъ на голову вайникъ» (стр. 79) т. е. женскій головной уборъ. «Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоего пола купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ. Дѣвушки и мущины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. Если при скаканіи не разойдется пара, то явная примѣта, что она соединится бракомъ» (стр. 83). Но всѣ соображенія, что ночь наканунѣ купала была посвящена злымъ духамъ, разрушаются тѣмъ, что въ обряды этой ночи не входили переряживанье и гаданія. Правда г. Терещенко упоминаетъ о гаданіи дѣвушекъ вѣнками (стр. 59), о гадательныхъ пѣсняхъ и примѣтахъ (ibid.); но такія гаданья и примѣты сопровождали всѣ языческія празднества и ничего не доказываютъ; притомъ, какъ видно, они даже не играли большой роли въ Ивановъ день. Что же такое было предметомъ поклоненія на праздникъ купалы? Это трудно рѣшить: ихъ столько, и столько разнообразныхъ обрядовъ соблюдается въ этотъ праздникъ, что всякое соображеніе теряется. Во первыхъ, однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ поклоненія былъ огонь. Его доставали посредствомъ тренія досокъ (стр. 59 и 67). Въ Далмаціи этотъ огонь поддерживали дѣти: они наблюдаютъ, чтобъ онъ не погасъ (ib. стр. 66). Называется онъ огненнымъ поворотомъ солнца (?), въ Новгородской губерніи—живымъ, лѣснымъ, царь-огонь, лекарственнымъ (ib. стр. 71). У Германцевъ Ивановскій огонь былъ очистительный, предохранялъ отъ заразы и болѣзней и умилостивлялъ тѣни усопшихъ (стр. 57). Въ Польшѣ и Галиціи есть повѣрье, что онъ исцѣляетъ головныя боли (стр. 60); у насъ думаютъ, что онъ не

даетъ злымъ духамъ доить молоко и предохраняетъ стада отъ лѣшихъ (стр. 73). Наконецъ древніе Чехи приносили въ жертву дѣтей (стр. 61), а Силезяне, теперь, богородицкую траву (стр. 67). Ивановскіе огни разводятся ночью въ поляхъ, лѣсахъ, близь рѣкъ. Около нихъ собираются мущины и женщины, старые и молодые, поютъ пѣсни, пляшутъ и перепрыгиваютъ чрезъ него, иногда босыми ногами. «Скаканіе (черезъ огонь) имѣетъ свое особое значеніе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменовываетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошади, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появленію колдуновъ» (стр, 52). Очевидно, огонь былъ предметомъ поклоненія и имѣлъ священное значеніе (стр. 58, 59, 67, 71, 73, 80 и 81).—Такое же почти значеніе имѣла въ этотъ и съ этого дня вода. Это показываетъ воспѣваніе купалы, которая празднуется въ Ивановъ день, подъ видомъ чучелы. «На Подолѣ и Волыни дѣвицы сходятся въ то мѣсто, гдѣ поставлена убранная вѣнками и цвѣтами верба, называемая купайло, и ходя вокругъ нея поютъ печальныя (?) пѣсни» (стр. 74). «Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ наканунѣ Ивана, по солнечномъ заходѣ, колъ въ землю: обкладываютъ его соломою и коноплемъ, а на самой верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый Купало» (стр. 76). Въ Малороссіи «одна изъ дѣвушекъ беретъ соломенную, одѣтую въ женское пестрое платье куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ея голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею монистомъ. Это чучело называется купалою» (стр. 80). Несмотря на столь очевидные слѣды обожанія идола Купала, г. Терещенко утвердительно говоритъ, что «въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его богомъ земныхъ плодовъ... Таковое ошибочное (?) мнѣніе ввелъ Гизель въ своемъ Синопсисѣ; ему послѣдо-

валъ Св. Дмитрій Ростовскій» (стр. 55 и выноска 2). Другія повѣрья доказываютъ тоже священное значеніе воды въ этотъ праздникъ, и какъ будто ея обожаніе. Въ Сербіи «нѣкогда купали истукана въ водѣ и обливали его водой» (ib. стр. 58). Купанья, начинавшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ Аграфенина дня, составляли необходимый религіозный обрядъ этого праздника. «Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Побѣдницѣ» (ib. стр. 71). Изъ Стоглава это видно еще яснѣе: «О Иванѣ днѣ и въ навечерьи Р. Х. и Крещенія сходятся мужи, жены и дѣвицы на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе... и егда ночь мимоходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великіемъ кричаніемъ и умываются водою» (стр. 71, выноска 1, стр. 83). Вода считается въ эти дни цѣлебною (стр. 71). Наконецъ во многихъ мѣстахъ умываются въ Купалинъ день росою (стр. 71), думая, что она придаетъ свѣжесть лицу и здоровье (стр. 60 и 73); въ Литвѣ Купалинъ день даже называется росою (стр. 71).— Растеніе—третій предметъ поклоненія въ Ивановъ день. Люнебургскіе венды приносили въ жертву священному дереву пѣтуха (стр. 68). «У дравскихъ вендовъ въ высокомъ почитаніи деревья вѣнечное (березовое) и пѣтушиное (Hahnbaum). Вѣнечное употребляется женщинами въ Ивановъ день. Онѣ однѣ только могутъ его рубить, возить и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая, едва могущая ходить на костылѣ, отправляется смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. Его рубятъ наканунѣ праздника, снимаютъ съ него всѣ вѣтки, оставивъ одну только верхушку на подобіе вѣнка. Въ Ивановъ день берутъ женщины телѣгу, сами въ нее впрягаются вмѣсто лошадей... и отправляются въ рощу. Молодыя и здоровыя женщины идутъ возлѣ телѣги, поютъ и веселятся, а ихъ матери везутъ... Новое дерево становится при торже-

ственномъ восклицаніи: оно увѣшивается вѣнками и цвѣтами... Обычай становить дерево совершается ежегодно съ особымъ почитаніемъ» (ib. стр. 68 и 69). Въ окрестностяхъ Петербурга Ижоряне, во времена Петра Великаго, приносили въ жертву липѣ бѣлаго пѣтуха (стр. 73). На поклоненіе деревьямъ въ Ивановъ день указываютъ также пѣсни и почести вербѣ, называемой купайлой (стр. 74). Кромѣ деревьевъ, травы и цвѣты были во времена язычества тоже предметомъ обожанія въ Купалинъ день. Ихъ приносили въ жертву (стр. 58); сила ихъ была цѣлебна (стр. 60), предохраняла противъ нечистыхъ духовъ (стр. 81 и 87), несчастій и болѣзней (стр. 67), вообще имѣла чудодѣйственную силу (стр. 59). Оттого травы собирались на Ивановъ день съ особенными обрядами (стр. 70); это было необходимымъ дѣйствіемъ въ Купалинъ день (стр. 74 и 75). Изъ травъ плелись вѣнки; травами и цвѣтами убирались боги и люди въ этотъ праздикъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли особенную силу и таинственное значеніе (стр. 59). У г. Терещенки есть цѣлый имъ списокъ и описаніе (стр. 87—95). Можетъ-быть поэтому именно и сожигались травы и растенія въ Купалинъ день съ торжественными обрядами. У Сербовъ зажигаютъ «факелы и бересту, и обходятъ съ ними хлѣва и пастбища; потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ при пляскахъ факелы и бересту» (стр. 54). У нихъ же «пастухи, наканунѣ Иванова дня, жгутъ около хлѣвовъ березовыя и черешневыя лыки, (стр. 58). Можетъ быть сожженіемъ лыкъ объясняется слѣдующій странный обычай въ Литвѣ: «въ день Купалы складываютъ костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ и лубяныхъ вещей и зажигаютъ ихъ; скачутъ и поютъ... Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель» (стр. 75). Въ Далмаціи за десять дней до Иванова дня «толпа поселянъ складываетъ можжевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ ее, сопровождая тан-

цами и пѣснями» (стр. 66). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи «въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія, клали въ кучу и скакали чрезъ нихъ» (стр. 72).

Всѣ эти данныя заставляютъ думать, что праздникъ купалы былъ празднованіемъ лѣта и живительныхъ силъ природы, такъ благодатно развивающихся и дѣйствующихъ лѣтомъ. Іюнь—апогея лѣта. Но эта высшая точка раскрытія силъ природы наступаетъ именно въ то время, когда солнце переходитъ въ знакъ рака, поварачиваетъ къ зимѣ. Отсюда таинственность Ивановской ночи: повѣрья о заговорѣ враждебныхъ силъ, шабашѣ вѣдьмъ, свирѣпости русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ и проч. Это предчувствіе упадка лѣта. Но оно еще въ полномъ цвѣтѣ. Враждебныя силы не властны надъ нимъ. Оттого въ этотъ праздникъ сожигаютъ или бросаютъ въ воду марену, дерево смерти (стр. 79, 81, 83). Нѣкоторыя отступленія отъ этого обычая: сожиганіе коляды (стр. 66), обрыванье купайлы у дѣвушекъ парнями (стр. 71), наконецъ общее чествованіе марены и купалы (стр. 80—82), показываютъ только, что прежніе обычаи спутались въ понятіяхъ, и относящееся къ одному перенесено на другое.

Вообще видно, что купалинъ праздникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ языческихъ праздниковъ. Это и понятно: въ естественной религіи, гдѣ силы и явленія природы единственный предметъ поклоненія, лѣто должно было быть предметомъ особеннаго обожанія. Напрасно спрашиваетъ г. Терещенко: «откуда же перешелъ Купало въ Россію?» Напрасно думаетъ онъ разрѣшить этотъ глубокомысленный вопросъ словами: «на это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать (sic!), что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное вѣками въ разныя названія и обряды» (ib. стр. 55). Дѣло само по себѣ ясно: у насъ было естественное, природное язычество, и слѣдо-

вательно было поклоненіе лѣту. Приходить или переходить ему къ намъ было не откуда и не для чего.

Въ заключеніе замѣтокъ о праздникѣ купалы позволимъ себѣ высказать догадку. День купалы совпалъ у насъ съ Ивановымъ днемъ. Не потому ли имя Ивана такъ распространено въ русскомъ народѣ? Что оно у насъ издревле одно изъ самыхъ употребительныхъ собственныхъ именъ, видно изъ того, что «простой народъ въ Болгаріи доселѣ называетъ всѣхъ русскихъ Иванами. Греки же, тамъ живущіе именуютъ Россію Ивановщиной (όι Ιβάνιδες)» (ч. III, стр. 56). Названіе народа по собственному имени приводитъ насъ къ другой мысли: не потому ли все славянское племя такъ названо, что имена на *славъ* въ немъ были очень обыкновенны? Предоставляемъ оба предположенія на судъ знатоковъ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ русальная недѣля. Русальная недѣля (т. е. семицкая), какъ показываетъ ея названіе, посвящена русалкамъ. Что такое русалки? объяснить это чрезвычайно трудно. Онѣ олицетвореніе силъ природы; это видно изъ всѣхъ признаковъ, которые народныя повѣрья приписываютъ русалкамъ. Но повѣрья эти такъ искажены позднѣйшими, совершенно произвольными приставками и придѣлками, такъ много примѣшано къ нимъ новаго подъ вліяніемъ христіянскихъ понятій, что почти невозможно добраться до первоначальнаго источника. Были ли русалки олицетвореніе водъ, рѣкъ, источниковъ, какъ ундины, наяды, остается еще вопросомъ; ибо, правда, отношеніе, сродство ихъ съ водой весьма близкое, тѣсное: но вода не исключительный ихъ элементъ. «Въ Малороссіи—замѣчаетъ г. Терещенко—говорятъ, что русалки являются съ страстнаго четверга, какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы и зазеленѣютъ деревья и поля, и живутъ на землѣ до глубокой осени» (Ч. VI, стр. 124). «Въ Украйнѣ и Малороссіи гос-

подствуетъ еще повѣрье, что дѣти, умершія безъ крещенія, превращаются въ мавокъ, малокъ и гречухъ, сопутниковъ русалокъ; что злые духи мучатъ этихъ младенцевъ, которые освобождаются отъ ихъ власти только на зеленыя святки (т. е. въ Духовъ, нашъ Троицынъ день)» (ib). «У насъ бѣгаютъ русалки по лѣсу, рощамъ или травѣ, или плещутся въ рѣкахъ и озерахъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ сохранился обычай, что въ русальную недѣлю развѣшиваютъ по деревьямъ полотно, которое будто бы мавки и русалки берутъ себѣ на рубашки. Иные... раскладываютъ еще горячій хлѣбъ по окнамъ, думая, что паромъ его бываютъ сыты русалки» (ib. стр. 126). «Въ днѣпровской Россіи утверждаютъ поселяне, что огни, которые свѣтятся ночью на могилахъ, насыпныхъ курганахъ, въ рощахъ, лѣсахъ и на поляхъ, разводятся днѣпровскими русалками для того, чтобы заманить къ себѣ людей... Накануне Троицына дня русалки, по мнѣнію Малороссіянъ, бѣгаютъ по полямъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, и хлопаютъ въ ладоши». Далѣе: «Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: (это опровергается другимъ повѣрьемъ «что въ Троицынъ день русалки падаютъ съ деревьевъ» ч. VI, стр. 175) на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста, шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы. Съ клечальной недѣли (семицкой) онѣ аукаютъ въ лѣсахъ и зазываютъ къ себѣ съ хохотомъ прохожихъ» (ib. стр. 129 и 130). Русалки «на зеленую недѣлю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до бѣшенства, и все, что не попадется имъ, портятъ, особенно молодыхъ супруговъ» (ib. стр. 131 въ выноскѣ). «Въ Тульской губерніи сохранилось преданіе о лѣсовой русалкѣ;... она поетъ и живетъ въ густомъ лѣсу. Русалка эта совершенно безопасна, во все

время года, кромѣ русальной недѣли» (ib. стр. 134). Наконецъ, недѣлю спустя послѣ Троицына дня и Духова дня, въ понедѣльникъ, праздновались проводы русалки (стр. 137). Какъ ни противорѣчатъ между собой эти извѣстія, но изъ нихъ видно, во первыхъ, что русалки не были только водяными существами; потомъ — ихъ появленіе съ ранней весны, ихъ ожесточеніе, свирѣпость въ русальную недѣлю и вскорѣ затѣмъ проводы въ началѣ нашего лѣта показываютъ, что собственно этимъ временемъ и ограничивается дѣйствіе развитія той силы природы, которая была въ нихъ олицетворена. Но какая? все-таки не видно. Притомъ на русалкахъ есть странный отпечатокъ. Онѣ имѣютъ много общаго съ враждебными силами и принадлежатъ къ нимъ. Извѣстно, что общее повѣрье приписываетъ имъ страсть защекотывать людей до смерти. Но вотъ другіе факты, еще важнѣе: «Онѣ между народами (въ днѣпровской Руси) изображаются страшными, и ими пугаютъ дѣтей, какъ кіевскими вѣдьмами» (стр. 129). «На русальную недѣлю никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши, потому что въ это время веселье русалокъ и хлопанье страшное... На ихъ удары стекаются и прочія русалки; однѣ кіевскія вѣдьмы только могутъ купаться съ ними. На зеленой недѣлѣ въ четвергъ никто не долженъ работать, чтобы русалки не попортили домашній скотъ, птицу и все хозяйственное заведеніе. Этотъ день называется великъ день русалокъ» (ib. стр. 132). «На Руси господствуетъ мнѣніе, что всѣ эти духи (водяные, лѣсные, лѣшіе, домовые и т. д.), при низпроверженіи Вельзевула, со всею нечистою его силою въ адъ, частію попадали въ воду, другіе разсѣялись по полямъ, а прочіе скрылись то въ лѣсахъ, то въ домахъ» (ib. стр. 133). «На русальной недѣлѣ во вторникъ, крестьяне поминаютъ удавленниковъ. Родня умершаго приноситъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разби-

ваетъ на могилѣ за упокой души удавленника: потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку» (стр. 134). «Русалки и водяные представляются вообще тоскующими и враждебными. Онѣ — то души младенцевъ, плодъ незаконной любви, или умершіе безъ крещенія; то злые духи, преслѣдующіе человѣка, и принимающіе на себя разные виды, по произволу» (ib. стр. 135 и 136). «Праздновавшіе русальи представляли бѣснованіе чертей. Одни въ видѣ человѣка ходили по улицамъ, били въ бубны, играли на волынкѣ и на свирѣли; другіе надѣвали на себя... скураты или личины (маски)» (ibid). Этотъ способъ празднованья, какъ мы видѣли, доказываетъ, что русалки принадлежали къ злымъ, враждебнымъ духамъ. «Между малороссійскими поселенцами Саратовской губерніи... думаютъ, что онѣ (русалки) безобразныя: космтыя, горбатыя, съ большимъ брюхомъ и острыми когтями, длинной гривою и желѣзнымъ крючкомъ, коимъ онѣ ловятъ проходящихъ» (ib. стр. 127). Русалки, подобно ягѣ-бабѣ, задавали загадки, и тѣхъ, кто ихъ не разгадывалъ, защекотывали до смерти. Наконецъ самые проводы русалокъ чрезвычайно замѣчательны и выражаютъ такое же понятіе о русалкахъ: «Дѣвицы и женщины собирались съ разныхъ улицъ деревни, или города, съ пѣніемъ веселыхъ пѣсней... Онѣ становились по угламъ съ чучелою, которое было въ видѣ женщины и представляло русалку; потомъ составляли хороводъ, въ срединѣ коего женщина съ чучелою производила смѣшныя тѣлодвиженія и скакала. Пропѣвъ пѣсень, онѣ раздѣлялись на двѣ половины: оборонительную и наступательную. Однѣ защищали свое чучело отъ нападеній, другія бросали имъ въ глаза песокъ и обливали водою. Наконецъ всѣ толпой отправлялись въ поле; тамъ разрывали чучело и размѣтывали его по воздуху» (ib. стр. 137). Итакъ, смерть русалки была насильственною. Трудно понять всѣ эти обряды и повѣрья. Они по-

казываютъ въ русалкахъ какое-то непостижимое соединеніе враждебныхъ силъ и олицетворенія обыкновеннаго порядка и явленій природы, болѣе благодѣтельныхъ, чѣмъ вредныхъ. Существованіе ихъ прерывается, какъ будто къ радости людей, хоть г. Терещенко и говоритъ, что наши предки «выдумали (?!) противъ нихъ изгнанія и проводы» (ib. стр. 137); очевидно словопроизводство русалокъ отъ *русла*, «потому что онѣ были обитательницы источниковъ, рѣкъ и озеръ» (ib. 123), слишкомъ поверхностно и не стоитъ опроверженія.

Въ заключеніе статьи о праздникахъ остается сказать нѣсколько словъ о праздникахъ въ честь мертвыхъ. Когда именно они отправлялись во времена язычества, трудно опредѣлить. Сроки теперешнихъ общихъ поминаній усопшихъ — родительская суббота, радоница, дмитріева суббота и т. д. не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Они отчасти узаконены церковью, отчасти условливаются какими нибудь важными историческими событіями, напримѣръ октябрскія поминанія или дмитріевская суббота. Языческія поминанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли постоянное отношеніе къ временамъ года, потому что поклоненіе мертвымъ находилось въ тѣсной связи съ поклоненіемъ враждебнымъ богамъ, олицетвореніямъ смерти, сна природы. Всѣ данныя указываютъ на эту связь. «Въ Силезіи, Польшѣ, въ верхнемъ, и нижнемъ Лаузицѣ—говоритъ г. Терещенко — народъ ходилъ, съ разсвѣтомъ дня, марта 1, съ зажженными факелами на кладбище и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Богеміи... представляли усопшихъ въ личинахъ, а въ память ихъ совершали игры» (ч. III, стр. 119 и 120). «На буяхъ и буйвицахъ (такъ называются кладбища Псковской и Тверской губерній) до нынѣ дѣлаютъ гаданія, какъ въ святки» (ч. VI, стр. 144). Скоморохи, и прежде и теперь даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, играютъ на поминаньяхъ (ib. стр. 145). «Въ утро великаго четверга жгли солому и

кликали мертвыхъ» (ч. VII, стр. 299); другими словами, мертвымъ совершалось поклоненіе съ такими же обрядами, какъ и враждебнымъ духамъ.

Отъ этого теперь остались еще нѣкоторые слѣды въ поминальныхъ обычаяхъ. Боготвореніе мертвыхъ разумѣется изчезло; но съ ними бесѣдуютъ, ихъ призываютъ, ихъ угощаютъ пищею, питьемъ, какъ будто они живутъ подъ тѣми же условіями какъ и мы. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи — говоритъ г. Терещенко — катаютъ на кладбищѣ, на Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, окрашенныя яйца, поливаютъ могилу пивомъ, брагою, водкою и потомъ ставится кушанье. Приступая къ поминальной трапезѣ, дѣлаютъ воззваніе къ родителямъ: «святые родзицили! ходзице къ намъ хлѣба-соли откушаць». Потомъ садятся въ кружокъ.—Послѣ пиру обращаются къ могилѣ покойника, съ извиненіемъ: «вы бачете, наши родзицели, и не дзивицесь; цо маемъ, то и несемъ» (ч. III, стр. 122). Еще замѣчательнѣе обычаи въ Олонецкой губерніи. Здѣсь «поминовеніе совершается иногда цѣлой деревней: для этого назначаютъ день и налагаютъ на себя постъ. За два или за три дня до срока, собираются къ кому нибудь изъ сосѣдей, у кого побольше изба, и начинаютъ стряпню сами гости. Хозяева выдаютъ только припасы, и ходятъ по угламъ избы съ плачемъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ сѣнахъ, третій въ комнатѣ, и толпою выходятъ на встрѣчу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ: «вы устали родные, покушайте чего нибудь». Послѣ угощенія на крыльцѣ, идутъ тѣмъ же порядкомъ въ сѣни, а наконецъ въ избу. — Тутъ хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, предполагая ихъ присутствующими невидимо, говоритъ: «чай, вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то, можетъ быть, было не тепло. Погрѣйтесь, родные, на печкѣ». — Живые садятся между тѣмъ за столъ, и

кушаютъ. Передъ киселемъ же, когда по обыкновенію поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ изъ него на улицу холстъ, на коемъ опускали покойника въ могилу, и начинаютъ провожать съ печки невидимыхъ покойниковъ. «Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали: не близко вѣдь было идти. Вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ».— Для такого обряда выбираютъ обыкновенно урожайный годъ. Здѣшніе поселяне пашутъ еще могилы родныхъ во время поминокъ, т. е. сметаютъ съ могилы соръ, стелютъ на нее платокъ и потомъ разсказываютъ въ слухъ покойникамъ, что случилось послѣ ихъ смерти (ib. стр. 123).

Трапеза мертвыхъ, въ которой дѣятельно участвовали живые, естественно вела къ играмъ и веселостямъ на могилахъ. Этимъ объясняется происхожденіе такъ называемыхъ игръ въ честь мертвыхъ. Названіе неточно и затемняетъ смыслъ дѣла; игры были слѣдствіемъ пирушки, а не обрядовымъ дѣйствіемъ. Поминки въ Малороссіи до сихъ поръ, наглядно, показываютъ, откуда взялись и какъ происходили эти игры. Вотъ любопытное описаніе малороссійскихъ поминокъ.

«Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но почетнѣйшіе граждане. Тамъ сначала отправляютъ панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близь родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Ѣдятъ и пьютъ за упокой, желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дѣла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ идти прямо въ рай, — и просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержанія стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ.—Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запиваютъ горе виномъ; произнося: «о, якъ оце жалостливо! сховавъ риднего и ридненьку, хто жъ мене приголубе? Чи чуете вы, мій батиньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучше, чи намъ тутечки?» Послѣ многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говоритъ: давайте жъ скорій чарку горилки, — утолимъ горе! Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ скрипачамъ, и говорятъ: музыка! нуте жъ заиграйте, да

такъ, щобъ плакало усе на взрыдъ. Скрипачи играютъ за унывныя или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. Годи! чи перестанете жъ играты? Не бачете, якъ вси взрыдалы, мовъ съ изнова риднего хоронютъ. Скрипачи начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь.—На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головонька.— Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду.—Почти тоже самое происходитъ въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губерніяхъ». (Ч. V, стр. 29 и 30).

Поминанія мертвыхъ носятъ различныя названія: вселенской родительской субботы, дмитріевской субботы, радоницъ, осензинъ, большихъ осензинъ, хавтурей (зн. похороны), дзядей и дѣдинъ (ч. III, стр. 121). Поминанья совершаются у насъ теперь осенью въ октябрѣ, весной съ 1 марта до Семика.

Послѣ праздниковъ, важнѣйшимъ источникомъ для изученія славянскаго язычества служатъ простонародные святцы и календарь. Воспитанный естественной, натуральной религіей, въ ея самой непосредственной первоначальной формѣ, Славянинъ не могъ вдругъ постигнуть всю глубину евангельскаго ученія, стать въ уровень съ недосягаемой для него высотой христіянства. Поэтому, сдѣлавшись христіяниномъ, онъ весьма естественно внесъ въ чистое ученіе церкви свои предразсудки, невѣжество, примѣнилъ это ученіе къ своимъ издавна укоренившимся понятіямъ. Онъ сталъ воздавать святымъ угодникамъ народныя почести, приписывать имъ отношеніе къ своему быту, какое только и былъ способенъ понимать. Слѣдствіемъ этого было то, что бо́льшая часть святокъ, чтимыхъ нашей православной церковью, получили въ его понятіяхъ опредѣленное назначеніе, ближайшее къ его ежедневной жизни, къ его насущнымъ потребностямъ и матеріяльнымъ пользамъ и вреду, выгодамъ и невыгодамъ. Въ этомъ не было ничего противнаго чистотѣ христіянства, уставамъ православной церкви: этимъ выражалось только нравственное несовершенно-

лѣтіе новопросвѣщенныхъ, недостатокъ глубокаго духовнаго проникновенія въ тайны божественнаго ученія. Вотъ почему церковь, съ своей стороны, не только не воспрещала такое почитаніе святыхъ, напротивъ, она содѣйствовала ему, видя въ немъ самое вѣрное средство навсегда отклонить неофитовъ отъ язычества и привязать ихъ къ истинному ученію. Это средство было тѣмъ вѣрнѣе, что оно дѣйствовало не вдругъ, не представляло невозможнаго рѣзкаго перехода отъ стараго къ новому, но постепенно, исподоволь воспитывало непросвѣщенные умы до высоты христіянскихъ истинъ. Мудрость такой терпимости оправдалась самимъ опытомъ. Языческіе боги были забыты. Теперь почти всюду изчезли или быстро изчезаютъ сами собою и тѣ суевѣрія, предразсудки, невѣжественныя понятія, которыя сначала по необходимости примѣшивались къ ученію церкви въ народныхъ обычаяхъ.

Простонародные святцы и календарь составлены г. Терещенкой, сколько мы можемъ судить, тщательно и полно, но помѣщены въ книгѣ подъ совершенно имъ несвойственнымъ названіемъ обрядныхъ праздниковъ (ч. VI). Авторъ смотритъ на предметъ очень правильно, какъ рѣдко съ нимъ бываетъ. Вотъ его собственныя слова:

«Доселѣ сохранились въ простонародіи чествованія дней угодниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ благотворителей или карателей, ибо они наказываютъ не уважающихъ ихъ святость истребленіемъ хлѣба и травы на поляхъ, громомъ, молніею, дождемъ и засухою, или ниспосылаютъ изобиліе на богобоязливаго поселянина. Простолюдины воображаютъ, что угодники, обитая на небѣ, имѣютъ человѣческій видъ, одѣваются и живутъ тамъ, какъ люди; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что постоянно находятся въ дружбѣ между ангелами и добрыми людьми, и нисходятъ на землю, чтобы смотрѣть за поведеніемъ и трудолюбіемъ поселянъ. Таковые угодники могутъ принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь въ молніеносныхъ одеждахъ, или на конѣ верхомъ, или парящими на облакахъ въ видѣ ангеловъ. Народъ увѣренный, что ничего не совершается безъ представительства святыхъ, приноситъ имъ жертвы и оказываетъ почести совершенно Божескія. Въ дни угод-

никовъ не работаетъ, боясь прогнѣвить ихъ. Крестьянинъ скорѣе согласится работать въ другой церковный праздникъ, нежели въ день праздника своего святаго. Каждая деревня, каждый городъ, или лучше сказать, каждый приходъ имѣетъ своего защитника... Самые дни повсемѣстнаго праздества принаровленны къ мѣстности и времени. Въ глубокой древности они совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдѣлками. Повсюду они, составляя отдохновеніе отъ работъ, содѣлались извѣстными подъ именемъ праздниковъ...

Понынѣ *Волосъ* считается хранителемъ скотовъ, канунъ Ивановскаго дня купалою и производителемъ плодовъ; *Агрипина*, слыветъ купальницею... Пророкъ Илія превращенъ въ небесную грозу, св. Іеремія въ запрягальника, св. Ѳеодосія въ колосяницу и проч.; всѣ они носятъ отпечатокъ превратныхъ понятій народа.

Отчего народъ далъ особыя названія праздникамъ? — Славяне, издревле земледѣльческій народъ, имѣли въ язычествѣ своихъ боговъ покровителей, которые, по мнѣнію ихъ, споспѣшествовали ихъ благосостоянію, какъ въ полѣ, такъ и въ семейномъ бытѣ. Со введеніемъ христіянской вѣры, они долго уклонялись отъ чествованія церковныхъ праздниковъ. Правительственная власть употребляла усилія, а суевѣріе и преданность къ старымъ обычаямъ слили съ христіянскими понятіями языческія чествованія; потому къ именамъ многихъ святыхъ придали свои особыя значенія и прозванія... Если присоединить, къ этому закоренѣлые предразсудки, суевѣрные толки по разнымъ примѣтамъ вещамъ и дѣйствіямъ, извлекаемымъ изъ явленій природы и дѣйствій человѣка; то все это суть слѣдствія того состоянія, въ какомъ находился народъ нашъ до образованія своего.

Излишне было бы утверждать, что искаженныя обрядныя празднества не останутся навсегда въ простонародіи: уже измѣнилось много съ того времени, когда появились хорошіе пастыри; когда общежитіе проникло въ избы, а образованіе начинаетъ дѣйствовать повсюду, хотя издалека. Но что особенныя обрядныя празднества, много уже измѣнены, то это можно видѣть изъ отправленій ихъ: въ иныхъ мѣстахъ они или оставлены, или уже соединены съ чистотою Евангелія, или, что въ одномъ мѣстѣ чествуется особенно, то въ другомъ уже совсѣмъ неизвѣстно». (Ч. VI, стр. 3, 4, 6—7, 13—16).

Народные святцы дѣлятся собственно на двѣ части. Во первыхъ, нѣкоторымъ святымъ приданы простымъ народомъ названія по времени года и важнѣйшимъ перемѣнамъ въ природѣ, или событіямъ въ его ежедневномъ быту, совпадающимъ съ днемъ празднованія этихъ святыхъ. Такъ напримѣръ преподобный Герасимъ названъ г р а ч е в н и к о м ъ, потому что, по

народнымъ примѣтамъ, въ этотъ день (4 марта) прилетаютъ грачи; пророкъ Іеремія — запрягальникомъ, потому что съ 1-го мая, когда церковью чтится его память, начинаются большія сельскія работы; на такомъ же основаніи св. Пантелеймонъ названъ зажнивнымъ, Акилина—гречишницей, и т. д. Преподобная Ксенія (24 января) названа полухлѣбницей, или полузимницей, потому что по дню ея празднованія заключаютъ объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ на весь годъ; великомученица Екатерина — женодавицей, потому что ей молятся о дарованіи хорошей и доброй жены. Во вторыхъ, къ нѣкоторымъ святымъ прибѣгаютъ преимущественно передъ другими въ данныхъ случаяхъ; ихъ представительство предъ Богомъ и чудодѣйственная сила кажутся народу въ этихъ случаяхъ угоднѣе, предпочтительнѣе заступничества другихъ угодниковъ. Напримѣръ, о сохраненіи отъ пожара и молніи прибѣгаютъ къ св. Никитѣ Новгородскому; объ избавленіи отъ запоя—Моисею Мурину и мученику Вонифатію; объ избавленіи отъ скотскаго падежа — св. Медосту, и т. д. О томъ и другомъ находимъ много любопытныхъ данныхъ въ книгѣ г. Терещенки.

Третій источникъ древняго славянскаго язычества представляютъ хороводы. Изъ перечисленныхъ это самый скудный, потому что пѣсни, которыми сопровождаются хороводы, очевидно принадлежатъ позднѣйшему времени, и потому въ нихъ мало слѣдовъ отдаленной старины. «Не всѣ наши пѣсни и сказки, говоритъ г. Терещенко, носятъ древность (?) даже половины XVII вѣка, потому что онѣ забыты или истреблены временемъ. Большая часть существующихъ нынѣ суть первой половины XVIII вѣка, а другія сочинены въ концѣ XVIII вѣка. Многія уже передѣланы мѣстною потребностію и вкусомъ, или вновь сочинены, народъ самъ ихъ производитъ. Плясовыя, свадебныя и протяжныя часто сокращаются, дополняются но-

выми или вновь составляются. Замѣчено, что по прошествіи 25 лѣтъ самыя любимыя пѣсни, оставляются: считаютъ ихъ уже старыми и замѣняютъ новыми» (ч. I. стр. 127 и 128). Предоставляя знатокамъ дѣла, гг. Далю, Сахарову, Кирѣевскому, рѣшить, въ какой степени справедливы наблюденія г. Терещенки, мы замѣтимъ, что въ пользу послѣдняго до нѣкоторой степени говоритъ не только внутренняя вѣроятность, основанная на томъ, что русскій народъ живетъ, слѣдовательно измѣняется, но и самый фактъ, особенно поразительный въ обрядовыхъ пѣсняхъ. Рѣдко поясняетъ праздничный припѣвъ смыслъ простонароднаго празднованія: обыкновенно обряды, соблюдаемые въ нихъ, находятся въ противорѣчіи съ пѣснями, или тѣ и другія не имѣютъ между собой никакой связи, ничего общаго. Кое-гдѣ слово, иногда стихъ только сохраняютъ смутное воспоминаніе о томъ, какой обрядъ совершался, и какія пѣсни должны были пѣться при этомъ, во времена óны. Исторически этотъ фактъ объяснить нетрудно. Когда христіянство вытѣснило языческія представленія, и прежнія религіозныя торжества низошли въ разрядъ привычекъ и безсмысленныхъ обычаевъ, ихъ формы не могли не утратить первоначальной свѣжести; безпрестанно вторгались въ нихъ новыя понятія, привычки, воззрѣнія и новыя условія жизни; онѣ перерождались подъ вліяніемъ элементовъ чуждыхъ, враждебныхъ древнему язычеству, и примѣнялись болѣе и болѣе къ этимъ элементамъ. Но обряды опредѣленны, постоянны въ своихъ формахъ, какъ всякой ритуалъ: пѣсни, напротивъ, подвижны, измѣнчивы, какъ живое слово. Такъ образовалась цѣлая бездна между обрядами и пѣснями, которыми они сопровождались. Если и первые измѣнились, то какъ же должны были измѣниться послѣднія?

Все это въ полной мѣрѣ примѣнимо къ хороводамъ и хороводнымъ пѣснямъ. Ихъ теперешній видъ безъ сомнѣнія новый.

Напрасно станемъ мы, по примѣру страстныхъ археологовъ, искать въ нашихъ отдѣльныхъ хороводныхъ играхъ и припѣвахъ живыхъ остатковъ глубокой, языческой древности. Этихъ остатковъ мы не найдемъ; всѣ подробности, за исключеніемъ очень немногихъ, и то отрывочныхъ, восходятъ къ недавнему времени. «Время сочиненія хороводныхъ пѣсней, говоритъ г. Терещенко, неизвѣстно. Судя по слогу, онѣ относятся къ разнымъ вѣкамъ; за исключеніемъ немногихъ, а именно «синичка», «макъ ростить», «просо сѣять», которыя должны быть XVI вѣка, всѣ прочія XVII и XVIII в.; но и эти искажены мѣстностію до того, что нельзя опредѣлить настоящей ихъ эпохи» (Ч. IV, стр. 135). Но общій складъ хороводовъ, хороводная форма, тонъ, смыслъ этихъ народныхъ увеселеній очевидно весьма древніе и начало ихъ теряется въ незапамятныхъ временахъ. Авторъ «быта русскаго народа» справедливо замѣчаетъ, что хороводы «составляли первоначально часть языческихъ религіозныхъ обрядовъ» (ib. стр. 133). Впрочемъ, чтобъ это доказать, вовсе не нужно искать начала ихъ у Ассиріянъ, Вавилонянъ и Грековъ, какъ дѣлаетъ г. Терещенко. Онъ забылъ, что и у насъ было язычество; съ нимъ-то наши хороводы связаны самымъ тѣснымъ образомъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, съ какими обрядами происходили наши древнія языческія торжества: ни одно не обходилось безъ круговой пляски и пѣсень около какого-нибудь божества, дерева, вообще какого-нибудь предмета поклоненія. Эти пѣсни и пляски выражали первоначально чувства, ощущенія человѣка, вызываемыя въ разныя времена природой, которую боготворили древніе Славяне, и потому-то естественно, необходимо совпадали съ временемъ празднованія разныхъ божествъ. Одно-другому вполнѣ соотвѣтствовало, ибо обоготворялась, праздновалась именно та сила, то явленіе природы, то время года, которыя внушали тѣ

или другія ощущенія и чувства. Вотъ почему, далѣе, языческія празднованія нерѣдко сопровождались дѣйствіями, не только богослужебными, вытекавшими изъ олицетворенія предметовъ, явленій и силъ природы, но и такими, въ которыхъ самымъ фактомъ, дѣломъ, выражались чувства и ощущенія. Эти дѣйствія потому же именно и имѣли религіозное значеніе, и составляли необходимую, существенную часть празднества. Таковы были, по преимуществу, языческія вакханаліи.

Въ пляскахъ, пѣніи и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ языческое богослуженіе, и должно искать начала хороводовъ. Сперва они не были игры, представленія. Они выражали то, что̀ дѣйствительно ощущалъ человѣкъ; это былъ фактъ, облеченный въ богослужебную форму и возведенный на степень языческаго священнодѣйствія. Поэтому поклоненіе разнымъ божествамъ, въ разное время, сопровождалось и разными хороводами. Каждый праздникъ имѣлъ свои, опредѣленные, отличавшіеся отъ другихъ, какъ различались между собою и праздники. Сверхъ того, какъ живое дѣйствіе, фактъ, хороводы не могли имѣть установленнаго ритуала и вѣроятно разнообразились до чрезвычайности съ каждымъ новымъ отправленіемъ праздника.

Успѣли ли они принять правильный видъ, получить извѣстную форму и опредѣленность еще во времена язычества—это трудно рѣшить. Судя по грубости, непосредственности нашего язычества, это невѣроятно. Какъ бы то ни было, но то вѣрно, что, рано или поздно, до христіянства или послѣ его водворенія, эти пѣсни, пляски, дѣйствія должны были выработаться въ обряды—опредѣленныя, формулированныя, торжественныя дѣйствія. Съ перемѣнами въ самыхъ языческихъ вѣрованіяхъ, съ нѣкоторой отвлеченностью ихъ, а тѣмъ больше съ уничтоженіемъ ихъ, водвореніемъ христіянства и обращеніемъ древ-

нихъ праздниковъ въ простые, безсмысленные обряды эти пѣсни, пляски и дѣйствія не могли не утратить первоначальной непосредственности. Они обратились мало-по-малу въ обрядовыя, символическія дѣйствія, игры, представленія, изображенія. Ихъ первоначальная, естественная, природная основа является въ этой новой формѣ измѣненной, символизированной. Они не живыя дѣйствія, не выраженія того, что̀ дѣлается въ человѣкѣ и съ человѣкомъ, а ритуалъ, имѣющій самостоятельное значеніе, независимо отъ чувствъ и ощущеній тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе, играютъ въ немъ какую-нибудь роль.

Христіянство и болѣе очищенная нравственность внесли много измѣненій въ этотъ остатокъ древняго язычества. Христіянство отняло у хороводовъ религіозное значеніе и обратило ихъ въ простыя забавы. Не связанные болѣе съ извѣстными языческими празднествами, они утратили почти все то, что̀ показывало ихъ отношеніе къ тому или другому богослуженію; особность ихъ изчезла, формы смѣшались. Остались, и то какъ смутныя воспоминанія, нѣкоторые общіе признаки, когда именно они происходили въ язычествѣ; по догадкамъ, можно приблизительно судить, къ какимъ праздникамъ относились разные хороводы. Нравственность и предписанія церкви, въ свою очередь, изгладили изъ хороводовъ все, что̀ слишкомъ живо напоминало ихъ естественное натуральное происхожденіе. Какъ и когда все это сдѣлалось—не знаемъ; но исторія хороводовъ ясными чертами написана въ ихъ теперешней формѣ. Быть можетъ современемъ откроются и другіе источники.

Г. Терещенко показалъ мало ученаго, археологическаго такта и въ описаніи хороводовъ. До какой степени полно и хорошо его собраніе хороводныхъ игръ, предоставляемъ судить знающимъ дѣло лучше насъ. Обработка ихъ весьма слаба. Во первыхъ, не понявъ первоначальнаго значенія хороводовъ,

авторъ разумѣетъ ихъ слишкомъ буквально. Для него хороводы только тѣ игры, которыя играются весной или лѣтомъ, подъ открытымъ небомъ. Еслибъ онъ вникъ въ происхожденіе и древній смыслъ хороводовъ, онъ увидѣлъ бы совершенно соотвѣтствующее имъ явленіе въ святочныхъ играхъ, которыя играются дома, потому что на дворѣ холодно, имѣютъ другой характеръ, потому что онѣ относились къ другому разряду языческихъ празднествъ; многое изъ помѣщеннаго въ книгѣ въ отдѣлѣ игръ должны бы перейдти въ отдѣлъ хороводовъ и съ ними составить особую часть, особое изслѣдованіе. Собранное авторомъ подъ названіемъ хороводовъ представляетъ только остатки лѣтнихъ языческихъ торжествъ. Во вторыхъ, авторъ не позаботился изслѣдовать, къ какому именно языческому празднику относится та или другая хороводная игра. Мы знаемъ, что это дѣло очень трудное, въ бо̀льшей части случаевъ невозможное. Все же авторъ могъ сдѣлать хоть что-нибудь, хоть обратить вниманіе на вопросъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ есть ясныя указанія на связь хоровода съ языческимъ праздникомъ. Какъ г. Терещенко мало понимаетъ дѣло, видно изъ того, что припѣвы Дидъ, Ладо, Люли и т. д.— почти единственный остатокъ языческихъ формъ хороводовъ,— въ его глазахъ — окончанія, неимѣющія смысла. Съ такимъ взглядомъ на нашу старину и ея памятники немного сдѣлаешь. Наконецъ, что̀ всего менѣе имѣетъ право занимать мѣсто въ историческихъ изслѣдованіяхъ, — личныя ощущенія и чувства автора, — у г. Терещенки, какъ нарочно, вездѣ на первомъ планѣ. Выходятъ вещи презабавныя. Напримѣръ въ хороводѣ, не знаемъ почему названномъ у автора посѣвомъ льна, дѣвушки учатся у матери, какъ собирать, сушить, прясть ленъ, но безъ ученья идутъ «съ молодцомъ гуляти»; мать имъ грозитъ, онѣ смѣются. Авторъ преглубокомысленно замѣчаетъ въ концѣ: «Выраженіе этого хоровода: гони природу въ дверь,

а она влетитъ въ окно» (Ч. IV, стр. 201). Другой примѣръ: въ одной хороводной игрѣ молодка сравниваетъ поодиначкѣ своихъ кровныхъ родныхъ съ новыми, мужниными, и находитъ, что первые лучше. Исторически—важный фактъ, впрочемъ одинъ изъ тысячи подобныхъ. Г. Терещенкѣ онъ подаетъ поводъ къ слѣдующимъ размышленіямъ: «кто не хочетъ замужъ? Дѣвушки молчатъ, а это молчаніе есть убѣдительное доказательство пламеннаго ихъ желанія. Спросите у сердца дѣвушки, и вѣрно оно скажетъ: я замужъ хочу! Посмотрите на миленькое розовое созданіе, оно такъ и говоритъ: я замужъ хочу! Дѣвушки разборчивы въ выборѣ жениховъ, а это и есть причина, что переборъ столько дѣлаетъ помѣхъ въ семейныхъ домахъ» (ib. стр. 219, 220). Наконецъ послѣдній примѣръ: въ хороводной игрѣ мужъ всячески приголубливаетъ жену, но она на него и не смотритъ. Онъ предлагаетъ ей плеть: тогда она его обнимаетъ и цѣлуетъ. Г. Терещенко замѣчаетъ: «Сдѣлавшись женой, надобно быть покорной, а не своенравной. Прадѣды наши управлялись, съ дражайшими половинами, очень скоро, — плеткой. Конечно, этого средства нельзя допустить въ нашъ вѣкъ, но и въ наше время ни (т. е. не) одному мужу приходитъ мысль, —разумѣется мысль варварская, несообразная при нѣжности нашего прекраснаго пола, —чтобы прибѣгнуть иногда къ смирительной пружинѣ: оттого, что горькой опытностію дознано: пагубна воля жены» ib. стр. 162). Подобныхъ замѣтокъ могло бы и не быть въ книгѣ, посвященной историческимъ изысканіямъ. Онѣ конечно милы и остроумны, только совершенно не у мѣста въ описаніи «быта русскаго народа».

Представляя скудный источникъ для изученія древнихъ языческихъ вѣрованій Славянъ, хороводы содержатъ богатые матеріялы для узнанія теперешняго русскаго человѣка, преимущественно его частнаго и семейнаго быта. Послѣдній со-

ставляетъ главный ихъ предметъ. Отдѣльныя сцены изъ частной, семейной жизни разыгрываются здѣсь въ лицахъ и дѣйствіяхъ; пѣсни поясняютъ то, что̀ представляется. Въ иныхъ хороводахъ принимаютъ участіе и мущины и женщины; въ другихъ однѣ первыя, что̀ зависитъ частью отъ теперешняго смысла хороводныхъ игръ, частью, можетъ-быть, отъ праздника, съ которымъ онѣ были связаны. Наши хороводы очень разнообразны; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ сельскимъ занятіямъ: посѣву льна, проса, сажанью хрѣна и т. д. Такихъ сравнительно немного. Изъ этого содержанія видно, что хороводы сопровождали лѣтніе и весенніе языческіе праздники.

3.

Отъ языческихъ вѣрованій, которыя оставили по себѣ болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды въ простонародныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, обрядахъ, примѣтахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, перейдемъ теперь къ древнѣйшему языческому частному и общественному быту нашихъ предковъ. Мы уже замѣтили, что въ собраніи г. Терещенки матеріяловъ для изученія этого быта, сравнительно, меньше, чѣмъ для языческихъ вѣрованій. Авторъ не юристъ. Онъ смотритъ на русскій бытъ какъ-то по своему, не только съ ошибочной, но и съ весьма ограниченной точки зрѣнія. Оттого подробности домашней жизни и общественныхъ отношеній его мало интересуютъ. Несмотря на то́, есть въ его собраніи любопытныя данныя, поясняющія эту жизнь и отношенія. Особенно изобилуетъ ими, какъ и естественно, второй томъ, посвященный свадебнымъ обрядамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ описаніе древнихъ великокняжескихъ

и царскихъ свадебъ; свадебъ лицъ высшихъ и низшихъ сословій по Котошихину, Петрею и Олеарію; тринадцать описаній теперешнихъ простонародныхъ свадебъ въ разныхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и литовскихъ губерніяхъ; замѣтки о свадебныхъ обрядахъ другихъ губерній, у казаковъ и въ Сибири; наконецъ есть въ этомъ собраніи главы общаго содержанія: обозрѣніе древнихъ свадебныхъ обрядовъ, ихъ измѣненія и очеркъ теперешнихъ. Изъ этого уже видно, какъ тщательно составленъ отдѣлъ свадебныхъ обрядовъ. Прибавить должно, что нѣкоторые изъ нихъ описаны удивительно подробно, и съ большимъ знаніемъ дѣла, другіе хуже — но интересны всѣ. По нашему мнѣнію, это лучшая часть въ цѣлой книгѣ, и сама по себѣ есть уже драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской археологіи; ибо, сколько намъ извѣстно, подобнаго собранія свадебныхъ обрядовъ у насъ еще не было. Мы его очень рекомендуемъ всѣмъ, кого интересуютъ русскія древности.

Попытаемся, по указаніямъ этой части и извѣстій, разбросанныхъ въ другихъ, составить себѣ живое, наглядное представленіе о нашемъ древнѣйшемъ внутреннемъ бытѣ.

Выше мы сказали, что въ незапамятныя времена роды и семьи были у насъ единственными общинами, что эти родовыя, патріархальныя общины ничѣмъ не были тогда связаны между собою, и не имѣли однѣ къ другимъ никакихъ правильныхъ, постоянныхъ отношеній. Письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всей свѣжестью живаго преданія. Во всѣхъ о б р я д о в о е, ц е р е м о н і я л ь н о е сватовство (которому обыкновенно предшествуютъ предварительные, неоффиціяльные сговоры и условія) представляетъ людей пріѣхавшихъ

издалека, въ незнакомую сторону, въ которой и ихъ никто не знаетъ. Они просятъ у родителей невѣсты, къ которымъ зашли нечаянно, позволенія отдохнуть послѣ долгаго пути. Эта тема разнообразится въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Сватъ одѣвается въ новый армякъ, подпоясывается краснымъ поясомъ, надѣваетъ на голову щегольскую шляпу съ кистью или перомъ павлинымъ; шею обвязываетъ пестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ. — Этотъ нарядъ горожанъ больше и зажиточныхъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ *съ посольствомъ*, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомаго; онъ кланяется св. образамъ, потомъ хозяевамъ, а наконецъ во всѣ четыре стороны. «Здраствуй хозяинъ съ хозяйкой», начинаетъ онъ говорить первый, «съ твоими дѣтьми и твоей красною дѣвицею. Ѣхалъ и заплутался: ночь темная и не мѣсячная; тутъ засвѣтился у васъ въ теремѣ огонекъ».—Родимый, отвѣчаетъ хозяинъ, для добрыхъ наша избушка,— добро жаловать. Но кто ты, батюшка? господинъ баринъ, аль купецъ? товары али какіе везешь, и знать далече. — Сватъ, поглаживая бороду и посматривая на сторону, говоритъ: «мы товары развозимъ, батюшка родимый, для праздниковъ радостныхъ, для дѣвицъ суженыхъ» (Ч. II. стр. 118—119).

Сватъ, пріѣхавши съ женихомъ, подходитъ къ избѣ, по замѣтя, что дверь заперта, начинаетъ стучать.— Кто тамъ? спрашиваютъ изъ избы. — «Проѣзжіе, добрые люди».—Что надо?—«Впустите обогрѣться, сбился съ дороги».—А откуда проѣзжіе?— Здѣсь пускается сватъ въ сказки и присказки, по коимъ судятъ о достоинствѣ свата, а потому избираютъ для этого случая опытнаго балагура. Во время разсказовъ отворяется дверь. — Проѣзжіе чай передрогли съ холоду-то, говоритъ отворяющій дверь, и подноситъ полный стаканъ водки.— Сватъ входитъ въ избу, выпиваетъ и говоритъ: «водка водкою, а старички твердятъ: пей да ума не пропей, и дѣло разумѣй» (Ч. II. стр. 195).

Входятъ въ хату двое старостъ, въ синихъ жупанахъ (кафтанахъ), подпоясаные англицкою каламайкою (англійскою бахрамою) и съ палками въ рукахъ. Старшій староста держитъ въ рукахъ святый хлѣбъ, молится Богу и потомъ кланяется хозяину и хозяйкѣ.—Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть и спрашиваетъ: что они за люди? куда идутъ и за чѣмъ ихъ Богъ сюда принесъ?— Отецъ, хотя уже знаетъ, за чѣмъ они пришли; однако спрашиваетъ ихъ изъ одного обыкновенія.— Старшій староста говоритъ: «прежде всего позвольте намъ поклониться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться. Не прогнѣвайтеся выслушать насъ, *и колы буде тее, то мы и онее;* если же наше слово не въ ладъ, то мы пойдемъ назадъ. А что мы люди честные и безъ злой науки, то вотъ вамъ святый хлѣбъ въ руки».—Отецъ беретъ хлѣбъ, цѣлуетъ его, кладетъ на столъ подлѣ своего хлѣба и говоритъ: «хлѣбъ святый прини-

маемъ, а васъ послушаемъ. Садитесь добрые люди. Что будетъ то будетъ, а тому бывать, чему не миновать. Садитесь, будь ласково (сдѣлайте милость) и ногъ своихъ не утруждайте,—вы пришли изъ далека. Съ котораго же царства, съ котораго государства?»—Старшій староста отвѣчаетъ: «мы люди нѣмецкіе, идемъ изъ земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды, на нашей землѣ, выпала пороша (небольшой снѣгъ). Я говорю товарищу: чего намъ смотрѣть на эту непогоду, пойдемъ на охоту, и пошли. Ѣздили, слѣдили и ничего не нашли. — Между тѣмъ на встрѣчь намъ ѣдетъ князь (женихъ), на ворономъ конѣ, и говоритъ намъ: эй, вы, ловцы, добрые молодцы! услужите мнѣ службу, покажите дружбу: мнѣ попалась лисица или куница, но едва ли не красная дѣвица. Ѣсть, пить не желаю; поймать ее желаю,—помогите! Чего ваша душа захочетъ, требуйте отъ меня. Ловцамъ молодцамъ того и надобно. Мы пошли *по слѣдамъ, по всѣмъ городамъ.* Первый слѣдъ показался въ землѣ нѣмецкой, а далѣе въ турецкой; идемъ, ищемъ и не находимъ. Всѣ царства, всѣ государства прошли, а ее не нашли. Мы и говоримъ князю: мы поищемъ въ другомъ мѣстѣ, и найдемъ не только куницу, но и красную дѣвицу.—Нашъ князь остался при своей думѣ, и сказалъ: сколько по свѣту ни ѣзжалъ, въ какихъ государствахъ ни бывалъ; но такой куницы, или красной дѣвицы, не видалъ. *Мы вновь по слѣду пошли, и въ это село, какъ зовется, не знаемъ, нечаянно зашли.* Тутъ снова пала пороша, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай слѣдить.— Сего дня рано встали и на слѣдъ напали. Побѣжалъ нашъ звѣрь да къ вамъ на дворъ, а со двора до хаты; теперь хочемъ его поймати. Нѣтъ сомнѣнія, что наша куница въ вашей хатѣ, а это наша красная дѣвица. Нашему слову конецъ, а вашему дѣлу вѣнецъ. Отдайте нашему князю куницу, вашу красну дѣвицу. Отдадите ли, или пусть она подрастетъ еще?» (Ч. II. стр. 489—491).

Итакъ, сваты приходили издалека. Ихъ никто не зналъ, и они не знали ни края, куда пришли, ни тѣхъ, кто имъ далъ убѣжище. Вотъ доказательство, и самое очевидное, какъ первоначальныя общины, въ незапамятныя времена, жили разрозненно, безъ всякихъ взаимныхъ отношеній, и какъ онѣ терялись на огромномъ пространствѣ, по малочисленности населенія. Всѣ свадебные обряды подтверждаютъ этотъ фактъ. Невѣста говоритъ своимъ родителямъ передъ вѣнчаньемъ: «Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся... что вставали вихри буйные, уносили-то мою постелюшку, въ незнаему сторонушку, къ чужому отцу матери, къ незнаему роду племени» (стр. 178).

Передъ отправленіемъ въ церковь къ вѣнцу, соблюдается извѣстный обрядъ, употребительный и въ наше время передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу: «двери избы запираютъ; всѣ садятся, и посидѣвъ нѣсколько минутъ молятся, а невѣсту благословляютъ» (стр. 180, 284). Подруги невѣсты поютъ ей, послѣ сговора: «отдаемъ тебя за умнаго, что за умнаго за разумнаго; ужь какъ мы тебя не одну спустимъ; мы дадимъ тебѣ провожатыхъ» (стр. 212). На дѣвичникѣ, «обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливается у стола; дружки снимаютъ съ нее фату концами плети» (стр. 215). Они пріѣзжіе. «Лошади, на которыхъ везутъ молодыхъ, обвѣшаны колокольчиками, а подъ дугой особый колокольчикъ» (стр. 226, вып. 2). Съ колокольчикомъ ѣздили въ дальній путь. Невѣста говоритъ родителямъ, передъ отправленіемъ въ церковь: «Во путь, во дороженьку меня сорядили, во путь во дороженьку на чужую сторонку, какъ во темной лѣсъ во чужу семью, незнамую, незнакомую» (стр. 325). Послѣ вѣнчанья, на пиру, братъ молодого разсказываетъ, «какъ онъ ѣздилъ сватать за молодаго, какъ было тогда морозно, сколько онъ перенесъ опасностей» (стр. 366). На сговорѣ, когда сватъ даритъ невѣстѣ башмаки, а она ихъ бросаетъ, онъ говоритъ ей: «не хорошо бросать башмаки; въ нашей сторонѣ зима не ровная, иногда и пригодится» (стр. 481). Въ Малороссіи даже, гдѣ, какъ увидимъ, дѣвушка сама выбираетъ себѣ жениха, она на оффиціяльномъ сговорѣ тоже показываетъ видъ, будто совсѣмъ не знаетъ будущаго мужа (стр. 494). Въ заключеніе замѣтимъ, что какъ бы ни была близка церковь, гдѣ вѣнчались, непремѣнно ѣдутъ въ телѣгахъ или саняхъ, мущины иногда верхомъ; поѣзжане и заправляющіе поѣздомъ всегда являются въ видѣ дорожныхъ (стр. 136).

Послѣ этого обрядовый плачъ невѣсты очень понятенъ: ея разставанье съ родными и близкими было когда-то не одной

необходимой церемоніей, а дѣйствительнымъ отъѣздомъ изъ семьи въ незнакомую сторону, къ незнакомымъ людямъ; разставанье было на долго, всего вѣроятнѣй навсегда. Тутъ было чему кручиниться. «Пришелъ же на меня печальный день! Въ воскресенье свѣтъ расплетутъ русу косу, разлучатъ меня съ отцомъ матерью, съ родомъ со племенемъ, съ близкими пріятелями, съ подружками-ластушками» (стр. 150). Оттого трижды бросаетъ новобрачная женскій головной уборъ, который надѣваетъ на нее сваха (стр. 527 и 528). Ей не хочется замужъ!

Обычай отдавать дѣвушекъ замужъ въ дальнюю сторону показываетъ, между прочимъ, что древнѣйшія общины состояли каждая изъ одной семьи, рода, между членами которыхъ не бывало браковъ. Опять и этотъ составъ первоначальныхъ общинъ доказывается свадебными пѣснями. Въ нихъ безпрестанно плачется невѣста, что она разстается съ своимъ родомъ племенемъ и переходитъ въ чужой, незнакомый родъ племя. «Выдаетъ меня сударь-батюшка, снаряжаетъ родна матушка, къ чужому отцу къ матери, къ чужому роду племени» (стр. 124). «Хотятъ они разлучить меня съ отцомъ съ матерью, съ родомъ племенемъ» (стр. 343).

Въ какихъ отношеніяхъ были эти разобщенные роды между собою? Объ этомъ мы находимъ множество любопытныхъ указаній въ свадебныхъ обрядахъ. Плачъ невѣсты, что она уѣзжаетъ въ чужую, незнакомую сторону, доказываетъ, что между чужими жить было не хорошо. Въ ея устахъ чужой и врагъ однозначительны.

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужи люди, во незнамые;
Во незнамые, незнакомые.

Какъ-то мнѣ, батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?
Какъ то мнѣ, родимой,
Чужимъ людямъ будетъ служить?
Во чужихъ людяхъ жить горькохонько,
Во чужихъ незнамыихъ,
Служить тяжелехонько. (Ч. II. стр. 352 и 353).

Надо жить во чужихъ людяхъ,
Умѣючи,
Разумѣючи.—
Чужи люди,
Равно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ мороза сердце вызябнетъ.
Во чужихъ людяхъ будь:
И покорна,
И пословна (ласковая). (Ч. II. стр. 340).

Забросили дѣтище въ *нелюбиму сторону*
Да на *горюшко*, на *кручинушку*,
Да на *плаканье*, да на *вѣчное*. (стр. 210).

Именно тѣмъ, что чужіе были почти враги, а только свои—друзья, объясняется враждебное отношеніе родныхъ мужа къ его женѣ. Названіе лютая свекровь, лютой свекоръ стали поговоркой. Какой бы, кажется, быть причинѣ немилостиваго обращенія съ невѣсткой? Она чужая! И теперь, натравливая на кого-нибудь собаку, говорятъ: чужой, чужой! Въ свадебныхъ пѣсняхъ тоже не разъ упоминается о враждебности родныхъ мужа къ его женѣ. Жениху поется про его будущую жену:

Не давай ее въ обиду
Ты ни свекору, ни свекрови,
Ни деверямъ, ни золовушкамъ;
Ты давай выспаться ей
До девятаго часу. (стр. 133).

Вотъ другія пѣсни:

Что отставала свѣтъ,
Да княгиня да боярыня,
Свѣтъ княгиня Елисаветъ Петровна.
Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки,
Отъ родной государыни матушки;
Прочь отъ роду, отъ племени,
И отъ ближнихъ пріятелей. —
Что приставала лебедушка,
Свѣтъ княгиня боярыня,
Княгиня Елисаветъ Петровна,
Что ко чужому ко роду, ко племени,
Ко чужому свекру государю батюшки,
Ко чужой свекрови государыни матушки.
Не успѣла, свѣтъ, головушки оправить,
Началъ свекоръ батюшка журить,
А свекровь матушка бранить,
А свѣтъ княгиня боярыня плакать,
И роднаго батюшку кликать:
Что вы меня, свекоръ батюшка, журити?
И что вы меня, свекровь матушка, бранити?
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Не своей неволею,
Но большой несгодою;
Завезли меня добры кони,
Добры кони вороны,
Свѣтъ великаго князя Андрея Григорьевича (стр. 153).

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отечество невѣсты)
Сбирала подружекъ за свой столъ,
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси гордости,

Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою. (стр. 216).

Ты поплачь, поплачь дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ,
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы,
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ,
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи, —
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклонитися,
Старому покоритися. —
На чужой-то на сторонѣ,
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку. (Стр. 242).

Государыни свѣтъ мои,
Вы, подружки голубушки!
Мнѣ ночесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужь я видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя,
Лежитъ бѣлый горючь камень.
На этомъ на камешкѣ,
Сидитъ орелъ птица острая,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой подъ высокою,
Лѣса ростутъ темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая,
Да и осока рѣзучая.
Во этомъ темномъ лѣсу,

Ходитъ медвѣдь съ медвѣдицей
Разсудите подруженьки:
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?
Буде вы не разсудите,
Такъ скажу вамъ, подруженьки,
По словечку единому.
Эта гора-то высокая,
Чужа дальная сторона;
Бѣлый-то камешекъ,
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая,
Чужой это чужанинъ,
Да дородный-то молодецъ.
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку —
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные, —
Чужи люди, не знакомые;
Что медвѣдь съ медвѣдицей,
Богоданный-то батюшка,
Съ богоданою матушкой,
Шипица колючая,
Богданы милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданныя сестрицы. (стр. 246 и 247).

Кромѣ этого, взаимная враждебность родовъ выражается почти во всѣхъ свадебныхъ обрядахъ тѣмъ, что родители брачущихся благословляютъ и встрѣчаютъ молодыхъ одѣтые въ вывороченную шубу или стоя на вывороченной шубѣ (стр. 225, 359, 457, 516). По мнѣнію г. Терещенки, вывороченную шубу и малахай (овчинную шапку съ длинными ушами) надѣваютъ для того, чтобъ походить на медвѣдей (стр. 539, вып. 2). Это объясненіе, можетъ-быть слишкомъ буквальное, оправдывается отчасти тѣмъ, что въ Малороссіи мать молодой встрѣчала у себя новобрачныхъ «въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или на кочергѣ (стр. 517); очевидно, этимъ нарядомъ выражалось нѣчто враждебное. На это указываетъ и то, что дружка и поддружья погоняютъ мать жениха палкой (стр. 576).

Кромѣ того, изъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ видно, что роды жили, въ отдаленной древности, на-заперти и неохотно пускали кого-либо къ себѣ въ домъ. Только послѣ троекратнаго стука въ окно или у дверей и увѣренія пріѣзжихъ, что они добрые люди, ихъ впускали въ избу. Изъ этого трудно вывести близость, пріязнь съ чужими, довѣріе къ нимъ.

«Женихъ отправляется съ поѣздомъ въ домъ невѣсты, гдѣ также пируютъ. Поѣздъ останавливается на дворѣ. Дружко идетъ къ окну и проситъ позволенія войдти обогрѣться.—Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ пирушка.—Дружко возвращается къ своимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ снова подъ окно; тотъ же отказъ. Во все это время, съ той и другой стороны, поютъ сватьи укорительныя пѣсни. Дружко подходитъ въ третій разъ, но уже не къ окну, а къ дверямъ. Здѣсь истощаетъ онъ весь запасъ своего краснорѣчія, убѣждая непреклонныхъ хозяевъ впустить его обогрѣться въ избѣ, и наконецъ онъ достигаетъ своей цѣли; къ нему выходитъ невѣста, сопровождаемая сватомъ и поѣздомъ». (ч. II. стр. 449).

«Когда все приготовлено, женихъ отправляется съ своимъ поѣздомъ за молодою, въ домѣ коей онъ застаетъ собравшихся гостей, сидящихъ уже за столомъ; но ворота для жениха заперты, онъ останавливается съ поѣзжанами, дружка стучитъ въ ворота, говоря: отворите! — Нельзя, отвѣчаютъ ему, не сюда вамъ дорога: а хотите проѣхать, заплатите. — Сколько надобно? — А сколько васъ людей? спрашиваетъ предворотникъ.—Душъ двѣсти, отвѣчаетъ дружка.—По рублю съ человѣка, да и то мало, говоритъ предворотникъ, — у насъ княгиня молодая, никому не велитъ ѣздить чрезъ ея земли. — А у насъ князь молодой, говоритъ дружка, мы люди сбройные, ворота отобьемъ и силой въѣдемъ. — Онъ начинаетъ стучать покрѣпче, но предворотникъ гогоритъ ему: не пущу! развѣ силой возьмете.—Тогда дружка начинаетъ объясняться съ нимъ по ласковѣе: эй, любезный другъ! намъ нѣкогда долго ждать, намъ пора ѣхать. Хочешь ли выпить чару зеленаго?—Почему же не такъ,—отвѣчаетъ предворотникъ, — беретъ стаканъ съ водкою и выпиваетъ; дружка даетъ еще, потомъ еще и дотолѣ подаетъ, пока не упоитъ.— Тогда поѣзжаные сами отворяютъ ворота, и въѣзжаютъ съ шумомъ на дворъ. — Дружка, войдя въ избу съ женихомъ и поѣзжанами, бьетъ кнутомъ по полу и лавкамъ; гости выходятъ изъ-за стола, а поѣзжаные садятся на ихъ мѣста». (Ч. II. стр. 272).

Если роды были такъ разобщены между собой, почти враждебны вслѣдствіе чуждости, можно представить себѣ, что дѣлалось внѣ родовъ. Тутъ царили совершеннѣйшій произволъ и

страшная неурядица; никто не былъ безопасенъ внѣ домашняго крова. Воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ повѣрьяхъ о перекресткахъ. «При поѣздѣ въ церковь и при отъѣздѣ изъ церкви, объѣзжаютъ перекрестокъ, молясь и крестясь, чтобы избавиться отъ лихаго человѣка, который будто бы прячется здѣсь» (стр. 349). По другимъ народнымъ повѣрьямъ, «на перекресткѣ черти яица катаютъ, въ свайку играютъ» и т. д. Перекрестокъ — мѣсто, гдѣ сходились дороги и сталкивались люди съ разныхъ сторонъ, чуждые другъ другу. При отсутствіи гражданственности и необезпеченности общественнаго порядка, мѣсто это не могло не быть бойкимъ. Такъ же смотрѣли и на дорогу. На пути въ церковь къ вѣнцу «угощаютъ встрѣчныхъ виномъ, чтобы никто не сглазилъ или не перешелъ дороги, вѣря, что это можетъ разладить супружество» (стр. 349). Крестьянинъ не строитъ дома «на томъ мѣстѣ, гдѣ пролегала дорога: тутъ по его мнѣнію шатался дьяволъ» (ч. V, стр. 151, вып. 1). Этимъ объясняется торжественность и многочисленность свадебныхъ поѣздовъ. Поѣзжане отправлялись какъ бы въ походъ, вооруженные, со всѣми воинскими принадлежностями. Теперь это церемоніалъ, а прежде было фактомъ, совершенно необходимымъ при отсутствіи гражданственности, при малонаселенности края, при большихъ разстояніяхъ отъ рода жениха до рода невѣсты и опасностяхъ путешествія. «При выѣздѣ (къ вѣнцу) дѣлаютъ выстрѣлъ» (стр. 351). У Мордвы за кибиткой невѣсты стоитъ дружко съ длиннымъ торомъ (ножомъ), «которымъ онъ пересѣкаетъ колдовство» (стр. 349); «поддружья садятся по своимъ возкамъ и съѣзжаютъ со двора, стрѣляя изъ ружьевъ или пистолетовъ» (стр. 358). Въ Енисейской губерніи «впереди ѣдутъ дружко и поддружье, главные распорядители: они охраняютъ поѣздъ на пути отъ всѣхъ непріятныхъ встрѣчъ; сворачиваютъ съ дороги встрѣчныхъ, отворяютъ и запираютъ

ворота» (стр. 601). «Сопутствующіе въ поѣздѣ невѣсты и жениха называются поѣзжаными. Въ дружки избираются лучшіе друзья и пріятели жениха; тысяцкіе и бояры составляютъ свиту молодыхъ; чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ болѣе чести и уваженія для молодыхъ» (стр. 125).

Да кому у насъ быть бояриномъ?
Кому слыть воеводою?
Быть бояриномъ Иванушкѣ,
Воеводою слыть Даниловичу,
Сберегать своего князя молодаго,
Нашего гостя дорогаго. —
Ты слышешь ли Данилушка?
Тебѣ пѣснь поемъ.
И честно величаемъ.— (стр. 300).

Далѣе: «У богатыхъ людей бываютъ еще дворяне, кои набираются для увеличенія поѣзда. Дружка завѣдываетъ всей свадьбою, поддружье помогаетъ ему въ распоряженіи, тысяцкій оберегаетъ приданое молодыхъ» (стр. 321). Тысяцкому въ честь поется на свадьбѣ:

У тысяцкаго у свѣта бородка хороша,
По бородкѣ его царь любитъ,
Во большія мѣста его сажаетъ,
Воеводой называетъ.
Воевода ль ты, воеводушка!
Поѣзжай-ка ты во чисты поля,
Въ чисты поля, въ лагери.
Осмотри *силу войсковую*,
Донеси мнѣ о ея здоровьицѣ,
Разскажи мнѣ обо всѣхъ начальникахъ,
Слышешь ли, тысяцкой?
Тебѣ пѣсню поемъ. (стр. 332).

У донскихъ казаковъ поѣзжане назывались въ старину храбрымъ поѣздомъ. «Подлѣ жениха шелъ вѣдунъ (оберегатель), котораго пріискивалъ дружко заблаговременно, и онъ не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы

на порогахъ и на притолкахъ не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшивалъ кто порчи» (стр. 613).

Составъ свадебнаго поѣзда достаточно показываетъ, что онъ значилъ въ первобытныя времена. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ удивительное сходство состава древне-русскаго княжескаго двора и свадебнаго штата. Молодой называется княземъ, молодая княгиней. Мы видѣли, что при нихъ были тысяцкій — воевода и бояре, даже дворяне. Объяснить это тожество мудрено. Оно можетъ указывать на первоначальное царственное значеніе отдѣльныхъ родовъ. Княженіемъ называется власть родоначальника даже въ Несторовой лѣтописи. Еще въ XVII вѣкѣ составъ боярскаго двора и царскаго были почти одинаковы (не говоримъ уже о томъ времени, когда бояре переходили на службу отъ одного князя къ другому). Очевидно, одинъ типъ лежалъ въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта. Но, кажется, гораздо проще объяснять это сходство тѣмъ, что бытъ княжескій и боярскій былъ идеаломъ для низшихъ классовъ. Основанный на однихъ началахъ съ простонароднымъ бытомъ, онъ былъ его продолженіемъ, какъ бы высшей степенью, и потому предметомъ удивленія и подражанія. Многія свадебныя пѣсни, сохранившіяся теперь въ простомъ народѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложены и пѣлись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дѣйствительностью между одними высшими, зажиточными сословіями, и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да вѣроятно и не однѣ свадебныя пѣсни такъ произошли. Многія изъ тѣхъ, которыя теперь поются одними крестьянами, носятъ на себѣ слѣды стариннаго боярскаго и княженецкаго житья бытья. При всей безыскуственности, наши пѣсни, особенно старинныя, представляютъ что-то полное, обдѣланное со тщаніемъ, законченное. Онѣ цвѣтъ, результатъ извѣстной, хотя и огра-

ниченной, младенческой цивилизаціи; этого нельзя не замѣтить. Многія изъ нихъ могли быть сложены въ теремахъ, хоромахъ, и даже вѣроятно, что онѣ тамъ сложились.

Однимъ изъ частыхъ поводовъ къ сношеніямъ между родами были браки. Какъ заключались браки въ отдаленной древности? Собственно браковъ не было; невѣстъ похищали, увозили насильственно, добывали вторженіемъ въ чужіе роды. Эти хищническія нападенія оканчивались иногда покореніемъ или уничтоженіемъ рода и племени невѣсты. Живые слѣды такого способа пріобрѣтенія невѣстъ сохранились въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Вотъ доказательства. На свадьбахъ поется пѣсня:

Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ.
Ты не трачь чиста серебра,
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному (стр. 219).

«По совершеніи вѣнчанія, провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ переодѣваютъ ее въ платье молодухи и выводятъ съ *покрытой фатою.* Тогда сватъ, ударивъ три раза на крестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: *какова-то наша добыча?*—и концемъ *кнутовища* сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ: *молода и хороша!*» (стр. 227).

Невѣста поетъ:

Государыни свѣтъ мои,
Вы подружки, голубушки!
Подождите, подруженьки,
До поры да до времени,
Вы до дня-то до срочнаго,
Да до часу до урочнаго.
Что взавтра, о эту пору,
Поранѣе малешенько,

Пріѣдутъ ко батюшкѣ,
Съ боемъ да со грабежемъ;
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку.
Повезутъ меня молоду,
На чужую на сторонушку. (стр 254).

Въ другой пѣснѣ невѣста проситъ: «схороните, свѣтъ, подруженьки отъ лихаго наѣздника» (стр. 267). Въ Пензенской губерніи, наканунѣ вѣнца, на пиру у невѣсты, «подруги нарочно прячутъ ее въ уголъ, и завѣшиваютъ платкомъ... онъ (женихъ) вырываетъ платокъ изъ рукъ невѣсты и цѣлуетъ ее насильно» (стр. 283 2(3)29). Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, сватъ называется даже смутчикомъ (стр. 288, выноска 1). По литовскому свадебному обряду, «пріѣзжаетъ женихъ съ дружками, боярами, сватомъ и однимъ близкимъ родственникомъ. Они входятъ въ избу молча, съ важностію и въ надвинутыхъ почти на глазахъ шапкахъ; ни съ кѣмъ не здороваются; гости не встаютъ съ мѣста и молчатъ; одинъ сватъ привѣтствуетъ собраніе наклоненіемъ головы, не снимая шапки. Всѣ они идутъ въ конецъ избы и занимаютъ мѣста за столомъ; женихъ садится въ углу подъ иконами, подлѣ него сватъ, далѣе дружки и наконецъ музыкантъ, избираемый преимущественно изъ родственниковъ. Остальные разсаживаются, гдѣ есть мѣсто. Долго не говорятъ; на лицахъ выражается какое-то неудовольствіе; одинъ сватъ балагуритъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, болѣе же съ дѣвушками, но и онѣ избѣгаютъ разговоровъ» (стр. 479). На насильственный увозъ невѣсты указываетъ еще слѣдующій обычай: «дружко съ обнаженною саблею въ рукѣ въ казацкомъ нарядѣ и въ шапкѣ на бекрень ѣздитъ верхомъ около сѣнника молодыхъ. Никто тогда не смѣетъ подойти» (стр. 532, 183). Обереганье молодыхъ ночью вооруженнымъ дружкой было у насъ въ старину непремѣннымъ обычаемъ. Наконецъ множество дру-

гихъ обычаевъ, которые мы здѣсь опускаемъ (см. стран. 344, 354—356, 465, 496, 517), ясно свидѣтельствуютъ о бывшемъ у насъ когда-то похищеніи или насильственномъ увозѣ невѣстъ. Догадка, предположеніе, которое одни робко защищали, другіе съ увѣренностью отвергали, какъ невозможное и несбыточное, оказывается по свадебнымъ обрядамъ историческимъ фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію.

Впрочемъ наѣзды не всегда оканчивались покореніемъ рода. Они могли быть неудачны, и война иногда оканчивалась полюбовной сдѣлкой о невѣстѣ. Доказательства опять въ свадебныхъ обрядахъ. «Въ Саратовской губерніи молодой, посаженый отецъ, тысяцкій и весь поѣздъ ѣдутъ верхами. Если свадьба происходитъ зимою, то молодые садятся въ сани; отъѣхавъ не много отъ дома, поѣзжаные останавливаются и смотрятъ: не скрылась ли княгиня? а дружко и поддружье ѣдутъ въ домъ молодой, чтобы выкупить ея постель. Здѣсь даритъ дружко деньгами оставшихся дѣвушекъ. Послѣ выкупа постели, ѣдутъ «безостановочно до церкви» (ч. II, стр. 349). Въ той же губерніи, передъ отправленіемъ къ вѣнцу соблюдается слѣдующій обычай. «Всѣ входятъ въ избу, дружко привѣтствуетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ: здорово сватушка и свахонька! Можете ли вы гораздо?—Они отвѣчаютъ: слава Богу! —Дружко, не говоря ни слова, обращается къ брату, который сидитъ съ скалкою: что ты другъ сидишь здѣсь? Вонъ, вонъ отсюда!—Поддружье замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу. Братъ невѣсты сидитъ и говоритъ: не боюсь! Вотъ! (скалка) не дюжа прыгайте, упрыгаетесь.—Потомъ дружко начинаетъ говорить ему ласково: намъ надо сажать жениха.—Братъ невѣсты отвѣчаетъ: выкупи сперва мѣсто. — Дружко спрашиваетъ: сколько ты возьмешь? — Золотую гривну да пива рѣшето. — Дружко и братъ невѣсты спорятъ, пока не сойдутся въ условіи» (стр. 355—356). Въ Малороссіи, послѣ вѣн-

чанья «молодой сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Словивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выкушать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его, и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; онъ опять отказывается. — Снова дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?—Денегъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается къ сѣннымъ дверямъ и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты. Князь съ свахою и свитилкою стоятъ въ сѣняхъ; мать невѣсты выходитъ изъ избы, зажигаетъ у свитилки, съ тройной ея свѣчи, прилѣпленной къ ея саблѣ, свою восковую свѣчу; цѣлуется съ свитилкою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводитъ молодого къ невѣстѣ, окруженной уже дружками. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который ѣздилъ на лошади молодого. Дружко спрашиваетъ его: зачемъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, — говоря о лѣтахъ невѣсты, не насчитываютъ болѣе восьмнадцати, — а вы хотите взять даромъ! — Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко.—Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двадцать овецъ, двѣсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятнадцать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки сороковую бочку, — а

платья, а уборовъ, а черевикъ, — и счету нѣтъ! — Чѣмъ болѣе выставляется расходъ, тѣмъ почетнѣе для молодой. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ» (стр. 517 и 518). «Въ другихъ мѣстахъ сидятъ, по обѣимъ сторонамъ невѣсты, два мальчика съ палками, изображающими мечь; на концахъ ихъ наверчено по шишкѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приблизится къ невѣстѣ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и даетъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ сколько же вамъ надобно? Богато (много), и дуже богато (и очень много), отвѣчаютъ они, а якъ не дасте, то за стилъ не пустимо. — По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ-за стола и уступаютъ мѣсто жениху» (стр. 584). Въ Эстляндіи существуетъ слѣдующій странный обычай. Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу женихъ посылаетъ туда дружко: «но въ воротахъ, при въѣздѣ въ село или въ ограду церкви, собравшіеся мальчики, болѣе изъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его плетьми, и онъ долженъ откупить право въѣзда, бросивъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ видя, что дружко не встрѣчаетъ его, и догадавшись о причинѣ, посылаетъ впередъ себя другого дружку; случается со вторымъ тоже; тогда посылается третій. Щедрость этого послѣдняго, или умѣренность продающихъ право въѣзда, отворяетъ наконецъ ворота, и посланный встрѣчаетъ молодыхъ, уже въѣзжающими» (стр. 605).

Похищеніемъ невѣстъ, которое предшествовало у насъ всѣмъ другимъ формамъ брака, объясняется между прочими особенностями нашихъ древнѣйшихъ брачныхъ отношеній и отсутствіе

приданаго. Въ первыхъ историческихъ памятникахъ о немъ не говорится ни слова. Даже теперь въ Малороссіи и у казаковъ невѣсту берутъ, по свидѣтельству г. Терещенки, не требуя приданаго (стр. 491 и 616). Увозъ невѣстъ исключаетъ приданое. Послѣднее есть результатъ дружелюбныхъ отношеній между семьями, выраженіе желанія рода поддержать свою честь и достоинство передъ новыми родственниками богатымъ одареніемъ своего члена, переходящаго въ чужую семью, и вслѣдствіе того первая вещественная опора гражданскаго, до нѣкоторой степени независимаго положенія женщины въ отношеніи къ семьѣ, въ которую она вступаетъ: насильственный увозъ невѣсты несовмѣстимъ съ этими побужденіями, съ этими отношеніями молодой къ новой семьѣ. Онъ поставляетъ женщину въ униженное положеніе, уравниваетъ съ послѣдними членами рода; какъ чужая, она дѣлается безотвѣтной жертвой новой родни, новаго дома, куда привезена противъ воли.

Хищническіе наѣзды для пріобрѣтенія невѣстъ должны были весьма рано смѣниться покупкой послѣднихъ. Эта вторая форма заключенія браковъ уже сама по себѣ была важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи гражданственности. Она — начало миролюбивыхъ отношеній между разрозненными, чуждыми семьями и родами,—начало договоровъ, условій, слѣдовательно и внѣсемейнаго, внѣ-родового общежитія. Разумѣется, мы не хотимъ этимъ сказать, что когда началась покупка невѣстъ, ихъ увозъ совершенно прекратился, и наоборотъ, пока были увозы, не встрѣчалось ни одной покупки такого рода. Въ исторіи нигдѣ нельзя найдти рѣзко проведенныхъ границъ между періодами и эпохами; послѣднія нельзя отдѣлить съ математической точностью одну отъ другой. Случаи похищенія и покупки невѣстъ могли совпадать по времени, и конечно совпадали; мы видѣли, какъ нападенія, предпринятыя съ цѣлью пріобрѣсти невѣсту, оканчивались сдѣлками. Но то весьма вѣроятно, что

сперва при бо́льшей разрозненности родовъ преобладали увозы, а потомъ, когда чаще стали происходить между ними сближенія и мирныя отношенія, начали преобладать покупки.

Покупки невѣстъ совершались сначала со всѣми формальностями обыкновенной купли и продажи. Покупщиками были родственники жениха или самъ женихъ, продавцами — родители или родственники невѣсты. Множество самыхъ яркихъ слѣдовъ такой покупки и продажи сохранилось въ свадебныхъ обрядахъ. Вотъ нѣсколько:

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но богатые поселяне почитаютъ себѣ за безчестіе отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*» (стр. 170).

«Сватъ проситъ ихъ (дружка съ поддружьемъ) сѣсть. Дружка садится за столъ; ихъ подчуютъ пивомъ и водкою. Дружка напоминаетъ свату, что пора показать невѣсту, и увидѣвъ ее, проситъ снарядить въ благословенный путь. Отецъ соглашается, дружка беретъ ее за руку и сажаетъ за столъ; подноситъ свату кружку пива, *убѣждаетъ отца посадить подлѣ ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось, что невѣста, не дождавшись жениха, уходила изъ-за стола, потому сажали подлѣ нея стражу изъ поддружковъ, которые берегли ее до прибытія жениха.— Отецъ соглашается приставить стражу*, дружко на-крѣпко приказываетъ смотрѣть за быстроногою, совѣтуетъ не слушать ее словецъ и беречь княгиню молодую» (стр. 188 и 189).

Тутъ отецъ вмѣстѣ съ дружкой хлопочутъ, чтобъ дочь не ушла: указаніе на совершенное безучастіе ея въ этомъ торгѣ. Постоянно женихъ называется купцомъ, невѣста товаромъ (стр. 194, 201, 231). Въ Вологодской губерніи смотрины, т. е. показъ невѣсты (бывающій вездѣ), въ полномъ смыслѣ осмотръ товара.

«Въ назначенный день отправляются родители съ своимъ сыномъ и близкими родственниками, въ то село, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у сосѣдей. Въ то время наряжаютъ невѣсту ея подруги; по уборѣ ея, отецъ и мать приглашаютъ жениха, со всѣми его родными. Они, входя въ избу, мо-

лятся Богу; потомъ кланяются и становятся въ переднемъ углѣ. «Ну, любезный Афонасьевичъ, говоритъ отецъ жениха, мы пріѣхали къ тебѣ за дѣломъ: посмотрѣть твою любимую дочь». Тогда подруги выводятъ невѣсту изъ *кути* на средину избы, и сажаютъ ее на скамейку. *Женихъ и родные подходятъ и осматриваютъ: лице, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то еще со свѣчею въ рукахъ. — Осмотрѣли*, невѣста всѣмъ нравится. *Но еще просятъ ее пройдти по комнатѣ*» (стр. 231 и 232).

Не менѣе любопытны смотрины въ Саратовской губерніи.

«Сваха вылѣзаетъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ, улыбаясь: скажи красавица, какъ тебя звать?— Дуняша, отвѣчаетъ она. — Между тѣмъ сваха поднимаетъ ея руки вверхъ, для удостовѣренія: не выломлены ли у ней руки? Или, не безрукая ли она? Ворочаетъ ее туда и сюда, чтобы осмотрѣть: нѣтъ ли за ней какого порока? За тѣмъ она выводитъ жениха изъ за-стола, беретъ зажженную лучинку или зажженный пучекъ, и подноситъ его подъ глаза жениха, чтобы убѣдить смотрящихъ, что онъ не слѣпой. Потомъ она заставляетъ его пройдтись по избѣ, для доказательства, что онъ нехромой» (стр. 290).

Потомъ идутъ переговоры о приданомъ. Если обѣ стороны сойдутся, то «отцы жениха и невѣсты, закрывъ полою кафтана правую руку, подаютъ ее одинъ другому, въ присутствіи священника, въ знакъ вѣрности, или, какъ говорится здѣсь: бьютъ по рукамъ и молятся Богу» (стр. 232). Оттого и сосватанье называется обрученьемъ, порученьемъ, рукобитьемъ. Это формальный договоръ (стр. 208, 266). Въ Енисейской губерніи «отецъ... обвертываетъ свою руку бѣлой ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее обвернутой рукою въ ширинку» (стр. 602). До сихъ поръ еще такъ продаютъ у насъ лошадей. Невѣста поетъ:

Что не ключики брякнули,
Да не замочики щелкнули, —
По рукамъ пріударили.
Запоручилъ сударь-батюшка,
И родимая матушка.
Да меня молодешеньку

За поруки за крѣпкія,
Да за заряды великіе (стр. 232 и 233).

Отсюда названіе невѣсты—ряженая, отъ рядъ, договоръ (стр. 229): первоначальное значеніе этого названія имѣетъ отношеніе къ куплѣ, а не къ брачному условію, по общему смыслу свадебныхъ обычаевъ. Отсюда самое названіе невѣсты. Она была невѣдомая, незнаемая, невѣсть. Въ XVII вѣкѣ личная неизвѣстность невѣсты жениху подавала, какъ извѣстно, поводъ къ подмѣну невѣстъ. На возможность такого подмѣна указываетъ слѣдующій свадебный обычай въ Бѣлоруссіи:

«Рано съ вечера приходятъ въ домъ невѣсты сваты жениховы, и приносятъ отъ себя водку, а отъ жениха кольцо. Гостей уже полная изба, но невѣсты еще нѣтъ. Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни; тамъ надѣваютъ на нее шубу, и потомъ подруги, побравшись за руки плотно, ставятъ на одномъ концѣ младшую изъ подругъ, а на другомъ невѣсту; входятъ всѣ въ избу и останавливаются передъ сватами. Сватьи невѣстины указываютъ на младшую подругу и говорятъ: *вось ваша нявѣста!*— *Нѣста ни нявѣста,* отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются громко.— Сватьи показываютъ на другую: *такъ вось ина!—И ета ни ина,* отвѣчаютъ сваты. Такимъ образомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ». (стр 460 и 461).

Наконецъ на продажу невѣстъ указываетъ выкупъ невѣстиной постели, который обыкновенно бывалъ послѣ отъѣзда молодыхъ къ вѣнцу; покупка мѣста подлѣ невѣсты у ея брата, родственника или даже ребенка (стр. 343, 483, 583 и т. д.), наконецъ покупка тоже у брата ея косы, которая отрѣзывалась свахой и хранилась у родныхъ или у самой невѣсты (стр. 112, 132, 201, 344) (бывалъ также, какъ видно изъ другихъ обычаевъ, выкупъ косы у брата невѣсты, чтобъ онъ ея не отрѣзывалъ; стр. 459, вып. 2). Вообще смыслъ этихъ обычаевъ очень ясенъ. Но что̀ именно могутъ значить они въ частности, какое ихъ историческое происхожденіе, почему братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мѣсто подлѣ невѣсты и косу ея, а не отецъ, почему они, а не

онѣ защищаютъ невѣсту,—почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усильныхъ просьбъ — вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову. Изъ нихъ можно только вывести, что братъ имѣлъ большое вліяніе на судьбу сестры. Больше мы не рѣшаемся покуда ничего сказать въ объясненіе этихъ странныхъ обрядовъ.

Покупка невѣстъ, важный шагъ въ сближеніи родовъ между собою, не могла измѣнить взаимныхъ отношеній брачущихся. Въ отдаленную старину, при заключеніи супружества, дѣло шло собственно не о невѣстѣ или женихѣ, а о связи, союзѣ родовъ, между которыми, вслѣдствіе и посредствомъ браковъ, установлялись договорныя и мирныя отношенія. Судьба дѣвушки, переходившей по куплѣ въ новую семью, была такъ же печальна, какъ и при ея насильственномъ увозѣ. О ней не заботились, потому что она играла въ этихъ сдѣлкахъ второстепенную роль. Всѣ свадебные обычаи, обряды и повѣрья доказываютъ это. Новобрачная переходила изъ-подъ власти отца или брата подъ власть мужа. Въ Костромской губерніи послѣ вѣнчанья «отецъ, слегка бьетъ плетью по спинѣ новобрачныхъ три раза (съ цѣлью, выдуманной г. Терещенко), чтобы она забыла прежнихъ жениховъ и любила одного мужа» (стр. 181); тоже дѣлаетъ и новобрачный: въ первый день свадьбы, садясь на постель, онъ бьетъ свою жену три раза плетью (стр. 144). Даже въ Малороссіи «молодой, по выѣздѣ изъ тестева двора, бьетъ плетью по спинѣ своей молодой нѣсколько разъ, приговаривая: покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ» (стр. 532). Этотъ обычай бить новобрачную, здѣсь соблюдаемый отцомъ, тамъ мужемъ, очевидно не что иное, какъ символъ власти, принадлежавшей отцу и переходившей послѣ брака къ мужу. Въ старину у донскихъ

казаковъ женихъ, пріѣзжая къ невѣстѣ передъ вѣнцомъ, находилъ ее въ переднемъ мѣстѣ, подъ святыми. «Подлѣ нея сидѣли одинъ или два мальчика, ея братья, съ державою, т. е. съ простой или шелковой плеткою» (стр. 613). Названіе державы, присвоенное плети, показываетъ, что значила послѣдняя въ свадебномъ обрядѣ. Эта держава, по свидѣтельству иностранцевъ, даже прямо передавалась отцомъ новобрачной зятю: «отецъ, вручая жениху дочь свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: любезнѣйшая дочь моя! я бью тебя въ послѣдній разъ; ибо власть моя надъ тобою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу; онъ заступилъ мое мѣсто, а этой плетью онъ будетъ наставлять тебя, если забудешь свой долгъ. Тогда онъ передавалъ плеть ея мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невѣсты: я не думаю, чтобъ была надобность въ плети» (стр. 90).

Переходъ новобрачной подъ власть мужа доказывается и другими, не менѣе характеристическими данными. Въ одной свадебной пѣснѣ невѣста называетъ себя вольнымъ, вѣрнымъ и безотвѣтнымъ слугой отца и матери (стр. 327). Послѣ брака она становилась слугой мужа. Это символически выражалось тѣмъ, что послѣ женитьбы жена снимала съ него сапогъ; если въ сапогѣ оказывалась плеть, то онъ билъ ею жену; если деньги, то онъ отдавалъ ей деньги (стр. 35 и 532). Обѣ власти, отцовская и мужняя, были совершенно одинаковы и не имѣли юридическаго характера. Въ патріархальномъ быту онѣ и не могли его имѣть. Господство понималось въ условіяхъ родственнаго быта; поэтому и наказаніе не было казнью, местью, средствомъ устрашить и обуздать преступниковъ: оно было исправительной мѣрой, назиданіемъ, и въ этомъ смыслѣ доказательствомъ вниманія, заботливости, любви, а не гнѣва. Такой взглядъ преобладалъ въ древней Руси. Н а к а з а н і е и всѣ слова того же корня имѣли это значе-

ніе; теперешнему наказанію соотвѣтствовала тогда казнь. Вотъ почему простолюдины благодарили за тѣлесное наказаніе; жена видѣла въ побояхъ мужа доказательство любви; если онъ не наказывалъ жены, это значило, что онъ не заботился о ней, былъ къ ней невнимателенъ,—словомъ, не любилъ ея. Намъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ личнаго достоинства и чести, такія понятія кажутся безсмысленными; но они послѣдовательно вытекали изъ патріархальнаго быта и составляютъ одну изъ его главныхъ отличительныхъ чертъ.

Что положеніе женщины не измѣнилось, когда ее стали покупать, а не насильственно увозить, видно изъ того, что какъ при насильственномъ увозѣ, такъ и при продажѣ замужъ, горько плакалась невѣста:

«Улетѣла моя любимая вольная волюшка, за горушки высокія, за лѣсушки темные, за озерушки широкія! Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ не долго красоватися волюшкой у своихъ родителей и у братцевъ, ясныхъ соколовъ.— Видно я имъ наскучила, видно была не работница и не заботница. Пріустали, видно, мои родители, меня поючи кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую добровушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко? исполна ли свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я, красная дѣвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, у меня у бѣдной горюшницы распущена косанька, нѣтъ моей вольной волюшки! Не держите вы ее по радовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ! Поднимись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, вторый поклонъ за родитель матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку, Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своею нетлѣнною, идти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Срѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» (стр. 225 и 226).

Въ объясненіе этого плача должно замѣтить, что здѣсь волей называется дѣвичій головной уборъ. Передъ благословеніемъ его надѣваютъ на невѣсту, а потомъ она снимаетъ его, и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то одной изъ подругъ (стр. 224, 225). Плачь невѣсты—необходимая принадлежность свадебныхъ обрядовъ во всѣхъ краяхъ Россіи. Кое гдѣ онъ уже выводится, напримѣръ въ Пермской губерніи (стр. 599); но былъ вездѣ. Затѣчателенъ плачь въ Саратовской губерніи:

Свѣтъ ты, моя волюшка!
Свѣтъ ты, моя нѣгушка!
У родимой у матушки,
Куда-то мою волюшку,
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку,
Во чисто поле;
Пущу я мою волюшку,
Во темный лѣсъ.
Во темномъ лѣсу она заплутается.
Нѣтъ, пущу я мою волюшку,
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтеся подруженьки,
Покрасуйтеся любезныя.
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки,
А я горькая горемычная,
Я уже открасовалася;
Отшутила я съ вами,
Всѣ шутки шутливыя. (Ч. II. стр. 341).

Въ Малороссіи невѣста благодаритъ отца за беззаботное житье-бытье въ дѣвичествѣ.

Упала Гануся батиньки низко,
Спасибо тоби, мій батинько,
За твое коханьеце:
Що я у васъ гуляла,
Важнаго дила не знала,
Тилько знала до свиточку

Та на уличку,
Та за виночокъ, —
Та въ тоночокъ. (стр. 531).

Съ дѣвичествомъ оканчивались беззаботность и воля женщины. Въ Костромской губерніи женихъ, наканунѣ свадьбы, подноситъ невѣстѣ ключи (стр. 175) и этимъ какъ бы передаетъ ей всѣ заботы и хозяйство внутри дома; въ Саратовской, молодую послѣ свадьбы подымаютъ словами: «вставай невѣстка! ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блѣютъ, корму у нихъ нѣтъ» (стр. 361). Тамъ же, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, новобрачную передаютъ «родственникамъ жениха или свахѣ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланѣ и показываетъ молодой, какъ она должна стряпать» (стр. 360). Въ другихъ мѣстахъ, на другой день свадьбы, новобрачную учатъ носить воду (стр. 371, 458) и прясть (стр. 551). Вездѣ указанія на заботы и труды, которыхъ не знала дѣвушка до замужства.

Покупка невѣстъ, свидѣтельствующая о дружелюбныхъ или по крайней мѣрѣ мирныхъ отношеніяхъ между семьями и родами, съ бо́льшимъ ихъ сближеніемъ, съ утвержденіемъ между ними болѣе постоянныхъ отношеній, должна была мало-по-малу перейдти въ брачный договоръ. Повидимому различіе между тѣмъ и другимъ ничтожно, но въ сущности оно чрезвычайно важно, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не вдругъ обозначилось. Въ куплѣ и продажѣ невѣстъ есть покупщикъ, есть продавецъ; первый требуетъ товаръ, осматриваетъ его, прицѣнивается; второй его̀ сбываетъ. Отношенія купца и продавца, равныя, когда идетъ рѣчь о вещи, весьма неравны, когда предметъ торга—женщина, будущая жена покупщика. Семья жениха выбираетъ, семья невѣсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія; вторая не имѣетъ права предъявить такихъ же требованій; она согла-

шается на предлагаемое, или не соглашается, но не смотритъ жениха и не дѣлаетъ выбора. Эта форма браковъ такъ безобразна, такъ неестественна, что необходимо перераждается въ обоюдные договоры. Въ послѣднихъ условливаются о бракѣ двѣ семьи: каждая изъ нихъ выбираетъ и постановляетъ свои условія. Тутъ нѣтъ покупщика, нѣтъ и продавца, хотя прежнія формы купли и продажи и удержаны по преданію. Собственно это договоръ двухъ семей о брачномъ союзѣ ихъ членовъ.

Такой переходъ долженъ былъ отразиться въ характерѣ нашихъ свадебныхъ обычаевъ. Вглядываясь въ теперешніе, естественно приходишь къ мысли, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, они окончательно сложились и получили свою настоящую форму именно подъ вліяніемъ этого новаго вида браковъ: такъ сильно преобладаютъ въ нихъ черты, напоминающія этотъ видъ, надъ всѣми остальными — остатками похищенія и покупки невѣстъ, или слабыми зачатками лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ и облагороженныхъ понятій о бракѣ. Рядомъ со смотромъ невѣсты появляется смотръ жениха. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ происходитъ въ одно время съ осмотромъ невѣсты; такъ въ Вологодской губерніи (стр. 232); но въ другихъ, напримѣръ въ Нижегородской, для него назначается особенный день, и онъ называется глядинами.

«По взаимномъ соглашеніи, родители дочери отправляются на другой день, или въ какой-нибудь другой условленный, глядѣть жениха, и это называется *глядинами*. Тутъ ихъ принимаютъ со всею почестью: отецъ и мать жениха встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствуютъ; потомъ, введя въ избу, всѣ молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ.—Родителей невѣсты сажаютъ въ красномъ углѣ, разговариваютъ съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени накрываютъ столъ бѣлымъ полотномъ и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время пріѣхавшіе на глядины смотрятъ украдкой на молчаливаго жениха, и замѣчаютъ всѣ его движенія, по которымъ гадаютъ о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просятъ

его садиться съ ними за столъ; онъ сначала нейдетъ и кланяется имъ. По повтореніи нѣсколько разъ приглашенія, его родители говорятъ ему: не отказывайся отъ чести потчивать гостей. Онъ подходитъ къ нимъ, и садится, потупивъ глаза. Отецъ же его наливаетъ чарку водки и сначала угощаетъ глядѣльщиковъ, за тѣмъ свою жену, а потомъ себя, произнося: за здоровье добрыхъ гостей!—Поразсмотрѣвъ еще нѣсколько жениха, глядѣльщики, если имъ по сердцу женихъ, просятъ его къ себѣ въ гости и потомъ уѣзжаютъ домой. Если женихъ не по ихъ мыслямъ, то отказываются отъ другой чарки водки и уѣзжаютъ, поблагодаривши за хлѣбъ-соль» (стр. 264).

Эти глядины жениха имѣютъ разительное сходство со смотринами невѣсты. Тѣже пріемы родителей невѣсты, таже пассивная роль жениха. Ясно, что право выбора жениха имъ столько же принадлежало, сколько родителямъ послѣдняго выборъ невѣсты. На это право есть и другія указанія. «Выборъ невѣсты между Уральскими казаками, говоритъ г. Терещенко, зависитъ отъ жениха, родители не препятствуютъ ему; но избраніе жениха зависитъ отъ родителей» (стр. 617). Тоже въ Малороссіи. Здѣсь не только обѣ договаривающіяся стороны равны, но семья невѣсты имѣетъ даже, въ брачномъ договорѣ, видимый перевѣсъ надъ семьей жениха. Бопланъ, оставившій описаніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка, прямо говоритъ, что здѣсь, «наперекоръ всѣмъ народамъ, не мущины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мущинъ» (стр. 485). Это странное извѣстіе подтверждается теперешними малороссійскими свадебными обычаями. Если дѣвушка любитъ жениха, она сама упрашиваетъ родителей отдать ее за него замужъ (стр. 493); а если не любитъ, рѣшительно отказывается (стр. 494).

«Современи засватанья — говоритъ г. Терещенко, — до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день: они вмѣстѣ ходятъ и цѣлуются, вмѣстѣ закупаютъ вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника; проводятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь, и женихъ строго наблюдаетъ благопристойность»

(стр. 505). Невѣста повязываетъ жениха рушникомъ. Это значитъ, какъ видно изъ словъ старостъ (сватовъ), вязать приводца (т. е. приведеннаго), чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты (стр. 497). Оттого и поется:

Сказано матери
Шо *твоихъ дитокъ звязали*
Твоихъ дитокъ
Однихъ дитокъ.
Тонесенькимъ, белесенькимъ
Рушничкомъ. (стр. 522).

Это объясняетъ, далѣе, древній обычай при разводахъ: брачущіеся разрѣзывали полотенцо и расходились въ разныя стороны. Потомъ, въ Малороссіи, послѣ вѣнца, молодая ѣдетъ къ себѣ въ домъ, а новобрачный къ себѣ; отсюда послѣдній пріѣзжаетъ къ родителямъ ея и тутъ справляетъ сватьбу, а уже послѣ того ѣдетъ въ свой домъ (стр. 516—532). Далѣе, въ Малороссіи, въ число свадебныхъ обрядовъ входитъ ловля жениха. «Передъ вечеромъ—говоритъ г. Терещенко—подъѣзжаетъ женихъ съ боярами къ дому невѣсты. Дружко его становится у воротъ, съ кувшиномъ квасу и съ хлѣбомъ, и начинаетъ ловить жениха, который съ боярами проскакиваетъ мимо его до трехъ разъ. Потомъ онъ подъѣзжаетъ тихонько: дружко хватаетъ лошадь за повода и вводитъ его къ невѣстѣ на дворъ» (стр. 581). «Ловятъ жениха еще иначе. Родственники невѣсты выходятъ на улицу съ палками, и въ то время, когда женихъ подъѣдетъ къ воротамъ, они забѣгаютъ и гонятъ его палками на дворъ къ невѣстѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и ускакиваетъ съ боярами; это дѣлается имъ до трехъ разъ. Когда загонятъ его на дворъ, тогда мать невѣсты беретъ у него лошадь и привязываетъ къ столбу. Женихъ входитъ съ своими боярами въ сѣни, гдѣ встрѣчаетъ его невѣста» (ibid. въ выноскѣ). Наконецъ дружки и подружки должны выкупать женихову шапку у ея сестры или свахи (стр. 588).

Любопытно было бы знать, отчего здѣсь невѣста играетъ роль жениха и множество свадебныхъ обычаевъ имѣютъ обратный смыслъ въ сравненіи съ великорусскими? Конечно, юморъ, составляющій отличительную черту Малороссіянъ (ср. юмористическое наставленіе молодымъ, стр. 497), играетъ въ этомъ немаловажную роль; но всего ему одному приписать нельзя, особливо зная свидѣтельство Боплана. Племенная особенность тоже не рѣшаетъ вопроса, ибо, рядомъ съ приведенными обычаями, есть тамъ множество другихъ, указывающихъ на бывшее и здѣсь похищеніе и покупку невѣстъ, — словомъ, на брачныя отношенія совершенно одинакія съ великорусскими. То вѣрно, что въ этомъ противорѣчіи выразились обѣ крайности ненормальныхъ, неестественныхъ отношеній брачущихся въ нашихъ древнихъ бракахъ. Пассивная роль жениховъ только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ — слабѣйшая половина человѣческаго рода, и потому занимаетъ въ быту второстепенное мѣсто — далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи. Впрочемъ такое неправильное проявленіе взаимныхъ отношеній между-мущинами и женщинами въ первоначальномъ быту есть необходимая принадлежность древнѣйшей общественности. По отсутствію опредѣленности и правильности, она непремѣнно выражается въ крайностяхъ и рѣзкихъ противорѣчіяхъ. Сдавленное и сгнетенное здѣсь, необузданно, чрезмѣрно обнаруживается тамъ. Игра силъ и потребностей, не приведенная въ опредѣленную норму, не уравновѣшенная образованностью и гражданственностью, представляетъ всюду необычайное и рѣзкое.

Согласіе брачущихся на вступленіе въ супружество, когда браки обратились въ договоры родовъ и семей, все еще не нужно и не требуется; ибо эта относительно высшая форма брачныхъ союзовъ все-таки не болѣе какъ сдѣлка, условіе.

По крайней мѣрѣ въ этой формѣ открывается больше простора для личныхъ наклонностей жениха и невѣсты. Ихъ желаніе или нежеланіе вступить въ бракъ принимается уже иногда въ уваженіе домоначальниками. Конечно, оно не обязательно для послѣднихъ; но они могутъ обратить на него вниманіе, и иногда обращаютъ, потому что бракъ, при сожительствѣ и постоянныхъ отношеніяхъ семей и родовъ, перестаетъ быть предметомъ временныхъ столкновеній между ними, но образуетъ и установляетъ связи, пріязни, которыя скрѣпляются или ослабляются согласіемъ или раздорами новобрачныхъ. Вотъ зачатки непринужденнаго, свободнаго выбора супруга.

Эти зачатки нетрудно открыть въ нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Почти вездѣ замѣтно участіе, дѣятельное или хоть пассивное, отрицательное, самихъ будущихъ супруговъ въ опредѣленіи выбора жениха и невѣсты. Оно конечно не юридическое, и потому не оффиціальное, не торжественное. Главными дѣйствующими лицами являются старшіе: младшіе не имѣютъ рѣшительнаго голоса въ дѣлѣ, которое однакожъ ихъ непосредственно касается, и потому безпрестанно могутъ заключать и заключаютъ браки противъ своего желанія. Но обыкновенно ихъ спрашиваютъ или имъ самимъ предоставляютъ выборъ. Патріархальность нашего быта причиной, что и то и другое даже чаще бываетъ, чѣмъ можно заключать по строгимъ символическимъ свадебнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ слышатся времена увоза и покупки невѣстъ.

Изъ множества данныхъ, доказывающихъ участіе брачущихся въ выборѣ жениха или невѣсты, приведемъ здѣсь нѣсколько болѣе рѣзкихъ. У Мордвы и до сихъ поръ невольное вступленіе невѣсты въ бракъ наглядно выражается въ слѣдующемъ обычаѣ: «когда молодая увидитъ дверь клѣти, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой бьетъ ее по спинѣ плетью три раза, чтобы она не упрямилась [illegible]

Любопытно было бы знать, отчего здѣсь невѣста играетъ роль жениха и множество свадебныхъ обычаевъ имѣютъ обратный смыслъ въ сравненіи съ великорусскими? Конечно, юморъ, составляющій отличительную черту Малороссіянъ (ср. юмористическое наставленіе молодымъ, стр. 497), играетъ въ этомъ немаловажную роль; но всего ему одному приписать нельзя, особливо зная свидѣтельство Боплана. Племенная особенность тоже не рѣшаетъ вопроса, ибо, рядомъ съ приведенными обычаями, есть тамъ множество другихъ, указывающихъ на бывшее и здѣсь похищеніе и покупку невѣстъ, — словомъ, на брачныя отношенія совершенно одинакія съ великорусскими. То вѣрно, что въ этомъ противорѣчіи выразились обѣ крайности ненормальныхъ, неестественныхъ отношеній брачущихся въ нашихъ древнихъ бракахъ. Пассивная роль жениховъ только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ — слабѣйшая половина человѣческаго рода, и потому занимаетъ въ быту второстепенное мѣсто — далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи. Впрочемъ такое неправильное проявленіе взаимныхъ отношеній между-мущинами и женщинами въ первоначальномъ быту есть необходимая принадлежность древнѣйшей общественности. По отсутствію опредѣленности и правильности, она непремѣнно выражается въ крайностяхъ и рѣзкихъ противорѣчіяхъ. Сдавленное и сгнетенное здѣсь, необузданно, чрезмѣрно обнаруживается тамъ. Игра силъ и потребностей, не приведенная въ опредѣленную норму, не уравновѣшенная образованностью и гражданственностью, представляетъ всюду необычайное и рѣзкое.

Согласіе брачущихся на вступленіе въ супружество, когда браки обратились въ договоры родовъ и семей, все еще не нужно и не требуется; ибо эта относительно высшая форма брачныхъ союзовъ все-таки не болѣе какъ сдѣлка, условіе.

По крайней мѣрѣ въ этой формѣ открывается больше простора для личныхъ наклонностей жениха и невѣсты. Ихъ желаніе или нежеланіе вступить въ бракъ принимается уже иногда въ уваженіе домоначальниками. Конечно, оно не обязательно для послѣднихъ; но они могутъ обратить на него вниманіе, и иногда обращаютъ, потому что бракъ, при сожительствѣ и постоянныхъ отношеніяхъ семей и родовъ, перестаетъ быть предметомъ временныхъ столкновеній между ними, но образуетъ и установляетъ связи, пріязни, которыя скрѣпляются или ослабляются согласіемъ или раздорами новобрачныхъ. Вотъ зачатки непринужденнаго, свободнаго выбора супруга.

Эти зачатки нетрудно открыть въ нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Почти вездѣ замѣтно участіе, дѣятельное или хоть пассивное, отрицательное, самихъ будущихъ супруговъ въ опредѣленіи выбора жениха и невѣсты. Оно конечно не юридическое, и потому не оффиціяльное, не торжественное. Главными дѣйствующими лицами являются старшіе; младшіе не имѣютъ рѣшительнаго голоса въ дѣлѣ, которое однакожь ихъ непосредственно касается, и потому безпрестанно могутъ заключать и заключаютъ браки противъ своего желанія. Но обыкновенно ихъ спрашиваютъ или имъ самимъ предоставляютъ выборъ. Патріархальность нашего быта причиной, что и то и другое даже чаще бываетъ, чѣмъ можно заключать по строгимъ символическимъ свадебнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ слышатся времена увоза и покупки невѣстъ.

Изъ множества данныхъ, доказывающихъ участіе брачущихся въ выборѣ жениха или невѣсты, приведемъ здѣсь нѣсколько болѣе рѣзкихъ. У Мордвы и до сихъ поръ невольное вступленіе невѣсты въ бракъ наглядно выражается въ слѣдующемъ обычаѣ: «когда молодая увидитъ дверь клѣти, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой, бьетъ по ея спинѣ плетью три раза, чтобы она не упрямилась впередъ.

Сваха, передавая молодую, говоритъ новобрачному: «волкъ! на, тебѣ овцу» (стр. 361). Но мѣстами видно уже другое. Въ Нижегородской губерніи, «невѣста, подслушивая ихъ разговоры (совѣщанія родителей съ родственниками, выдать ли имъ дочь замужъ), съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышитъ выдать, тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ совѣтоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онѣ что̀ дурное про него? Знающія или слышавшія что либо дурное про него, остерегаютъ ее и не совѣтуютъ выходить замужъ. Тогда начинается суматоха въ домѣ ея родителей: ее уговариваютъ не слушать и не вѣрить разсказамъ, и если не убѣдятъ, то расходятся до ея вспокоянія. Въ противномъ случаѣ женихъ получаетъ отказъ» (стр. 265). По мнѣнію г. Терещенки, слово вспокояніе значитъ раздумье. Но это несправедливо. Вспокаяться слово въ слово значитъ раскаяться; въ данномъ случаѣ оно очень характеристично, представляя неподчиненіе дочери волѣ родителей не какъ преступленіе, а какъ грѣхъ, слѣдовательно придавая ему религіозно-нравственное, а не юридическое значеніе. Иначе и не могло представляться отступленіе отъ обычнаго, не юридическаго быта. Любопытно также описаніе сговора въ Литвѣ: въ день сватовства, женщины, находящіяся въ избѣ, вводятъ съ собой невѣсту.

«Общее молчаніе; всѣ посматриваютъ на нее. Она отъ робости останавливается въ углу, подлѣ печи, и отворотившись отъ нихъ, долбитъ пальцемъ въ стѣну. Послѣ непродолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо, потомъ громче и громче, наконецъ настаетъ общій разговоръ. Сватъ, возвысивъ голосъ, обращается къ невѣстѣ: что жь дѣвушка ты не говоришъ? А я сюда не даромъ пришелъ.—Она молчитъ и долбитъ стѣну.— Мать продолжаетъ: нечего сказать, молодецъ хоть куда! Не найдешъ въ немъ пороковъ: ни пьяница, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая,— никто объ ней не скажетъ худаго. Какъ думаешъ, мое дитятко? Отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ. —Молчаніе.—Наконецъ дочь, потупивъ глаза въ землю, отвѣчаетъ тихо: какъ хотите себѣ? — Отецъ или мать говоритъ ей:

нѣтъ моя родная! говори яснѣе: любишь ли его? Ты у насъ не лишняя, изъ дому тебя не гонимъ. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Какъ думаешъ? — Она, отворотясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: что жъ дѣлать? Если выходить за мужъ, такъ выходить, —пусть по вашему будетъ!—Послѣ этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей дѣлаетъ ей приличное привѣтствіе, и разговоръ становится живѣе» (стр. 475 и 476).

Но если ужь согласіе невѣсты на бракъ допускается какъ условіе брачныхъ союзовъ, то тѣмъ болѣе допускаются согласіе и самый выборъ жениха. Нерѣдко онъ является на смотръ невѣсты (стр. 232), самъ выбираетъ ее при жизни родителей (стр. 617) и посылаетъ къ ней сватовъ (стр. 288); иногда является на сватовство вмѣстѣ съ сватами (стр. 207 и 492).

Когда бракъ сталъ обоюднымъ условіемъ равныхъ договаривающихся между собой родовъ, должно было появиться и приданое. Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали калымъ, или плату за вѣно[1]); когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшей и упрочивавшей ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно полный разрывъ новобрачной съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде — ея родственники, весьма естественно, старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами,

---

[1]) Не происходитъ ли *вѣно* отъ *вѣнокъ?* Послѣднее, кажется, уменьшительное перваго. Какъ бы то ни было, *вѣнки* были непремѣнной принадлежностью и украшеніемъ дѣвушекъ. Въ нихъ онѣ являлись въ хороводы, по нимъ гадаютъ о супружествѣ. Завиваніе вѣнковъ необходимый обрядъ семика. «Въ Малороссіи встарину невѣсту наряжали къ вѣнцу въ длинное шерстяное платье, темнаго цвѣта, и съ широкою на груди оторочкою изъ полушелковой матеріи. *На головѣ никакого не было убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнка:* волосы раскидывались по плечамъ, грудь и шея были закрыты» (ч. II, стр. 486).

которыхъ члены соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за ней большое приданое. Такимъ образомъ послѣднее стало необходимой принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ «о приданомъ не спрашиваютъ; что̀ дадутъ родители, тѣмъ довольны; молодые всегда надѣятся, что ихъ надѣлятъ достаточно» (стр. 617).

Получивъ значеніе добровольнаго, на обоюдномъ согласіи семей основаннаго договора, въ которомъ обѣ стороны играютъ равную роль, браки мало-по-малу теряютъ характеръ первоначальной, грубой непосредственности и случайнаго факта. Они становятся постояннымъ союзомъ, актомъ многозначительнымъ въ частномъ быту семьи и во взаимныхъ отношеніяхъ родовъ. Вотъ почему еще во времена язычества они получили религіозное значеніе. Бракъ — велѣніе божества; онъ — судъ Божій (стр. 110). Отсюда названіе суженый, суженая (стр. 470), т. е. присужденный. Въ Костромской губерніи, передъ поѣздомъ къ вѣнцу, поютъ:

Ѣдетъ новобрачной князь
Съ новобрачной княгинею,
Ко вѣнчанію.
Подъ вѣнецъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженою взять,
По Божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору (стр. 192).

Эти слова весьма замѣчательны. Изъ нихъ видно, что бракъ былъ опредѣленіемъ, приказаніемъ, судьбой. Есть извѣстіе, что у казаковъ атаманъ давалъ невѣстъ, какъ въ семьяхъ глава семьи. Въ одной хороводной пѣснѣ поется:

Пойду ли я на матушку на Волгу
Къ наибольшему атаману:
Чѣмъ онъ меня подаруетъ,
Подарилъ меня женою (ч. IV, стр. 194).

Послѣ этого бракъ по мірскому приговору не представляетъ ничего удивительнаго.

Судя по остаткамъ, сохранившимся въ теперешнихъ свадебныхъ обычаяхъ, необходимой принадлежностью языческихъ свадебныхъ празднествъ были, между многими другими, курица и пѣтухъ, коровай и перепрыгиваніе черезъ огонь. Курица и пѣтухъ играли въ древнихъ свадьбахъ очень важную роль. Молодымъ послѣ вѣнца подавали у насъ, въ XVII вѣкѣ, жаренаго пѣтуха (стр. 100). Въ Смоленской губерніи, послѣ благословенія, и теперь дарятъ священнику чернаго пѣтуха (стр. 457). Въ Малороссіи пѣтуха впускаютъ въ хату, если въ домѣ жениха сдѣлается что-нибудь нехорошее до пріѣзда молодой (стр. 532, въ выноскѣ); здѣсь же дружки приносятъ молодой, на другой день свадьбы, жареную курицу (стр. 534); въ другихъ мѣстахъ родители, благословивъ невѣсту, даютъ ей съ хлѣбомъ солью и черную курицу (стр. 589) и т. д. Наконецъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ Тульской, крестьянинъ, приходя къ помѣщику просить о женитьбѣ сына, непремѣнно приноситъ курицу.

Короваи пекутся въ Малороссіи съ торжественными обрядами, показывающими ихъ прежнее, религіозное значеніе.

•Дня за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые короваи: т. е. пшеничные хлѣбы, окрашенные красною краскою; по верхъ ихъ налѣпливаютъ хлѣбныя птички, которыя, вмѣстѣ съ короваемъ, покрываются золотой мишурой и украшиваются прапорками (спичками). Печеніе короваевъ сопровождается пѣніемъ пѣсней, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлѣба сопровождаютъ пѣснями, по той же самой причинѣ.— Когда коровай будетъ спеченъ и онъ поднимется высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный

крикъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ напѣвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дѣвушекъ». (Ч. II. стр. 510).

За свадебнымъ обѣдомъ ставится «посреди стола коровай, покрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вѣтвью, еловою или калиновою... Старшій дружко, прочитавъ послѣ благословенія старосты Отче нашъ, снимаетъ съ коровая рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ поддружему и перевязываетъ себѣ и ему черезъ плечо; потомъ разрѣзываетъ коровай на части и дѣлитъ между гостями; каждый даетъ за то по нѣсколько денегъ» (стр. 526 и 527). Обычай переѣзжать черезъ огонь тоже употребителенъ на свадьбахъ и почти повсемѣстенъ. Огонь раскладывается или у воротъ невѣстина дома, когда въ нихъ въѣзжаетъ женихъ со своими поѣзжанами (стр. 469), или когда свадебный поѣздъ возвращается изъ церкви въ домъ жениха (стр. 589). Съ этимъ переѣздомъ черезъ огонь соединяются разныя повѣрья, которыя показываютъ, что это былъ когда-то религіозный обрядъ. Такъ г. Терещенко говоритъ, что «это дѣлается въ очищеніе молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ» (стр. 589, вын.). Но мы знаемъ, что̀ значатъ эти повѣрья: они указываютъ на прежнее священное значеніе обряда, которому потомъ приписана чудодѣйственная сила.

Что̀ значатъ всѣ эти и многія другія принадлежности свадебныхъ обычаевъ? Онѣ не представляютъ никакихъ существенныхъ отличій отъ прочихъ языческихъ обрядовъ. Въ послѣднихъ тѣже предметы играли важную роль. Курица, пѣтухъ приносились въ жертву; такъ же и пироги. Въ свадьбахъ — они несомнѣнно остатокъ языческихъ жертвоприношеній. Такое сходство невольно приводитъ къ мысли, что въ незапамятныя времена свадьбы были существенною частью извѣстныхъ языческихъ праздниковъ, можетъ быть даже развились изъ вакханалій, которыми сопровождались эти праздники.

Не смѣемъ утверждать этого положительно; но нѣкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ догадку. Всѣмъ извѣстно классическое свидѣтельство Нестора о бракахъ у Сѣверянъ, Родимичей и Древлянъ. Едва ли можно сомнѣваться, что лѣтопись говоритъ здѣсь о языческихъ вакханаліяхъ, служившихъ уже тогда началомъ послѣдующихъ брачныхъ отношеній. Вспомнимъ и то, что и теперь, по народнымъ понятіямъ, есть въ году времена, слывущія временемъ свадебъ: такъ Красная горка. Должна же быть этому причина. Мы думаемъ, что въ эпоху дикаго состоянія племени, происходили въ это время года языческія вакханаліи; къ нимъ побуждала природа. Потомъ, когда человѣкъ началъ выходить изъ этого состоянія, и стали появляться сколько-нибудь постоянныя отношенія между отдѣльными родами, вакханаліи уже подавали поводъ къ бракамъ. Браки, происходившіе такимъ образомъ, получили религіозное значеніе отъ языческаго торжества, при которомъ совершались въ опредѣленное время. Послѣ они отдѣлились отъ этихъ торжествъ и совершались особливо; но обряды, напоминавшіе поклоненіе извѣстнымъ языческимъ божествамъ, удержались при нихъ, хотя и потеряли первоначальный смыслъ. Разумѣется, могло быть и то, что, совершаясь въ разныя времена, они остались вѣрны своему историческому происхожденію и соединялись съ поклоненіемъ тому божеству, съ празднованіемъ котораго и первоначально были тѣсно связаны. Оба эти объясненія религіознаго характера древнихъ свадебъ не противорѣчатъ другъ другу: и та и другая причина, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствовали вмѣстѣ и образовались въ одно время. Какъ бы то ни было, все заставляетъ думать, что браки получили священный характеръ въ одно время съ установленіемъ нѣкоторой правильности, постоянства во взаимныхъ отношеніяхъ первоначальныхъ патріархальныхъ союзовъ, съ первыми зачатками гражданскаго сожитель-

ства распавшихся родовъ и сблизившихся, сперва чуждыхъ между собой семей. Выражая новыя условія жизни, новый ея видъ, религіозный характеръ браковъ содѣйствовалъ развитію этихъ условій, этого новаго вида общественнаго быта. Вотъ почему въ исторіи скудной цивилизаціи, до которой только могла возвыситься древнѣйшая Русь, въ медленныхъ и ограниченныхъ успѣхахъ нашей такъ сказать до-исторической общественности это новое значеніе браковъ играетъ чрезвычайно важную роль и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Сдѣлавшись предметомъ дружелюбныхъ отношеній и связей между семьями и родами, браки стали сопровождаться пирами, весельемъ, согласіемъ и замиреніемъ враговъ. Свадьбы были однимъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ частыхъ поводовъ для мирныхъ столкновеній чуждыхъ другъ другу людей, однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ выраженій первоначальнаго общежитія.

На все это мы находимъ ясныя указанія въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ простого народа. Въ нихъ сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда дѣйствующими лицами въ свадьбахъ были не брачущіеся, а ихъ роды. Послѣ сватовства, цѣлый родъ, къ которому принадлежала невѣста, держалъ совѣтъ, отдать ли ее, или нѣтъ. Такъ и теперь дѣлается между крестьянами (стр. 143, 488). Въ Нижегородской губерніи эти семейные совѣты, состоящіе изъ родни, друзей и сосѣдей, называются совѣтливыми сговорами и до сихъ поръ имѣютъ рѣшительный голосъ въ принятіи или непринятіи предложенія (стр. 265). Подобные совѣты еще очень недавно играли важную роль въ частномъ быту высшихъ, образованныхъ классовъ русскаго общества и полновластно распоряжались семейными дѣлами. По свадебнымъ пѣснямъ, бракъ есть веселье рода (стр. 591); честь невѣсты—честь рода (стр. 592). Вездѣ, во всемъ видно, что свадьбы сближали и мирили роды

жениха и невѣсты. Послѣ свадьбы родня новобрачнаго и его жены попеременно ходятъ другъ къ другу на пиры (стр. 367). Въ Саратовской губерніи братъ невѣсты и женихъ ея, послѣ продажи послѣдней, братуются между собою (стр. 345). Отчужденные другъ отъ друга до свадьбы, роды дѣлались послѣ брака знакомыми и входили въ постоянныя отношенія: «коли породнились, то уже будемъ ходить другъ къ дружкѣ», отвѣчаютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ родные одного изъ молодыхъ на приглашеніе родныхъ другого (стр. 371). «Много радости на малороссійскомъ весельи (свадьбѣ), говоритъ г. Терещенко— и оно, выражая вполнѣ мысль веселья, обращается въ праздникъ нерѣдко всего околодка. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всѣхъ, званыхъ и незваныхъ; кушанье, питье, танцы, — все для всѣхъ. Родители молодыхъ принимаютъ чистосердечно (?) даже своихъ враговъ; угощаютъ ихъ съ чувствомъ торжествующей добродѣтели (!). Никто тогда не врагъ; самые злые недруги примиряются, и веселье молодыхъ часто соединяетъ дружбою (?) многихъ непріязненныхъ» (стр. 487). Мысль, выраженная здѣсь по-Маниловски, въ основаніи вѣрна. Свадьба была весельемъ, миромъ; это ея существенная черта. Вражды невольно должны притаиться тамъ, гдѣ ихъ не допускаетъ обрядъ, образовавшійся подъ вліяніемъ когда-то бывшаго дѣйствительнаго сближенія чуждыхъ, соединенія разрозненныхъ и враждебныхъ въ одинъ міръ. Но какъ это сближеніе было сперва осторожно, недовѣрчиво, какъ люди оставались себѣ на умѣ, видно изъ многихъ подробностей свадебныхъ обычаевъ. Мы уже говорили о вѣдунѣ, не покидавшемъ жениха за все время свадьбы, и который долженъ былъ смотрѣть, чтобъ не околдовали молодого, не испортили его (стр. 613): доказательство, что ненависти не потухали на свадьбѣ и дѣйствовали тайно. Да и могло ли быть иначе? Исторія человѣческаго

общежитія началась не миромъ, а враждой, не любовью, а чуждостью или ненавистью. Внѣшнее сближеніе людей, юридическія отношенія, признаніе другихъ личностей и общаго закона, равно охраняющаго всѣхъ и карающаго нарушителей мира, — все это плодъ долгаго развитія, великихъ усилій и жертвъ, завоевано каждымъ обществомъ, а не даромъ получено. Нѣкоторые изслѣдователи начинаютъ исторію извѣстныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями и родами уже установились по образу тѣхъ, которыя существовали внутри семьи между членами родовъ,—другими словами, съ появленія и упроченія міровъ. Они забываютъ, что этотъ семейно-патріархальный бытъ, обнимающій цѣлый народъ, цѣлое племя, есть результатъ длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушно наивенъ и искрененъ, какъ обыкновенно думаютъ. Кто не знаетъ, какъ долговѣчны и непримиримы вражды у первобытныхъ, младенческихъ народовъ? Онѣ передаются изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и оттого длятся Богъ знаетъ сколько времени. Посмотрите пристально на свадебные обряды: они на каждомъ шагу напоминаютъ объ этой особенности, или, если можно такъ выразиться, сдержанной враждебности, на время нарушенной чуждости родовъ. Вездѣ видимъ выкупъ, плату за каждое дѣйствіе. Дѣвушки выманиваютъ у жениха невѣсту, свою подругу, и не отдаютъ ее безъ выкупа (стр. 598). Свахи и дружко не выпускаютъ молодыхъ изъ бани, пока не сторгуются о подаркахъ (стр. 602). Это примѣры изъ множества подобныхъ и взяты на угадъ. Все оплачивается. Роды не берутъ на себя издержекъ праздника: участвующіе въ немъ приносятъ свою долю (стр. 327, 482), или онѣ падаютъ на счетъ жениха, который платитъ напримѣръ за угощенье на сговорѣ (стр. 610). Въ Пензенской губерніи «уговариваются въ кладкѣ: отецъ невѣсты получаетъ

нѣсколько денегъ, вина, мяса, масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира» (стр. 281). Подарки — самое положительное доказательство сближенія, пріязни и дружбы; всѣ дарятъ другъ друга на свадьбѣ; но эти подарки взаимны, или они — спасибо за угощенье; наконецъ они опредѣляются по ряду, условію, что показываетъ, что они не были выраженіемъ искренней пріязни, а дѣлались съ задней мыслью, съ разсчетомъ, съ опредѣленной цѣлью (стр. 291). По всѣмъ этимъ даннымъ, можно судить, какую важную роль играли свадьбы въ исторіи нашего внутренняго быта. Онѣ завязывали узелъ общественности, воспитывали ее и поддерживали. Въ нихъ, и посредствомъ ихъ, всего чаще происходило сближеніе между людьми и устанавливались постоянныя отношенія. Поэтому ихъ должно по всей справедливости признать однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ двигателей древней гражданственности.

Отъ браковъ, въ формахъ которыхъ отпечатлѣлось, какъ мы видѣли, постепенное образованіе общежитія, перейдемъ теперь къ прочимъ явленіямъ, гражданской жизни—мірамъ, собраніямъ, судамъ и сдѣлкамъ всякаго рода.

Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были, современемъ, разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ, потому что изъ семей онѣ образовались, и слѣдовательно семьи были ихъ историческимъ первообразомъ.

Съ другой стороны — между отдѣльными и ничѣмъ несвязанными родами должны были происходить столкновенія, и вслѣдстіе того установиться отношенія и связи. Мы видѣли, каковы они были сначала. Вызванныя внѣшней необходимостью или случайными обстоятельствами и ничѣмъ необезпе-

ченныя, они оставались долгое время внѣшними и не проникали глубоко въ бытъ. Установились міры—эти первые зачатки гражданскаго общежитія, а чуждость и вражда долго еще не могли прекратиться. Роды были по прежнему замкнуты внутри себя, и жили отдѣльно другъ отъ друга. Теперь они только замирились и въ опредѣленное время сходились вмѣстѣ. Вотъ почему союзы, собранія съ самаго начала получили религіозный характеръ; не имѣя внутренней связи, они должны же были имѣть какую-нибудь внѣшнюю опору. Такой опорой и внѣшней связью служили имъ вѣрованія въ языческое божество, охранявшее міръ или общину, управлявшее его дѣлами, обличавшее виновныхъ и каравшее злыхъ. Оно было для первоначальной общественности, что теперь правительство и администрація, и очень несовершенно замѣняло ихъ, ибо выражало требованія возникающей гражданственности, а не удовлетворяло имъ.

Изъ всего этого можно составить себѣ слѣдующее представленіе о первоначальной общественности. Она имѣла тѣсную связь съ языческими вѣрованіями, была ими проникнута, и потому ими опредѣлялась и поддерживалась. Внѣ религіозныхъ условій бытъ оставался по прежнему грубымъ и разобщеннымъ. Отдѣльность, обособленность, въ которой проходила жизнь семей и родовъ, нарушалась, по временамъ, религіозными празднествами и общимъ богослуженіемъ, въ которыхъ всѣ принимали участіе, на которыхъ рѣшались общественныя дѣла и сосредоточивались гражданскіе обороты, — отчасти по зависимости общественныхъ дѣлъ отъ велѣній божества, отчасти потому, что на празднества собирался весь міръ, вся община. Но и въ этихъ сходбищахъ отдѣльность, чуждость людей обнаруживались безпрестанно, даже въ самыхъ празднованіяхъ и торжествахъ. На все это есть множество данныхъ въ книгѣ г. Терещенки. Онъ описываетъ настоящее, но въ этомъ

настоящемъ еще живо сохранились слѣды незапамятной старины, несмотря на измѣнившіяся условія общественной и частной жизни.

Во первыхъ, весьма замѣчательно, что во всей Россіи многіе церковные праздники и всѣ приходскіе или, такъ называемые храмовые, обыкновенно сопровождаются пирами. Эти пиры, называемые братчинами или братовщинами, ссыпчинами, складчинами, бываютъ послѣ обѣдни, въ приходскомъ селѣ; въ нихъ участвуютъ всѣ или многіе окольные крестьяне, отчего эти пиры и носятъ изчисленныя названія. «Въ день Николы — говоритъ г. Терещенко—собираются попировать у знакомыхъ и родныхъ, на открытомъ воздухѣ, близь храмовой церкви. Въ старину приготовляли на этотъ праздникъ брагу, вино, пироги и варили въ полѣ щи и молошную кашу. Иногда поселяне, сдѣлавъ складчину, пировали всѣ вмѣстѣ. При такомъ случаѣ избирался изъ среды ихъ особый хозяинъ, который назывался старостою: онъ все устроивалъ для общаго веселія. Бѣдные и нищіе принимались всѣми радушно. — Иногда пировали по нѣсколько дней сряду,—но пиръ не начинался и не оканчивался безъ храмоваго священника. При разгульномъ весельи составлялись хороводы, въ которые вмѣшивались и женщины и старики» (Ч. IV, стр. 202). «Въ день великомученика Прокопія поселяне празднуютъ общимъ міромъ (не пиромъ ли?) наступившую жатву. На канунѣ Прокопія убиваютъ нѣсколько барановъ и пекутъ ихъ, а въ день праздника отслуживаютъ молебенъ за счастливое окончаніе сельскихъ работъ и потомъ пируютъ» (Ч. VI, стр. 49). Такой же пиръ въ день св. Власія, послѣ молебна (ib. стр. 38). Дѣвушки дѣлаютъ складчины или ссыпчины и пируютъ въ Покровъ (ib. стр. 55), за недѣлю до Косьмы и Даміана (ib. стр. 62 и слѣдующіе), наканунѣ Троицына дня (ib. стр. 188). «Пермяки собираются въ день Ильи, изъ двухъ или трехъ деревень

въ одну, приводятъ сюда быка или теленка, закалываютъ и готовятъ общій пиръ» (ib. стр. 51). «Главныхъ братчинъ суть двѣ: Михайловская и Никольская: первая въ честь Архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ молебенъ о ниспосланіи на нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего околодка; остатки отъ стола раздаютъ нищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ на воздухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревьевъ, ни полей. По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дѣлаютъ складчину изъ благоговѣнія къ празднику какого-нибудь святаго, или такого угодника, который почитается покровителемъ цѣлой деревни, или во имя того праведника, въ честь коего выстроена церковь, по какому нибудь чудесному событію... Въ юго-западной Россіи и въ большей части сѣверо-восточной празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или окончанія церкви. Тогда прихожане отправляютъ братчину съ особой веселостью; со всѣхъ окружныхъ мѣстъ съѣзжаются къ нимъ на праздникъ: тутъ проводятъ время въ забавахъ и играхъ. Лѣтомъ празднуютъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, близь церкви, а зимою въ домѣ священника или церковно-служителя» (Ч. V. стр. 150). «Въ старые годы было даже обязанностію, чтобы ѣздить на братчины: это происходило изъ уваженія къ храмовому празднику» (ib. стр. 151). Въ Малороссіи мѣстами такое разгулье называется конономъ. «Я присутствовалъ, говоритъ г. Терещенко, при одномъ кононѣ. Послѣ совершенія службы, это было лѣтомъ, прихожане чинно усѣлись за приготовленными столами, подъ деревьями благоухающими; священникъ, благословивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ праздникомъ, и потомъ пили чарку водки, которую поднесъ ему староста, распоряжавшійся об-

щимъ пиромъ, и таже чарка обходила всѣхъ кругомъ. Подали пироги и паляницы со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье. Священнику подавали прежде всѣхъ, за нимъ по старшинству остальнымъ. Угощеніе состояло изъ разныхъ сытныхъ блюдъ; во время кушанья пили, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодыя женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. Прочіе веселились плясками и пѣніемъ» (ib. 151 и 152). «Съ братчинами имѣютъ больше сходства ссыпчины, юровый день, никольщина и холки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого-нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье.—Не одинъ мужскій, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночь. Во время ссыпчинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощаютъ другъ другу убытки, нанесенные имъ въ продолженіи лѣтнихъ работъ, какъ то: потравы хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п.— Молодки, дѣвушки и парни пускаются въ присядку и поютъ пѣсни» (ib. стр. 152). «Пирующіе, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пированья, ссыпщины или братчины, иногда бываютъ причиною ссоръ и новыхъ попоекъ на мировую. — Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы.— Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревнѣ есть церковь во имя Св. Николы, и послѣ службы пируютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя Св. Николая, тамъ отпѣваютъ молебень въ обыкновенной при-

ходской заступнику николаю, и потомъ предаются общему радостному разгулу». (ib. стр. 153 и 154).

Не въ одни церковные праздники бываютъ такіе пиры и братчины; простонародные праздники — остатки языческихъ торжествъ — точно такъ же сопровождаются пирами и складчинами. «На святкахъ бываютъ вечеринки безденежныя и со взносомъ денегъ. На первыя зовутъ хозяева. Вечеринка со взносомъ денегъ составляется молодыми людьми изъ одной какой либо деревни. Выбравъ по общему согласію горницу, просятъ у хозяина позволенія сдѣлать въ его домѣ вечеринку и потомъ отправляются въ сосѣднія деревни съ вѣдомомъ, что вь такомъ-то домѣ будетъ вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, съѣзжается на зовъ, пируетъ до разсвѣта; при концѣ вечеринки музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующухъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкѣ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходятъ ряженые на сцену» и т. д. (Ч. VII, стр. 185 и 186). На этихъ вечеринкахъ бываетъ женитьба бахоря. Онъ и его жена обыкновенно выбираются изъ пожилыхъ, «представляютъ изъ себя родителей всей играющей молодежи» и послѣ женитьбы «пляшутъ... на долгій ленъ» (стр. 187 и 188). Послѣ запашки бываютъ такіе же пиры и братчины.

«Въ деревнѣ варятъ тогда брагу и пиво, и по окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При засѣваніи яроваго хлѣба, женщины готовятъ яичницу и пирушку; по обычаю онѣ пируютъ сами. Въ праздничный день сходятся поселяне въ церковь отслушать благодарственную молебень; другіе приносятъ въ церковь, на освященіе, часть баранины или что-нибудь изъ птицъ, особенно чернаго пѣтуха и хлѣбы. Послѣ молебна берутъ съ собою мясное, оставивъ хлѣбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общій пиръ священника, своихъ родственниковъ и всѣхъ своихъ сосѣдей, чтобы отпраздновать опашку или запашку» (Ч. V. стр. 34 и 35).

Такія же празднованія и пиры бываютъ послѣ засѣва (ibidem) и жатвы (ib. стр. 109). Что всѣ эти праздники остатки

языческихъ празднествъ — не только само по себѣ очевидно, но доказывается положительными историческими свидѣтельствами о языческомъ торжествѣ въ честь Пергрубія въ Пруссіи, Самогитіи, Литвѣ, Бѣлоруссіи и Лифляндіи (ib. стр. 170 и 108).

Эти обычаи восходятъ къ глубокой древности. Они показываютъ, что въ незапямятныя времена религіозныя празднества соединяли людей, примиряли ихъ. Пиры — остатки жертвоприношеній. Складчины и ссыпчины напоминаютъ раздѣльность родовъ, отсутствіе гостепріимства, которое такъ ошибочно и въ такомъ несвойственномъ нашей старинѣ смыслѣ приписывали древнѣйшимъ Славянамъ. Не имѣя другихъ формъ для общественныхъ отношеній кромѣ семейныхъ, патріархальныхъ, наши предки перенесли эти семейныя формы на общественный бытъ. Люди чуждые между собою братались, становились близкими какъ братья. Отсюда братчины. Такъ общественность возникла у насъ подъ покровомъ языческихъ вѣрованій и поддерживалась ими. Страхъ, трепетъ, благоговѣніе передъ божествомъ мѣшали нарушить миръ и тишину на общихъ празднованіяхъ въ честь боговъ. Какой видъ общественныхъ простонародныхъ собраній ни взять, — будутъ ли они административныя, или праздничныя, для веселья,—всѣ безъ исключенія, женскія, и мужскія, дѣвичьи и обоего пола, непремѣнно восходятъ по своему началу къ какому-нибудь языческому празднеству и имѣли, сперва, религіозный характеръ; таковы хороводы и посидѣлки, таковы дѣвичники, вечеринки, субботки и бесѣды. Эти, сначала общественныя и богослужебныя собранія, послужили первообразомъ для частныхъ; по ихъ образцу устроилось частное гостепріимство. Но чтобъ правильно уразумѣть особенности того и другого, не надобно терять изъ виду того, что̀ исторически имъ предшествовало и ихъ вызвало.

Г. Терещенко совершенно неправильно смотритъ на братчины и объясняетъ ихъ какъ-то очень странно.

«Мірскія сходки — говоритъ онъ — въ древнее время, были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла и весьма часто однимъ сходомъ, по братски. Послѣ примиреній предлагались взаимныя угощенія, обратившіяся въ послѣдствіи какъ бы въ особое празднество; извѣстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, миролюбіе и побратство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, переобразовавъ его въ народное празднество, и эта перемѣна произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскіе старшины, головы и старосты, созывали свой міръ изъ одной обязанности, но по окончаніи дѣлъ старые люди не покидали стариннаго обычая гостепріимства: приглашали другъ друга на хлѣбъ-соль и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себѣ малу по малу измѣнялись, и народъ сталъ сходиться только въ извѣстные праздники, для однѣхъ пирушекъ, *кои составлялись изъ дружелюбной складчины*». Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собранныя деньги, и готовили кушанье» (Ч. V. стр. 149).

Эти слова ясно показываютъ, что, несмотря на огромный запасъ фактическихъ знаній нашей старины, авторъ все-таки ее недостаточно понимаетъ. Все, что онъ тутъ ни говоритъ, во первыхъ — его догадки; ибо нѣтъ доказательствъ, что сходки сопровождались пирами, что братчины стали празднествами, когда ввелись суды и сельскія расправы; во вторыхъ, въ словахъ и положеніяхъ автора — страшная безсвязица, непостижимое противорѣчіе съ тѣмъ, что онъ самъ же разсказываетъ въ своей книгѣ.

Во вторыхъ, съ языческими пирами и богослуженіемъ, отъ которыхъ удержались братчины, складчины и т. д., совпадали всѣ общественныя дѣла и гражданскіе обороты. «Самые дни повсемѣстнаго празднества, говоритъ г. Терещенко, принаровлены къ мѣстности и времени, и въ глубокой древности совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдѣлками» (ч. VI, стр. 6 и 7). Такими

днями были: Юрьевъ день, празднуемый дважды въ году: весною 23 апрѣля и осенью 26 ноября (ib. стр. 26). У насъ онъ былъ срочнымъ днемъ для перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому (ib. стр. 34). (Когда Борисъ Годуновъ сдѣлалъ крестьянъ крѣпостными (ibidem), какимъ указомъ опредѣлилъ онъ ихъ послѣдній переходъ къ 1-му сентября, послѣ чего они были записаны за владѣльцами, на землѣ которыхъ жили (ч. VII, стр. 95) — про то, знаетъ, кажется, одинъ г. Терещенко. Источники повѣствуютъ объ этомъ иначе). Въ Малороссіи и у южныхъ Славянъ тоже существовали юрьевы сроки для торговъ и разныхъ сдѣлокъ (ч. VI, стр. 35). День Семена лѣтопроводца (1-го сентября), съ котораго начинался новый годъ, «былъ у насъ торжественнымъ днемъ празднованія и... разборомъ срочныхъ условій, собираній оброковъ, податей и личныхъ судовъ» (ч. VII, стр. 94. Ч. V, стр. 143). И Никольщина была тоже въ прежніе годы срочнымъ днемъ для сдѣлокъ, платежей и повинностей (ч. V, стр. 154). Въ заключеніе нельзя не упомянуть о пятницѣ — днѣ, посвященномъ чтить память этой святой одинъ разъ въ году, именно 28 октября, но народъ празднуетъ нѣсколько пятницъ (девять и десять). Извѣстно, что пятница имѣетъ у насъ религіозное значеніе; въ тоже время мы знаемъ, что она была сборнымъ днемъ для торговъ. «По городамъ и деревнямъ съѣзжались землевладѣльцы и купцы для сбыта произведеній и совершенія торговыхъ сдѣлокъ». Въ пятницы происходили такъ же судъ, расправа и казни (ч. V, стр. 55, 61). Послѣднія, совпадая съ торговыми днями, были даже названы торговыми; а связь торговли и гражданскихъ сдѣлокъ съ празднованіями сохранилась въ происхожденіи словъ торгъ и торжество отъ одного корня.

Смыслъ всѣхъ этихъ данныхъ очень ясенъ. Сходбища для богослуженія были, во времена язычества, единственными

случаями столкновенія между отдѣльными родами, и потому на нихъ производились общественныя дѣла, суды, происходила мѣна произведеній, заключались условія и сдѣлки, — словомъ, здѣсь сосредоточивалось все то, чтò съ постепеннымъ уничтоженіемъ обособленности людей, съ расширеніемъ потребностей, усиленіемъ оборотовъ, появленіемъ частыхъ сношеній между членами одного и того же гражданскаго союза, вообще съ возрастаніемъ гражданственности, вошло въ составъ ежедневной, будничной жизни, и потому не имѣло болѣе нужды происходить въ извѣстные дни и на извѣстномъ пространствѣ. Одна бѣдность гражданскихъ оборотовъ и потребностей, возможность каждаго самому, безъ помощи другихъ, удовлетворять своимъ нуждамъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ощущаемая необходимость въ сношеніяхъ съ другими были причиной, что торгъ, сдѣлки, условія, суды, составляли исключеніе изъ обыкновеннаго порядка жизни, имѣли опредѣленные дни и соединялись съ религіозными торжествами.

Но когда первобытная чуждость людей, отдѣльность родовыхъ союзовъ мало по малу сгладились, и, подъ вліяніемъ религіи, уступили мѣсто связи, частымъ сношеніямъ и сдѣлкамъ, первоначальный бытъ долженъ былъ существенно измѣниться. Между семьями установились мало по малу такія же отношенія, какія сперва существовали внутри семей и родовъ, между ихъ членами. Цѣлое общество приняло видъ большой семьи, въ которой всѣ относились между собой какъ будто были связаны родствомъ. Это распространеніе семейныхъ отношеній на весь бытъ было великимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ въ нашемъ древнѣйшемъ внутреннемъ быту. Оно собственно создало и упрочило общественность: отсюда, по всей справедливости, должна начинаться ея исторія. Все, чтò предшествовало, было только пріуготовленіемъ, какъ бы предисловіемъ къ ней. Древняя русская исторія упрочила, развила,

утвердила эту семейно-патріархальную общественность—исторически первую ступень и необходимое основаніе всякаго гражданскаго союза. Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя сѣмяна иного быта...

Вотъ содержаніе книги г. Терещенки. Если обозрѣніемъ ея мы успѣли возбудить въ большинствѣ читающей публики хотя нѣкоторый интересъ къ предмету, мало извѣстному и почти не обработанному, мы достигли своей цѣли; ибо намъ прежде всего хотѣлось указать на историческую важность нашихъ повѣрій, обрядовъ и примѣтъ, на которыя обыкновенно не обращаютъ вниманія или смотрятъ съ насмѣшкой. Потомъ надо было уяснить точку зрѣнія на эти памятники старины, опредѣлить, что̀ можно и чего нельзя въ нихъ искать. Бо́льшаго мы не имѣли въ виду. При младенческомъ состояніи русской археологіи, странно было бы мечтать о полнотѣ и ученомъ достоинствѣ работы, основанной на тѣхъ только фактахъ, которые собраны въ разбираемой книгѣ. Оттого мы не входили въ критическій разборъ самыхъ данныхъ, не пользовались другими источниками: не оцѣнка сочиненія, а оцѣнка предмета казалась намъ особенно важной.

Въ заключеніе скажемъ, что по отзывамъ знатоковъ книга г. Терещенки въ самомъ изложеніи обычаевъ и обрядовъ исполнена ошибокъ и неточностей. Изчислять ихъ и исправлять мы не только не хотѣли, но сознаемся — и не могли: такая задача превышаетъ и наши силы, и наши знанія. Что̀ мы замѣтили, то было указано въ своемъ мѣстѣ. Прибавимъ къ этому еще нѣсколько примѣровъ.

Описывая разныя травы, имѣющія чудесную силу и собираемыя обыкновенно наканунѣ Иванова дня, авторъ такъ говоритъ о мѣдяницѣ или курячьей (?) слѣпотѣ.

«По мнѣнію народа она срывается невидимой рукою и знахарями: наводитъ мертвый сонъ на того, кто держитъ ее при себѣ, потому мстительные суе-

вѣры даютъ пить съ *него* (т. е. нея) отваръ. Думаютъ еще, что она лишаетъ зрѣнія, кто ее положитъ себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что медяница вырастаетъ изъ гніенія зловредныхъ гадовъ; что она растетъ слѣпою, получаетъ зрѣніе только въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное, тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ его на сквозь» (Ч. V, стр. 94).

Трава, ростущая слѣпою, прозрѣвающая и кидающаяся съ быстротой стрѣлы—явно безсмыслица. Авторъ смѣшалъ траву медуницу съ змѣей медяницей. Странная ошибка, особенно въ книгѣ, гдѣ излагаются повѣрья и примѣты.

Въ первой части, стр. 114, г. Терещенко оплакиваетъ смерть П. В. Кирѣевскаго, извѣстнаго знатока русскихъ древностей, составившаго драгоцѣнное и полнѣйшее собраніе нашихъ пѣсень. Мы не вѣрили своимъ глазамъ; ибо, къ счастію науки и друзей г. П. Кирѣевскаго, онъ не только, слава Богу, живъ и здоровъ, но, какъ мы достовѣрно знаемъ, дѣятельно приготовляетъ свое собраніе къ печати. Подобныя извѣстія, особенно о такихъ лицахъ, какъ г. П. Кирѣевскій, можно бы печатать нѣсколько осмотрительнѣе.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки совершенно переиначены г. Терещенкой; напримѣръ, извѣстная пословица: по платью (или по одеждѣ) встрѣчаютъ, по уму провожаютъ, у него передана на выворотъ: «встрѣчаютъ по головѣ, провожаютъ по одеждѣ» (ч. I, стр. 321). Въ этой версіи она намъ совершенно неизвѣстна; мы думаемъ, что въ народѣ и нѣтъ такой версіи. Другой примѣръ: пословица говоритъ: началъ за здравье, кончилъ за упокой; у автора: «начинаютъ за упокой, кончаютъ за радость» (ч. III, стр. 130).—Мы замѣтили еще слѣдующіе промахи: авторъ называетъ нелѣпостью извѣстіе, что умершимъ вкладывались у насъ листы въ руки (ч. III, стр. 94), а этотъ обычай и до сихъ поръ соблюдается; кубарь и волчекъ, по его словамъ, одно и тоже (ч. IV, стр. 27); это неправда; и т. д.

Книга написана языкомъ, испещреннымъ безчисленными граматическими ошибками, въ родѣ: расче*ши*вали, бл*юдовъ*, ружь*евъ*, схва*чи*вали, дочер*ъ*, церкв*ъ*, старос*товъ*, бря*сча*тъ, переше*пчи*ваются, гряд*ей*, тата*ровъ*, при*веве*, (вмѣсто приведя), и т. д. На каждомъ шагу встрѣчаемъ удивительныя фразы: «идетъ къ зятнему отцу (ч. II, стр. 536); чугунъ, стоящій въ печи съ водою (ч. VII, стр. 165); умываются водою изъ подблюдныхъ пѣсней (ib. стр. 234); еслибъ я была колиброй (какъ мило въ устахъ дѣвушки!) (ч. IV, стр. 112); драконъ есть таинственное значеніе (ч. VI, стр. 26); боль въ ревматизмѣ (ib. стр. 69); бабскими трудами» (ч. V, стр. 144) и мн. др. Изданіе самое неисправное: опечаткамъ нѣтъ конца; ихъ тысячи въ каждой части. — Общихъ разсужденій въ послѣднихъ шести частяхъ, какъ мы уже замѣтили, меньше, чѣмъ въ первой; но они есть; нѣкоторыя изъ нихъ курьёзны. Вотъ на выдержку:

«Въ честь новаго года столько написано привѣтственныхъ стиховъ и сочиненій, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, какими только говорилъ смертный и говоритъ нынѣ, что нѣтъ возможности исчислить ихъ. А сколько еще писать будутъ! Но сколько ни писали, всегда имѣли въ виду подарочекъ: посему новый годъ справедливо назвать можно подарочнымъ. Если бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сдѣлано подарковъ въ новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, то вѣрно бы онъ сказалъ: считайте сами, если хотите сойдти съ ума. Нынѣ каждый новый годъ заваленъ грудами визитныхъ карточекъ, коими поздравляя, желаютъ каждому счастія, почестей и богатства. Мы желаемъ, чтобы каждый встрѣчалъ новый годъ съ золотыми подарками, возвышался въ почестяхъ и наслаждался земнымъ счастіемъ; мы желаемъ этого всѣмъ, какъ желаютъ въ поздравительныхъ стихахъ; но болѣе всего желаемъ, и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ намъ русскимъ покровителей наукъ, если не каждый новый годъ, то покрайней мѣрѣ чрезъ каждое столѣтіе» (Ч. VII, стр 125 и 126).

Какое остроуміе!

«Послѣдніе два дня на сырной недѣлѣ (субботу и воскресенье), одни изъ приличія, другіе по набожности, посвящаютъ на испрашиваніе другъ у друга прощенія. Встрѣтясь, даже на улицѣ, они цѣлуются, говоря: «прости меня,

въ чемъ я тебя обидѣлъ, умышленно и неумышленно, дѣломъ или словомъ».— Богъ тебя проститъ и Божія Матерь,—отвѣчаетъ ему другой, — и въ знакъ примиренія цѣлуются.— *Люди высшаго сословія не стыдятся ѣздить тогда къ своимъ врагамъ и мирятся съ ними.* Иностранецъ Альбертъ Кампензе, описывая Религію Русскихъ въ началѣ XVI вѣка, замѣчаетъ, что *они гораздо лучше* слѣдуютъ ученію Евангелія, нежели Католики. *Эта похвальная черта не истребилась понынѣ у насъ*» (Ч. VII, стр. 315).

Кто же послѣ этихъ словъ усомнится, что г. Терещенко между людьми высшаго сословія какъ у себя дома? Но онъ имѣетъ передъ ними страшное преимущество: между тѣмъ какъ они вполнѣ отдаются своему обычному образу жизни, г. Терещенко разсуждаетъ. Зная хорошо пружины свѣтскихъ отношеній, онъ видитъ всю ихъ ничтожность. Только изъ-подъ его велико-свѣтскаго пера могло вылиться слѣдующее, тонкое описаніе петербургскихъ пикниковъ, проникнутое изящной, но ужь черезчуръ злой ироніей.

«И нынѣ въ Петербургѣ знатныя дамы катаются съ ледяныхъ горъ, нарочно для нихъ состроенныхъ, какъ во время масляницы, такъ и въ нѣкоторые дни поста. Это на *модномъ языкѣ* называется *journée* folle или de jeuner dansant, а *на обыкновенномъ* – пикникъ. Сюда съѣзжаются, чтобы *порѣзвиться на свободѣ;* тамъ танцуютъ и катаются съ горъ на самолетныхъ саночкахъ: въ то время избранная дама сидитъ на колѣняхъ своего кавалера.— *Цвѣтъ высшаго круга*, утомленный скучными концертами великаго поста, безконечными представленіями живыхъ картинъ и фантастическихъ тѣней, задумываетъ разсѣять себя: онъ назначаетъ пикникъ. И едва эта мысль вырвалась изъ *l'èlit (?!) du beau monde,* какъ она облетаетъ мигомъ дамскіе туалеты и петербургскіе салоны. — Всѣ собираются дружно въ условленный часъ, и всѣ, *не на шутку,* съѣзжаются въ указанный домъ. *Говорливая молодежъ и молчаливый дипломатъ, и важный мужъ* летятъ въ пошевняхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ саночкахъ *и на иноходцѣ:* все торопится, все спѣшитъ, боясь опоздать или не заставить ждать себя.—Когда всѣ соберутся, тогда каждая дама сопровождается избраннымъ своимъ кавалеромъ. Длинный рядъ *баловней роскоши* несется пестрой вереницею по дорогѣ. Разноцвѣтныя попоны удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкою, малиновыя и голубыя шапки на бекрень, выдвигаются на первомъ мѣстѣ картины; богатыя съ развѣвающимися перьями шляпки и полувоздушныя вуали, вьющіяся бѣлымъ пухомъ,

обхватываютъ *очаровательныя головки красавицъ;* сребристые бобры и черный лисій мѣхъ, окутываютъ *нѣжный станъ счастливыхъ сибаритокъ; сверкающіе безпечной радостью глаза, шутки и остроты красавицъ,—занимаютъ средину прекрасной картины.* Избранные кавалеры, стоящіе на запяткахъ, *дорисовываютъ картину неумолкаемой болтовнею,*—все мчится съ *восторженной веселостью.* Ухабы, мятель, даже грязь и лужи ни почемъ... Поѣздъ вдругъ останавливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва вошли въ пышно убранныя комнаты, немедленно садятся за туалетъ: иныя вновь наряжаются, а другія поправляютъ свои уборы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, всѣ сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ, шумъ и хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ, и каждый кавалеръ старается угостить свою даму; потомъ раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихрѣ вальса забываютъ и время страстныхъ дней: все кружится до упаду Безпрерывные танцы, смѣняемые утонченной изобрѣтательностію, никому не даютъ покоя. *Отчаянное веселье* въ полномъ разгарѣ, и только пріостанавливается въ то время, когда позовутъ къ обѣду, который не ранѣе начинается шести часовъ вечера. За обѣдомъ тотъ же кавалеръ угощаетъ свою даму, и тотъ же кавалеръ послѣ обѣда, танцуетъ первый танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи, потомъ *всѣ разстаются, какъ сошлись, безъ сожалѣнія, и весьма равнодушно приглашаютъ:* одни—«завтра ко мнѣ на вечеръ!» другіе—«ко мнѣ послѣ завтра на балъ!» Пикникъ, полный странностей и противуположностей, выходитъ изъ круга обыкновеннаго веселія. Оттого-то онъ и нравится: *и что же онъ? Балъ не балъ, а вѣрное изображеніе пресыщенныхъ пирами и роскошью»* (Ч. VII, стр. 324 и 326).

Какъ хорошо извѣстны автору обычаи высшаго круга, видно и изъ слѣдующей замѣтки о петербургскихъ нравахъ:

«Празднованіе имянинъ такъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, что даже не только между купеческимъ сословіемъ; но и между *нижними чинами* (?) оно совершается съ особой роскошью. Для этого дня никакихъ не жалѣютъ издержекъ, и чѣмъ болѣе гостей, *даже незваныхъ* (?), тѣмъ болѣе *чести* имянинику. *Кто живалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что порядочный сколько-нибудь человѣкъ, угощаетъ кулебякою и обѣдомъ, виноградными винами и шампанскимъ. Для него было бы обидно, еслибы гости разошлись не веселыми,* надобно чтобы всѣ помнили его праздникъ, *и потому рѣдкіе возвращаются домой пѣшкомъ»* (Ч. III, стр. 61).

Не менѣе глубоко проникнулъ г. Терещенко въ тайны женскаго сердца. Вотъ въ доказательство нѣсколько выписокъ:

По поводу игры **горѣлка**:

«Любовь давно тревожитъ сердце дѣвушки, а дѣвушка давно ищетъ мысленно имъ любимаго, и горитъ къ нему. Для дѣвушки не существуетъ *нѣтъ*. Въ ея воображеніи созпдается заранѣе предметъ. Дѣвица въ шестнадцать лѣтъ,—не тронь меня: она тогда еще не рѣшительная, боязливая, а въ восемьнадцать лѣтъ: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ порохъ» (Ч. IV, стр. 29).

Игра **драгунъ** подаетъ поводъ къ слѣдующему замѣчанію:

«Эта игра *обнаруживаетъ сладкіе поцѣлуи любовниковъ* (?). Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ: а дѣвушка нарочно упряме(и)тся сказать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. *Дѣвушки страстно любятъ поцѣлуи, думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество, въ тѣсной дружбѣ*» (ib. стр. 88).

Вотъ еще остроумная замѣтка объ игрѣ: **выборъ невѣстъ**.

«Указавъ на невѣстъ, т. е. на всѣхъ дѣвушекъ, предоставляется парнямъ выборъ любой, и не рѣдко отъ шутокъ доходитъ до дѣла. — Кому изъ дѣвушекъ пепріятно скорѣе за мужъ?—Но то бѣда, что женихи разборчивы. — Не смотря на странную привычку жениховъ, а всего болѣе на ихъ вкусъ причудливый: кому нравится чернобровая, а кому голубоокая, кому тонкая, а кому толстенькая, дородная, румянная, пылкая, *кипящая вулканомъ страстей*, а кому чтобы и *нѣжная и мягкая*,—причудливый вкусъ мущинъ!—а какой вкусъ дѣвушекъ? — мы не знаемъ, только знаемъ одно, что онѣ черезчуръ взыскательныя, разборчивыя и часто рады, когда отыщутъ имъ жениха: хоть *кулыкъ* (?), да лишь бы не просидѣть въ дѣвушкахъ. Случается на грѣхъ, что жениху нерѣдко понравится сатана, лучше яснаго сокола.—Кто жъ послѣ этого не разборчивъ?—Дѣвушки?—нѣтъ! — Мущины? — нѣтъ! Неразборчивъ тотъ, кто перезрѣлъ, и въ доказательство этого сами дѣвушки говорятъ: вотъ вамъ невѣсты, выбирайте, кто вамъ понравится—это значитъ, что онѣ давно были узаконенныя невѣсты, а теперь перезрѣлыя, потому выбирайте: вотъ вамъ невѣсты!» (Ч. IV, стр. 148 и 149).

Всѣ эти выходки удивительно какъ кстати и у мѣста въ археологическихъ изслѣдованіяхъ! Онѣ и смѣшны и досадны. Иному онѣ послужатъ развлеченіемъ при чтеніи такой сухой книги, какова «Бытъ русскаго народа». Другому прискорбно станетъ, при мысли, что за такой важный и любопытный пред-

метъ принимаются у насъ недостойнымъ образомъ. Это впечатлѣніе произвела на насъ книга г. Терещенки. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе труды по этой части будутъ серьёзнѣе, дѣльнѣе и тщательнѣе.

НѢКОТОРЫЯ ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ СОБИРАЕМЫХЪ ВЪ И. Р. Г. ОБЩЕСТВѢ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ МАТЕРІЯЛОВЪ О РОССІИ, СЪ ЗАМѢТКАМИ О ИХЪ МНОГОСТОРОННЕЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЬЗѢ ДЛЯ НАУКИ.

Извѣстно, что вскорѣ послѣ основанія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества къ нему начали поступать этнографическія описанія различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Это подало мысль воспользоваться рвеніемъ частныхъ лицъ въ бóльшемъ объемѣ. Составлены были подробныя этнографическія и статистическія программы, по которымъ должны были доставляться описанія, и вскорѣ усердіе добровольныхъ дѣлателей въ пользу науки превзошло ожиданія. Такъ покрайней мѣрѣ было по Этнографическому Отдѣленію. Въ теченіе трехъ лѣтъ поступило сюда около четырехсотъ нумеровъ описаній изъ всѣхъ краевъ имперіи. Нѣтъ ни одной губерніи, изъ которой не была бы принесена лепта на пользу науки.

Множество накопившихся матеріяловъ побудили Этнографическое Отдѣленіе приступить къ ихъ разработкѣ. Опредѣлено было ходатайствовать о напечатаніи нѣкоторыхъ, несо-

мнѣнно лучшихъ описаній мѣстностей—вполнѣ, изъ другихъ же сдѣлать сводъ. Эти работы возложены на г. Предсѣдательствующаго въ Этнографическомъ Отдѣленіи, и вмѣстѣ съ гг. Дѣствительными Членами Общества, И. И. Срезневскимъ, И. П. Сахаровымъ и П. С. Савельевымъ, я былъ удостоенъ чести принять участіе въ приготовленіи къ печати этого обширнаго и важнаго собранія матеріяловъ, именно того отдѣла ихъ, который касается собственно славянскаго населенія имперіи.

Богатство и разнообразіе доставленныхъ матеріяловъ поразительно. Обнимая всѣ стороны народнаго быта въ малѣйшихъ подробностяхъ, они представляютъ полную картину современнаго русскаго простолюдина, начиная съ его наружнаго вида, одежды, пищи, жилья, до тончайшихъ оттѣнковъ его рѣчи, понятій, печалей и радостей въ домашней и общественной жизни. Конечно, не всѣ доставленныя описанія, отдѣльно взятыя, въ равной степени важны. Но, въ замѣнъ, нѣтъ ни одного, которое не заключало бы какого-нибудь любопытнаго факта. Дополняя и поясняя другъ друга, они, въ совокупности, представляютъ картину быта если не совершенно полную, то покрайней мѣрѣ довольно подробную для того, чтобъ видѣть, чего именно въ нихъ недостаетъ. Такимъ образомъ, они даютъ возможность прослѣдить историческую нить и послѣдовательность въ развитіи языка, понятій, обычаевъ и вѣрованій въ трехъ вѣтвяхъ русскаго племени: Велико-русской, Малороссійской и Бѣлорусской.

Всѣ доставленные въ общество матеріялы (теперь составляющіе уже болѣе пятисотъ нумеровъ) могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы. Первая представляетъ полное описаніе извѣстныхъ мѣстностей, болѣе или менѣе обширныхъ, даже цѣлыхъ племенъ, напримѣръ: Малороссіянъ, Бѣлоруссовъ; или же губерній, уѣздовъ, приходовъ, волостей, городовъ и

селъ. Вторая группа составляется изъ матеріяловъ, которые относятся къ какому-нибудь отдѣлу этнографическихъ описаній, или къ нѣсколькимъ отдѣламъ вмѣстѣ. Эти описанія могутъ быть названы монографическими. Такъ, нѣкоторыя содержатъ мѣстные словари; другія—сказки и пѣсни; третьи—пословицы; четвертыя—примѣты, поговорки, народные праздники, и т. д. Этотъ отдѣлъ описаній не бѣднѣе перваго. Особенно богатъ онъ матеріялами о свадьбахъ, примѣтахъ и для мѣстныхъ словарей. Конечно, достоинство ихъ неодинаково, но многія составлены весьма подробно и, какъ видно, съ большимъ умѣньемъ прислушиваться къ народной рѣчи и приглядываться къ быту простолюдина.

Нельзя безъ особеннаго участія и уваженія смотрѣть на эту громаду частныхъ трудовъ, предпринятыхъ безкорыстно, изъ одного усердія, и составляющихъ богатѣйшее собраніе этнографическихъ матеріяловъ едва ли не въ цѣлой имперіи. По нѣкоторымъ отдѣламъ, напримѣръ пословицъ, пѣсень, есть конечно у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ собранія еще драгоцѣннѣйшія; но они обнимаютъ одну какую-нибудь часть, тогда какъ здѣсь описанъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это собраніе должно служить сокровищницею, основаніемъ для знакомства съ нашимъ бытомъ. Безъ этого знакомства намъ и неловко, да и нельзя обойдтись: иначе мы будемъ впадать въ безпрестанныя ошибки. Такъ, напримѣръ, въ одной современной повѣсти, написанной съ большимъ талантомъ, авторъ заставляетъ новобрачнаго крестьянина выдти изъ-за свадебнаго «княжаго» стола и горевать о томъ, что ему не дали каши, тогда какъ новобрачный, по вѣковѣчному церемоніялу, не можетъ оставить княжаго пира и не долженъ ѣсть ничего до вечера. Странно встрѣчать ошибки, когда рѣчь идетъ о народѣ, среди котораго мы родились, выросли и къ которому имѣемъ честь принадлежать.

Но кромѣ непосредственнаго знакомства съ настоящимъ бытомъ, эти матеріялы имѣютъ особенную важность въ историческомъ отношеніи. Въ бо́льшей части записаны повѣрья и преданія мѣстныя, сказанія о церквахъ, деревняхъ и жильяхъ, теперь изчезнувшихъ, объ историческихъ лицахъ, которыя жили въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Въ этихъ историческихъ данныхъ, равно какъ и въ разныхъ подробностяхъ быта, слышится нерѣдко голосъ отдаленной старины, и живыми наглядными примѣрами поясняются намеки и мимоходныя указанія письменныхъ памятниковъ, безъ этого совершенно непонятныя. О внутреннемъ бытѣ древней Руси наши памятники, какъ извѣстно, весьма молчаливы. Этнографическія описанія показываютъ, что этотъ весьма ощутительный пробѣлъ можетъ, до нѣкоторой степени, быть пополненъ изъ теперешняго быта, даже несмотря на необработанность этнографическихъ матеріяловъ. Представимъ два примѣра.

Изъ письменныхъ памятниковъ мы знаемъ, что суды Божіи, ордаліи или судебныя испытанія, были въ Россіи: послѣдніе остатки судебныхъ поединковъ изчезли не ранѣе второй половины XVI вѣка. Но въ чемъ именно они состояли, и какъ происходили — объ этомъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Въ числѣ доставленныхъ матеріяловъ замѣтили мы преданіе объ одномъ ихъ видѣ. Г. Сырохновъ, учитель Вербиловскаго села (Себежскаго уѣзда) говоритъ, что въ Порховскомъ уѣздѣ (Псковской губерніи) есть гора *Судома̀*, о которой сохранилось слѣдующее повѣрье. Надъ этой горой висѣла съ неба цѣпь. Въ случаѣ споровъ, или бездоказательныхъ обвиненій, соперники приходили на Судому̀ и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; а цѣпь позволяла себя взять только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и засыпалъ ихъ въ толстую палку, выдолбленную въ серединѣ. Обокраденный какъ разъ попалъ

подозрѣніемъ на виновнаго. Оба пошли на Судому, причемъ воръ, вмѣсто путевой дубинки, взялъ свою палку съ деньгами. Сперва цѣпь досталъ хозяинъ, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потомъ воръ отдалъ хозяину подержать свою палку и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у тебя». Цѣпь и ему далась, но съ тѣхъ поръ неизвѣстно какъ и куда изчезла.

Этотъ разсказъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ Псковскій, чѣмъ можетъ быть и объясняется, почему это мѣстное преданіе о судѣ Божіемъ сохранилось и до нашего времени; потомъ, онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ производились ордаліи; наконецъ, самое, можетъ-быть, любопытное въ этомъ преданіи — то, что оно показываетъ, какъ изчезало довѣріе къ ордаліямъ, и какъ напослѣдокъ онѣ пали въ народномъ сознаніи.

Другой примѣръ: Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ очень часто встрѣчаются извѣстія о пирахъ и братчинахъ. Во всѣхъ почти жалованныхъ грамотахъ монастырямъ и сельскимъ обществамъ находимъ запрещеніе ѣздить на пиры и братчины безъ зова, подъ страхомъ, что оскорбленія, нанесенныя незванымъ, останутся безъ наказанія. Мы знаемъ также, что на пирахъ бывали пивные старосты; наконецъ, нѣсколько словъ Псковской Судной Грамоты даютъ поводъ думать, что братчины имѣли какое-то судебное значеніе и могли постановлять судебные приговоры: этимъ почти и ограничивается все, что мы знаемъ о братчинахъ и пирахъ въ древней Россіи. Они такъ далеки отъ современныхъ намъ понятій, что по этимъ скуднымъ даннымъ трудно заключить, что они такое были. Но описанія простонароднаго быта дополняютъ свѣдѣнія о пирахъ и братчинахъ какъ нельзя лучше. Изъ нихъ мы узнаемъ, что братчины и пиры производятся складчиною въ храмовые праздники, что они бываютъ не

только между крестьянами, но и между крестьянскими дѣвушками. Наконецъ, нѣкоторыя описанія объясняютъ намъ внутренній распорядокъ этихъ праздниковъ и проливаютъ свѣтъ на загадочный смыслъ письменныхъ памятниковъ. Напримѣръ, неизвѣстный авторъ описанія села Соколовки, Черниговской губерніи Мглинскаго уѣзда, такъ пишетъ объ этихъ братчинахъ. «Въ день какого-либо святаго, особенно чтимаго сельскимъ обществомъ, варятъ медъ и продаютъ его. Отъ продажи меду собираются общественныя деньги; деньги же на покупку меду собираются женщинами изъ міра. За недѣлю или менѣе передъ днемъ святаго онѣ ходятъ по своему и сосѣднимъ селамъ и просятъ на свѣчу святому. Кто даетъ деньги, кто что-либо другое. Собранныя такимъ образомъ вещи — ленъ, посконь, холстъ — продаются, а вырученныя за нихъ деньги, такъ же какъ и собранныя отъ подаянія, отдаются обществу. Общество передъ тѣмъ избираетъ изъ своей среды одного старосту, который покупаетъ медъ и варитъ его. Сваривъ медъ, староста собираетъ общество, мѣряютъ вмѣстѣ медъ кружкою (мало что не въ кварту) и устанавливаютъ цѣну за кружку меду».

Итакъ, вотъ пировые старосты. Такъ какъ пиры обнимали цѣлое селеніе, иногда цѣлую волость, то есть приходъ, то понятно, почему, на время пировъ, пировые старосты судили судъ, особенно когда въ этихъ празднествахъ, какъ видно изъ лѣтописей, принимали участіе всѣ жители, а не одни крестьяне, какъ теперь. Братчинами и складчинами они назывались потому, что составлялись обыкновенно (какъ и теперь) складчиной: каждый приносилъ свою часть на необходимыя издержки. Пировали же всѣ вмѣстѣ; братчиною назывался кубокъ, ходившій кругомъ, изъ рукъ въ руки.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ дальнѣйшія розысканія о первоначальномъ происхожденіи и древнѣйшемъ значеніи

этихъ братчинъ. Здѣсь достаточно было показать, какъ письменные источники пополняются и объясняются живыми преданіями и обычаями.

Чтобъ дать читателямъ, не имѣвшимъ случая видѣть доставленныя въ Общество этнографическія описанія въ подлинникѣ, хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какъ они составлены, мы представимъ краткій обзоръ ихъ содержанія.

Обыкновенно описанія начинаются подробнымъ очеркомъ мѣстности — географическимъ и статистическимъ. Первая затѣмъ статья этнографическаго содержанія заключаетъ въ себѣ, почти всегда, свѣдѣнія о наружности жителей. Эта статья особенно интересна въ описаніяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сидятъ на одномъ мѣстѣ, рядомъ, нѣсколько различныхъ племенъ, напримѣръ описаніе Слободскаго уѣзда (Вятской губерніи) священника Кибардина, въ которомъ, по наружному виду жителей, различается населеніе русское — пришлое, и туземное, отчасти обрусѣвшее — вотское.

Затѣмъ слѣдуетъ статья о языкѣ. Предоставляя другимъ оцѣнку сообщаемыхъ здѣсь матеріяловъ въ филологическомъ отношеніи, мы замѣтимъ, что мѣстные словари, которые обыкновенно здѣсь помѣщаются, во многихъ описаніяхъ сообщаютъ матеріялы для весьма любопытныхъ сближеній и выводовъ.

Представимъ два примѣра.

Въ числѣ разныхъ народныхъ праздниковъ, которыхъ значеніе неизвѣстно или потеряно, находимъ и праздникъ Костромы. Онъ отправляется лѣтомъ, а по свидѣтельству г. Терещенки, въ Хвалынскомъ и Петровскомъ уѣздахъ (Саратовской губерніи) и зимою, наканунѣ новаго-года. Лѣтомъ «кострому», то есть молодое деревцо или чучелу, бросаютъ въ воду; зимою женщины сносятъ кучу соломы, зажигаютъ ее посреди улицы, и этотъ омётъ называется «костромой» (т. VII,

стр. 116). Какая же этимологія этого слова? Чт̀о значитъ оно? Одинъ мѣстный словарь, доставленный изъ села Липицъ (Тульской губерніи) разрѣшаетъ вопросъ. Тамъ слово «кострома» значитъ прутъ, розга, и это значеніе, какъ видно, вполнѣ соотвѣтствуетъ молодому дереву, бросаемому въ воду, или кучѣ горящаго хворосту и соломы.

Другой примѣръ. Почти во всей Россіи поѣзжане на свадьбахъ повязываются черезъ плечо, или по шеѣ, полотенцами (ручниками), или красными кушаками. Чт̀о значитъ этотъ обычай? Надъ этимъ многіе думали, но не могли разрѣшить загадки. И здѣсь вопросъ рѣшаютъ мѣстные словари. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ, что свадебный дружко, обыкновенно избираемый въ деревняхъ изъ знахарей или колдуновъ, для охраненія свадебнаго поѣзда и молодыхъ отъ злыхъ людей разными таинственными обрядами, называется опаснымъ. Это слово, употребляемое теперь только въ переносномъ значеніи, очевидно одного корня съ польскимъ pas — поясъ. Такимъ образомъ пояса или повязки служили прежде на свадьбахъ однимъ изъ предохранительныхъ средствъ противъ чаръ и порчи.

Затѣмъ, во всѣхъ этнографическихъ очеркахъ мѣстностей, слѣдуетъ болѣе или менѣе подробное описаніе крестьянскаго жилья, любопытное въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замѣтныя различія у различныхъ вѣтвей русскаго народа, и слѣдовательно являются важною составною частью этнографіи; нерѣдко по измѣненіямъ въ устройствѣ и расположеніи избы въ одной и той же мѣстности, можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощію описаній современнаго быта въ состояніи

представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служатъ богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, отчасти сохранившихся до нашего времени въ видѣ обычаевъ и повѣрій. Всѣ сдѣланныя доселѣ розысканія болѣе и болѣе приводятъ къ мысли, что русская (въ особенности великорусская) миѳологія не успѣла развиться до идолослуженія, то есть до обожанія олицетворенныхъ во внѣшнемъ образѣ предметовъ поклоненія. Она представляетъ ту эпоху въ развитіи языческихъ вѣрованій, когда первоначальное, непосредственное поклоненіе различнымъ предметамъ и явленіямъ природы едва только начинаетъ переходить къ религіи болѣе отвлеченной, когда впервые человѣкъ открываетъ въ себѣ чаяніе невидимыхъ силъ, управляющихъ природою и его судьбой. Въ эту эпоху развитія — о которой не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ въ миѳологіи другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, и напротивъ дошли весьма ясныя воспоминанія въ миѳологіи Славянъ, въ особенности русскихъ — разные бытовые обряды, повѣрья, примѣты обнимаютъ собою весь кругъ вѣрованій и содержатъ зародышъ дальнѣйшаго развитія миѳологіи.

Отсюда понятно, какъ важна для этой, такъ сказать, бытовой религіи обстановка обрядовъ. У насъ множество такихъ обрядовъ и повѣрій тѣснымъ образомъ соединены съ жилищемъ и привязаны къ нему; оттого, безъ подробнаго знакомства съ послѣднимъ, невозможно узнать и первые. Для примѣра укажемъ на обычаи, соединенные съ вѣрованіями о домовыхъ, но въ особенности на обряды, сопровождающіе сватовство и свадебный пиръ. Здѣсь всѣ подробности имѣютъ ближайшее отношеніе къ жилищу и различнымъ его частямъ, и совершенно непонятны безъ подробнаго знанія ихъ назначенія въ крестьянскомъ быту.

За описаніями жилья слѣдуетъ описаніе одежды и пищи. Этнографическое значеніе одежды слишкомъ извѣстно и всѣми признано и потому не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Что касается до пищи и различныхъ ея видовъ, то, входя главнымъ образомъ въ составъ статистическаго изученія, она, въ тоже время, одною своею стороною служитъ весьма важнымъ матеріяломъ для миѳологическихъ и археологическихъ розысканій. Одно поверхностное знакомство съ народными праздниками и обрядами убѣждаетъ, что извѣстныя яства постоянно являются при извѣстныхъ торжествахъ, и когда-то составляли ихъ необходимую принадлежность: такъ курникъ (пирогъ съ курицею) и коровай непремѣнно являются на свадьбахъ; яица, окрашенныя въ желтую краску и яичница составляютъ необходимую принадлежность празднованія Троицына-дня и Семика, а свинина — Коледы. Очевидно эти яства были когда-то жертвоприношеніями, и потому ближайшее знакомство съ ними непремѣнно послужитъ къ раскрытію и объясненію значенія многихъ народныхъ праздниковъ, которыхъ смыслъ теперь потерянъ. Для доказательства укажемъ на остроумныя и любопытныя изслѣдованія г. Соловьева о Русалкахъ. Авторъ приходитъ къ важнымъ результатамъ относительно значенія Русалокъ въ нашей миѳологіи, между прочимъ на основаніи той роли, какую яйцо играетъ въ русальныхъ обрядахъ и преданіяхъ о русалкѣ. И въ этомъ отношеніи различныя мѣстныя названія народныхъ кушаній заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Въ нихъ часто скрывается смыслъ, который неожиданно освѣщаетъ новымъ свѣтомъ вѣрованія, теперь забытыя и потерянныя.

Затѣмъ слѣдуетъ, весьма интересный по своимъ подробностямъ и по тѣсному отношенію къ древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ, отдѣлъ обрядовъ и повѣрій, относящихся къ рожденіямъ, бракамъ, похоронамъ и поминовенію усопшихъ.

Свѣдѣнія о рожденіи и малолѣтствѣ дѣтей вообще довольно однообразны. Но между ними также попадаются весьма любопытныя и многозначительныя данныя для русской археологіи и миѳологіи. Приведемъ два, три примѣра.

Извѣстно повѣрье, довольно общее въ Россіи, что младенцу до году не должно стричь волосъ и ногтей. Откуда взялось оно? Доставленное неизвѣстно кѣмъ описаніе г. Щигръ (Курской губерніи) вполнѣ объясняетъ загадку. Тамъ черезъ годъ по рожденіи младенца надъ нимъ совершается обрядъ застриганія. Когда соберутся родные и близкіе знакомые, младенца сажаютъ на столъ на подушку, и по правую его сторону кладутъ на тарелкѣ ножницы; послѣ того крестные отецъ и мать выстригаютъ у него крестообразно волосы, а на тарелку кладутъ ему деньги, что̀ дѣлаютъ и остальные гости. Это извѣстіе, объясняя примѣту, общую въ Россіи, въ тоже время служитъ любопытнымъ поясненіемъ и дополненіемъ лѣтописныхъ извѣстій о «постригахъ», которыя совершались однако позднѣе и, кажется, съ прибавленіемъ другихъ обрядовъ.

Не менѣе любопытна одна примѣта о дѣтяхъ въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Здѣсь, чтобъ дѣти не умирали и росли, ставятъ кресты на распутьяхъ и намащиваютъ мосты на ручьяхъ. Это повѣрье, какъ ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, находится въ тѣсной связи съ древнѣйшими народными вѣрованіями, и поясняетъ лѣтописныя извѣстія. Еще у Нестора находимъ свидѣтельство, что Вятичи, Кривичи и другіе язычники, совершивъ тризну надъ умершимъ, сожигали его тѣло и собранныя послѣ него кости влагали въ сосудъ и ставили на столпахъ по путямъ. Множество вѣрованій сохранили воспоминаніе объ этомъ обрядѣ до нашего времени. Распутіе, перекрестокъ считаются страшнымъ мѣстомъ, виталищемъ злыхъ духовъ. Здѣсь живетъ «викорь»; здѣсь совершаются молитвы свадебнымъ поѣздомъ, когда онъ

поѣдетъ въ церковь, или изъ церкви домой. Поставленіе креста на распутіи во здравіе ребенка состоитъ въ связи съ этими вѣрованіями: это укрощеніе злыхъ духовъ и смерти. Такъ же многозначительно, повидимому, и намощеніе мостовъ черезъ ручьи. Есть поводъ думать, что по древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ болѣзни происходили изъ воды; въ отношеніи къ лихорадкамъ, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ приведенное нами символическое дѣйствіе поясняетъ и дополняетъ кругъ нашихъ древнѣйшихъ представленій и понятій.

Особеннымъ обиліемъ матеріяловъ и разнообразіемъ ихъ отличается отдѣлъ свадебныхъ обычаевъ. На сто нумеровъ описаній, болѣе двадцати содержатъ подробныя, тщательно составленныя описанія свадебъ со всѣми ихъ обстановками, примѣтами, пѣснями, причитаніями и торжественными обрядовыми словами всѣхъ участвующихъ лицъ. Кромѣ того, какъ бы ни было скудно описаніе, каждое непремѣнно сообщаетъ что-нибудь о свадьбахъ. Это главный, важнѣйшій изъ всѣхъ обычаевъ, изученіе котораго вводитъ насъ въ самое сердце нашего древняго быта и вѣрованій, и въ исторію ихъ постепеннаго развитія. Предметъ этотъ слишкомъ многосложенъ и важенъ, чтобъ, говоря о немъ, ограничиться нѣсколькими словами. Боясь выдти изъ предѣловъ краткаго очерка, мы перейдемъ къ слѣдующимъ отдѣламъ описаній.

Въ похоронныхъ и поминальныхъ обычаяхъ сохранились живые слѣды тризны и языческихъ вѣрованій. Приведемъ здѣсь нѣсколько обычаевъ наиболѣе замѣчательныхъ и подающихъ поводъ къ археологическимъ соображеніямъ.

Въ губерніяхъ, Астраханской, Харьковской (Краснокутскаго уѣзда) и Томской (Каинскаго уѣзда) до сихъ поръ сохраняется обычай бросать въ могилу или класть въ гробъ мѣдныя и даже серебряныя деньги. Разныя толкованія придаетъ

народъ этому обычаю, очевидно весьма древнему. Почти во всей Россіи сохранилось также обыкновеніе творить поминальные пиры, на которыхъ кормятъ родныхъ, знакомыхъ, друзей усопшаго, и нищимъ подается обильная милостыня. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Тобольской губерніи въ Петропавловскомъ уѣздѣ, нищимъ не только раздаютъ холстъ, но даже что-либо изъ имѣнія, оставшагося послѣ усопшаго. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ сохранились воспоминанія, хотя и не совсѣмъ ясныя, о какихъ-то домашнихъ религіозныхъ обрядахъ, совершавшихся у нашихъ предковъ язычниковъ по случаю похоронъ, въ память усопшаго. Такъ, г. Кутеновъ, учитель Мценскаго уѣзднаго училища (Орловской губерніи) сообщаетъ слѣдующій странный обычай въ описываемой имъ мѣстности: постель мертвеца, тотчасъ по смерти его, выносятъ въ курникъ на три дня «для опѣванія пѣтуховъ». Въ Астраханской и Харьковской губерніяхъ по выносѣ покойника хату посыпаютъ житомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ Ядринскомъ уѣздѣ (Казанской губерніи), по возвращеніи съ похоронъ смотрятъ въ печку. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что когда человѣкъ умиралъ, прежде, въ незапамятную старину, совершались какіе-то обряды, кажется въ честь домоваго, нашего пената. Разработка доставленныхъ свѣдѣній и безпрестанно поступающія въ Общество новыя описанія, надѣемся, въ скоромъ времени разъяснятъ этотъ предметъ.

Наконецъ, проходя молчаніемъ множество другихъ любопытныхъ указаній, сюда относящихся, обратимъ вниманіе на одинъ странный обычай, подтверждающій существованіе у насъ когда-то вѣрованія въ невыясненное еще отношеніе между смертью и водою. Въ Тверскомъ уѣздѣ стружки, оставшіяся послѣ гроба, не сожигаютъ въ печи, но пускаютъ по водѣ. Есть много и другихъ примѣтъ въ этомъ же родѣ.

За этими отдѣлами слѣдуютъ описанія обычаевъ и обрядовъ, соблюдаемыхъ во время разныхъ народныхъ бѣдствій, какъ-то: повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, пожаровъ, неурожая; свѣдѣнія о народной медицинѣ, народномъ хозяйствѣ, праздникахъ, играхъ и забавахъ, о юридическихъ обычаяхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ и образованіи, наконецъ о мѣстныхъ преданіяхъ и памятникахъ. По каждому изъ этихъ отдѣловъ, описанія, доставленныя въ Общество, содержатъ драгоцѣнные матеріялы для исторіи, археологіи и миѳологіи, отъ разработки которыхъ наука вправѣ ожидать любопытныхъ и важныхъ результатовъ. Здѣсь, въ бѣгломъ обзорѣ, мы по необходимости ограничились одними намеками, указаніями, не входя въ подробныя изслѣдованія. Одно позволимъ себѣ замѣтить въ заключеніе: изданіемъ собранныхъ описаній И. Р. Географическое Общество окажетъ чрезвычайную услугу не одной этнографіи, но и исторіи, ибо только ученыя общества Славянскихъ земель могутъ обладать матеріялами, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ странахъ—именно данными о древнѣйшемъ, до-историческомъ бытѣ, который слишкомъ смутно, неясно выказывается изъ-подъ преданій другихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМѢТАХЪ.

—

Давно уже слышатся у насъ со всѣхъ сторонъ безпрестанныя жалобы на невѣжественное легкомысліе, съ которымъ мы обыкновенно смотримъ на свои историческіе памятники и обращаемся съ ними. Упреки эти, къ несчастію, вполнѣ справедливы. Если можно указать на нѣсколько счастливыхъ, даже блистательныхъ исключеній, то все же они, покуда — капля въ морѣ: такъ много памятниковъ, и такъ мало еще сдѣлано для сохраненія ихъ отъ утраты, большею частію невознаградимой.

Историческіе памятники, живущіе въ устахъ и обычаяхъ народа, и слѣдовательно болѣе другихъ подверженные измѣненіямъ и уничтоженію, обратили на себя въ послѣднее время особенное вниманіе нѣкоторыхъ ревнителей русской старины. Пѣсни, пословицы, народные праздники и обряды нашли усердныхъ, добросовѣстныхъ собирателей, даже имѣютъ свою литературу; для языка и мѣстныхъ нарѣчій также собраны богатые матеріялы. Словомъ, для всѣхъ этихъ частей русской этнографіи и археологіи кое-что уже сдѣлано и обнародовано, еще болѣе хранится въ рукописяхъ. Но по какому-то странному случаю, нѣкоторые устные памятники остались какъ-будто забытыми, и до сихъ поръ не обращали на себя, сколько мы знаемъ, почти никакого вниманія.

Къ числу ихъ относятся примѣты. Г. Сахаровъ, оказавшій столь существенныя услуги русской археологіи, помѣстилъ въ своемъ драгоцѣнномъ собраніи «Сказаній Русскаго народа» много примѣтъ, относящихся къ извѣстнымъ днямъ, временамъ года, народнымъ праздникамъ и обрядамъ, кромѣ того въ программѣ, предпосланной изданію, онъ обѣщалъ посвятить имъ и повѣрьямъ цѣлую книгу (Тома IV книгу XXV). Къ сожалѣнію, эта часть «Сказаній» еще не вышла. До сихъ поръ появилось только два тома собранія г. Сахарова, и, судя по числу лѣтъ, протекшихъ между выходомъ въ свѣтъ первой и второй части, нельзя ожидать скораго появленія четвертой. Что̀ же касается до примѣтъ, относящихся къ обрядамъ, праздникамъ, или днямъ и временамъ года, то онѣ такъ тѣсно съ ними связаны, такъ ими объясняются и взаимно ихъ объясняютъ, что нельзя ихъ отдѣлить, какъ придаточной вещи отъ главной, не затемнивъ ихъ смысла. Оттого онѣ и не подлежатъ отдѣльному разсмотрѣнію.

Мы не осмѣливаемся сообщить здѣсь извѣстныя намъ примѣты и придать имъ хвастливое названіе собранія примѣтъ. Какъ бы много мы ихъ не знали—все это ничто въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которыя живутъ и до сихъ поръ въ ходу между славянскимъ населеніемъ Россіи. Еще менѣе можемъ мы, не имѣя подъ руками богатыхъ матеріяловъ по этому предмету,—дать сколько-нибудь полный, удовлетворительный отчетъ объ этомъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важномъ источникѣ русской археологіи. Ограничимся тѣмъ, что̀ въ нашихъ силахъ. Выскажемъ нѣсколько общихъ сдѣланныхъ нами замѣчаній о происхожденіи, значеніи примѣтъ и о томъ, какъ должно за нихъ браться. Послѣднее труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Историческіе памятники, не говорящіе словами, какъ обряды, религіозныя вѣрованія, предразсудки, и т. д. упорно хранятъ тайну своего значенія и смысла. Чтобъ заста-

вить ихъ говорить нужны извѣстные пріемы, извѣстная манера, способъ спрашивать.

Что такое примѣта? Это примѣченное человѣкомъ постоянное, но непонятное для него отношеніе между какими-нибудь явленіями, или событіями въ ежедневномъ быту, нравственномъ или физическомъ мірѣ —все равно. Не зная законовъ того и другаго міра, не понимая связи между причиною и дѣйствіемъ, поводомъ и его слѣдствіемъ, человѣкъ наблюдаетъ, и изъ своихъ наблюденій выводитъ заключеніе, что между извѣстными предметами и явленіями существуетъ какая-то связь; но, неумѣя вывести началъ, законовъ, на которыхъ она основана, онъ по необходимости повѣряетъ памяти плоды своихъ наблюденій. Такъ образуется множество примѣтъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ, смотря по наблюденіямъ.

Но кромѣ этого, есть и другой способъ происхожденія примѣтъ. Всѣ вещи, предметы и явленія, имѣющія въ глазахъ человѣка религіозное языческое значеніе должны имѣть на него и на природу таинственное, сверхъестественное вліяніе и дѣйствіе. Отсюда раждается цѣлый рядъ примѣтъ. Примѣты такого рода основаны не на непосредственномъ опытѣ и наблюденіи, а суть слѣдствіе представленій, вѣрованій. Онѣ весьма справедливо названы предразсудками, потому что выводятся a priori, синтетически, а не аналитически.

Между тѣми и другими примѣтами, несмотря на очевидное ихъ различіе по происхожденію, существуетъ самая тѣсная связь. Вспомнимъ, что вѣка прошли съ тѣхъ поръ какъ онѣ появились; что въ продолженіи этихъ вѣковъ многія понятія, а съ ними и примѣты измѣнились въ своей формѣ; что церковь, преслѣдуя язычество, истребила множество примѣтъ, въ другихъ существенно переиначила первоначальный характеръ и смыслъ. Кромѣ того, истина и ложь, факты дѣйствительно подмѣченные и вымышленные, такъ перемѣшаны между собою

въ первоначальныхъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, что нѣтъ никакой возможности провести между ними рѣзкую, разграничительную черту. Примѣровъ и доказательствъ тому множество. Стóитъ только вспомнить приемы нашей народной медицины. Нерѣдко при народномъ лѣченіи употребляются травы, дѣйствительно цѣлебныя; но употребленіе ихъ обставлено обрядами и дѣйствіями, которые очевидно выросли изъ языческихъ вѣрованій. Откуда взялись они? Разсматривая ближе, мы непремѣнно найдемъ, что цѣлебное свойство предметовъ, даже самые предметы—олицетворены, получили религіозное значеніе и вслѣдствіе того имъ приписаны сверхъестественныя свойства. Основаніемъ слѣд. и здѣсь служитъ дѣйствительный фактъ, наблюденіе, но преобразованные, искаженные ходомъ развитія понятій первобытнаго человѣка, отчего примѣшалось къ факту многое такое, чего въ немъ нѣтъ Тоже повторяется въ нашихъ языческихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и народныхъ праздникахъ. Тоже находимъ и въ примѣтахъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ искаженій, которымъ онѣ подверглись, вслѣдствіе того, что они возникли не въ одно время и слѣдовательно подъ вліяніемъ различнаго историческаго возраста человѣка, весьма трудно, иногда невозможно опредѣлить, откуда возникла примѣта: изъ дѣйствительнаго наблюденія и опыта, или изъ священнаго значенія въ язычествѣ того предмета, или явленія, къ которому она относится. Часто примѣта, повидимому, не что иное, какъ результатъ наблюденій надъ явленіями природы, привычками животныхъ, и т. д., а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ее породили не наблюденія, а вѣрованія.

Чтобъ различить однѣ примѣты отъ другихъ необходимо глубокое и весьма подробное знаніе всѣхъ сторонъ нашего древняго язычества и не менѣе глубокое знаніе естественныхъ наукъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Только съ помощью

этихъ предварительныхъ знаній, да и то при тонкой, осторожной критикѣ, можно надѣяться внести свѣтъ въ эту область русской археологіи, обильной матеріялами и фактами, для научнаго возстановленія нашего древнѣйшаго быта и вѣрованій.

Какъ ни бѣдны, ни недостаточны теперешніе наши способы различенія примѣтъ, все же мы можемъ, хотя приблизительно, раздѣлить ихъ на двѣ большія группы. Одпѣ указываютъ на дѣйствительную, или мнимую связь и постоянныя отношенія, существующія, или предполагаемыя между различными явленіями природы; другія указываютъ на такую же связь между явленіями природы и событіями большею частію случайными въ жизни человѣка и народа, или же на связь и отношенія между сими послѣдними событіями.

Первыхъ примѣтъ множество. Бо́льшая часть изъ нихъ суть плодъ опыта, наблюденій надъ естественными явленіями: «на молодомъ мѣсяцѣ рыба клюетъ»; «лошади фыркаютъ передъ дождемъ»; «толкунцы толкутся передъ ведромъ»; «рыба не клюетъ передъ дождемъ»; «курица стоитъ на одной ногѣ—стужа будетъ», и т. д. Конечно и между ними есть многія, первоначальнаго происхожденія которыхъ должно искать въ древнѣйшихъ языческихъ представленіяхъ. Не всѣ онѣ справедливы; сталобыть не всѣ объясняются опытомъ, а должны быть объясняемы чѣмъ-нибудь другимъ. Предметы, которые въ нихъ упоминаются также заставляютъ, не безъ основанія, подозрѣвать, что если не многія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ имѣли первоначально другую форму, носили на себѣ болѣе замѣтные признаки языческаго происхожденія, но признаки эти въ послѣдствіи сгладились, отчего и примѣты потеряли смыслъ, или получили обманчивое значеніе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, наша археологія покуда слишкомъ необработана, чтобъ умѣть разбирать эти стертые гіероглифы и возстановлять ихъ. Со временемъ естествовѣдѣніе, особливо изученія

нравовъ и привычекъ органическихъ существъ покажутъ намъ, что̀ въ этихъ примѣтахъ взято изъ наблюденій и что̀ имѣетъ другой источникъ. Покуда мы, по необходимости, оставимъ ихъ въ сторонѣ, и обратимъ вниманіе на тѣ примѣты, въ которыхъ высказывается связь и отношенія между явленіями природы и быта, или между событіями какъ частной, такъ и общественной жизни.

Языческое происхожденіе примѣтъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Конечно не всѣ образовались и сложились въ язычествѣ: многія, по времени, составились очевидно позднѣе, но смѣло можно сказать, что всѣ примѣты, сюда относящіяся, возникли прямо, или косвенно подъ вліяніемъ языческаго міросозерцанія, проникнуты однимъ духомъ, имѣютъ, если можно такъ выразиться, одну общую генеалогію.

Несчастная, хотя и заслуженная судьба постигла ихъ. Церковь, очень хорошо понимая ихъ языческое происхожденіе и значеніе, преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ народными игрищами, обычаями, праздниками и другими аттрибутами язычества. Когда послѣднее было ослаблено и окончательно проиграло свое дѣло, свѣтское образованіе не менѣе дѣятельно стало продолжать дѣло, начатое церковью. Примѣты, вмѣстѣ съ другими слѣдами язычества, быстро изчезаютъ. Уже теперь, даже въ простомъ народѣ, многія изъ нихъ извѣстны только старымъ женщинамъ, и перестали существовать для большинства. Еще десятка два лѣтъ и останется ихъ очень немного.

Конечно это весьма отрадное и утѣшительное явленіе. Но нельзя не пожалѣть, что справедливое пренебреженіе къ этимъ остаткамъ старины не сопровождается равносильнымъ попеченіемъ сохранить ихъ для науки, какъ драгоцѣнные историческіе памятники не только быта, но и психологическаго

состоянія и развитія младенчествующаго человѣка. Примѣты изчезаютъ быстрѣе, чѣмъ записываются — это фактъ неоспоримый. Уже теперь многое утрачено навсегда; въ картинѣ древнѣйшаго быта останутся пробѣлы, которыхъ нельзя будетъ наполнить. Потеря невознаградимая, которая вполнѣ оцѣнится тогда лишь, когда мы поймемъ, какъ первобытная исторія важна для разумѣнія послѣдующей и теперешней, и какъ мало мы ее знаемъ.

Огромный отдѣлъ примѣтъ, начало которыхъ коренится въ языческихъ вѣрованіяхъ, представляетъ чрезвычайно разнообразное примѣненіе язычества въ дѣйствительной жизни, въ ежедневномъ и частномъ быту. Это казуистика всѣхъ возможныхъ сторонъ язычества, объясняющая его въ подробностяхъ, частностяхъ и этимъ самымъ раскрывающая многое, что̀ истребилось уже въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и другихъ доживающихъ преданіяхъ незапамятной старины. Примѣты относятся къ тысячи предметамъ и явленіямъ для насъ весьма обыкновеннымъ, дѣйствіямъ, по теперешнимъ понятіямъ незначительнымъ, или безразличнымъ. Онѣ обставляютъ жизнь подробнымъ кодексомъ условій, въ которыхъ она должна совершаться, во всемъ указываютъ непонятную связь, и вѣрно передаютъ намъ картину того младенческаго состоянія человѣка, когда онъ безпрекословно подчинялся окружавшему его міру, смотрѣлъ на него подобострастно, приписывая каждому предмету, явленію, дѣйствію жизнь, произвольность, словомъ все, что̀ находилъ въ себѣ. Конечно эта жизнь, эта произвольность по его понятіямъ, въ свою очередь, зависѣли отъ какой-то высшей, невѣдомой силы, и такое представленіе было весьма естественно въ человѣкѣ подавленномъ, какъ бы поглощенномъ внѣшнимъ, окружающимъ его міромъ: онъ не могъ имѣть понятія о совершенно добровольномъ движеніи и дѣйствованіи, потому что въ дѣйствитель-

ности и то и другое было ему совершенно неизвѣстно. Но представленіе объ этой высшей, всѣмъ управляющей силѣ было въ немъ весьма смутно, неопредѣленно. Онъ видѣлъ, ощущалъ ея присутствіе и власть только въ явленіяхъ исполненныхъ для него сверхъестественнаго значенія.

Чтобъ получить хотя поверхностное понятіе о бытѣ, который долженствовалъ нѣкогда сложиться подъ вліяніемъ такого міросозерцанія, и въ свою очередь породилъ послѣднее, разсмотримъ нѣсколько извѣстныхъ намъ примѣтъ, относящихся къ внѣшней природѣ и быту человѣка. Ихъ объясненіе будетъ вмѣстѣ и попыткой возбудить къ этому предмету интересъ, участіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ.

Всѣмъ извѣстно какое значеніе имѣла ночь во всѣхъ миѳологіяхъ древняго и новаго міра. Это царство тьмы, злыхъ и враждебныхъ духовъ, въ противуположность дню, царству свѣта, дѣятельности благодѣтельныхъ силъ и жизни: стóитъ только вспомнить наши святки и ночь наканунѣ Ивана Купалы. Это же представленіе выразилось и въ примѣтахъ. «Солнышко закатилось—не бросай соръ на улицу—пробросаешься». «Когда солнышко закатилось—не починай новой ковриги: разстроится богатство». «Не гляди въ окно до утренней зори—грѣшно». Въ этихъ примѣтахъ высказывается мысль, что дѣйствія, предпринятыя при отсутствіи солнца, совершаются подъ дурными предзнаменованіями, принесутъ несчастіе, или будутъ неудачны.

Дню и ночи соотвѣтствовали зима и лѣто, стужа и тепло. «Если звенитъ въ правомъ ухѣ — тепло будетъ, если въ лѣвомъ—стужа будетъ». Оттого другая примѣта: «утопленникъ къ стужѣ». «Если филинъ сядетъ на крышу дома и станетъ кричать—приключится смерть одному изъ домашнихъ». «Гдѣ гнѣздятся ласточки—счастливое мѣсто». Смыслъ этихъ примѣтъ понятенъ. Правое сопоставляется хорошему, доброму;

лѣвое — дурному, злому; утопленникъ, погибшій, какъ говорится, не своею смертію, поставленъ въ соотвѣтствіе стужѣ; филинъ, ночная птица—зловѣщее предзнаменованіе; ласточка, провозвѣстница весны — доброе, счастливое предзнаменованіе.

Извѣстная примѣта: «увидишь народившійся мѣсяцъ съ правой стороны—неожиданное будетъ тебѣ счастіе», по многимъ признакамъ принадлежитъ къ остаткамъ глубокой древности. Во первыхъ, луна была предметомъ обожанія; это видно не только изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, но и изъ нашихъ живыхъ преданій старины. Въ заговорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунѣ: «Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряные рожки, золотыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть, и проч. (Сказаній т. I, кн. II. Чернокнижіе, № 15). Отсюда понятно, почему появленіе мѣсяца имѣло въ глазахъ нашихъ предковъ таинственное, сверхъестественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Во вторыхъ, не менѣе замѣчательно, что примѣты относятся къ народившемуся молодому мѣсяцу: это тоже черта, указывающая на древнѣйшія вѣрованія. Въ заговорахъ нерѣдко упоминаются «рожки» луны, чтò показываетъ, что съ мольбами обращались къ молодому мѣсяцу; кромѣ того должно замѣтить, что первое, новое, впервые рожденное имѣло у насъ изстари особенное значеніе и силу. Такъ въ народѣ есть примѣта о первоснесенномъ яйцѣ: если съ нимъ обойдти загорѣвшееся строеніе, то пожаръ не распространится далѣе, хотя бы не было принято никакихъ предосторожностей. Наконецъ, благопріятное знаменованіе праваго и неблагопріятное лѣваго — фактъ, повторяющійся безпрестанно въ нашихъ повѣрьяхъ. «Если правая ладонь чешется — деньги получать;

если лѣвая — отдавать». «Если звенитъ въ правомъ ухѣ — тепло будетъ; если въ лѣвомъ — стужа». По всѣмъ признакамъ должно думать, что примѣта о мѣсяцѣ по началу своему восходитъ къ древнѣйшимъ, языческимъ временамъ; только съ этой точки зрѣнія она и становится понятной. Быть можетъ она образовалась изъ гаданій и прорицаній, имѣвшихъ въ язычествѣ религіозное значеніе, которое они въ послѣдствіи утратили.

Но не станемъ вдаваться въ гипотезы. Перейдемъ къ другимъ примѣтамъ.

Какъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, такъ и огонь имѣлъ священное значеніе. Роль, которую играли костры въ празднествѣ наканунѣ Ивана Купалы, доказываетъ это несомнѣнно. Но кромѣ того, огонь былъ предметомъ особеннаго почитанія, какъ принадлежность, символъ и выраженіе очага — средоточія и важнѣйшей части жилья. Въ любопытномъ обрядѣ перезыванія домоваго изъ одного жилья въ другое, домоваго представляютъ горящіе уголья, вынутыя изъ печки оставляемаго жилища. (См. «Сказаній Русскаго народа» т. II, кн. VII, Народн. дневникъ стр. 54). Отсюда объ огнѣ множество примѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вздувая огонь вечеромъ творятъ молитву и крестятся. «Погасъ огонь нечаянно—нечаянный гость будетъ». Близка къ этой другая примѣта. «Если погасятъ нечаянно свѣчу — гости будутъ». Вслѣдствіе этого значенія очага и огня, горящаго въ очагѣ, и всѣ дѣйствія, случаи, малѣйшія подробности, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ горѣнію огня въ очагѣ, получили такое же значеніе. «Не клади дрова въ печь вострикам—ссора будетъ». «Головня упала (изъ печи) нечаянно на шестокъ — нечаянный гость будетъ». «Полѣно упало (когда несли дрова, на улицѣ или на дворѣ) — чужіе гости будутъ». «Уголь вылетѣлъ изъ топящейся печки — гости будутъ». «Развалились въ печи

дрова — гости будутъ». «Не бей человѣка лучиной — чахотка будетъ». «Когда печется хлѣбъ — не садись на печь: хлѣбъ неудаченъ будетъ» и «не мети въ избѣ: спорину выметешь». «Испекутся имянинные хлѣбы или пироги хорошо — имянинникъ проживетъ годъ благополучно; неудачно — умретъ». Черные тараканы, любящіе тепло и потому живущіе въ особенности около печки (отсюда тараканъ запечный), именно вслѣдствіе этого слывутъ въ народѣ вѣстниками счастія: «Въ домѣ много черныхъ тараканов — къ богатству». Убивать ихъ не должно.

Во всѣхъ этихъ примѣтахъ, конечно, многое остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насъ. Почему погашеніе огня и прибытіе гостей сближается такъ постоянно въ столькихъ примѣтахъ, мы не беремся объяснить, хотя, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такое сближеніе не даромъ встрѣчается. Какъ бы то ни было, но основная мысль и причина всѣхъ приведенныхъ нами примѣтъ ясна. Горѣніе огня въ печкѣ имѣло религіозное значеніе, исполненное таинственнаго смысла. Постороннія занятія въ это время, движенія, въ которыхъ выражалось отсутствіе благоговѣнія, строго воспрещались, и подвергалить карѣ невидимыхъ силъ. Все, что происходило отъ горѣнія и при горѣніи, было исполнено смысла и служило предзнаменованіемъ; то, что огонь привлекалъ къ себѣ, было ему пріятно, и слѣдовательно само, въ свою очередь, отражало на себѣ сверхъестественный его характеръ.

Мы говорили объ очагѣ и его важномъ значеніи въ язычествѣ. Такое же значеніе получило жилье и все, что въ немъ находилось, или къ нему принадлежало. Множество примѣтъ доказываютъ это. «Не стучи ключами — ссора будетъ». «Не играй счетами — ссора будетъ». «Не шагай черезъ коромысло — судороги потянутъ». «Не наступай на помело, и не шагай чрезъ него — судороги потянутъ». «Не клади прялку

[illegible]

[illegible]

дется богатство». «Въ одной избѣ не мети многими вѣниками— разойдется по угламъ богатство». «Мети избу чище — попадется хорошій женихъ».

Если всѣ неодушевленныя принадлежности жилья имѣли въ язычествѣ религіозный характеръ, то тѣмъ болѣе живыя существа, принадлежащія къ дому, живущія во дворѣ, полезныя для человѣка. Вотъ нѣсколько примѣровъ. «Когда кошка чихнула — скажи здравствуй: зубы не заболятъ». «Кошка загребаетъ лапами—гости будутъ». Кошка, повидимому, дѣйствовала подъ наитіемъ злыхъ духовъ, что легко объясняется изъ свойствъ этого животнаго, ея зоркости, бдительности ночью, въ темнотѣ, и т. д. Нельзя возить кошекъ на лошадяхъ— послѣднія отъ того сохнутъ. Вспомнимъ также, что изъ черной кошки вывариваетcя, съ разными таинственными обрядами, костка невидимка. «Не пихай собаку—судороги потянутъ». «Собака потянулась на человѣка— корысть будетъ (такая же примѣта есть и о «кошкѣ)». «Собака лаетъ передъ домомъ къ низу—покойникъ будетъ; къ верху— пожаръ будетъ»; или «собака воетъ поднявъ голову къ верху— будетъ неурожай хлѣба; опустивъ къ низу—будетъ болѣзнь, отъ которой умрутъ многіе».—«Не пихай свинью—своробъ выступитъ».

Но особенно важную роль играютъ въ нашихъ народныхъ суевѣріяхъ пѣтухъ и курица. Изъ разныхъ повѣрій и примѣтъ объ этой птицѣ можно составить цѣлую весьма интересную и для нашей археологіи важную монографію. Въ свадебномъ обрядѣ курица играетъ замѣчательную роль. Ее приносятъ къ священнику, или помѣщику, прося позволенія женить сына; курицу въ разныхъ видахъ подаютъ молодымъ въ день свадьбы; употребленіе въ пищу именно этой птицы въ торжественномъ обрядѣ, каковъ свадебный, указываетъ на совершавшееся въ это время въ язычествѣ жертвоприношеніе курицы.

Но кому? Кажется домовому. На эту догадку невольно наводитъ странный обычай, соблюдаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на свадебныхъ обрядахъ: когда молодые входятъ въ избу, въ домъ новобрачнаго, одна изъ старшихъ женщинъ (не помнимъ, его мать, сваха, или другая) тайно отъ всѣхъ бросаетъ подъ печку жареную курицу, чтобы молодые были счастливы и богаты.

Въ народномъ дневникѣ г. Сахарова читаемъ, что 28 января усмиряютъ домоваго кудесами. Кудесы заключаются въ томъ, что колдунъ, въ самую полночь, зарѣзываетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ, и выметаетъ имъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ причитаніемъ заговоровъ. Въ Вологодской губерніи простой народъ думаетъ, что ѣсть пѣтуховъ — грѣшно. Послѣ всего сказаннаго было бы странно, еслибъ эта птица была забыта въ примѣтахъ. Повѣрье, что кто кралъ куръ—у того руки трясутся—вовсе не было шуткой въ устахъ нашихъ предковъ-язычниковъ. При ихъ понятіяхъ это повѣрье имѣло полный смыслъ, проистекавшій изъ значенія курицы.

Весьма замѣчательная также примѣта: «Солома пристанетъ къ хвосту курицы—въ домѣ покойникъ будетъ». Солома имѣла какое-то значеніе въ языческихъ празднествахъ въ честь умершихъ. «Въ великій четвертокъ, — сказано въ Стоглавѣ (вопр. 26), — по рану солому палятъ и кличютъ мертвыхъ». Замѣтимъ также, что на Семицкой недѣлѣ, въ которую совершались поминки, совершались и проводы русалокъ, и русалку представляла въ этомъ обрядѣ соломенная чучела.

Довольно этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобъ убѣдиться, что примѣты, по видимому безсмысленныя и совершенно произвольно выдуманныя, коренятся, по своему происхожденію, въ языческомъ бытѣ и вѣрованіяхъ, и въ этой сферѣ нахо-

гъ полное объясненіе, и сами, въ свою очередь, поясняютъ дополняютъ въ ней многое. Конечно примѣты нелѣпость съ догматической точки зрѣнія. Но странно и смотрѣть на нихъ — такимъ образомъ. Историческія эпохи, дѣятелей мы не судимъ же съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій и требованій, а переносимся въ ихъ время, подводимъ ихъ подъ мѣрило, которое даетъ намъ ихъ эпоха. Такъ же должно поступать и въ отношеніи къ преданіямъ, повѣрьямъ, памятникамъ, которые только тогда и дѣлаются понятными, когда станемъ разсматривать ихъ въ связи съ тѣми историческими данными, посреди которыхъ они образовались, имѣли значеніе и смыслъ.

Основаніе всѣхъ примѣтъ языческаго происхожденія — таинственное свойство предметовъ, явленій, дѣйствій или событій, или самихъ по себѣ, или по ближайшему отношенію, связи ихъ съ другими предметами или явленіями, которыя почитались нѣкогда священными. Это свойство заключалось въ ихъ зависимости отъ высшей силы. Оттого они не были случайны или произвольны, и имѣли для человѣка значеніе прорицаній или предзнаменованій, хорошихъ или дурныхъ, смотря по предмету, явленію или дѣйствію. Вотъ почему многія примѣты имѣютъ характеръ прорицаній, сентенцій, или служили текстомъ для гаданій, или для узнанія неизвѣстнаго.

Въ заключеніе замѣтимъ, что таинственное отношеніе между различными явленіями и предметами нравственнаго и физическаго міра, на которое указываютъ примѣты, весьма часто ограничивается одной внѣшней или случайной аналогіей, вполнѣ высказывающей младенческія понятія человѣка. Стукъ ключей, мутовки и шумъ отъ ссоры; загребанье кошки лапами, напоминающее движеніе, когда манимъ кого-нибудь къ себѣ, могутъ служить примѣрами этой дѣтской аналогіи. При-

ступая къ объясненію примѣтъ, прежде всего должно опредѣлить предметъ, къ которому онѣ относятся и значеніе, которое онъ имѣлъ или могъ имѣть въ языческомъ быту. Это первое и главное, иногда довольно трудное: остальное понять легко. Философскія схемы, общія начала и воззрѣнія, глубокомысленныя аналогіи тутъ не у мѣста; предметъ такъ не хитеръ и не сложенъ, что можно впасть въ смѣшныя, иногда вредныя для нашей археологіи ошибки, приступая къ нему во всеоружія высшей, философской критики.

О ВѢДУНѢ И ВѢДЬМѢ.

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. АѲАНАСЬЕВА, НАПЕЧАТАННОЙ ПОДЪ ЭТИМЪ ЖЕ ЗАГЛАВІЕМЪ ВЪ АЛЬМАНАХѢ «КОМЕТА».)

—

Статья г. Аѳанасьева «О Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ» чрезвычайно интересна. Несмотря на то, что предметъ, повидимому, знакомъ всѣмъ и каждому, кто живалъ въ деревнѣ и хоть сколько нибудь прислушивался къ нашимъ простонароднымъ повѣрьямъ, въ немъ много такого, надъ чѣмъ можно подумать. До сихъ поръ монографій о вѣдьмѣ и вѣдунѣ у насъ не было. Г. Аѳанасьевъ впервые тщательно свелъ объ этомъ предметѣ множество данныхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ источникахъ, и первый представилъ опытъ научнаго изслѣдованія дѣла. Это неотъемлемая заслуга автора.

«Много миѳическихъ образовъ (говоритъ г. Аѳанасьевъ) создалось народными повѣрьями; однако всѣ они, несмотря на свой антропоморфизмъ, болѣе или менѣе сливаются съ различными частями природы неодушевленной, со стихіями огня, свѣта, воды; всѣ они болѣе или менѣе удалены отъ человѣка. Не такъ представляетъ себѣ народъ вѣдуна и вѣдьму. И тотъ и другая не являются въ недоступной таинственности; напротивъ, простолюдинъ ихъ близко знаетъ и входитъ съ ними въ частыя столкновенія; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна и вѣдьму, и посовѣтуетъ ихъ остерегаться. И вѣдунъ и вѣдьма живутъ между людьми и ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей» (стр. 89).

Чтò жь такое и вѣдунъ и вѣдьма? Откуда взялось въ народѣ это представленіе? Отвѣтъ находимъ на стр. 98—106.

Приведемъ нѣсколько мѣстъ, всего ближе объясняющихъ взглядъ автора на происхожденіе и значеніе вѣдуна и вѣдьмы.

«...Преданья и повѣрья *очень ясно указываютъ*, что нѣкогда колдуны и вѣдьмы, и именно въ язычествѣ, имѣли значеніе не только благотворное, но и богослужебное, т. е. по преданьямъ и повѣрьямъ они являются служителями боговъ свѣтлыхъ, чистыхъ.

«Всѣ разсмотрѣнныя нами данныя приводятъ къ тому заключенію, что у Славянъ были свои служители боговъ — и мужчины и женщины, и вѣдуны и вѣдуньи. Но какое они имѣли значеніе среди славянскихъ общинъ? составляли ль особенный классъ или нѣтъ? какое занимали мѣсто въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ? Къ какой эпохѣ, наконецъ, надо отнести появленіе этихъ лицъ—въ исторіи славянскаго язычества?

«Отправленіе богослуженія и приношеніе жертвъ первоначально принадлежало главѣ рода или семьи слѣдовательно, *старшимъ*, будутъ ли это мущины или женщины — все равно. Съ перенесеніемъ верховнаго значенія родоначальника на князей, отправленіе богослуженія перешло къ этимъ послѣднимъ, разумѣя богослуженіе общинное, публичное. Родоначальники отдѣльныхъ родовъ и даже отцы семействъ удерживали, по прежнему, свое священное значеніе, но только въ кругу своего отдѣльнаго рода и семьи. Но верховнымъ жрецомъ, священнослужителемъ для цѣлой общины, соединившей въ себѣ многія племена и роды, былъ князь, хотя онъ и обязанъ былъ рѣшать всѣ религіозные вопросы сообща съ старцами. Отсюда объясняются слова Нестора о совѣщаніи Владиміра Великаго съ старцами и боярами относительно измѣненія вѣры, о приговорѣ старцевъ бросить жребій на отрока и дѣвицу—для принесенія богамъ въ жертву. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ общиннаго быта у Славянъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ княжескаго управленія, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ ихъ богослуженія, празднествъ и игрищъ религіозныхъ. На игрища и празднества роды начинаютъ сходиться «межи селы» и совершаютъ ихъ вмѣстѣ; божества, воплотившіяся въ образы человѣческіе, изображаются въ истуканахъ (кумирахъ), которые поставляются на открытыхъ, для народнаго поклоненія. мѣстахъ. Въ это время становится необходимымъ, чтобъ выдѣлились изъ общей массы народа люди, которымъ можно бъ было ввѣрить надзоръ за чистотою священныхъ мѣстъ и охраненіе кумировъ отъ внѣшнихъ физическихъ вліяній. Сверхъ того, къ этой эпохѣ языческаго развитія, когда богослуженіе начинаетъ принимать характеръ общественности, публичности—относится начало затемнѣнія миѳовъ и образованіе таинственнаго религіознаго языка. Прежде и миѳъ былъ общедоступенъ, и языкъ, которымъ выражался, его мысль и его соотношенія съ другими миѳами — для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ простыхъ явленій природы облекаются въ человѣческія формы, получаютъ

субъективность и всѣ человѣческія страсти и побужденія, тогда миѳъ затемняется, и тѣ выраженія, которыя понятны въ приложеніи къ простому явленію природы, дѣлаются загадочными въ отношеніи къ его персонификаціи. Языкъ религіозный принимаетъ характеръ таинственный: является *заговоръ* и *загадка*. Знать смыслъ миѳовъ язычества, понимать языкъ заговоровъ и загадокъ уже не могутъ всѣ, а только нѣкоторые избранные, посвятившіе себя этому священному *вѣдѣнію, знанію*. Мало-по-малу, путемъ чисто фактическимъ, начинаютъ выдѣляться изъ народа люди, одаренные большими способностями и пользующіеся потому большимъ вліяніемъ. Дѣйствуя болѣе или менѣе подъ религіознымъ увлеченіемъ, они являются народными учителями и предвѣщателями: имъ понятенъ смыслъ древнихъ миѳовъ и религіознаго языка, они въ силахъ разгадывать и объяснять всякія примѣты и гаданія, они знаютъ таинственную силу травъ и очищеній, они могутъ совершать все чародѣйное силою заговора. Это—вѣдуны и вѣдуньи, волхвы или кудесники и кудесницы. Въ народѣ раждается убѣжденіе, что они, какъ близкіе къ божествамъ и понимающіе ихъ знаменія, одарены даромъ предвидѣнія, знаютъ волю боговъ и могутъ открывать правду. Вѣдунъ, слѣдовательно, есть тотъ, кто болѣе знаетъ религіозныя тайны, кто дарованіями своими (умомъ, рѣчью, поэтическимъ даромъ) возвышается надъ всѣми другими. Къ подобнымъ *вѣщимъ* людямъ и начинаетъ прибѣгать народъ въ нуждѣ, для испрошенія помощи и совѣта. Помощь вѣдуна и вѣдуньи состояла въ томъ, что они возносили богамъ молитвы и приносили жертвы, ибо имъ извѣстна была могучая сила мольбы (въ послѣдствіи—заговоровъ, нашептываній и заклятій), жертвы (въ послѣдствіи—чаръ) и связанныхъ съ ними очищеній. Вѣдуны нисколько не мѣшали религіозно-богослужебному значенію родоначальниковъ; тѣ и другіе не исключаютъ взаимно себя, и одинаково пользуются народнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же старшковъ, начальниковъ родовъ и семей, и особеннаго класса не составляютъ. За такое же положеніе говорятъ даже современныя представленія колдуна и вѣдьмы и всѣ преданія и повѣрья, имѣющія соотношенія съ древнимъ языческимъ богослуженіемъ. Въ народѣ даже существуетъ убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится въ семействахъ, передаваясь изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. Первое извѣстіе о волхвахъ-кудесникахъ находимъ въ лѣтописи, въ разсказѣ о княженіи Олега; слѣдовательно, появленіе волхвовъ совпадаетъ съ извѣстіемъ о кумирахъ. Въ послѣдствіи, изъ волхвовъ должно было образоваться сословіе *жрецовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это слово. Въ старинномъ нашемъ языкѣ слово *жрецъ* было извѣстно. Кириллъ Туровскій говоритъ въ одномъ словѣ: «не окропиша его завиствіи *жьрци*»; Іоакимовская лѣтопись также упоминаетъ о жрецахъ; но какъ понимать эти мѣста? Жрецъ здѣсь—особенное названіе волхва, и ему принадлежало то же значеніе, что и волху. Приписывать нашимъ Славянамъ отдѣльное сословіе

(классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполнѣ развитую миѳологію не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о ихъ бытѣ. Филологически слова *жрецъ* и *волхвъ*—тождественны; они оба указываютъ только на одну сторону языческаго богослуженія, на служеніе огню и сожженіе жертвъ, какъ другія синонимическія названія указываютъ на другія стороны богослуженія. Впрочемъ, колдунъ также означаетъ жертвоприносителя; а кудесами называются: a) коледа, праздникъ, въ которое совершалось закланіе свиньи, и b) жертва домовому. Съ большимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи Славянъ, волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ); но такой переворотъ въ религіи требовалъ медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіянство. Вообще надо замѣтить, что конечное развитіе язычества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религію публичную, общинную» (стр. 102—106).

Вотъ какъ авторъ смотритъ на предметъ. Вся статья есть не что иное, какъ развитіе этой мысли въ частныхъ ея выраженіяхъ и примѣненіяхъ.

При всемъ уваженіи къ знаніямъ и несомнѣнному таланту г. Аѳанасьева, доказаннымъ многими прекрасными трудами по русской исторіи, мы несогласны съ нимъ въ основной мысли его статьи, не согласны и во многихъ частностяхъ.

Чтò касается до основной мысли, то она намъ кажется несовсѣмъ вѣрною, потому что предполагаетъ степень развитія языческихъ религіозныхъ вѣрованій гораздо высшую той, до которой, по нашему мнѣнію, достигло язычество Славянъ, въ особенности русскихъ. Вѣдуны и вѣдьмы, по словамъ г. Аѳанасьева, были жрецы и жрицы, и притомъ боговъ свѣтлыхъ. Для этого нужно было бы по крайней мѣрѣ указать, какіе это были боги, и разрѣшить вопросъ, успѣло ли у насъ язычество развиться до поклоненія богамъ, то есть до изображенія боговъ въ искусственныхъ òбразахъ, до потроенія имъ капищъ и до полнаго языческаго богослуженія. Вопросъ этотъ намъ кажется еще далеко нерѣшенымъ. Мы знаемъ, чтò говоритъ

о нихъ лѣтопись Несторова, но свидѣтельство ея еще не уяснено критически; и на основаніи того, что̀ она говоритъ, столько же есть основанія считать боговъ, изчисленныхъ у Нестора туземными, сколько признавать ихъ нетуземными. Правда, нѣкоторыя славянскія племена сохранили и до сихъ поръ воспоминаніе о Перунѣ и Волосѣ; за то другіе, именно Славяне великорусскіе, не сохранили ни о нихъ, ни о другихъ языческихъ богахъ никакихъ воспоминаній. А между тѣмъ повѣрья о вѣдунѣ и вѣдьмѣ распространены всюду и живо сохранились до сихъ поръ. Не доказываетъ ли это, что вѣдьмы и вѣдуны не имѣли необходимой, тѣсной связи съ поклоненіемъ языческимъ богамъ? Не ясно ли отсюда, что эти вѣрованія должны были имѣть другое значеніе и происхожденіе, кромѣ собственно богослужебнаго?

Г. Аѳанасьевъ говоритъ, что вѣдьмы и вѣдуны были жрецами боговъ чистыхъ, свѣтлыхъ. Мы прочли съ большимъ вниманіемъ всѣ доводы въ пользу этого мнѣнія, такъ добросовѣстно и тщательно собранные въ разсматриваемой нами статьѣ, и признаемся, не нашли ни одного доказательства въ пользу этого мнѣнія. Вѣдьмы и вѣдуны находятся въ сношеніяхъ съ таинственными силами, невидимыми духами, и съ помощью ихъ приносятъ людямъ и пользу и вредъ: вотъ что̀ ясно, что̀ несомнѣнно. Но какія именно эти силы, какіе эти духи— этого нигдѣ, ни изъ чего не видно. Повѣрья приписываютъ вѣдьмамъ и вѣдунамъ разныя нехорошія дѣла: порчу, отраву, задаиваніе коровъ, обращеніе людей въ животныхъ злыхъ, напримѣръ, въ волковъ; приписываютъ рядомъ съ тѣмъ и благодѣтельныя дѣйствія: лѣченіе болѣзней, огражденіе отъ порчи и чаръ, отыскиваніе покражи и вора и т. д. Вмѣсто того, чтобъ принять фактъ какъ онъ есть, г. Аѳанасьевъ принороввляетъ его довольно произвольно къ своей любимой мысли: то объясняетъ враждебное значеніе вѣдуновъ и вѣдьмъ вліяніемъ

христіянства, которое непріязненно смотрѣло на остатки язычества; то затемнѣніемъ древнѣйшихъ миѳовъ, вслѣдствіе котораго, будто бы, значеніе ихъ стало представляться въ превратномъ видѣ; то, наконецъ, позднимъ образованіемъ нѣкоторыхъ повѣрій о нихъ. Все это—натяжки, вовлекшія автора въ лабиринтъ толкованій и предположеній, какъ намъ кажется, совершенно произвольныхъ. Мы скажемъ и о нихъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь замѣтимъ только, что нѣтъ основанія заподозрѣвать преданіе о благодѣтельномъ и вредномъ вліяніи колдуновъ и вѣдьмъ на человѣка, потому что безъ явныхъ натяжекъ нѣтъ никакой возможности признать одни изъ нихъ древнѣйшаго, другія—новѣйшаго образованія. Что къ нимъ есть новыя приставки, что нѣкоторыя второстепенныя повѣрья, связующіяся съ другими, выведены изъ послѣднихъ въ новѣйшее время — это, кажется, безспорно. Но, повторяемъ, отвергать цѣлый рядъ повѣрій о враждебномъ значеніи колдуновъ и вѣдьмъ нельзя. Ихъ первоначальность и древность столько же очевидны, какъ и повѣрій, приписывающихъ колдунамъ и вѣдьмамъ благодѣтельное дѣйствіе. Притомъ, мы не видимъ въ статьѣ г. Аѳанасьева предварительнаго критическаго изслѣдованія, которое давало бы ему право дѣлать такое различіе между повѣрьями. Онъ прямо высказываетъ извѣстный взглядъ и подъ него подводитъ факты, что, конечно, неправильно. Этотъ недостатокъ происходитъ, какъ мы думаемъ, отъ отсутствія метода въ его изслѣдованіяхъ. Г. Аѳанасьевъ повидимому не старался уяснить себѣ ходъ и постепенность развитія язычества у Славянъ, тогда какъ въ его изслѣдованіи, обращенномъ на повѣрья разныхъ временъ и эпохъ, возникшія подъ самыми разнородными условіями, общій взглядъ былъ совершенно необходимъ. Отсутствіе этого взгляда замѣтно отзывается въ его, впрочемъ, прекрасномъ трудѣ. Перейдемъ теперь къ частностямъ и отдѣльнымъ замѣткамъ.

«Народныя повѣрья (говоритъ г. Аѳанасьевъ) приписываютъ вѣдьмамъ и колдунамъ: 1) полеты на Лысую гору, 2) скрадыванiе свѣтилъ и доенiе коровъ, и 3) превращенiе» (стр. 107). Затѣмъ начинается изслѣдованiе этихъ различныхъ аттрибутовъ вѣдьмъ. Прежде всего мы встрѣчаемъ здѣсь довольно натянутое объясненiе, почему вѣдуны представлялись стариками, вѣдьмы — и старухами и молодыми. Это потому, говоритъ авторъ, «что языческое богослуженiе и жертвоприношенiя совершались старшими въ родѣ, стариками и старухами, и что во всѣхъ (?) религiозныхъ обрядахъ дѣвы принимали живое и непремѣнное (?) участiе. Священно-служебное значенiе старѣйшихъ вполнѣ объясняется родовымъ, патрiархальнымъ бытомъ Славянъ, а священно-служебное значенiе дѣвъ — самымъ характеромъ язычества, которое выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородiя... Полнота дѣвственныхъ силъ, обѣщающихъ развитiе новой, юной жизни, не могла не вызвать особеннаго уваженiя (?) и сочувствiя».

Противъ этого можно сказать многое. Еслибъ повѣрье, что вѣдьмы и вѣдуны—старики и старухи, было въ связи съ родовымъ характеромъ язычества, то всѣ старшiе въ родѣ почитались бы вѣдунами и вѣдьмами. Однако это не такъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что множество обрядовъ совершалось въ домѣ непремѣнно стариками, того или другаго пола, и г. Аѳанасьевъ совершенно правъ, говоря, что язычество Славянъ имѣло первоначально родовой характеръ. Слѣды этого сохранились, и довольно живо. Чтò жь слѣдуетъ отсюда? То, что вѣдьмы и вѣдуны не входили въ разрядъ обыкновенныхъ жрецовъ и жрицъ (если и допустить, что жрецы и жрицы дѣйствительно существовали у насъ когда-то, въ чемъ мы позволимъ себѣ сомнѣваться), но составляли нѣчто особенное, выходящее изъ обыкновеннаго порядка. Потомъ, странно, ка-

кимъ образомъ г. Аѳанасьевъ смѣшиваетъ дѣвъ и молодыхъ женщинъ, говоря о вѣдьмахъ? Тѣ и другія во всѣхъ обрядахъ различаются, и роль ихъ въ язычествѣ далеко не была одинакова. Наконецъ, признаемся, для насъ совершенно непонятна фраза, что «язычество выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородія». Язычество, прежде всего, поставляло весьма высоко все то, чтò имѣло большее или меньшее вліяніе на бытъ и судьбу человѣка, и степень почитанія соотвѣтствовала степени вліянія. Плодородіе и безплодіе, свѣтъ и мракъ, лѣто и зима, ночь и день— въ этомъ отношеніи были равно почитаемы язычниками, да иначе и не могло быть. Чтò жь касается до символическаго объясненія мнимаго уваженія и сочувствія къ дѣвѣ у Славянъ-язычниковъ, то оно намъ потому кажется весьма далекимъ отъ истины, что вовсе нейдетъ къ характеру и степени развитія славянскаго язычества. Послѣднее, по всѣмъ даннымъ, едва-едва начинало выходить изъ непосредственнаго обожанія видимой природы, не успѣло даже создать опредѣленныхъ òбразовъ для невидимыхъ дѣятелей. Какъ же могло быть при этомъ символическое развитіе вѣрованій?

Послѣднее замѣчаніе еще въ бóльшей мѣрѣ относится къ объясненію повѣрья о доеніи вѣдьмами коровъ, лошадей и овецъ. Авторъ весьма подробно и учено выводитъ, что божества свѣта олицетворены были въ образѣ коровъ во многихъ языческихъ религіяхъ, особенно въ индійской, и у Славянъ тоже. Поэтому повѣрье о доеніи коровъ вѣдьмами не должно принимать буквально: это есть не что иное, какъ затемненный позднѣйшими передѣлками миѳъ о томъ, что вѣдьмы (то есть жрицы) своими жертвоприношеніями и мольбами призывали на землю плодотворные лучи солнца и дождь, даръ божествъ свѣтлыхъ... Изумительный tour de force учености, свидѣтельствующій только о томъ, какъ могутъ увлекаться дѣль-

ные и талантливые изслѣдователи, когда погружаются въ мракъ до-историческихъ преданій безъ путеводной нити общаго взгляда и строгаго метода! Простота, непосредственность, первоначальность нашихъ повѣрій опровергаютъ это хитрое объясненіе сами собою, безъ всякаго аппарата учености и критики. Гдѣ, въ которомъ изъ нашихъ народныхъ повѣрій можно встрѣтить подобные символы? Всѣ эти повѣрья объясняются житейскими фактами, явленіями природы: непосредственный ихъ смыслъ — всегда ближайшій и вѣрнѣйшій. И въ этой-то самой первобытной языческой религіи изъ всѣхъ намъ доселѣ извѣстныхъ у народовъ индо-европейскаго племени, авторъ съумѣлъ отыскать философскій миѳъ. Удивительно! Авторъ обращается къ индійскимъ вѣрованіямъ, чтобъ объяснить повѣрье о доеніи коровъ. Не знаемъ, почему онъ, прежде чѣмъ пустился въ этотъ обманчивый и сомнительный путь, на которомъ заблудилось столько талантливыхъ нашихъ ученыхъ, зачѣмъ, говоримъ мы, не осмотрѣлся онъ около себя поближе, по тому правилу, что русское повѣрье правильнѣе объяснить русскимъ бытомъ, чѣмъ индійскимъ или другимъ. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, онъ нашелъ бы весьма простое объясненіе и повѣрья о доеніи коровъ вѣдьмами и колдунами. Въ «Земледѣльческомъ Календарѣ» г. Э. Рудольфа, примѣненномъ къ хозяйству сѣверной и средней полосъ Россіи (изд. 2-е, Спб., 1849), читаемъ —

Подъ мѣсяцемъ декабремъ: «Дознано опытомъ, что животныя, поставленныя во дворѣ, и ничѣмъ не обезпокоиваемыя, лучше отъѣдаются (при одинаковомъ кормленіи), чѣмъ животныя, кормящіяся на пастбищахъ» (стр. 298).

Подъ мѣсяцемъ январемъ: «Для распложенія или для приплода лучшіе телята тѣ, которые родятся въ январѣ и февралѣ, и лучше пусть теленіе будетъ ранѣе этихъ мѣсяцевъ, чѣмъ позже» (стр. 306).

Подъ мѣсяцемъ апрѣлемъ: «Рогатый скотъ можно въ концѣ апрѣля выпускать на паству; но рѣдко случаются такіе годы, въ которые онъ могъ бы наѣдаться до сыта прежде первыхъ чиселъ мая» (стр. 20). «Природное побужденіе животныхъ къ отыскиванію, по волѣ, свѣжаго корма оказывается въ апрѣлѣ столь сильно, что одно лишь задаваніе лучшаго корма и приправленіе его солью можетъ производить одинаковое состояніе животныхъ съ тѣмъ, въ какомъ они находились прежде» (тамъ же). «Если рогатый скотъ въ апрѣлѣ линяетъ или уже вылинялъ прежде, то это знакъ, что уходъ за скотомъ хорошъ, и можно быть увѣреннымъ, что и доходъ отъ него будетъ хорошій» (стр. 22).

Подъ мѣсяцемъ іюнемъ: «Наибольшее количество доброкачественнаго молока надоивается отъ тѣхъ коровъ, которыя не только продовольствуются изобильнымъ и питательнымъ кормомъ, но которыя, при съѣданіи этого корма, употребляютъ мало усилія и времени, и которыя большую часть времени проводятъ въ совершенномъ покоѣ. На этомъ явленіи основано замѣчаніе, что молочный скотъ, кормящійся круглый годъ на стойлѣ, даетъ наибольшее количество молока» (стр. 141).

Подъ тѣмъ же мѣсяцемъ: «Въ концѣ іюня, когда всѣ травы въ совершенномъ ихъ развитіи, и скотъ на привольныхъ пажитяхъ, даже и послѣ зимней безкормицы и сопряженнаго съ симъ безсилія, отгуляется... когда скотъ наѣдается совершенно, и на пастьбѣ находитъ не только достаточную, но изобильную пищу: то съѣдаемый имъ кормъ можетъ оказывать полное дѣйствіе на тѣ произведенія, которыя потребуются содержателями скота. Въ іюнѣ мѣсяцѣ должно обратить особенное вниманіе на молочные скопы»... (стр. 139 и 140).

Подъ мѣсяцемъ іюлемъ: «Пастьба скота становится весьма обильною по уборкѣ съ луговъ сѣна; но гдѣ нѣтъ вблизи лѣсовъ, въ которыхъ бы скотъ могъ найдти защиту отъ паля-

щихъ лучей солнца, тамъ должно его въ полдень съ пастьбы пригонять домой... Кто, живя въ деревнѣ, не замѣчалъ, съ какимъ наслажденіемъ домашній скотъ, кромѣ овецъ, по цѣлымъ часамъ стоитъ въ водѣ! Это освѣженіе ему необходимо, и гдѣ эта потребность не удовлетворяется, тамъ бываютъ разныя болѣзни, каковы: ящуръ, копытная зараза, сибирская язва и пр.» (стр. 182).

Довольно этихъ выписокъ. Онѣ достаточно показываютъ, что времена года, къ которымъ повѣрья относятъ преимущественно доеніе коровъ вѣдьмами, суть вмѣстѣ важныя эпохи въ годичной жизни этого, столько полезнаго въ крестьянскомъ быту домашняго животнаго. Въ апрѣлѣ корову впервые выпускаютъ на пастьбу; къ этому времени за нею долженъ быть особенно тщательный уходъ; къ тому же времени относится случка и линянье рогатаго скота. Въ концѣ іюня корова даетъ отличное и обильное молоко; въ іюлѣ, отъ сильнаго жара, она подвержена болѣзнямъ; въ декабрѣ откармливаютъ скотъ; въ январѣ или февралѣ коровы телятся. Вообще же зимою коровы, содержимыя въ хлѣвахъ и теплыхъ закутахъ, даютъ обильное и хорошаго качества молоко. Не проще ли этимъ образомъ жизни коровы, этими данными нашего крестьянскаго домоводства, объяснить повѣрья, которыя кажутся столь темными и загадочными г. Аѳанасьеву? Наши предки-язычники не понимали причинъ естественныхъ явленій и не знали, какъ ихъ устранить или, напротивъ, вызвать. Оттого они и приписали ихъ таинственнымъ дѣятелямъ; вредныя — враждебнымъ силамъ, или дѣйствію злыхъ людей. Попробуйте похвалить здоровое дитя: нянька, если она придерживается предразсудковъ, прійдетъ въ ужасъ; ей будетъ мерещиться порча, и заболи, набѣду, ребенокъ—навѣрное вы его сглазили. Точно такъ же боятся крестьяне въ іюнѣ, что вѣдьмы задоятъ коровъ: въ это время коровы богаты хорошимъ молокомъ. А болѣзни, чахлость

скота, чему же могли приписать язычники, какъ не порчѣ? Такой же опасности подвергалась скотина и въ то время, когда телилась, и т. д. Замѣтимъ кстати, что доятъ коровъ только вѣдьмы, а не колдуны. Послѣдніе и вовкулаки сосутъ, а не доятъ коровъ. Это потому, что доятъ коровъ, по нашимъ обычаямъ, только женщины, такъ что мущины, принимаясь за это бабье дѣло, надѣваютъ непремѣнно на голову платокъ, чтобъ имѣть видъ женщины.

Признаемся, насъ столько жь удивило натянутое объясненіе повѣрья о доеніи коровъ, данное г. Аѳанасьевымъ, сколько и странное упущеніе изъ виду самаго простаго, ближайшаго его смысла.

На стр. 111—127 авторъ подробно объясняетъ значеніе повѣрья, что вѣдьмы и колдуны два раза въ году летаютъ на шабашъ, на Лысую гору. Нельзя не отдать полной справедливости тому тщанію и добросовѣстности, съ которыми изложены и разсмотрѣны всѣ данныя, сюда относящіяся, и ни одинъ не оставленъ безъ толкованія и критическаго разбора. Къ сожалѣнію, мы и здѣсь не можемъ согласиться съ авторомъ ни въ общемъ, ни въ частностяхъ. Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что въ этомъ преданіи сохраняется воспоминаніе о двухъ языческихъ празднествахъ, совершавшихся въ незапамятныя времена и соотвѣтствующихъ Коледѣ и Купалѣ. Мнѣніе это кажется весьма правдоподобнымъ. Но когда авторъ прибавляетъ къ этому, что на Лысой горѣ совершались языческія богослуженія и жертвоприношенія, и весьма подробно выводитъ это изъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ, по народнымъ повѣрьямъ, полеты вѣдьмъ, то трудно съ нимъ согласиться, потому что онъ очевидно увлекается своею любимою мыслью и, такъ сказать, пріурочиваетъ эти повѣрья къ такой эпохѣ развитія язычества, до которой у Славянъ оно не успѣло развиться. Повѣрье о полетѣ вѣдьмъ просто говоритъ,

что колдуны и вѣдьмы собираются на Лысую гору для совѣщаній и общаго веселья, для пиршества. Гдѣ же тутъ богослуженіе, гдѣ жертвоприношеніе? Совѣщаются колдуны и вѣдьмы, какъ видно изъ приведенныхъ авторомъ повѣрій, на пагубу людей и домашнихъ животныхъ. Тутъ — ни тѣни богослуженія. Общее же веселье и пиршество (гулянье), очевидно, языческое игрище. Игрище безспорно могло имѣть богослужебное значеніе у язычниковъ. Но какое? Въ разныя эпохи развитія языческихъ вѣрованій оно бываетъ различное. Въ языческихъ религіяхъ, болѣе развитыхъ, игрище есть принадлежность богослуженія; въ религіяхъ болѣе древнихъ оно есть только зародышъ послѣдняго, а прямой его смыслъ и значеніе — непосредственное выраженіе чувствъ и ощущеній. На этой степени развитія игрище — не обрядъ, а фактъ безсознательный. Таковы были первоначально многіе хороводы, таковы были тризны и другіе пиры; таковы могли быть отчасти игрища, упоминаемыя Несторомъ при описаніи русско-славянскихъ племенъ. Игрище вѣдьмъ и колдуновъ на Лысой горѣ имѣетъ, очевидно, соотвѣтствіе съ купальскими игрищами, въ которыхъ не видно слѣдовъ богослуженія. Не имѣя положительныхъ доказательствъ, что у нашихъ предковъ-язычниковъ были боги, и, по общему характеру и свойству ихъ языческихъ повѣрій, считая невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, что они были, мы позволимъ себѣ усомниться въ богослужебномъ значеніи игрищъ на Лысой горѣ, тѣмъ болѣе, что прямой смыслъ относящихся сюда повѣрій не даетъ права дѣлать этотъ выводъ.

Наконецъ, начиная съ 150 страницы, г. Аѳанасьевъ говоритъ о превращеніяхъ вѣдьмъ и колдуновъ. Вопросъ весьма любопытный въ исторіи языческихъ вѣрованій! Авторъ приводитъ вѣрованіе въ обращеніе въ близкое соотношеніе съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ умершихъ, и выводитъ оба

изъ смутныхъ представленій, которыя имѣли язычники о загробной жизни. Весь этотъ предметъ, какъ замѣчаетъ и самъ авторъ, дѣйствительно весьма теменъ. Совсѣмъ тѣмъ, намъ кажется, что и тутъ путь, избранный г. Аѳанасьевымъ для отысканія ключа къ разрѣшенію вопроса — слишкомъ далекъ и невѣренъ. Мы думаемъ, что это вѣрованіе ведетъ свое начало съ того времени, когда непосредственное обожаніе предметовъ и явленій природы стало мало-по-малу смѣняться обожаніемъ невидимыхъ силъ, которыя, по представленіямъ язычниковъ, въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствовали и проявлялись. Представить себѣ эти силы отвлеченно первобытные язычники не могли. Они должны были вообразить ихъ себѣ живыми существами съ разумомъ и волею, другими словами — съ аттрибутами нравственной природы человѣка. Отъ этого вѣрованія къ вѣрованію въ такъ-называемыхъ оборотней и въ переселеніе душъ переходъ былъ очень нетруденъ, особенно при помощи живой фантазіи, необуздываемой ничѣмъ и незнающей другаго предѣла, кромѣ своего безграничнаго произвола.

Невходя въ дальнѣйшее развитіе этой ипотезы, о которой надѣемся поговорить когда-нибудь подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, замѣтимъ здѣсь только, что способность оборачиваться, приписываемая повѣрьями колдунамъ и вѣдьмамъ, недовольно обратила на себя вниманіе г. Аѳанасьева. Будь вѣдьмы и колдуны обыкновенными жрецами и жрицами древняго язычества, отчего бы, кажется, не имѣть этой способности всѣмъ старѣйшимъ въ семействѣ и домѣ? Они, какъ мы сказали, могли до нѣкоторой степени имѣть когда-то богослужебное значеніе и быть служителями домашняго божества — а между тѣмъ они обращаться не могутъ, а обращаются только вѣдьмы и колдуны. Ясно, что и тѣ и другія, по народнымъ повѣрьямъ, имѣли особенное какое-то значеніе, обладали сверхъестественными, чрезвычайными силами.

После всего этого остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое, по нашему мнѣнію, были вѣдьма и вѣдунъ во времена язычества. Г. Аѳанасьевъ весьма справедливо замѣтилъ, что они не олицетворенія дѣйствительныхъ предметовъ или представленій, но живыя лица. Вѣдуны и вѣдьмы были люди, обладающіе таинственнымъ знаніемъ благодѣтельныхъ и вредоносныхъ свойствъ и силъ природы, и потому язычники приписывали имъ сношеніе съ невидимыми духами. Имъ была открыта и доступна тайная наука. Оттого таинственный, сверхъестественный характеръ ихъ. Вѣдьмы и вѣдуны могли, поэтому, явиться тогда только, когда образовалось вѣрованіе въ этихъ невидимыхъ духовъ между язычниками, вслѣдъ за постепеннымъ упадкомъ непосредственнаго обожанія видимыхъ предметовъ и явленій природы. Вѣдуновъ представляютъ повѣрья стариками, вѣдьмъ — старухами, потому что лѣта и опытность, а не систематическое ученіе давали мудрость, и эта мудрость дѣйствительно могла быть пріобрѣтена только временемъ и лѣтами. Дѣвицами же и молодыми женщинами представляютъ вѣдьмъ потому, что только онѣ и, крайне рѣдко, мущины могли имѣть наклонность къ галлюцинаціи, составлявшей, по невѣжественному понятію язычниковъ, неопровержимый признакъ сношенія съ духами. Такимъ образомъ вѣдьмы и колдуны не были ни жрецами, ни жрицами, а просто были вѣщіе мужи и женщины, что̀ доказывается и ихъ названіемъ. Они всегда стояли внѣ обыкновенной, установленной обычаями и преданіями языческой религіи, и потому не составляли и не могли образовать сословія или касты, будучи явленіями необыкновенными, исключеніями изъ общаго правила. Тамъ, гдѣ они были и гдѣ ихъ было много, они имѣли большое вліяніе и значеніе; это безспорно и объясняется весьма легко ихъ таинственнымъ знаніемъ и силою. Такихъ вѣдуновъ и вѣдьмъ находимъ, подъ разными назва-

ніями, почти у всѣхъ порвобытныхъ язычниковъ. Вездѣ они являются отдѣльно отъ обыкновенныхъ жрецовъ и съ тѣмъ же значеніемъ, какъ наши вѣдуны и вѣдьмы.

Вотъ главныя замѣчанія и возраженія на статью г. Аѳанасьева. Объ ней можно было бы сказать гораздо больше, ибо каждая почти страница представляетъ спорные пункты и, по моему мнѣнію, неправильные выводы и объясненія. Здѣсь ограничимся сказаннымъ, предоставляя себѣ возвратиться къ этой статьѣ при первомъ удобномъ случаѣ.

IV.

РАЗНЫЯ СТАТЬИ

и

СМѢСЬ.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ.

—

Русская сельская община, какъ всѣ предметы, до которыхъ не касалась наука, подаетъ поводъ въ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Попробуйте о ней поспорить съ кѣмъ бы то ни было, и вы увидите, что каждый соединяетъ съ нею свое особливое понятіе. Оно и не можетъ быть иначе. Община — явленіе живое, дѣйствительное и оттого весьма сложное; она органически связана со всѣми сторонами нашей народной жизни, находится подъ ихъ вліяніемъ и сама на нихъ вліяетъ. Естественно, что каждый смотритъ на общину съ своей точки зрѣнія, подводить ее подъ общія свои понятія о народной жизни вообще и нашей въ особенности. А кто можетъ похвалиться, что понялъ ее вполнѣ, проникъ всѣ тайники ея въ прошедшемъ и настоящемъ, и съ увѣренностію можетъ указать хотя главныя ея направленія въ будущемъ? Оттого, каждый видитъ въ русской сельской общинѣ одну какую-нибудь сторону, и потому, порицая или защищая ее, относительно правъ; не правъ же потому, что или вовсе не замѣчаетъ, или не довольно взвѣшиваетъ другія стороны того же явленія.

Первый, самый обильный источникъ недоразумѣній относительно русской сельской общины, — это смѣшеніе общины административной съ поземельною. Находятъ, что община поглащаетъ индивидуальность, не даетъ почти никакого про-

стора личности и гражданской самостоятельности членамъ общины, и тѣмъ парализуетъ ихъ силы, существенно мѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ развитію нравственныхъ и экономическихъ силъ всего государства. Упрекъ справедливъ, но къ кому онъ относится? Очевидно къ общинѣ административной. Подать лежитъ не на землѣ, а на душѣ; рекрутскую повинность отправляетъ не всякій за себя, а нѣсколько лицъ изъ числа тысячи ревизскихъ душъ. Всѣ повинности натуральныя, подати, сборы, самый поземельный оброкъ разсчисляются по числу душъ. При такомъ личномъ характерѣ податей и повинностей, отвѣтственность за исправное отправленіе ихъ со стороны общины неизбѣжна. Государству невозможно имѣть дѣло непосредственно съ каждымъ изъ податныхъ людей въ отдѣльности, и оно поручаетъ это общинамъ, возлагаетъ на нихъ надзоръ надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и отвѣтственность за нихъ. Для этого общины снабжены большою принудительною властью относительно каждаго изъ своихъ членовъ. Кто приписанъ по уплатѣ податей и повинностей къ общинѣ, тотъ не можетъ выдти изъ нея безъ ея согласія, не можетъ отлучаться изъ нея безъ ея позволенія; не платитъ онъ податей, община его наказываетъ, потому что за него отвѣчаетъ передъ правительствомъ; а если онъ такъ замотался, что и платить не можетъ, — община или ставитъ его въ рекруты вмѣсто исправныхъ хозяевъ, или совсѣмъ отъ него отказывается и отдаетъ его въ распоряженіе правительства. Такая круговая отвѣтственность всѣхъ за одного тяжела для первыхъ, тяжела и для послѣдняго, потому что на практикѣ стѣснительна для правыхъ, и виноватыхъ. Три четверти возраженій противъ общины направлены съ этой стороны, но относятся не ко всѣмъ сторонамъ ея, а только къ одной, административной. Честь этого различенія безспорно принадлежитъ, если не ошибаемся, Сельскому Благоустройству, въ особенности почтенному ре-

дактору ея, г. Кошелеву. Вездѣ и при всякомъ случаѣ онъ указываетъ на различіе и, отстаивая общину поземельную, постоянно напоминаетъ, что не къ ней относятся возраженія, вызываемыя противъ общины ея теперешнимъ административнымъ устройствомъ. Дѣйствительно, послѣднее зависитъ отъ общей финансовой системы, существующей у насъ съ Петра Великаго, и съ измѣненіемъ ея можетъ измѣниться административнымъ или законодательнымъ порядкомъ, не касаясь поземельнаго устройства.

Обратимся теперь къ поземельной общинѣ.

Владѣніе землею міромъ, какъ называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально. Такъ какъ самый способъ этого владѣнія не всѣмъ одинаково извѣстенъ и тѣмъ затемняются разсужденія объ этомъ предметѣ, то я считаю необходимымъ представить его на сколько самъ знаю. Тѣ, которымъ онъ больше и лучше извѣстенъ, потрудятся исправить мои ошибки и оговорить невольныя и неизбѣжныя недомолвки. По крайней мѣрѣ всякій, прочитавъ слѣдующія строки, будетъ точнымъ образомъ знать что̀ я разумѣю подъ общиннымъ владѣніемъ и на какихъ фактахъ основаны всѣ дальнѣйшіе выводы, а это первое условіе всякихъ разсужденій и споровъ.

Русская сельская община, поселена ли она на своей землѣ, или на казенной, или хоть на помѣщичьей — если только послѣдняя предоставлена въ полное ея пользованіе, какъ напримѣръ въ оброчныхъ имѣніяхъ, — даетъ каждому изъ своихъ членовъ равное участіе въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ. Временная отлучка, хотя и продолжительная, не лишаетъ члена общины права на такое участіе, особливо когда въ селѣ остается семья отлучившагося. На такомъ положеніи остаются членами общинъ тысячи торгующихъ по свидѣтельствамъ крестьянъ, живущихъ въ городахъ, имѣющихъ тамъ торги и промыслы: ихъ семьи остаются очень часто въ деревняхъ, и живутъ тамъ

своими хозяйствами, на полномъ крестьянскомъ участкѣ. Но если крестьянинъ совсѣмъ покинетъ свое общество, перечислится въ другое, или переѣдетъ на постоянное житье въ городъ, и послѣ него никого не останется въ томъ обществѣ, то онъ лишается участія въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ, безъ всякаго вознагражденія: участокъ его оставляется имъ безвозмездно въ распоряженіе міра, исключая движимости, которая остается его собственностью, и принадлежавшихъ ему жилыхъ и другихъ строеній, которыя онъ можетъ вывезти съ собою, продать, уступить односельчанину, но не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни продать или уступить постороннему, ни оставить за собою на прежнемъ своемъ участкѣ. Въ отношеніи къ государственнымъ крестьянамъ этотъ народный обычай закрѣпленъ закономъ, съ необходимою оговоркой, что избою и другими строеніями оставляющій общину крестьянинъ не можетъ распорядиться какъ полною собственностью, если они построены изъ казеннаго лѣса.

Итакъ, въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ имѣетъ часть только членъ мірскаго общества, пока остается его членомъ, т. е. пока имѣетъ въ немъ осѣдлость; получаетъ онъ ее безвозмездно, не платя за нее ничего впередъ; онъ имѣетъ право на часть, равную со всѣми прочими членами того же общества, хотя и можетъ, если самъ захочетъ, взять меньшую часть, чѣмъ другіе. Конечно, взятіе участка, равнаго со всѣми, бываетъ обязательно тамъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла жителей, а раскладка податей и повинностей производится по землѣ; но такой случай составляетъ изъятіе изъ общаго правила, и притомъ изъятіе, вытекающее не изъ самаго общиннаго владѣнія, а изъ финансоваго характера, сообщеннаго нашимъ общинамъ законодательствомъ. Наконецъ, оставляя свое общество и перенося осѣдлость въ другое мѣсто, крестьянинъ лишается всякаго права на часть въ землѣ и угодьяхъ, и лишается безвозмездно; не въ правѣ даже оставить своего бывшаго

жилья за собою, ни строеній, потому что они на мірской землѣ, въ которой у него нѣтъ болѣе части; послѣдняя поступаетъ въ распоряженіе міра; выбывающій членъ общины не можетъ по своей волѣ сдать ее другому крестьянину, посадить его вмѣсто себя, войдти съ нимъ объ этомъ въ сдѣлку, потому что земляной пай не принадлежитъ ему болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть членомъ общества. Не знаю, встрѣчаются ли случаи, чтобы крестьянинъ, надолго отлучаясь изъ общества, но продолжая въ немъ числиться, отдалъ свой пай другому крестьянину въ наемъ на время отлучки. Быть-можетъ, что такія сдѣлки и бываютъ, но онѣ противны основнымъ правиламъ мірскаго владѣнія, по которому всякій можетъ пользоваться своею частью, но не можетъ уступать ее другому отъ себя, по частному условію.

Какъ же пользуются члены общины мірскими землями и угодьями? Способъ пользованія весьма различенъ, смотря по землямъ и угодьямъ. Въ исключительномъ, постоянномъ пользованіи находится усадьба; лѣсъ состоитъ въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины, по мѣрѣ надобности; также и выгонъ, если по мѣстнымъ обычаямъ выгоны не прирѣзаны къ усадьбамъ; луга и сѣнокосы, тоже, смотря по мѣстнымъ обычаямъ, или раздѣляются на участки ежегодно, передъ косьбой, по числу земляныхъ частей, и тогда каждый коситъ и убираетъ свой участокъ особливо на себя; или же сѣно косится и ставится въ копны всѣмъ міромъ, и затѣмъ уже дѣлится на равныя части, тоже по числу земляныхъ частей. Мнѣ не встрѣчалось видѣть, чтобы сѣнокосныя и луговыя мѣста дѣлились на постоянные участки, но очень можетъ быть, что есть въ иныхъ мѣстностяхъ и этотъ обычай. Наконецъ, при повсемѣстной почти у насъ трехпольной системѣ хозяйства, полевая мірская земля дѣлится на три поля: озимое, яровое и паръ. Послѣдній служитъ пастбищемъ для скота всей общины,

который и пасется вмѣстѣ; каждое изъ остальныхъ двухъ полей, озимое и яровое, раздѣляется или по числу душъ, или по числу тяголъ, на равныя части. Эти части рѣдко отводятся къ однимъ мѣстамъ. Качество и плодородіе почвы, мѣстоположеніе пашни, на ровномъ мѣстѣ, на низкомъ или высокомъ, на косогорѣ, вблизи или вдали отъ села или деревни и т. д.,—все это принимается крестьянами въ самое внимательное соображеніе при надѣлѣ участковъ. Оттого, каждое поле разбивается сначала на клины, и каждый клинъ, для безошибочной уравнительности участковъ, дѣлится на столько жеребьевъ. сколько всего слѣдуетъ быть поземельныхъ участковъ. Затѣмъ крестьяне мечутъ жребій всѣмъ міромъ, и кому въ какомъ полѣ и клину какой жребій достанется, тотъ имъ и владѣетъ. По жеребью же распредѣляются ежегодно и луговые участки, гдѣ въ обычаѣ отводить ихъ участками. При раздѣлѣ луговъ и сѣнокосовъ обращается такое же вниманіе на свойство мѣстности, качество и количество травы и т. п. Впрочемъ членамъ общины не запрещается мѣняться жеребьями, доставшимися имъ въ полѣ или сѣнокосѣ и уступать ихъ другъ другу по добровольнымъ сдѣлкамъ. Такія сдѣлки дѣйствительны на все время ихъ отвода. Итакъ. только такими угодьями, каковы лѣсъ, выгонъ, пастбище, крестьяне владѣютъ собща, усадьбами же и полевою землею каждый изъ членовъ общины владѣетъ или пользуется про себя, отдѣльно отъ прочихъ членовъ міра. Такое отдѣльное пользованіе примѣняется мѣстами даже къ сѣнокосамъ и выгонамъ, о чемъ уже было сказано выше.

Сроки пользованія одними и тѣми же земляными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по мѣстности, обстоятельствамъ и обычаямъ. Въ однихъ мѣстахъ передѣлъ производится ежегодно; у государственныхъ крестьянъ закономъ опредѣлено передѣлять землю не иначе, какъ съ наступленіемъ новой ревизіи: здѣсь за начало принятъ не тягловый, а душевой надѣлъ;

наконецъ, есть сельскія общества, въ которыхъ поземельные участки никогда не передѣляются и остаются неизмѣнными. Подобное устройство землевладѣнія я видѣлъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и, сколько знаю, оно установлялось по настоянію владѣльцевъ, а не крестьянскаго общества, но потомъ вошло въ обычай, за который крестьяне крѣпко держатся, по причинамъ, которыя представлю ниже. Между этими тремя главными видами срочнаго и безсрочнаго общиннаго землевладѣнія есть множество оттѣнковъ: такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлъ бываетъ не ежегодно и не вслѣдствіе новой ревизіи, а съ принятіемъ въ общество или выбытіемъ изъ него членовъ, и т. п.

Вотъ главнѣйшіе изъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ общиннаго землевладѣнія.

Возраженія противъ него идутъ преимущественно отъ сельскихъ хозяевъ и экономистовъ. Разверстка поземельныхъ жеребьевъ, говорятъ они, подаетъ поводъ къ чрезмѣрной ихъ дробности, такъ что по иной полосѣ и соха съ трудомъ пройдетъ. Передѣлы земли, особливо когда они часто возобновляются, отнимаютъ у крестьянина всякую охоту унавоживать и улучшать землю, потому что она можетъ достаться другому. Правда, есть у насъ земли, которыя теперь пока не удобряются, и по качеству и положенію своему совершенно однообразны. Въ такихъ мѣстностяхъ при отводѣ жеребьевъ нѣтъ чрезполосицы, и вопросъ о томъ, гдѣ пахать въ нынѣшнемъ году, гдѣ въ будущемъ, не представляетъ никакой важности. Но это — хозяйство первобытное, младенческое, и рано или поздно оно должно уступить мѣсто улучшеннымъ способамъ земледѣлія. Положимъ, что время это не скоро наступитъ; но все же когда-нибудь оно наступитъ. Тамъ, гдѣ потребность болѣе тщательной обработки земли уже чувствуется, хорошіе хозяева-крестьяне уже тяготятся теперешнею системой раз-

верстки и надѣла, и она остается лишь по настоянію большинства, которое частью по привычкѣ и по нелюбви къ нововведеніямъ, а частью и изъ ошибочнаго разсчета, упорно держится старины. Большинству, конечно, выгодно вводить въ общій передѣлъ земли, унавоженныя хорошими хозяевами и получать частичку въ нихъ даромъ, что̀ при жеребьевомъ надѣлѣ легко можетъ случиться и часто случается. Такимъ образомъ, лѣнивый или по крайней мѣрѣ посредственный хозяинъ получаетъ при передѣлѣ, безъ всякаго вознагражденія, часть въ землѣ удобренной, а послѣдній въ замѣнъ ея — пустую землю, теряя свою хорошую. Но какой же конечный результатъ такого порядка? Хорошій хозяинъ, не имѣя понужденія трудиться и унавоживать свою полосу, не прилагаетъ къ ней рукъ и хозяйничаетъ подобно большинству, отчего крестьянское мірское хозяйство не можетъ выбиться изъ заведенной колеи и подняться надъ уровнемъ жалкой посредственности.

Что это коренное неудобство теперешняго порядка общиннаго землевладѣнія необходимо устранить, въ томъ всѣ согласны. Но какъ устранить? Здѣсь то и расходятся мнѣнія. Одни отвергаютъ самое начало общиннаго землевладѣнія, и требуютъ совершенной его отмѣны, съ разными варіяціями насчетъ того, когда и какъ этому совершиться. Они считаютъ общинное землевладѣніе неисправимымъ, и требуютъ замѣны его личною наслѣдственною поземельною собственностью, которая одна, по ихъ мнѣнію, вполнѣ можетъ соотвѣтствовать предстоящей гражданской самостоятельности и правамъ крестьянскаго сословія. Другіе смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе. По мнѣнію ихъ, передѣлы и черезполосицы не суть неизбѣжныя, существенныя принадлежности общиннаго землевладѣнія, и потому послѣднее, несмотря на ихъ отмѣну, легко можетъ быть сохранено. Передѣлы, черезполосицы вытекаютъ изъ

теперешняго способа пользованія общинными землями, который слѣдуетъ измѣнить; но общинное землевладѣніе удержать необходимо. Мнѣніе это высказано въ этой формѣ г. Самаринымъ и потомъ неоднократно высказывалось г. Кошелевымъ, въ «Сельскомъ Благоустройствѣ». Неотъемлемая и великая заслуга этихъ писателей состоитъ безспорно въ томъ, что они ознакомили публику съ сущностью и формами общиннаго землевладѣнія, уяснили фактическую его сторону и выставили на видъ странныя и даже забавныя недоразумѣнія относительно этой, столь повсемѣстной и общепринятой между нашими крестьянами, формы пользованія общественною землей.

Различеніе способа пользованія общинною землей отъ общиннаго землевладѣнія не удовлетворило многихъ. Какой можетъ оно имѣть смыслъ? Если измѣнить теперешній способъ пользованія общинною землей, чѣмъ же станетъ само общинное землевладѣніе? Должно же оно, въ той или другой формѣ, перейдти въ личную собственность!

Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. Сдѣлавъ это различіе, уступивъ передѣлъ общинныхъ земель и въ то же время крѣпко отстаивая общинное землевладѣніе, гг. Самаринъ и Кошелевъ, какъ мнѣ кажется, доказали глубокое знаніе дѣла и вѣрное прозрѣніе въ великую роль, которую, повидимому, суждено играть общинному землевладѣнію въ устройствѣ и судьбахъ нашего землевладѣльческаго сословія. Я позволю себѣ изложить здѣсь тѣ мысли, которыя сложились въ моей головѣ послѣ долгихъ размышленій о нашихъ общинахъ.

Отъ передѣловъ мірской земли, рано или поздно, придется отказаться совсѣмъ: это безспорно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идя послѣдовательно, придется отказаться и отъ начала, изъ котораго передѣлы проистекаютъ, именно отъ надѣленія каждаго изъ членовъ общины равнымъ землянымъ паемъ; ибо при

постоянныхъ, неопредѣленныхъ участковъ и съ увеличеніемъ народонаселенія это станетъ рѣшительно невозможно.

Но и за этими важными перемѣнами, общинное землевладѣніе сохранитъ еще много особенностей, одному ему свойственныхъ. Юридически оно опредѣляется слѣдующими положеніями:

1) Членъ общины не имѣетъ права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владѣнія и пользованія. Потому онъ не можетъ отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не можетъ его закладывать; дѣти и родственники не наслѣдуютъ его, по смерти крестьянина; наконецъ, отведенный обществомъ земляной пай не можетъ быть проданъ въ удовлетвореніе долговъ и взысканій, лежащихъ на владѣющемъ имъ членѣ общины, какіе бы они ни были;

2) Владѣніе и пользованіе общинною землей неразрывно связано съ постоянною осѣдлостью въ общинѣ. Владѣть и пользоваться общинною землей можетъ лишь самъ членъ общины непосредственно, или его семейство; поэтому нельзя владѣть общинными земляными паями, въ одно и то же время, въ нѣсколькихъ общинахъ, а можно только въ одной; нельзя владѣть въ одной и той же общинѣ двумя или болѣе паями, если есть члены общины, не надѣленные землей и желающіе получить паи на свою долю, но нѣтъ свободныхъ паевъ; нельзя сдавать, уступать, дарить и вообще отчуждать какимъ бы то ни было образомъ, при жизни или на случай смерти, владѣніе и пользованіе общиннымъ участкомъ посредствомъ частной сдѣлки, не только члену другой общины, но даже члену той самой, къ которой принадлежитъ владѣлецъ;

и 3) владѣніе и пользованіе общинною землей соединено съ отправленіемъ извѣстныхъ податей и повинностей и есть пожизненное; но если послѣ умершаго владѣльца остались малолѣтныя сироты, или взрослый сынъ, не имѣющій своего

земляного пая, то они имѣютъ предпочтительно передъ всѣми прочими соискателями право удержать за собой отцовскій пай. Общинные участки отводятся безденежно, то-есть безъ требованія залога, поручительства или задатка въ обезпеченіе исправнаго отправленія податей и повинностей. По смыслу общинныхъ учрежденій, каждый воленъ, во всякое время, отказаться отъ своего участка, отбывъ соединенныя съ его владѣніемъ подати и повинности. Онъ въ правѣ распорядиться своею движимостью и строеніями какъ хочетъ, но не имѣетъ никакого права на вознагражденіе за сдѣланныя имъ въ своемъ паю хозяйственныя улучшенія. Оставляя совсѣмъ общину, онъ обязанъ свезти или продать свои строенія; но отъ усмотрѣнія общины зависитъ позволить ему жить въ ней, не владѣя земляннымъ паемъ, и въ такомъ случаѣ жилое строеніе и усадьба остаются за нимъ. Наконецъ, поземельный участокъ отнимается у владѣльца, если онъ неисправно платитъ подати и повинности, и всѣ другія мѣры взысканія окажутся безуспѣшными или невозможными.

Всѣ эти положенія существуютъ въ дѣйствительности и частью держатся обычаемъ, частью перешли въ законъ. Разсматривая ихъ поодиначкѣ, можно подмѣтить сходство ихъ то съ тою, то съ другою формой землевладѣнія, выработанными римскимъ правомъ и законодательствами новыхъ христіянскихъ народовъ; но взятыя въ совокупности, они представляютъ особливый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстные доселѣ и всего менѣе на личную собственность. Какъ же послѣ этого не сказать, что общинное землевладѣніе можетъ сохраниться, несмотря на прекращеніе передѣловъ, устраненіе черезполосицы и отмѣну права каждаго изъ членовъ общины на равный надѣлъ землею!

Но всего любопытнѣе и поразительнѣе то, что общинное землевладѣніе, которое обыкновенно считается запоздалымъ

остаткомъ варварскихъ временъ, удѣломъ безличныхъ массъ, не представляетъ, за устраненіемъ названныхъ выше несущественныхъ его принадлежностей, ни одного положенія, которое бы не подходило подъ правила любаго гражданскаго права, наиболѣе благопріятствующаго личной независимости и свободѣ.

Многіе найдутъ это мнѣніе или ложнымъ, или по крайней мѣрѣ преувеличеннымъ; а между тѣмъ эта истина неоспоримая.

Говорятъ: безвозмездный отводъ землянаго пая есть благодѣяніе, которое не подходитъ ни подъ какія юридическія правила, и возможно лишь до тѣхъ поръ, пока есть довольно земли для такого рода благотвореній. Увеличится народонаселеніе, вздорожаетъ земля, и тогда оно по необходимости прекратится. Придется и съ этимъ распроститься, какъ съ передѣломъ участковъ и равнымъ надѣломъ землею всѣхъ членовъ общины.

Это замѣчаніе основано на очевидномъ недоразумѣніи. Нельзя называть благодѣяніемъ или благотвореніемъ отводъ земли, съ обязанностью платить за то подати и отправлять повинности. Правда, исправное отправленіе ихъ ничѣмъ не обезпечивается. Но развѣ это благотвореніе? Это кредитъ, къ развитію котораго стремятся всѣ законодательства въ мірѣ, видя въ немъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей промышленности и благосостоянія. И надобно сказать, что кредитъ, оказываемый владѣльцу общинной земли, далеко еще не такой рискованный, какіе встрѣчаются въ Европѣ, гдѣ считать умѣютъ.

Скажутъ: чѣмъ оправдать правило, что за участокъ, оставляемый членомъ общины, послѣдняя не даетъ ему никакого вознагражденія? Какая же тутъ справедливость! Крестьянинъ владѣлъ участкомъ, можетъ-быть, нѣсколько поколѣній сряду, улучшилъ, удобрилъ его, положилъ въ него трудъ и капи-

талъ, — и все это онъ долженъ оставить даромъ, безвозмездно! Это, очевидно, отнимаетъ у него всякое поощреніе улучшать свое хозяйство и заставляетъ хозяйничать кое-какъ, спустя рукава, жить со дня на день.

Кажется, будто это дѣйствительно такъ; а взгляните поближе: на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое.

Всѣ знаютъ, что̀ такое договоръ объ отдачѣ земли въ содержаніе изъ выстройки: хозяинъ предоставляетъ свой участокъ другому лицу, съ условіемъ, чтобъ онъ выстроилъ на немъ такое-то строеніе; по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, участокъ возвращается въ полное распоряженіе и собственность хозяина, и вмѣстѣ съ нимъ поступаетъ въ его собственность безвозмездно и поставленное на немъ строеніе. Что̀ мы тутъ видимъ? Наниматель участка положилъ на него трудъ и капиталъ и оставляетъ ихъ, по истеченіи срока, хозяину, безъ всякаго вознагражденія. Мнѣ возразятъ: за то наниматель и не платитъ въ такомъ случаѣ хозяину наемныхъ или арендныхъ денегъ. Дѣйствительно, иногда не платитъ, но иногда платитъ, смотря по обстоятельствамъ и условію. Примѣровъ подобныхъ сдѣлокъ множество. Таковы: отдача земли по берегу рѣки, изъ выстройки мельницы, даже завода; отдача въ содержаніе фабрики, требующей капитальныхъ исправленій. Въ огромныхъ размѣрахъ тѣ же начала лежатъ въ основаніи условій правительства съ частными лицами и компаніями о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя, по истеченіи извѣстнаго срока, обращаются въ собственность государства безвозмездно. Но оставимъ эти примѣры, возьмемъ отдачу въ наемъ и арендованіе земель, — формы договоровъ, имѣющихъ нѣкоторыя общія черты съ раздачею участковъ изъ общинныхъ земель. Ни въ римскомъ, ни въ германскомъ, ни во французскомъ правѣ нѣтъ правила, чтобъ арендаторъ или наниматель земли имѣлъ право на какое-нибудь вознагражде-

ніе за произведенное имъ улучшеніе почвы и усиленіе ея производительности. (Не говорю о строеніяхъ: они и на основаніи общиннаго владѣнія считаются личною собственностью крестьянина). Кодексъ Наполеона выражается объ этомъ очень категорически (C. art. 599): «l'usufruitier ne peut, à la cessation de l'usufruit, réclamer aucune indemnité pour les améliorations qu'il prétendrait avoir faites, encore que la valeur de la chose en fût augmentée». Правда, Ф. Вальтеръ, въ сочиненіи своемъ: System des gemeinen deutschen Privatrechts 1855, стр. 580, называетъ, въ числѣ прочихъ, особенную форму поземельныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами въ Германіи, именно временный колонатъ (Colonatrecht auf Zeit), въ силу котораго собственность на землю принадлежитъ господину, а временное пользованіе и право собственности на сдѣланныя въ ней улучшенія (Besserungen) крестьянину. Однако изъ описанія этой формы землевладѣнія видно, что господинъ обязанъ вознаградить крестьянина, когда отказываетъ ему или его наслѣднику въ пользованіи землею. Но чтобъ онъ былъ къ тому обязанъ, когда крестьянинъ добровольно отказывается отъ участка, этого не сказано и ни изъ чего заключить нельзя. Мнѣ пожалуй укажутъ на цѣлое ученіе о Meliorationen, объ accessiones, объ impensae и expensae, то-есть объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ вещи, издержкахъ, употребленныхъ на нее или по поводу ея, за которыя хозяинъ обязанъ дать содержателю или владѣльцу вознагражденіе. Но когда существуетъ эта обязанность? Тогда лишь, когда хозяинъ возвращаетъ вещь изъ чужаго владѣнія или пользованія, законнаго или незаконнаго, добросовѣстнаго или недобросовѣстнаго, особливо же когда онъ разрываетъ договоръ о пользованіи землею, что̀ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается; но никогда не примѣняется это правило къ случаямъ добровольнаго отказа арендатора или нанимателя отъ взятаго имъ въ содержаніе участка.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смыслъ. Когда я спокойно владѣю или пользуюсь землею, въ качествѣ арендатора, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, я могу, сообразуясь съ этимъ срокомъ, найдти для себя выгоднымъ, въ теченіе первыхъ лѣтъ арендиаго содержанія, не только не получать никакого дохода отъ заарендованной земли, но даже положить въ нее трудъ и капиталъ, ибо разсчитываю въ остальные годы арендиаго срока воротить всѣ издержки и сверхъ того получить барышъ. Если посреди этой моей операціи, когда сдѣланы затраты, а выручка еще впереди, у меня вдругъ отнимутъ аренду, понятно, что мнѣ по всей справедливости слѣдуетъ вознагражденіе, потому что я улучшилъ землю, увеличилъ ея капитальную цѣнность, сдѣлалъ ее способною дать большій доходъ, въ чистый себѣ убытокъ. А если я владѣлъ землею не въ качествѣ арендатора, а въ качествѣ собственника, тѣмъ болѣе слѣдуетъ, потому что я могъ разсчитывать свои хозяйственные обороты на весьма длинный, даже на неопредѣленный срокъ. Но если я, срочный или безсрочный арендаторъ, владѣлъ своимъ участкомъ спокойно, безъ помѣхи, и самъ, по своимъ разсчетамъ, оставляю землю, дѣло представляется уже совсѣмъ въ другомъ видѣ. При вѣрномъ разсчетѣ я успѣлъ воротить всѣ мои издержки на улучшеніе земли и получилъ сверхъ того прибыль; невѣренъ былъ мой разсчетъ, никто какъ я самъ и не виноватъ въ томъ. Итакъ, хозяинъ, получая свою землю улучшенною, конечно въ выигрышѣ, но и я, если велъ умно свои дѣла, не въ проигрышѣ.

За чтò же вознаграждать меня? А за ошибки, промахи, неудачи никого не вознаграждаютъ. Это также общее правило. Наконецъ, заставить хозяина вознаграждать арендатора за сдѣланныя имъ улучшенія было бы во многихъ случаяхъ явною несправедливостью. Арендаторъ можетъ иногда сдѣлать такія

мы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и гражданскихъ правъ земледѣльческихъ классовъ, съ постепеннымъ прекращеніемъ передѣловъ общинной земли и правъ каждаго члена общины на полученіе изъ нея участка наровнѣ со всѣми прочими, владѣніе и пользованіе общинными землями перейдетъ мало-по малу въ пожизненное арендное содержаніе, которое, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть и наслѣдственнымъ. Но эта система арендъ будетъ имѣть свое особливое назначеніе, свой характеръ, совершенно отличный отъ арендъ частныхъ, которыя, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, въ промышленныя спекуляціи. Маленькая ферма, владѣніе которой обусловлено разными изчисленными выше ограниченіями, не сподручна ни богатому капиталисту, ни предпріимчивому человѣку, ни зажиточному собственнику, ни тому, кто не имѣя ни способностей, ни охоты къ сельскимъ промысламъ и занятіямъ, обезпечиваетъ свою жизнь и кормитъ свое семейство занятіями и промыслами городскими или какими-нибудь другими. Такую ферму возьметъ небогатый крестьянинъ, который, не мечтая о большихъ прибыткахъ, думаетъ объ завтрашнемъ лишь днѣ и радъ, когда къ концу года свелъ концы съ концами; ее возьметъ и не крестьянинъ, человѣкъ, которому некуда дѣваться, но у котораго есть семья, и онъ бы радъ трудиться, да не везетъ ему въ городѣ; ее возьметъ иной предпріимчивый и оборотливый человѣкъ изъ простонародія, который и свой капиталъ имѣлъ, да раззорился на неудачной спекуляціи; у этого и надежда будетъ впереди: авось опять справлюсь, сколочу капиталецъ и опять пущу его въ оборотъ; ее возьмутъ и бѣдный сирота, и вдова съ дѣтьми, и всѣ люди, которыхъ природа не надѣлила ни особеннымъ талантомъ, ни широкимъ полетомъ, ни жаждой дѣятельности, богатствъ, пріобрѣтеній, славы, отличій, словомъ, люди, по выраженію народа, смирные, которые составляютъ большинство въ человѣче-

скихъ обществахъ, работаютъ, трудятся и хотятъ имѣть свой уголъ и свой кусокъ хлѣба. Для такихъ людей подобная ферма, не смотря на ограничительныя условія, соединенныя съ владѣніемъ ею, сущій кладъ. Чтобы получить ее не надо никакихъ издержекъ; первое обзаведеніе потребуетъ небольшихъ средствъ, которыя легче добыть, чѣмъ, напримѣръ, на покупку земли; ферма дастъ чѣмъ заплатить арендную плату и прокормиться съ семьей, небогато, но хоть какъ-нибудь; никто не отыметъ земли, не прогонитъ съ нея, пока человѣкъ исправенъ: владѣй хоть до смерти! Жену съ дѣтьми никто не потревожитъ и послѣ смерти: если же судьба улыбнулась, завелись деньги, вышелъ какой-нибудь благопріятный случай, можно, во всякое время, и бросить ферму, купить свою землю, пойдти въ торгъ, взяться за какой-нибудь промыселъ и распроститься съ арендой. Въ устройствѣ общественной экономіи и быта я не могу представить себѣ ничего раціональнѣе системы такихъ небольшихъ фермъ. Существуя о бокъ съ личною поземельною собственностью, она служитъ вѣрнымъ, единственно возможнымъ убѣжищемъ для народныхъ массъ отъ монополіи землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Система мелкой, личной, поземельной собственности, въ которую многіе предлагаютъ обратить общинное землевладѣніе, не можетъ идти въ этомъ отношеніи ни въ какое сравненіе съ системой мелкихъ арендъ. Это вытекаетъ само собою изъ самаго свойства личной собственности.

Всѣ знаютъ, какое огромное развитіе промышленности и духа предпріимчивости даетъ начало личной собственности. Оно создало тѣ чудеса индустріи, которыми такъ справедливо гордится Европа и Сѣверо-Американскіе Штаты. Оно—живая сила, поддерживающая современныя образованныя общества въ вѣчномъ движеніи, толкающая ихъ безпрестанно впередъ на пути всякихъ преуспѣяній. Но давно уже, рядомъ съ этими благодѣтельными и блистательными дѣйствіями личной собст-

венности, исторія отмѣтила и тѣневую ея сторону. Гдѣ только личная собственность господствуетъ исключительно, тамъ, рано или поздно, непремѣнно наступаетъ полная соціяльная анархія и бѣдствіе народныхъ массъ, страшные общественные недуги, противъ которыхъ доселѣ оставались безсильными всѣ средства, — недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собою. Оба явленія не случайно совпадаютъ съ исключительнымъ господствомъ личной собственности и между собою, но состоятъ въ тѣснѣйшей связи. Личная собственность, исключительная по своей природѣ, стремится къ безпрерывному расширенію и увеличенію; стяжаніе есть ея лозунгъ и знамя. Такимъ образомъ, въ личной собственности лежитъ причина и источникъ столкновенія и борьбы матеріяльныхъ интересовъ, которая ниспровергаетъ всѣ административныя стѣсненія и препоны и наконецъ, вырвавшись на свободу, не знаетъ границъ. Еслибы всѣ люди были равныхъ способностей, талантовъ, знаній, въ особенности, еслибъ они выходили на такую борьбу равно хорошо вооруженные и не имѣли никакихъ неотложныхъ насущныхъ потребностей, конкурренція матеріяльныхъ интересовъ только оживляла бы промышленное развитіе и дѣятельность, не производя общаго зла и бѣдствій; но въ томъ-то и бѣда, что бойцы не равны, средства нападенія и обороны у нихъ не одинаковы, а между тѣмъ есть матеріяльныя потребности общія для всѣхъ, и безъ удовлетворенія которыхъ обойдтись не возможно. При такихъ условіяхъ окончательный исходъ борьбы несомнѣненъ: рано или поздно собственность сосредоточивается въ немногихъ рукахъ и даетъ имъ безграничную матеріяльную власть надъ неимѣющими собственности. Мелкіе собственники не могутъ держаться и постепенно переходятъ въ работниковъ. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому новаго рода владычеству, безпощадному, произвольному,

котораго единственный законъ — личная выгода. Создается гнетъ нестерпимый и тѣмъ болѣе ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованіемъ общественнаго блага.

Такой порядокъ дѣлъ дѣйствуетъ гибельно на народныя массы и въ матеріяльномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Онѣ тупѣютъ отъ нищеты, голода, чрезмѣрнаго труда и безвыходнаго положенія; озлобленіе и отчаяніе овладѣваютъ ими. Кто можетъ примириться съ мыслью, что̀ общежитіе существуетъ не на благо человѣка, а на бѣду его и несчастіе? И массы съ этимъ не примиряются, а привыкаютъ ненавидѣть общественныя учрежденія, подъ которыми живутъ. Все то, что̀ составляетъ физіологическое, неизбѣжное условіе всякой общественной жизни, власть, имущественное неравенство, личная собственность, личная самостоятельность и развитіе представляются имъ орудіями угнетенія, своекорыстными выдумками притѣснителей-собственниковъ. Открывается широкое поле для всякаго рода идеаловъ соціяльнаго блаженства, которые тѣмъ краше и недѣйствительнѣе, чѣмъ ужаснѣе ежедневная жизнь. Народныя массы, глубоко оскорбленныя, жадно питаются ими и въ справедливомъ негодованіи начинаютъ требовать невозможнаго и неосуществимаго. Возникаетъ другаго рода борьба—борьба массъ народныхъ съ обществомъ, страшная и разрушительная. Общество съ ужасомъ начинаетъ замѣчать внутри себя эти элементы, ежеминутно грозящіе гибелью, и не вникая сначала въ органическія причины зла, старается пособить ему косвенными мѣрами. Частная благотворительность, разумѣется, оказывается недостаточною: на чрезвычайное зло нужны и чрезвычайныя мѣры. И вотъ благотворительность организуется въ тысячахъ учрежденій. Для извлеченія массъ изъ той бездны золъ и несчастій, въ которую ввергла ихъ необузданная борьба интересовъ, расточается столько же

ума, изобрѣтательности, геніяльности, творятся такія же сверхъестественныя усилія, какія потребовались для привиденія низшихъ классовъ, конечно безсознательно, въ такое положеніе. Сколько самоотверженія, великодушія, человѣколюбія и высокой христіянской любви выказали и выказываютъ при этомъ общества! Это торжественная culpa mea современнаго просвѣщеннаго человѣчества, но безсильная передъ роковыми законами, лежащими въ основаніи теперешней общественности, безсильная потому, что самое начало соціяльной анархіи продолжаетъ въ ней дѣйствовать и служить неизсякаемымъ источниковъ глубокихъ общественныхъ язвъ. Соціяльныя теоріи, надѣющіяся возсоздать общественный міръ и равновѣсіе силъ и въ то же время сохранить исключительное господство начала личной собственности, доказываютъ только, что корень зла не понятъ; тѣ же, которые отрицаютъ вовсе это начало, осуждаютъ общества на вѣчную регламентацію, апатію и бездѣятельность. Указываютъ на ассоціацію, какъ на панацею противъ такой безурядицы. Эта мѣра хорошая, безспорно, но по самому свойству своему она не можетъ быть учрежденіемъ всеобщимъ, успѣхъ ея зависитъ отъ тысячи случайностей, въ томъ числѣ отъ собственности, капитала. Въ этомъ смыслѣ и ассоціація—мѣра палліативная, какъ благотворительныя общества и учрежденія, какъ такса въ пользу бѣдныхъ, какъ огромныя публичныя работы, и не врачуетъ болѣзни въ самомъ корнѣ.

Доискиваясь до источниковъ разнообразныхъ явленій общественной жизни, люди, въ наше время, болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что всѣ эти явленія другъ другомъ обусловливаются, тѣсно связаны между собою и представляютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое, покоящееся на такомъ же равновѣсіи всѣхъ отправленій, какъ вообще всякій организмъ, какой бы онъ ни былъ. Лишь только одна изъ функцій беретъ

верхъ надъ другими, начнетъ развиваться насчетъ другихъ, равновѣсіе нарушается, и общественное тѣло приходитъ въ болѣзненное состояніе. Эти общественныя болѣзни весьма разнообразны и сложны. Усиливаясь сначала незамѣтно, онѣ наконецъ, если будутъ запущены, обращаются въ хроническія, ничѣмъ неизлѣчимыя, поражаютъ весь организмъ и ускоряютъ его смерть. Мало того: каждый общественный организмъ, подобно физическому, имѣетъ свои привычки, свои предрасположенія къ той или другой болѣзни; онъ можетъ привыкнуть къ извѣстному ненормальному состоянію до того, что оно кажется нормальнымъ и здоровымъ; при помощи разныхъ палліативовъ онъ можетъ нѣкоторое время обольщать себя насчетъ своего здоровья, пока наконецъ сильнѣйшіе припадки скрытой болѣзни вдругъ не раскроютъ ему глазъ и не обнаружатъ, иногда слишкомъ поздно, опаснаго состоянія.

Соціальная анархія, то есть ничѣмъ неумѣряемая борьба частныхъ интересовъ принадлежитъ именно къ числу тѣхъ страшныхъ разъѣдающихъ общественныхъ недуговъ, которые исподоволь, незамѣтно, разрушаютъ общественные организмы. Только уравновѣшенная другимъ началомъ, эта борьба поддерживаетъ и развиваетъ жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указываютъ на правильную администрацію, судъ, на палліативныя средства, о которыхъ говорено выше. Но это заблужденіе! Ни администрація, ни судъ не могутъ устоять противъ соціальной анархіи, по той простой причинѣ, что они соотвѣтствуютъ совершенно другимъ функціямъ общественной жизни. Судъ существуетъ на вора, разбойника, обидчика, убійцу; полиція въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова тоже относится къ поверхности общественныхъ явленій, когда они уже заявили себя, или грозятъ заявить въ томъ или другомъ фактѣ. Борьба капиталовъ, собственности, совершающаяся въ условіяхъ закона и безъ нарушенія общественнаго порядка,

ускользаетъ и отъ суда, и отъ администраціи. Ее нельзя поймать и остановить ни въ какомъ ощутительномъ явленіи, безъ нарушенія законовъ и самой справедливости. Ей можетъ противодѣйствовать только начало, вполнѣ ей соотвѣтствующее. Одно лишь развитіе кредита убиваетъ ростовщичество, а не законы о ростѣ; обильный подвозъ хлѣба понижаетъ цѣны на него и прекращаетъ дороговизну, а не хлѣбныя таксы и не запретительныя мѣры.

Примѣнимъ все сказанное къ землевладѣнію. Земля, къ несчастію, не безгранична; количество ея опредѣлено. Предоставьте ее всю въ частную собственность, сколько бы ея ни было, и она тотчасъ же сдѣлается предметомъ своего рода ажіотажа и коммерческой конкурренціи. Ее начнутъ скупать и перепродавать съ барышомъ. Дѣломъ этимъ займутся сильные капиталисты и промышленныя компаніи, цѣна ея будетъ подыматься, и съ увеличеніемъ народонаселенія масса земледѣльцевъ, за самыми малыми исключеніями, обратится въ батраковъ и бездомниковъ, на полной милости землехозяевъ, которые будутъ имѣть всѣ средства заставить ихъ служить себѣ и работать на самыхъ для себя выгодныхъ, а для нихъ тяжелыхъ и обидныхъ условіяхъ. Таковъ законъ соціальной анархіи и личной собственности въ примѣненіи къ землѣ: онъ дробитъ послѣднюю на мельчайшіе участки и неудержимо направляетъ ихъ въ руки немногихъ богатѣйшихъ собственниковъ, которые и ставятъ потомъ массамъ арендную и заработную плату, какую хотятъ.

Возраженія на этотъ непреложный законъ развитія соціальной анархіи, подтверждаемый всѣми наблюденіями, невольно вызываетъ улыбку.

Стóитъ ли говорить объ этомъ въ Россіи? скажутъ вамъ: у насъ земли не оберешься! Слава Богу, есть гдѣ расселяться еще въ продолженіи тысячи лѣтъ! А въ Америкѣ, въ Азіи

незаселенныхъ и способныхъ къ заселенію земель еще бездна! Колонизація, конкурренція городскихъ промысловъ, требующихъ множества рукъ, конкурренція земледѣльческихъ произведеній другихъ странъ будетъ всегда парализировать монополію землевладѣльцевъ на арендныя цѣны и опредѣленіе заработной платы.

Такими-то разсужденіями успокоиваются люди насчетъ бѣды, которая ходитъ кругомъ ихъ. Присмотритесь пристальнѣе: разрѣшаютъ ли эти соображенія вопросъ хоть сколько нибудь? Положимъ, земли у насъ теперь еще довольно; но вѣдь когда-нибудь ея будетъ мало? Дожилъ же Китай до того, что народонаселеніе переполняетъ его огромныя пространства. Сегодня, завтра, послѣ завтра, да развѣ этимъ можно рѣшить вопросъ объ органическихъ законахъ общественной жизни? Допустимъ, что и колонизація и конкурренція другихъ странъ дѣйствительно могутъ смягчить дѣйствіе зла; но вѣдь это только временно. Если конкурренція производителей всѣхъ странъ установляетъ постоянныя отношенія между послѣдними и дѣлаетъ ихъ какъ бы членами одного и того же промышленнаго міра, то вѣдь и поземельные собственники всѣхъ странъ не замедлятъ замѣтить соединяющія ихъ общія личныя выгоды, на какой бы точкѣ земнаго шара они ни находились, какъ одинаково понимаютъ эти выгоды банкиры и большіе капиталисты. Говорить о всемогуществѣ конкурренціи къ излѣченію соціяльныхъ золъ, происходящихъ отъ монополіи, значитъ не видать послѣдняго члена посылки и остановиться на одномъ изъ среднихъ. Не трудно представить себѣ, что наступитъ время, когда въ индустріяльномъ и промышленномъ отношеніи весь міръ будетъ составлять одно цѣлое, управляемое одними экономическими законами. Что же? лучше будетъ положеніе массъ отъ всемірной монополіи землевладѣнія и поможетъ противъ нея всемірная конкурренція?

Нѣтъ, не количественное, а качественное врачеваніе соціальнаго недуга можетъ положить ему конецъ; и не количественная, а качественная оцѣнка раскрываетъ его глубокій внутренній смыслъ. Личная собственность, какъ и личное начало, есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъѣдаетъ общественный организмъ, когда, въ крайнихъ своихъ послѣдствіяхъ, не будетъ умѣряемо и уравновѣшиваемо другимъ организующимъ началомъ землевладѣнія. Такое начало я вижу въ нашемъ общинномъ владѣніи, приведенномъ къ его юридическимъ началамъ и приспособленномъ къ болѣе развитой и граждански-самостоятельной личности. Существуя для народныхъ массъ, будучи устроено по ихъ нуждамъ, не представляя никакой возможности для спекуляцій и потому нисколько не будучи привлекательно для людей зажиточныхъ, богатыхъ, предпріимчивыхъ, не довольствующихся малымъ и скромнымъ существованіемъ, общинное владѣніе будетъ служить надежнымъ убѣжищемъ для людей неимущихъ отъ случайности спекуляцій, отъ монопольнаго повышенія цѣнъ на земли и пониженія цѣнъ на земледѣльческій трудъ. Въ этомъ затишьи будутъ выростать, посреди прочнаго семейнаго быта, живительнаго труда, подъ соломенною, но все же своею крышей, питаемыя хоть чернымъ и черствымъ, но все же какимъ-нибудь и притомъ своимъ кускомъ хлѣба, здоровыя, свободныя земледѣльческія и сельско-промышленныя поколѣнія; отсюда будутъ выдѣляться элементы, способные не потеряться въ водоворотѣ и случайностяхъ промышленной игры, уступая мѣсто тѣмъ, которые безъ такого пристанища были бы осуждены на безвыходное горе, отчаяніе и преступленія. Общинное владѣніе предназначено быть великимъ хранилищемъ народныхъ силъ, изъ котораго онѣ будутъ безпрерывно бить живою струей и въ которомъ будутъ безпрестанно обновляться для новой плодотвор-

ной дѣятельности. При существованіи такой среды, нейтрализирующей горькія и разрушительныя послѣдствія азартной промышленной борьбы, общественный организмъ останется въ нормальномъ состояніи, и то, что̀ безъ нея ведетъ каждое общество, рано или поздно, къ соціяльному перевороту и разрушенію, то при существованіи ея сдѣлается признакомъ жизни и здоровья,— тѣмъ же, что̀ обращеніе крови и соковъ во всякомъ органическомъ тѣлѣ.

Мнѣ скажутъ: вѣдь это утопія! Но отчего же утопія? спросилъ бы я, когда то, что̀ я говорю, уже существуетъ у насъ въ дѣйствительности, хотя конечно въ зародышѣ, въ неразвитомъ видѣ. Эта утопія — фактъ осязаемый, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Не съ бо́льшимъ ли правомъ можно считать утопіей надежду возстановить равновѣсіе общественныхъ силъ, нарушенное исключительнымъ господствомъ личной собственности, посредствомъ ассоціацій, конкурренціи, цѣлой системы общественной благотворительности, силящейся обнять всѣ неимущія и голодныя массы? Вѣдь эти способы врачеванія, сколько мнѣ извѣстно, пока еще нигдѣ и никогда не привели къ желаемому результату, не умирили вражды, не возстановили гармоніи общественныхъ силъ.

Многіе думаютъ и такъ: матеріяльное обезпеченіе массъ отнимаетъ у нихъ всякое побужденіе къ дѣятельности, къ улучшенію своего быта и тѣмъ осуждаетъ ихъ надолго, если не навсегда, на безпробудный сонъ. Мы и теперь наклонны къ умственной дремотѣ; что̀ же съ нами будетъ, когда нужда не будетъ насъ толкать къ дѣятельности? Нѣкоторые простираютъ, заслуживающую, конечно, всякаго уваженія, ревность къ возбужденію промышленной дѣятельности въ нашемъ народѣ до того, что серьёзно предлагаютъ, при предстоящемъ преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ, не надѣлять ихъ вовсе землею ни въ пользованіе, ни въ собственность, и пре-

доставить имъ входить съ землевладѣльцами въ полюбовныя сдѣлки. Это средство должно заставить нашего крестьянина стряхнуть съ себя вѣковѣчную лѣнь, встрепенуться и приняться живо и бойко за работу. Оно можетъ-быть и такъ: промышленная дѣятельность закипитъ, но при этомъ кипяткѣ только часть сельскаго населенія успѣетъ кое-какъ устроиться, остальная же погибнетъ въ злой долѣ, станетъ бродяжничать, пойдетъ на разбой, переполнитъ города на укомплектованіе жалкаго городскаго пролетаріята, станетъ круглымъ бездомникомъ, какъ вездѣ было, гдѣ крестьянина освобождали безъ земли и осѣдлости.

Когда же, наконецъ, Боже мой, кончатся вѣчныя недоразумѣнія, мѣшающія людямъ понимать другъ друга? Всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, желаемъ развитія промышленной дѣятельности и неразлучнаго съ нимъ матеріяльнаго благосостоянія и довольства. Но чтобы возбудить въ человѣкѣ дѣятельность не сбивайте его съ ногъ и главное съ толку, и изъ боязни промышленнаго застоя не вгоняйте его въ промышленную бѣлую горячку, которая есть тоже источникъ дѣятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы. Высокое промышленное развитіе, когда оно совершается правильно, идетъ объ руку съ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ, рождающимъ потребности и нужды, неизвѣстныя народу въ колыбели. Въ сытомъ и физически обезпеченномъ человѣкѣ онѣ скорѣе и прочнѣе развиваются, чѣмъ въ томъ, котораго гнетутъ нужда и голодъ. Устраняйте только препятствія, искусственно замедляющія естественный ростъ народа, а остальное предоставьте лежащимъ въ немъ живымъ силамъ. Искусственные пріемы хороши какъ временныя средства противъ мѣстныхъ патологическихъ явленій, и невозможны или убійственны, когда направлены противъ всей экономіи общественнаго организма.

Гораздо серьёзнѣе возраженіе такого рода: если участки въ общинномъ землевладѣніи будутъ оставаться безъ передѣла, то съ увеличеніемъ народонаселенія должно же наступить время, когда множество людей останутся безъ арендныхъ участковъ? Итакъ, общинное владѣніе только временно устранитъ зло беземельности и бездомности массъ, а потомъ оно разовьется своимъ порядкомъ, какъ и вездѣ.

Это, конечно, справедливо. Но ни я, ни кто другой, говоря объ общественной экономіи, конечно и не думалъ пріискать такія условія, которыя бы водворили рай на землѣ, безъ слѣда искоренили бѣдность и нищету. Какое бы ни завелось между людьми идеальное правосудіе и административный порядокъ, преступленія и проступки никогда не переведутся, процессы никогда не прекратятся, полиція и администрація никогда не останутся безъ дѣла. Весь вопросъ только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ, въ какой пропорціи будутъ находиться между собою нарушеніе правъ и правосудіе, безпорядки и устройство. Не въ томъ сила, чтобы каждый безъ изъятія имѣлъ свой вѣрный кусокъ хлѣба, свой кровъ, свой достатокъ, а въ томъ, чтобы бездомовье и нищета не стали общимъ правиломъ для массы народа. Въ каждомъ здоровомъ организмѣ есть во всякое время возможность болѣзней; но если нѣтъ повода, нѣтъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, эта возможность и остается до времени возможностью; а представится случай, причина — возможность переходитъ въ дѣйствительность, появляется болѣзнь, развивающаяся послѣдовательно и правильно, по свойственнымъ ей законамъ. Бездомность, необезпеченность быта, пока она не охватила огромной массы людей, есть такое же печальное явленіе общественной жизни, какъ и многія другія, но не есть еще признакъ органическаго разстройства. Противъ нихъ разныя паліативныя мѣры имѣютъ настоящее свое употребленіе и ока-

зываютъ дѣйствіе. Но когда въ это положеніе придутъ большія массы, или, чтò еще хуже, большинство народонаселенія, тогда-то опасность становится велика и тутъ палліативы ничего не помогутъ: очевидно, общественный организмъ страждетъ, и нужны сильныя, радикальныя лѣкарства, успѣхъ которыхъ всегда сомнителенъ.

Я думаю, что при существованіи общиннаго землевладѣнія, разумѣется въ надлежащей пропорціи съ личною поземельною собственностью, опаснаго для общественной экономіи перевѣса людей бездомныхъ никогда быть не можетъ, какъ бы народонаселеніе ни увеличилось. Участокъ, котораго теперь едва достаточно для прокормленія четырехъ человѣкъ, съ умноженіемъ народонаселенія и необходимымъ, вслѣдствіе того, улучшеніемъ сельскаго хозяйства, будетъ кормить восемь, десять, двадцать человѣкъ. Къ средствамъ, извлекаемымъ непосредственно изъ земли, придутъ на помогу другіе промыслы, всегдашніе спутники густаго сельскаго населенія и болѣе развитаго общественнаго быта, а это въ свою очередь еще значительно увеличитъ число людей, осѣдлыхъ на одномъ участкѣ.

Замѣчу еще одно, весьма важное обстоятельство: если вокругъ густыхъ массъ осѣдлаго и домовитаго сельскаго народонаселенія обростутъ многочисленные слои бездомныхъ людей, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Бѣда, когда въ быту, въ привычкахъ, въ убѣжденіяхъ массы сельскаго населенія изчезнетъ понятіе о домовитости, о ничѣмъ нетревожимой осѣдлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни въ землю, создается крѣпкій бытъ и крѣпкіе нравы, которые сообщаются и остальному народонаселенію, каково бы оно ни было. А въ нравахъ вся сила народа; въ нихъ тотъ геній его, который на дѣлѣ исправляетъ недостатки законовъ и учрежденій и спасаетъ общество въ годины великихъ бѣдствій. Вездѣ, гдѣ сельскія массы домовиты и

прочно-осѣдлы, онѣ являются самымъ охранительнымъ общественнымъ элементомъ, о который сокрушаются всѣ невзгоды, внѣшнія и внутреннія. Отвоевывая мало-по-малу изъ-подъ сельскаго класса почву, къ который оно приростаетъ по своему положенію, исключительная личная собственность поражаетъ нравы и крѣпость народную, устойчивость массъ, въ самомъ ихъ источникѣ.

Но, спросятъ меня, въ какой же именно пропорціи должны быть распредѣлены въ каждомъ общественномъ организмѣ общинное владѣніе и личная собственность? На это я не могу отвѣчать. Задача эта можетъ быть рѣшена лишь опытомъ, мудростью правительствъ и наукой, которая, сказать мимоходомъ, пока еще мало о ней заботилась. Эту задачу едва ли и можно рѣшить одною формулой. Смотря по мѣстности, по главнымъ промысламъ и занятіямъ жителей, по національнымъ особенностямъ, она, вѣроятно, получитъ нѣсколько различныхъ рѣшеній; легко можетъ быть, что рѣшеніе будетъ зависѣть даже отъ степени развитія народа, отъ его историческаго возраста и степени возмужалости. А пока ничего не-сдѣлано для рѣшенія этого вопроса, пока онъ даже и не поставленъ, трудно согласиться съ тѣми, которые такъ горячо настаиваютъ на продажѣ государственныхъ земель въ частныя руки, ожидая отъ этого чрезвычайной пользы для общественнаго и экономическаго развитія. Мнѣ кажется, что этимъ дѣломъ вовсе не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить. Государственныя земли могутъ еще понадобиться подъ общинныя земли, или для промѣна на общинныя же земли, состоящія въ частной собственности. Во всякомъ случаѣ, лучше сперва осмотрѣться хорошенько...

Велико счастіе того государства, у котораго много такихъ земель, но разсчитывая на это богатство, не думать о будущемъ не слѣдуетъ.

Наконецъ, подъ умѣряющимъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія и личная поземельная собственность будетъ заселяться на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для массы, чѣмъ при исключительномъ господствѣ личной собственности; а разъ заселенная густо, она, по естественному ходу дѣлъ, получитъ значеніе общественное, какъ городъ, фабрика, заводъ, и т. п. Такимъ образомъ то, чего нельзя достигнуть никакими законодательными мѣрами, то подъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія устроится и введется само собою, безъ нарушенія чьихъ либо правъ и безъ всякой регламентаціи, стѣсняющей свободныя сдѣлки и бойкій размахъ промышленныхъ предпріятій.

Многіе разсуждаютъ такъ: если общинное землевладѣніе должно служить къ обезпеченію быта массъ, то средство это, при постепенномъ вздорожаніи земель, обойдется несравненно дороже, чѣмъ всѣ возможныя таксы для бѣдныхъ и общественныя благотворительныя учрежденія, вмѣстѣ взятыя. Стало-быть, это просто не разсчетъ,—мѣра въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи неправильная и убыточная.

Мнѣ кажется, что сравнивать обезпеченіе для массы земледѣльцевъ осѣдлости и пользованія землею съ общественною благотворительностью, въ какихъ бы то ни было видахъ, значитъ не понимать вопроса. Сохраненіе за сельскимъ населеніемъ возможности трудиться для себя есть мѣра общественной организаціи, которая уравновѣшиваетъ экономическія силы; всѣ же прочія формы попеченія о народѣ клонятся лишь къ ближайшему, непосредственному смягченію и отвращенію зла, уже произведеннаго соціальною анархіей. Отношеніе ихъ такое же въ общественной экономіи, какое въ медицинѣ между гигіеною и терапіей. И система мелкихъ арендъ и такса для бѣдныхъ равно имѣютъ предметомъ пользу народныхъ массъ, преимущественно бѣднѣйшіе классы; но только это одно и есть у нихъ общее: во всемъ прочемъ онѣ совершенно различны.

Если оцѣнивать сравнительную ихъ выгоду по тому только, которая изъ нихъ дешевле, то, идя логически, надобно признать, что выгоднѣе жить въ сырой и зловонной комнатѣ и ѣсть несвѣжую пищу, потому что лѣченіе происходящихъ оттого болѣзней (если только оно возможно!) обойдется дешевле, чѣмъ прожить всю жизнь въ сухой квартирѣ съ хорошимъ воздухомъ и питаться здоровою пищей. Подобные выводы и разсчеты свидѣтельствуютъ только о глубокомъ, коренномъ извращеніи всѣхъ понятій. Общественная благотворительность отучаетъ людей стоять на своихъ ногахъ, и напротивъ пріучаетъ высматривать хлѣбъ изъ чужихъ рукъ; этимъ она унижаетъ и развращаетъ ихъ, развиваетъ въ нихъ праздность и тунеядство, а вмѣстѣ требовательность и претензіи, ничѣмъ неоправдываемыя. Новыя поколѣнія, рожденныя и воспитанныя въ такой средѣ, всасываютъ въ себя съ молокомъ матери эту нравственную порчу. Хороши выйдутъ изъ нихъ граждане! Иныя дѣйствія имѣетъ отводъ земель въ пользованіе. Земляной участокъ — это одно лишь условіе, возможность, которая приноситъ что-нибудь тогда только, когда оплодотворяется трудомъ. Стало-быть, чтобъ имъ воспользоваться, надобно непремѣнно и во что бы то ни стало трудиться. Отъ степени труда зависитъ и мѣра вознагражденія, которое можетъ расти и умножаться; это не то, что благотвореніе, которое по необходимости скудно измѣрено и опредѣлено и только утоляетъ на время голодъ. Владѣлецъ участка можетъ, трудясь усердно, поправить свои дѣла, жить въ довольствѣ, даже разбогатѣть и стать собственникомъ-капиталистомъ, потому что участокъ даетъ ему точку опоры, съ чего подняться. И онъ трудится. Всѣ нравственныя его силы употребляются въ дѣло. Въ этой здоровой атмосферѣ труда, осѣдлости, семейственности, раждается и воспитывается доброе, трудолюбивое племя. Наконецъ, отводъ земляныхъ участковъ уже потому не имѣетъ ничего

общаго съ благотворительностью, что послѣдняя оказывается безвозмездно и есть чистый расходъ, убытокъ, тогда какъ за арендные участки земледѣльцы вносятъ арендную плату, которая, при процвѣтаніи сельскаго хозяйства и благосостоянія массъ, съ возрастаніемъ цѣнъ на произведенія и земли, можетъ быть періодически, постепенно, возвышаема, не обращаясь въ спекуляцію и аферу, разсчитанную на зависимое положеніе земледѣльческихъ классовъ, потому что правительство не торгашъ и не спекулянтъ. Повторяю: обезпеченіе землевладѣнія за сельскими массами есть мѣра соціальной экономіи и общественнаго благоустройства, а отнюдь не мѣра благотворительности. Филантропическія идилліи не имѣютъ съ нею ничего общаго. Огражденіе низшихъ слоевъ общества отъ монополіи частной собственности посредствомъ общиннаго владѣнія есть государственный институтъ, подобно администраціи, правосудію, а не чрезвычайная мѣра, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами.

Наконецъ, мнѣ возразятъ: пользованіе общинными участками очень стѣснительно: въ нихъ нельзя учреждать субъ-арендъ, нельзя владѣть постоянно двумя арендными участками, и т. д. Возможно ли, чтобъ эти ограниченія на дѣлѣ соблюдались? Ихъ, навѣрное, будутъ обходить, владѣть нѣсколькими участками подъ чужими именами, сдавать эти участки другимъ подъ разными благовидными предлогами, такъ что въ дѣйствительности эта система не осуществится, или осуществится лишь отчасти.

Едва ли. Съ увеличеніемъ народонаселенія строгое исполненіе этой системы будетъ охраняться бдительнымъ надзоромъ самихъ заинтересованныхъ, то-есть тѣхъ, которые желаютъ получить такіе участки для себя. Они тотчасъ же разузнаютъ кто и какъ владѣетъ арендой и имѣетъ ли на то право, и въ своихъ собственныхъ интерессахъ будутъ разоблачать нару-

шенія закона. Стало-быть, слишкомъ часто они повторяться не могутъ; но что все-таки они встрѣчаться будутъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Ихъ нельзя будетъ вполнѣ искоренить; нельзя вѣдь совершенно искоренить и тайной продажи контрабандныхъ и неоплаченныхъ акцизомъ товаровъ, нельзя совершенно искоренить злоупотребленій, убійствъ и другихъ преступленій, однако таможенная, акцизная система и юстиція существуютъ же и оказываютъ свое дѣйствіе?

Таковы основанія, которыя побуждаютъ меня смотрѣть на общинное землевладѣніе какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ элементовъ въ теперешнемъ и будущемъ устройствѣ земледѣльческаго класса въ Россіи.

Самые снисходительные изъ читателей найдутъ, можетъ-быть, что если и принять изложенныя выше начала, то все же непонятно, что̀ они могутъ имѣть общаго съ общиннымъ и мірскимъ устройствомъ? Да и къ чему оно? Если міръ не можетъ передѣлять участковъ и раздавать ихъ по своему благоусмотрѣнію, то не проще и не вѣрнѣе ли учредить особливое казенное управленіе, которому и дать въ руководство, къ непремѣнному исполненію, правила о раздачѣ мелкихъ фермъ.

И съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Никакое казенное управленіе въ мірѣ, какъ бы оно совершенно ни было, не въ состояніи такъ безпристрастно и справедливо примѣнять систему арендныхъ участковъ къ даннымъ частнымъ случаямъ, приспособить топографическое очертаніе этихъ участковъ къ данной мѣстности, къ ближайшимъ потребностямъ и цѣлой мірской общины и каждаго изъ ея членовъ, какъ именно та община, которая поселена на этихъ участкахъ. Она всего болѣе заинтересована въ точномъ исполненіи правилъ арендной системы, потому что большинство претендентовъ на свободные арендные участки будетъ преимущественно нараждаться изъ нея же самой и принадлежать къ ней. Сверхъ того, особое

казенное управленіе стоило бы государству больших издержекъ, тогда какъ главныя его обязанности, распредѣленіе участковъ и сборъ съ фермеровъ арендныхъ платежей, могутъ производиться, какъ и теперь производятся, мірскими обществами, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства. Поэтому нельзя не отдать преимущества управленію арендными участками посредствомъ общинъ, надъ управленіемъ ихъ посредствомъ коронныхъ чиновниковъ. А если случатся претензіи, недоразумѣнія и злоупотребленія, то ихъ разберетъ судъ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Въ Европѣ, гдѣ земледѣльческіе классы освобождены отъ землевладѣльцевъ съ столькими пожертвованіями, съ пролитіемъ крови, исключительное господство личной собственности водворяетъ мало-по малу ихъ зависимость снова. Вотъ многознаменательныя объ этомъ слова того же Ф. Вальтера. Я нарочно выписываю ихъ буквально:

Nachdem durch die neuere und neueste Gesetzgebung in Preussen der gutsherrliche bäuerliche Verband aufgelöst, die Mittelzustände erblicher Nutzungsverhältnisse in das volle Eigenthum des Bauern umgewandelt, die bisherigen Leistungen zwar als Reallasten beibehalten, deren Ablösung aber angebahnt und durch die Rentenbanken erleichtert ist: so wird es, wenn dieses vollständig ausgeführt sein wird, nur noch eine doppelte Klasse von Bauerngütern geben: Güter, die im unbelasteten Eigenthum des Bauern stehen, und gewöhnliche Pachtgüter. Es fällt dadurch das Bauernrecht unter das gemeine Recht. Dasselbe ist der Gang und die Richtung der Gesetzgebung auch in andern Ländern. Ob die dadurch für den Bauern bezweckten Vortheile, bei fortgesetzten Theilungen des Bodens, bei der daraus entstehenden Verarmung, und bei der Leichtigkeit hypothekarischer Anleihen sich auf die Länge werden halten können, ist sehr zweifelhaft. Wahrscheinlich wird, bei der zunehmenden Macht des Geldes, das Grundeigen-

thum immer mehr an die Reichen fallen, und, wie das Beispiel von Oberitalien in der Nähe der Städte zeigt, die Nachkommen sich glücklich schätzen, als Pächter auf der Scholle zu sitzen, welche ihre Vorfahren als Eigenthümer gebaut haben. Es werden sich zwischen dem Herrn und dem Pächter, der die Aufkündigung fürchtet, thatsächlich neue Bande der Abhängigkeit bilden; allein ohne den Geist des Wohlwollens und der gegenseitigen Zuneigung, der ehemals diese Institutionen belebte und dem Herrn nicht blos Rechte gab, sondern auch Pflichten auferlegte. Es wird vielleicht dem Boden durch die stärker angespannte Kraft des Pächters ein grösserer Ertrag abgewonnen werden; allein dieser Gewinn wird nicht, wie sonst bei den unveränderlich festgesetzten Leistungen, seinem Fleisse zu Gute kommen, da der Herr den Pachtzins des gebesserten Gutes nach Ablauf der Pachtzeit steigern kann. Es wird vielleicht die Gesetzgebung diesem wucherlichen Geiste eine Schranke entgegenzustellen suchen. Allein mit der dadurch nöthig werdenden Beschränkung der Freiheit des Herrn muss billiger Weise die Beschränkung der Freiheit des Pächters Hand in Hand gehen, und so können doch wieder in irgend einer Form organisirte persönliche Abhängigkeitsverhältnisse, wie das Colonat des sinkenden römischen Reiches, geschaffen werden müssen. Falsch ist, dass man dem Princip der unbedingten Theilbarkeit des Bodens das Erbpachtverhältniss und ähnliche Mittelzustände zum Opfer gebracht hat. Diese Formen waren wohlthätig, weil sie die Erhaltung des Hofes schützten, und dem Bauern billige Bedingungen, Sicherheit der Existenz für sich und seine Kinder, und dadurch den Antrieb zum Fleisse und zur Besserung der Cultur gewährten. Die Folgen der verkehrten Richtung wurden auch bereits in dem reissenden Verfall des Bauernstandes, in der Kläglichkeit seiner Existenz und in dem Anwachs des ländlichen Proletariates sichtbar. Hin und wieder denkt man auch schon mit der Theilbarkeit einzulenken. Will man erbliche Nutzungsverhält-

nisse festhalten oder herstellen, so wird es zur Vereinfachung am gerathensten sein, alle Formen der Art durch die Gesetzgebung in der Erbpacht oder Emphyteuse nach ihrem ächten Sinne zu verschmelzen und die Theorie vom getheilten Eigenthum über Bord zu werfen (стр. 587 и 588).

Въ выноскѣ къ этому мѣсту, Вальтеръ приводитъ слова Нибура, въ томъ же смыслѣ:

Mit ganz untadelhaften Absichten und wirklich in der Meinung, dem Bauer wohl zu thun, richtet man den ganzen Bauernstand zu Grunde durch die ihm gegebene Berechtigung zu verkaufen, zu zerstückeln und zu verpfänden: und so geht es in allen Dingen. Die allerplattesten Meinungen sind allgemein herrschend geworden; und mögen Ministerien oder Stände darüber zu entscheiden haben, so bekommt man dieselben Resultate. Die Leute thun es nicht aus Bösem: aber alle deutsche Staaten, die nicht ganz stationär sind, gehen, nach dem Ausdruck eines ausgezeichneten Mannes, mit ihrer Gesetzgebung dahin, unsere Nation dahin zu bringen, wo die Italiener sind: in den Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitpachtendes oder tagelöhnendes Lumpengesindel (тамъ же).

Всѣ эти бѣдствія отстраняются просто, естественно, сохраненіемъ общиннаго нашего землевладѣнія, съ тѣми лишь необходимыми коррективами, на которыя указываетъ мѣстами самый опытъ, самая жизнь. Можно ли послѣ этого сочувствовать тѣмъ, даже умѣреннымъ противникамъ общиннаго землевладѣнія, которые, не рекомендуя насильственныхъ мѣръ для его отмѣны, не безъ удовольствія ожидаютъ того времени, когда оно постепенно и естественно перейдетъ въ частную собственность. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Исторія, народные инстинкты и разныя благопріятныя обстоятельства сохранили, къ счастью, это учрежденіе до той минуты, когда Россія изъ полупатріархальнаго быта переходитъ въ бытъ гражданскій, промышлен-

ный и коммерческій. Дорожите, какъ зѣницею ока, этимъ неразвитымъ еще, но драгоцѣннѣйшимъ залогомъ правильной соціальной организаціи. Беритесь за него съ крайнею осторожностью и не спѣшите преобразовать, пока не изучите всѣ его стороны, не вникнете глубоко въ его сокровенный смыслъ. Если, гдѣ мѣстами смыслъ народный ослабѣлъ и не дорожитъ болѣе этою своею святыней и вѣрнымъ оплотомъ противъ будущихъ бѣдъ, поддержите его, закрѣпите закономъ, на вѣчныя времена. Мало-по-малу оно перейдетъ въ личную, пожизненную поземельную аренду, но храни насъ Боже, чтобъ оно перешло въ личную собственность.

ЗАМѢТКА О ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ.

Въ послѣднее время способы заготовленія провіянта для военнаго вѣдомства сдѣлались предметомъ оживленной полемики въ журналахъ. По важности вопроса, эти споры обратили на себя общее вниманіе. И не мудрено: въ частной, специяльной формѣ обсуждался одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ государственной экономіи, касающійся всѣхъ вѣдомствъ, обнимающій громадныя цифры ежегоднаго расхода — цифры, передъ которыми расходъ на ежегодное заготовленіе провіянта для войска составляетъ лишь скромную частицу. Дѣйствительно, что̀ значитъ цѣна муки и крупы, потребныхъ для войска, въ сравненіи

съ суммою, расходуемою ежегодно на удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ потребностей по всѣмъ вѣдомствамъ и управленіямъ? Та или другая система заготовленія или снабженія становится, съ этой точки зрѣнія, вопросомъ первостепенной важности, и касается уже не той или другой администраціи, а всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій.

Мы не довольно спеціяльно знакомы съ предметомъ, чтобы считать себя въ правѣ рѣшать, какое изъ высказанныхъ мнѣній основательнѣе и справедливѣе, и предоставляемъ это тѣмъ, которые знаютъ больше насъ. Но намъ кажется, что въ сужденіяхъ по этому предмету вниманіе было слишкомъ исключительно обращено на одну экономическую, хозяйственную сторону дѣла, и совершенно опущена изъ виду сторона юридическая, которая во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ играетъ такую большую роль и потому не можетъ оставаться безъ ощутительнаго вліянія на матеріяльную сторону хозяйственныхъ операцій. Объ ней-то мы и хотимъ напомнить.

Когда частный человѣкъ или какое-нибудь частное учрежденіе—пансіонъ, фабрика, заводъ, акціонерная компанія и т. п., заключаютъ договоръ о подрядѣ или поставкѣ съ частнымъ же лицомъ, то послѣднее выговариваетъ себѣ цѣну, представляющую издержки, потребныя на исполненіе договора и барышъ отъ предпріятія. Издержки въ приведенномъ случаѣ изчисляются довольно приблизительно къ расходамъ подрядчика на пріобрѣтеніе и доставку поставляемыхъ вещей или на исполненіе работъ по подряду, потому что если другая договаривающаяся сторона станетъ спорить противъ подрядчика, браковать его вещи или работу, и, ссылаясь на то, будетъ удерживать договоренную плату, то подрядчикъ или поставщикъ можетъ жаловаться постороннему сдѣлкѣ посреднику,—суду, который разберетъ дѣло и принудитъ виноватаго подчиниться заключеннымъ условіямъ, или заплатить ущербъ и убытки.

Но положимъ, что частное лице, не довольствуясь этимъ общимъ способомъ обезпеченія противъ возможныхъ неисправностей поставщика или подрядчика, введетъ въ контрактъ особливое условіе, въ силу котораго предоставитъ самому себѣ исключительное право судить, исправно выполненъ контрактъ, или неисправно, и сообразно съ тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, налагать на контрагента штрафъ, распоряжаться его залогами, платить или не платить ему по условію: ясно, что послѣднему невозможно будетъ въ этомъ случаѣ разсчитывать свои издержки и барыши такъ, какъ онъ ихъ раасчитывалъ въ первомъ. Дѣло выходитъ уже рискованное, и ему придется и къ расходу и къ барышу причесть страховую премію, величина которой будетъ зависѣть отъ личности контрагента и пріемщика. Чрезъ это подрядная или поставочная цѣна должна будетъ значительно возвыситься, и тотъ, кто договаривался съ подрядчикомъ, достигнетъ совсѣмъ не той цѣли, которую имѣлъ въ виду: онъ хотѣлъ избѣжать хлопотъ и издержекъ въ полиціи, въ судахъ, а на дѣлѣ вещь или работа обошлись ему дороже. Положимъ, что онъ, чтобъ помочь этому, прибѣгнетъ къ торгамъ; но и съ торговъ подрядъ или поставка пойдутъ по возвышенной цѣнѣ, потому что каждый изъ поставщиковъ и подрядчиковъ, сколько бъ ихъ ни явилось, будетъ вводить въ разсчетъ расхода и прибыли рискъ, которому онъ подвергается, принимаясь за такое сомнительное предпріятіе.

У насъ казенные подряды и поставки окружены разными условіями, необходимо и естественно возвышающими подрядныя и поставочныя цѣны. По договорамъ и обязательствамъ, заключеннымъ казною съ частными лицами, не могутъ быть предъявляемы споры въ судебныхъ мѣстахъ, а допускаются лишь жалобы начальству того мѣста, которое заключило договоръ [1]).

[1]) Свода Зак. (изд. 1857 г.) т. X, часть 2 (Зак. о Судопр. Гражд.) ст. 104.

Сверхъ того, выполненіе договора и окончаніе разсчетовъ казеннаго вѣдомства съ подрядчикомъ или поставщикомъ не освобождаютъ его отъ отвѣтственности за тотъ же подрядъ или поставку въ будущемъ; ибо если при повѣркѣ счетовъ подчиненныхъ мѣстъ, или при составленіи самыхъ разсчетовъ въ Министерскихъ Департаментахъ за прежнее время, будутъ открыты невѣрности по обязательствамъ съ казною и взысканія съ контрагента, то отъ послѣдняго могутъ еще быть потребованы объясненія [1]). Значитъ, даже по выполненіи обязательства и по полученіи слѣдующихъ за подрядъ и поставку денегъ, контрагентъ не увѣренъ, что это дѣло совершенно конченное. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, страховая или рисковая премія должна быть разсчитана еще выше, потому что въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ вещи и работы оцѣняются тѣмъ дешевле, чѣмъ дѣло вѣрнѣе, и чѣмъ больше оборотовъ можно сдѣлать съ капиталомъ въ данное время.

Противъ этихъ замѣчаній многіе возражаютъ такъ: конечно, эти условія казенныхъ подрядовъ и поставокъ представляютъ свои неудобства для контрагентовъ, но что жь съ этимъ дѣлать? Контракты казны съ частными лицами имѣютъ свои особенности, вслѣдствіе которыхъ ихъ невозможно подвести подъ одни начала съ частными договорами. Казна имѣетъ неотложныя потребности; если онѣ не будутъ удовлетворены немедленно, то, не говоря уже объ убыткахъ, изъ этого можетъ произойти существенно вредное разстройство въ государственномъ хозяйствѣ. При томъ же казна дѣйствуетъ не непосредственно, какъ частное лицо, а чрезъ чиновниковъ, и потому всегда болѣе частныхъ лицъ подвержена убыткамъ, обманамъ, даже стачкамъ между представителями казны и контрагентами, а

---

[1]) Тамъ же, ст. 120.

обыкновенный судебный порядокъ недостаточенъ для защиты ея интересовъ, потому что продолжителенъ и не всегда надеженъ. Итакъ, чтобъ уравнять въ контрактахъ взаимное положеніе казны и подрядчика или поставщика, необходимо оградить первую, въ точномъ и добросовѣстномъ выполненіи заключенныхъ съ нею условій, съ одной стороны контролемъ мѣстъ и лицъ высшихъ надъ низшими, а съ другой непосредственною принудительною властью по выполненію контрактовъ.

Нельзя оспаривать справедливость побудительныхъ мотивовъ, дѣлающихъ особенныя мѣры для огражденія интересовъ казны необходимыми. Но весь вопросъ въ томъ, достигаютъ ли означенныя выше два условія предположенной цѣли? Мы думаемъ, что не достигаютъ, и вотъ на чемъ основано это мнѣніе:

Несмотря на исполнительную власть казны и устраненіе суда по дѣламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, неисправности контрагентовъ могутъ встрѣчаться и встрѣчаются довольно часто. Намъ замѣтятъ, можетъ-быть, что, при подчиненіи казенныхъ договоровъ общему порядку, случаи неисправности навѣрное умножатся. Но такое предположеніе ни на чемъ не основано. Если частные подряды и поставки исполняются безъ помощи двухъ приведенныхъ мѣръ, то почему же непремѣнно казенные не будутъ выполняться? Разсуждая о коммерческихъ предпріятіяхъ, къ которымъ относятся подряды и поставки, надо прежде всего обращать вниманіе на выгоды и разсчеты контрагента; они, а не что-нибудь другое, разрѣшатъ вопросъ, выполнитъ или не выполнитъ онъ принятое на себя обязательство. Когда контрагенту угрожаетъ за неисправность судъ, то ему гораздо выгоднѣе выполнить контрактъ, чѣмъ быть неисправнымъ, потому что въ первомъ случаѣ онъ скорѣе получитъ деньги и слѣдовательно возможность заняться другимъ дѣломъ; во второмъ же случаѣ онъ долженъ потерять

много времени, тратиться въ судахъ и лишается возможности располагать своими залогами и капиталами, которые подвергаются аресту или опекѣ. Итакъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ житейскихъ дѣлахъ, собственная выгода контрагента вѣрнѣе будетъ обезпечивать его исправность, чѣмъ всевозможныя административныя предосторожности.

Но, скажутъ намъ, не примѣняются ли всѣ эти разсужденія и къ теперешнему порядку? Выгода подрядчика и поставщика не побуждаютъ ли его и теперь быть исправнымъ? Исправенъ онъ — онъ тотчасъ же получитъ разсчетъ и деньги; неисправенъ — тѣ же послѣдствія ожидаютъ его, какъ и по суду. Разсмотрѣніе дѣла административнымъ или судебнымъ порядкомъ не играетъ въ этомъ случаѣ никакой существенной роли.

Съ этими разсужденіями едва ли можно согласиться. Въ казенномъ подрядѣ или поставкѣ казна является одною изъ договаривающихся сторонъ, которая естественно ищетъ соблюсти какъ можно больше свои выгоды, а быть безпристрастнымъ судьею въ своемъ дѣлѣ нельзя: это юридическая аксіома, дав но всѣми признанная. Предположимъ, что присутственное мѣсто или должностное лице, заключающее договоръ подряда или поставки въ качествѣ представителя казны, и пріемщикъ—отличаются большою рачительностію и добросовѣстностію. Заботясь о соблюденіи интересовъ казны, они естественно будутъ строги къ контрагенту,—можетъ быть строже, чѣмъ бы слѣдовало. Опасеніе такой чрезмѣрной строгости и заставитъ подрядчика поднять подрядную цѣну при торгахъ. Будь въ случаѣ спора судъ посредникомъ между казною и частнымъ лицомъ, подобное опасеніе не могло бы имѣть мѣста, потому что судъ не заинтересованъ ни въ пользу казны, ни въ пользу контрагента; ему все равно, кто изъ нихъ правъ, кто не правъ въ своихъ обоюдныхъ претензіяхъ.

Предположимъ, наоборотъ, что представители казны въ подрядномъ дѣлѣ не заботливы къ интересамъ ея, соблюдаютъ только предписанныя формы, чтобъ не подпасть отвѣтственности, и не прочь извлечь, гдѣ можно, свои выгоды. Въ этомъ случаѣ, существующія правила не только не обезпечиваютъ интересовъ казны, исправности подрядчика или поставщика, но, напротивъ, только поддерживаютъ и распложаютъ злоупотребленія.

Еслибъ судъ былъ посредникомъ между казною и контрагентомъ, то послѣдній былъ бы вынужденъ исполнять подрядъ или поставку какъ можно тщательнѣе; чрезъ это онъ могъ бы избѣжать придирокъ со стороны пріемщика, принеся на него жалобу въ судъ, который оправдалъ бы его; конечно, онъ могъ бы, и при посредничествѣ суда, прибѣгнуть къ стачкѣ съ пріемщикомъ; но такая стачка—дѣло рискованное, которое всегда можетъ обнаружиться и навлечь много хлопотъ въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, еслибъ судъ разбиралъ споры по обязательствамъ между казною и частными лицами, для послѣднихъ предстоялъ бы, при не слишкомъ строгой добросовѣстности чиновника, по крайней мѣрѣ выборъ между точнымъ выполненіемъ контракта и стачкою. Но при дѣйствующихъ нынѣ правилахъ у него нѣтъ этого выбора; контрагенту предстоитъ одно изъ трехъ: или выполнить контрактъ хорошо, но предоставить нѣкоторыя выгоды представителямъ казны и пріемщику; или выполнить дурно, но покрыть свою неисправность сдѣлкою съ чиновниками; или, отказавъ во всякихъ выгодахъ лицамъ, имѣющимъ въ этомъ дѣлѣ участіе въ качествѣ органовъ казны, оказаться неисправнымъ и подвергнуться всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ неисправности. Послѣдняя шанса слишкомъ невыгодна, и рѣдкій на нее рѣшится, особливо когда ее такъ легко избѣгнуть, избравъ одно изъ первыхъ двухъ средствъ. Кто же несетъ убытки и терпитъ ущербъ?

Разумѣется, казна; она или платитъ лишнее или получаетъ товары худаго качества и плохую работу.

Ни контроль, ни подробныя правила и инструкціи, ни справочныя цѣны не въ силахъ отвратить безпорядковъ и злоупотребленій, вытекающихъ изъ самаго существа теперешнихъ юридическихъ положеній о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Дѣло торговое и коммерческое, по природѣ своей свободное, такъ или иначе, прокладываетъ себѣ тропинку сквозь регламентативныя мѣры, и когда онѣ ему мѣшаютъ, оно уничтожаетъ силу и дѣйствіе ихъ на практикѣ. Не считаемъ нужнымъ приводить примѣры: они слишкомъ живо представятся всякому, кто сколько-нибудь понимаетъ дѣло. Промышленность, какъ все на свѣтѣ, живетъ по своимъ законамъ, отъ которыхъ не можетъ отступить; правила, составленныя вопреки этимъ законамъ, стѣсняя естественный ея ходъ, только даютъ ей ложное направленіе, которое обнаруживается въ ненормальныхъ явленіяхъ, всегда убыточныхъ, для того, въ чью пользу тѣснительныя мѣры поставлены.

Въ основаніи ошибочныхъ взглядовъ на юридическія свойства казенныхъ подрядовъ и поставокъ лежитъ сопоставленіе ихъ съ другими казенными взысканіями. Разсуждаютъ такъ: подати, пошлины и другіе казенные сборы взимаются же исполнительнымъ порядкомъ, безъ всякаго спора въ судебныхъ мѣстахъ [1]). Исполненіе казеннаго подряда или поставки подходитъ подъ ту же категорію казеннаго взысканія, и потому можетъ и должно подлежать тѣмъ же правиламъ. Но такое сближеніе совершенно неправильно. Между взысканіемъ казенной подати, пошлины, сбора и исполненіемъ договора, заключеннаго съ казною, лежитъ та огромная разница, что первое вытекаетъ изъ государственнаго права, а второе изъ гражданскаго.

---

[1]) Св. Зак. т. X. Зак. о Судопр. Гражд. ст. 102.

Обязанность платить подати, пошлины, сборы не проистекаетъ изъ договора или условія, а предписывается государственною властью къ непремѣнному исполненію, и при томъ размѣръ податей, пошлинъ, сборовъ опредѣляется тою же властью и не зависитъ отъ произвола частныхъ лицъ. Напротивъ, заключая контракты, покупая и продавая, казна является частнымъ лицомъ, вступаетъ, подобно ему, въ добровольныя юридическія сдѣлки; тутъ, слѣдовательно, выгоды и невыгоды ея вполнѣ зависятъ отъ свойства предлагаемыхъ ею условій, а условія эти, какъ мы видѣли, невыгодны для подрядчиковъ, и въ послѣднемъ результатѣ для самой казны. Отсюда слѣдуетъ, что устраненіе посредничества суда и исполнительная власть казны, мѣры полезныя и необходимыя въ отношеніи къ податямъ и разнымъ сборамъ, не имѣютъ тѣхъ же послѣдствій въ отношеніи къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, потому что основанія тѣхъ и другихъ совершенно иныя.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще одно, очень важное обстоятельство. Исполнительный характеръ казенныхъ взысканій по подрядамъ и поставкамъ, возможность привлечь къ отвѣтственности контрагента и послѣ исполненія имъ договора, имѣли, косвеннымъ образомъ, неблагопріятное для самой казны вліяніе на развитіе законодательства объ этомъ предметѣ. Подрядчики и поставщики, опасаясь риска, который такія предпріятія представляютъ при указанныхъ двухъ условіяхъ, не охотно стали являться на торги. Чтобъ увеличить конкуренцію ихъ и тѣмъ уменьшить подрядныя и поставочныя цѣны на торгахъ, правительство вынуждено было требовать отъ контрагентовъ меньше залоговъ, съ меньшею разборчивостію принимать эти залоги, оказывать контрагентамъ, при исполненіи ими договоровъ, въ особенности же контрагентамъ неисправнымъ, разныя, весьма значительныя снисхожденія и т. п. Такимъ образомъ, въ сущности, казна теперь менѣе обезпечена при не-

исправности подрядчика или поставщика, чѣмъ частное лице. Мѣры, представляющія лишь кажущееся, мнимое обезпеченіе, приводятъ казну, въ дѣйствительности, къ убыткамъ и къ необезпеченности ея взысканій.

Какими же средствами, спросятъ насъ, оградить казну отъ ущербовъ по подрядамъ и поставкамъ? Рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ предѣлы задачи, которую мы себѣ предложили и повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что дѣйствительными средствами, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, всегда будутъ: хорошій выборъ лицъ, заключающихъ именемъ казны договоры, и пріемщиковъ и щедрое вознагражденіе тѣхъ и другихъ; строгій и правильный уголовный судъ надъ тѣми чиновниками, которые позволяютъ себѣ злоупотребленія и стачки по дѣламъ казеннымъ; правильный и безпристрастный гражданскій судъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ; отмѣна всякой отвѣтственности контрагента, когда договоръ исполненъ и деньги ему заплачены. Для избѣжанія проволочки въ судѣ по дѣламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, которая легко можетъ встрѣтиться, особливо если дѣло проходитъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ, можно, на первое время, постановить правиломъ, что по дѣламъ этого рода рѣшенія судовъ первой инстанціи немедленно приводятся въ исполненіе, не дожидаясь сроковъ апеляціи; для большаго еще обезпеченія казны, при нынѣшнемъ устройствѣ судебной части, можно отнести такого рода дѣла къ юрисдикціи гражданскихъ палатъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, подчиненіе этихъ дѣлъ общимъ судебнымъ мѣстамъ кажется намъ однимъ изъ наилучшихъ средствъ для приведенія этой отрасли казенныхъ операцій въ нормальное состояніе. Судъ даже оградитъ казну отъ злоупотребленій чиновниковъ, именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда контрактъ исполненъ добросовѣстно и неисправность контрагента зависитъ

только отъ личности органовъ казны. Такимъ же вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ считаемъ мы и отмѣну всякихъ взысканій съ контрагента послѣ выполненія имъ договора. Во первыхъ, эти взысканія, по всей справедливости и строгому праву, могутъ падать лишь на однихъ пріемщиковъ, а отнюдь не на контрагента. При томъ, увѣренность, что они одни будутъ отвѣчать за убытки казны, заставитъ пріемщиковъ быть внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ. Наконецъ, казна можетъ вести списки контрагентамъ, оказавшимся недобросовѣстными и ненадежными, и не допускать ихъ впередъ къ торгамъ. Такъ или иначе, но то несомнѣнно, что для самой казны будетъ гораздо выгоднѣе оставить безъ преслѣдованія нечестнаго поставщика, чѣмъ удерживать за собою право подвергать всѣхъ контрагентовъ вообще послѣдующимъ начетамъ и взысканіямъ, изъ одного опасенія, что между ними можетъ найдтись нечестный; ибо теперь именно недобросовѣстный человѣкъ скорѣе вступитъ въ казенный подрядъ, чѣмъ добросовѣстный, въ надеждѣ обойдти его законныя послѣдствія косвенными путями, на которыечестный подрядчикъ не рѣшится, или за которые онъ, можетъ быть, и не съумѣетъ взяться.

СООБРАЖЕНІЯ О ПРЕДМЕТАХЪ ЗАНЯТІЙ, ЦѢЛИ И СПОСОБАХЪ ДѢЙСТВІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ 1857 ГОДУ, ПО СЛУЧАЮ ПРОИСХОДИВШИХЪ ВЪ ТО ВРЕМЯ СОВѢЩАНІЙ О ПРОЭКТѢ НОВАГО УСТАВА ОБЩЕСТВА).

Императорское Вольное Экономическое Общество основано въ 1765 году «къ приращенію въ Россіи земледѣлія и домостроительства»; но въ то время съ этими названіями соеди-

нялось понятіе гораздо болѣе обширное, чѣмъ теперь. Въ предисловіи къ Уставу 1765 года сказано: «нѣтъ удобнѣйшаго средства къ приращенію во всякомъ государствѣ народнаго благополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состояніе, показывая надежнѣйшіе способы, какимъ образомъ натуральныя произращенія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки поправлены быть могутъ». Согласно съ этимъ, въ гл. IV, ст. 2 того же Устава, дѣйствительнымъ членамъ общества вмѣняется между прочимъ въ обязанность: 1) «дѣлать вѣрные опыты, касающіеся до домостроительства, земледѣлія, береженія и размноженія лѣсовъ [1]), скотоводства, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, горныхъ дѣлъ, мануфактуръ, всякихъ рукодѣлій и проч., не пренебрегая и того, что̀ способствовать можетъ къ сохраненію здравія сельскихъ жителей» (лит. *а*); 2) «подавать или присылать въ собраніе всякія собственныя сочиненія, принадлежащія къ упомянутымъ разнымъ частямъ приватной и государственной экономіи» (лит. *б*); 3) «представлять новыя изобрѣтенія и способы, служащіе къ поправленію либо деревенской архитектуры, либо употребляемыхъ при экономическихъ работахъ разныхъ махинъ и инструментовъ».

Что̀ касается до способовъ дѣйствія общества, то они, на основаніи плана и Устава 1765 года, состояли: 1) въ распространеніи въ народѣ полезныхъ и нужныхъ знаній, для поправленія земледѣлія и домостроительства (планъ, ст. 1, предисл. къ Уставу); 2) въ сообщеніи русской публикѣ «всякихъ полезныхъ примѣчаній и опытовъ, также экстрактовъ и переводовъ изъ лучшихъ на иностранныхъ языкахъ экономическихъ книгъ» (тамъ же, начало статьи 6-й); 3) предста-

---

[1]) Въ Уставѣ 1770 (гл. IV, ст. 1. п. *а*) и 1824 годовъ (гл. VIII, § 1, п. *а*) прибавлено: и *всякихъ растеній*.

вляемые членами «труды должны быть единственно практическіе, и для того никакія спекулятивныя и тому подобныя сочиненія принимаемы не будутъ» (тамъ же, ст. 6, пунктъ *е*); 4) въ «превосходную» заслугу передъ обществомъ вмѣнено членамъ, если будутъ доставлять исправныя модели новоизобрѣтенныхъ въ иностранныхъ государствахъ машинъ и инструментовъ, употребляемыхъ при экономическихъ работахъ (Уставъ, гл. IV, ст. 2, пунктъ *г*).

Въ Уставѣ 1770 года означенное выше назначеніе общества и способы его дѣйствія оставлены тѣ же, и даже выражены тѣми же словами. Но въ ст. 1 Устава о корреспондентахъ, 1790 года, сказано, что въ это званіе долженъ быть принятъ, безъ балотированія, тотъ, «который себя присылкою полезныхъ откровеній, изобрѣтеній и примѣчаній или наблюденій изъ экономіи, касательно до земледѣлія, садоваго искусства, лѣснаго промысла, скотоводства, разведенія шелка, пчеловодства, звѣриной или рыбной ловли; также и изъ тѣхъ къ экономіи принадлежащихъ математическихъ, механическихъ, технологическихъ и физическихъ наукъ, въ экономическомъ обществѣ преимущественно себя отличитъ».

Дѣйствующій нынѣ Уставъ Вольнаго Экономическаго Общества (1824 года) есть самый полный изъ всѣхъ. Въ немъ назначеніе, цѣль и способы дѣйствія общества опредѣлены гораздо подробнѣе, чѣмъ прежде.

Уставомъ 1824 года учрежденъ въ обществѣ совѣтъ, раздѣленный на пять отдѣленій. Въ 1845 году, существовавшее до того времени особливое общество для поощренія лѣснаго хозяйства преобразовано въ шестое отдѣленіе Вольнаго Экономическаго Общества; но въ 1851 году это отдѣленіе закрыто и по прежнему осталось пять отдѣленій. Изъ нихъ первое завѣдываетъ капиталами, доходами и расходами общества, во второмъ сосредоточивается ученая дѣятельность его

по всѣмъ предметамъ его занятій, послѣдніе же распредѣляются собственно между третьимъ, четвертымъ и пятымъ отдѣленіями.

III Отдѣленіе — сельскаго домоводства и опытнаго земледѣлія — «собираетъ всѣ статистическія по Россіи свѣдѣнія, дознаетъ по всѣмъ губерніямъ состояніе сельскаго хозяйства, радѣетъ о усовершенствованіи всѣхъ отраслей онаго, изыскиваетъ способы и принимаетъ мѣры къ распространенію плодородія и ко введенію всего, что̀ упрочиваетъ оное. По назначенію совѣта и одобренію собранія общества дѣлаетъ дѣйствительные опыты по земледѣлію и домостроительству и по наблюдательномъ испытаніи дѣлаетъ объ оныхъ подробное донесеніе, съ изложеніемъ правилъ, или что найдетъ полезнымъ, какъ приспособить ко всеобщему употребленію. Оно же управляетъ школами земледѣльческими и рукодѣльными, когда общество пріобрѣтетъ достаточный капиталъ, на учрежденіе ихъ потребный» (гл. VII, § 7).

IV Отдѣленіе — пекущееся о рукодѣліяхъ всякаго рода и торговлѣ (тамъ же § 4, п. 4), — «собираетъ всѣ свѣдѣнія, кои могутъ служить къ усовершенствованію художествъ, мануфактуръ, ремеслъ, заводовъ, рыбныхъ ловель; печется о введеніи въ Россіи новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованіи старыхъ; открываетъ способы къ скорѣйшему водворенію ихъ повсемѣстно въ Россіи; обращаетъ вниманіе свое на все относящееся до народной промышленности и придумываетъ способы къ отвращенію по сей части могущихъ встрѣчаться неудобствъ» (гл. VII, § 8).

Наконецъ, V Отдѣленіе — попечительное о сохраненіи здоровья человѣческаго и всякихъ домашнихъ животныхъ — «собираетъ свѣдѣнія и сообщаетъ о средствахъ къ укрѣпленію здоровья и къ отвращенію болѣзней, особенно у сельскихъ жителей и ремесленниковъ, распространяя таковое попеченіе и

къ сбереженію всякаго рода домашнихъ животныхъ, въ работу, пищу и одежду употребляемыхъ» (гл. VII, § 9).

Выраженный приведенными §§ Устава кругъ занятій и дѣйствій общества дополняется и поясняется, въ подробностяхъ, нѣкоторыми другими мѣстами Устава 1824 года, а именно:

«Цѣль Вольнаго Экономическаго Общества ознаменовалась самыми предметами, коими оно до нынѣ занималось. Труды Вольнаго Экономическаго Общества распространились на всѣ отрасли сельскаго хозяйства, на рукодѣльныя всякаго рода произведенія, на внутреннюю промышленность, на сохраненіе здоровья сельскихъ жителей и на уврачеваніе скота. Изъ сего явствуетъ, что цѣль сего Общества есть направленіе и введеніе во всеобщее употребленіе способовъ, созидающихъ народное богатство, стяжаемое изъ первыхъ трехъ источниковъ: земли, рукодѣлія и промышленности» (гл. I, § 1).

Въ статьѣ о способахъ дѣйствія Общества между прочимъ сказано, что ему предоставляется: 1) «Предлагать награды за удовлетворительное рѣшеніе задачь, за изобрѣтенія и усовершенствованіе способовъ и правилъ, руководствующихъ къ цвѣтущему состоянію въ Россіи земледѣлія, художествъ и промышленности» (гл. I, § 2, п. *a*.). 2) «При постепенномъ усовершенствованіи въ сельскомъ хозяйствѣ и въ рукодѣліяхъ обращать вниманіе и попеченіе свое предпочтительно на тѣ предметы, кои существенно нужнѣе въ Россіи и кои обѣщаютъ пространнѣйшую пользу, какъ-то: по земледѣлію, на обороты посѣвовъ, на травосѣяніе, на усовершенствованіе сельскихъ орудій, на осушеніе болотъ, на лѣсоводство и т. д.; по рукодѣлію, на суконное и льняное издѣлія, на усовершенствованіе всякаго рода желѣзныхъ работъ и проч., соразмѣряя попеченіе и труды свои способамъ, обществомъ обладаемымъ» (§ 2, п. *b*).

По поводу права Вольнаго Экономическаго Общества давать награды, сказано слѣдующее: «Для возбужденія соревно-

ванія въ особахъ, занимающихся земледѣліемъ, рукодѣліемъ, заводскими работами, художествами и упражняющихся въ механикѣ, химіи и рудокопной и плавильной наукѣ», общество, по предварительному разсмотрѣнію и представленію подробному совѣта, ежегодно назначаетъ награды за полезныя ихъ изобрѣтенія и производства» (гл. X, § 1).

Къ числу указаній на цѣль и кругъ занятій общества, слѣдуетъ также отнести, что во многихъ мѣстахъ Устава говорится, что членами общества должны быть «рачительныя къ сельскому хозяйству особы, и тѣ, кои занимаются фабриками и заводами» (гл. II, § 2, гл. III, § 2), а также тѣ, «кои по успѣхамъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ или же въ наукахъ, наиболѣе для домоводства, фабрикъ и заводовъ нужныхъ, особенно многимъ извѣстны» (гл. VIII, § 3).

Что̀ касается до способовъ дѣйствія, предоставленныхъ обществу нынѣшнимъ уставомъ, то, сверхъ означенныхъ уже въ приведенныхъ изъ него мѣстахъ, упоминаются еще слѣдующіе:

1) «Повѣрять опытомъ правила, въ сельскомъ хозяйствѣ полезными признанныя» (гл. I, § 2, п. *c*).

2) «Испытывать новоизобрѣтенныя орудія и машины, облегчающія въ земледѣліи и художествахъ работу человѣческую» (тамъ же п. *d*.).

3) «Устроивать на счетъ общества таковыя орудія и машины, какъ вновь изобрѣтаемыя, такъ и извѣстныя уже, но въ Россіи еще не употребляемыя, и вводить оныя во всеобщее употребленіе» (тамъ же, п. *e*).

4) «Извѣщать публику, помощію журналовъ, о всѣхъ наблюденіяхъ и открытіяхъ, которыхъ польза самымъ опытомъ будетъ дознана» (тамъ же, п. *f*).

5) «Собирать модели всѣхъ полезныхъ орудій и машинъ, могущихъ служить образцами для желающихъ соорудить таковыя въ заведеніяхъ своихъ» (тамъ же п. *g*).

6) «Учреждать земледѣльческія и рукодѣльныя школы по мѣрѣ возможности и открытія пользъ оныхъ». (Тамъ же, п. *k*.).

7) «Покровительствовать и дѣлать пособія подвизающимся въ трудахъ, къ цѣли общества направляемыхъ» (тамъ же, п. *i*).

8) «Соединять взаимными пользами сословія ученыхъ съ тѣми, кои приводятъ въ употребленіе полезныя открытія и умоначертанія, какъ-то: химиковъ, механиковъ, минералоговъ, ботаниковъ съ домоводцами, фабрикантами и заводчиками». (Тамъ же, п. *k*.).

9) «Просвѣщеніе въ сельскомъ домоводствѣ и рукодѣліяхъ оно распространяетъ по всей Россіи; но для вящшаго успѣха дѣятельное попеченіе свое обращаетъ преимущественно на одну или двѣ губерніи, которыя могли бы впредь послужить разсадникомъ и для другихъ губерній». (Гл. 1. § 2 въ концѣ).

Съ 1843 года обнаружилась потребность новаго пересмотра и исправленія Устава Вольнаго Экономическаго Общества. Съ этого времени и по нынѣ, какъ въ представленныхъ по этому предмету замѣчаніяхъ и проэктахъ, такъ и по поводу частныхъ вопросовъ, высказывались, словесно и письменно, различныя мнѣнія о кругѣ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія Общества.

Мнѣнія эти существенно заключаются въ слѣдующемъ:

I) Многіе думаютъ, что Вольное Экономическое Общество должно быть преимущественно или даже исключительно сельско-хозяйственнымъ и что другіе предметы входятъ въ кругъ его занятій только по мѣрѣ отношенія своего къ Сельскому Хозяйству.

Отсюда справедливо выводятъ, что Вольное Экономическое Общество, подобно всѣмъ прочимъ сельско-хозяйственнымъ Обществамъ, должно имѣть свою опытную ферму, дѣлать опытные посѣвы, испытывать новоизобрѣтенныя земледѣльческія орудія, и проч.; нѣкоторые, принимая это мнѣніе со

всѣми его крайними послѣдствіями, утвержают даже, что Вольное Экономическое Общество должно посвятить себя исключительно сельскому хозяйству Сѣверныхъ губерній, по недоступности для него хозяйства Средней и Южной полосы Россіи.

Это мнѣніе не подтверждается однако Уставами Общества. Приведенныя изъ нихъ выписки показываютъ, что ни въ 1765, ни въ 1770, ни въ 1824 годахъ не было мысли ограничить кругъ дѣйствій Вольнаго Экономическаго Общества сельскимъ хозяйствомъ. Но еслибъ подобная мысль даже и была положена въ основаніе програмы этого Общества, то едва ли бы она могла когда нибудь осуществиться по недостатку въ немъ условій стать преимущественно, а тѣмъ менѣе исключительно сельско-хозяйственнымъ. Для того, чтобъ оно могло такимъ сдѣлаться, нужно, чтобъ его члены дѣйствительно, практически занимались сельскимъ хозяйствомъ; чтобъ кругъ дѣятельности Общества сосредоточивался на опредѣленной, не слишкомъ обширной мѣстности, представляющей, хотя бы въ существенныхъ чертахъ, одинаковую почву, климатъ и сельское населеніе. Только при такихъ данныхъ Общество можетъ стать центромъ мѣстной сельско-хозяйственной дѣятельности, вызвать обмѣнъ мыслей, опытовъ и наблюденій между съѣзжающимися въ собранія Общества владѣльцами и хозяевами, которые тотчасъ же по возвращеніи въ свои помѣстья и усадьбы на практикѣ повѣряютъ видѣнное и слышанное на съѣздахъ, безъ всякихъ затрудненій и недоразумѣній, потому что хозяйства предлагающихъ и принимающихъ усовершенствованіе или нововведеніе находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Между членами такихъ обществъ предположенія практически не выполнимыя долго держаться не могутъ и никого не введутъ въ заблужденіе, потому что каждая новая мысль тотчасъ же повѣряется опытомъ.

Въ сказанномъ заключается въ высокой степени полезная и благотворная роль сельско-хозяйственныхъ обществъ. Спрашивается: представляетъ ли и можетъ ли представить что-либо подобное Вольное Экономическое Общество? Лишь не значительное число его членовъ принадлежатъ къ Петербургской губерніи, и изъ этого незначительнаго числа самая малая часть практически занимается въ означенной губерніи сельскимъ хозяйствомъ. Независимо отъ того, Вольное Экономическое Общество не можетъ сдѣлаться сельско-хозяйственнымъ по естественнымъ условіямъ Петербургскаго климата и почвы. Въ томъ и другомъ отношеніи Петербургъ значительно разнится даже отъ своихъ ближайшихъ окрестностей, такъ что заведенныя въ чертѣ города или въ близкомъ отъ него разстояніи опытныя и образцовыя фермы, производимые опытные посѣвы, испытаніе сельско-хозяйственныхъ орудій и тому подобныя практическія повѣрки сельско-хозяйственныхъ нововведеній и усовершенствованій частью невозможны, частью же ни для кого не могутъ служить образцомъ и примѣромъ. А безъ такой повѣрки никакое Сельско-Хозяйственное Общество не достигаетъ своей цѣли.

II) Нѣкоторые, находя, что существующая программа Вольнаго Экономическаго Общества содержитъ въ себѣ не одно сельское хозяйство, но и другія отрасли промышленной дѣятельности, полагаютъ, что цѣль этого общества должна заключаться въ развитіи и усовершенствованіи въ Россіи промышленной техники вообще. На этомъ основаніи, Вольное Экономическое Общество должно имѣть предметомъ изобрѣтенія и усовершенствованія техническихъ способовъ и пріемовъ, орудій и машинъ, по всѣмъ отраслямъ промышленности, изслѣдуетъ ихъ, повѣряетъ на дѣлѣ, старается о распространеніи тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся полезными и поощряетъ изобрѣтателей наградами, денежными ссудами и проч.

Этотъ взглядъ конечно болѣе согласуется съ тѣмъ кругомъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества, который указанъ дѣйствующимъ нынѣ Уставомъ; однако и этотъ взглядъ исключаетъ изъ числа предметовъ, на которые простирается попеченіе общества, весьма важную отрасль народной промышленности, именно торговлю, опредѣлительно и ясно означенную въ программѣ Вольнаго Экономическаго Общества и по убѣжденію многихъ составляющую ея существенную, органическую принадлежность. Что же касается до мысли опредѣлить предметъ дѣятельности этого общества исключительно промышленной техникой, то выше показана невозможность ея осуществленія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству; то же самое, и съ такимъ же правомъ, должно сказать и относительно всѣхъ другихъ отраслей промышленности. Общество, имѣющее цѣлію развитіе промышленной техники, должно состоять преимущественно, если не исключительно, изъ спеціальныхъ людей по предметамъ своихъ занятій и имѣть во всякое время подъ руками возможность опытомъ убѣдиться въ преимуществѣ или пользѣ того или другаго техническаго пріема, способа или усовершенствованія. Но чтобы стать такимъ, Вольное Экономическое Общество не имѣетъ нужныхъ условій. Въ числѣ его членовъ очень мало техниковъ и спеціялистовъ по части обработывающей промышленности; но еслибъ даже ихъ было и много, то все же недоставало бы существеннаго условія для плодотворной дѣятельности общества, именно возможности слѣдить наглядно за развитіемъ и усовершенствованіемъ промышленной техники, по отдаленности Петербурга отъ главныхъ пунктовъ заводской, фабричной и мануфактурной промышленности.

III) Наконецъ, есть мнѣніе, что Вольное Экономическое Общество должно имѣть, независимо отъ практическаго, и собственно ученое призваніе, именно что въ кругъ его заня-

тій должно также входить изученіе политико-экономическихъ вопросовъ, распространеніе у насъ правильныхъ политико-экономическихъ воззрѣній, собираніе матеріяловъ для хозяйственной статистики Россіи, ихъ обнародываніе и ученая обработка.

По Уставу 1824 года, собираніе статистическихъ свѣдѣній дѣйствительно отнесено къ предметамъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества; но теоретическое или ученое назначеніе его положительно отвергается первоначальнымъ Уставомъ, которымъ вмѣняется членамъ общества, въ обязанность представлять труды практическіе, а отнюдь не спекулятивныя и тому подобныя сочиненія.

Нельзя отрицать, что ученые и теоретическіе вопросы, во многихъ случаяхъ, должны существенно входить въ рѣшеніе задачь, принадлежащихъ къ предметамъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества; поэтому, не только вредно, но и совершенно невозможно было бы исключить ихъ изъ числа этихъ предметовъ. Но рѣчь идетъ только о томъ, можетъ и должна ли наука быть однимъ изъ главныхъ, самостоятельныхъ предметовъ занятій общества, или же она можетъ имѣть лишь значеніе предмета вспомогательнаго и второстепеннаго, служить средствомъ для достиженія практическихъ цѣлей и результатовъ. Послѣднее, какъ кажется болѣе, соотвѣтствуетъ призванію Вольнаго Экономическаго Общества, намѣренію основателей и самому существу дѣла. Какъ ни расширять или ни стѣснять кругъ дѣйствій и занятій Вольнаго Экономическаго Общества, однако, во всякомъ случаѣ, задача его есть и будетъ прежде всего практическая, именно — развитіе или усовершенствованіе въ Россіи, тѣмъ или другимъ способомъ, той или другой отрасли промышленности; а съ такимъ призваніемъ трудно согласить чисто-научное и придать Обществу, хотя бы только отчасти, характеръ ученой академіи. Еслибъ

подобная мысль и была принята, то она у насъ едва ли могла бы осуществиться по недостатку людей и средствъ. Статистика Россіи еще въ колыбели. Вѣрные статистическіе данные о Россіи пока крайне еще скудны, мало доступны и разбросаны; каѳедры политической экономіи и статистики въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще съ трудомъ замѣщаются знающими преподавателями. Также безуспѣшно было бы ввести эти науки въ кругъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества, съ цѣлью открыть и облегчить по нимъ обмѣнъ мыслей и распространять въ публикѣ правильныя объ нихъ понятія и свѣдѣнія.—Достиженіе той и другой цѣли предполагаетъ болѣе или менѣе значительное число лицъ, занимающихся этими предметами и науку, уже выработанную по крайней мѣрѣ въ своихъ основаніяхъ, чего статистика Россіи далеко еще не представляетъ. Въ заключеніе должно замѣтить, что если политико-экономическое или статистическое общество съ цѣлію ученою у насъ возможно, то не иначе, какъ въ видѣ отдѣльнаго ученаго общества, или же, подобно статистическому отдѣленію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ составѣ другаго общества преслѣдующаго тоже собственно ученыя, а не практическія цѣли.

Таковы наиболѣе распространенныя воззрѣнія на значеніе, цѣль и кругъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества. Каждое изъ нихъ имѣетъ всю неоспоримо-справедливую сторону, каждое опирается на теперешнюю программу Общества, но ни одно не обнимаетъ ея вполнѣ, и для своего осуществленія потребовало бы совершеннаго, рѣзкаго измѣненія плана Общества, который начертанъ почти сто лѣтъ тому назадъ, и заботливо, какъ святыня, передавался отъ поколѣнія къ поколѣнію, до нашего времени. Безспорно, каждая историческая эпоха имѣетъ свои требованія и свое призваніе, и было бы не позволительно приносить въ жертву пользы настоящаго вос-

поминаніямъ о прошедшемъ. Но когда возбуждается вопросъ о преобразованіи древняго учрежденія, возникшаго въ великій, богатый плодотворными идеями вѣкъ, по мысли лучшихъ людей того вѣка, нельзя приступать къ дѣлу, не оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ прежняго, не вникнувъ глубоко въ основную его мысль; въ противномъ случаѣ, новыхъ дѣлателей постигъ бы строгій, но справедливый приговоръ, что они, не понявъ указаній прошедшаго, неразумно утратили сокровище, завѣщанное имъ мудростію прошедшаго времени.

Чтобъ уразумѣть и оцѣнить основную мысль, внушившую учрежденіе Вольнаго Экономическаго Общества, должно пристально вглядѣться въ обстоятельства, при которыхъ она родилась и созрѣла.

Россія и теперь, несмотря на продолжительное покровительство у насъ фабричной и мануфактурной промышленности, остается, и на долго еще останется, по прежнему, государствомъ преимущественно земледѣльческимъ. Если это такъ теперь, то тѣмъ болѣе такъ было въ половинѣ XVIII вѣка, когда обработывающая промышленность не имѣла еще въ Россіи почти никакого развитія. Нынѣ, съ облегченіемъ и увеличеніемъ сношеній, съ видимымъ умноженіемъ потребностей, въ особенности же съ возрастающимъ усиленіемъ требованія на фабричныя и мануфактурныя издѣлія, торговля мало по малу проникаетъ даже въ мѣста отдаленныя отъ центровъ промышленнаго движенія и вытѣсняетъ домашнее изготовленіе различныхъ предметовъ хозяйства собственными средствами; но въ половинѣ XVIII вѣка, домоводство, напротивъ, играло важную роль, и потому занимало, въ мнѣніи даже просвѣщеннаго меньшинства, весьма видное и почетное мѣсто. Образованность, да и самое знаніе иностранныхъ языковъ, составляли тогда достояніе немногихъ; сношенія не только съ Евро-

пою, но и различныхъ краевъ Россіи между собою, происходили гораздо рѣже и съ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ теперь; дѣлаемыя въ Европѣ и у насъ усовершенствованія и новыя изобрѣтенія несравненно медленнѣе распространялись и становились общимъ достояніемъ всѣхъ; пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ, наемъ техниковъ по разнымъ частямъ были крайне затруднительны, и оттого хозяйство шло у насъ первобытнымъ порядкомъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ и условіяхъ основано Вольное Экономическое Общество. Оно должно было развить и усовершенствовать въ Россіи главнѣйшіе въ то время виды у насъ народнаго хозяйства — земледѣліе и домоводство; однако не были забыты и рукодѣлья, ремесла, заводы, фабрики и мануфактуры. Членамъ вмѣнено въ обязанность дѣлать на пользу отечественной промышленности именно то, чего ей въ то время въ особенности недоставало, а именно, знакомить съ промышленной техникой европейскихъ государствъ, и для того представлять Обществу переводы и извлеченія съ иностранныхъ языковъ, по предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій; но въ особенную заслугу вмѣнялось членамъ представленіе моделей и описанія новоизобрѣтенныхъ машинъ. Наконецъ, пользованіе такъ называемыми домашними средствами, болѣе доступное для сельскихъ жителей и составляющее одну изъ важнѣйшихъ частей домостроительства или домоводства, названо особливо въ числѣ занятій Общества, вѣроятно по чрезвычайной важности предмета при тогдашнемъ недостаткѣ во врачахъ и вообще при неразвитости въ то время медицинской части въ Россіи.

Такимъ образомъ, цѣль и задачу Вольнаго Экономическаго Общества, при самомъ его основаніи, составляли исправленіе и усовершенствованіе въ Россіи промышленности вообще и увеличеніе народнаго благосостоянія и богатства; но тогдаш-

нія особенныя обстоятельства и условія нашего отечества, а весьма вѣроятно также и господство физіократическихъ воззрѣній, придали обществу значеніе, направленіе и видъ по преимуществу агрономическаго или сельско хозяйственнаго. Отъ этого смѣшенія основной мысли съ средствами для ея осуществленія при данныхъ условіяхъ и произошли, какъ кажется, всѣ недоразумѣнія относительно назначенія и цѣли Вольнаго Экономическаго Общества. Программа его, очевидно, не исключительно сельско-хозяйственная; на фактѣ же Общество доселѣ старается, хотя и безуспѣшно, стать въ разрядъ агрономическихъ. Въ этомъ обстоятельствѣ должно, повидимому, искать причины, почему дѣятельность Вольнаго Экономическаго Общества не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, въ которыя оно поставлено. Такъ какъ всѣ попытки измѣнить Уставъ доселѣ или не имѣли результата, или ограничивались передачей, съ нѣкоторыми лишь незначительными частными дополненіями и измѣненіями, программы первоначальнаго Устава, даже почти тѣми же словами, то по мѣрѣ того, какъ хозяйственный и промышленный бытъ Россіи измѣнялся, основная мысль, давшая начало Вольному Экономическому Обществу, мало по малу была забыта, средства дѣйствія, которыя въ свое время вполнѣ ей соотвѣтствовали и ее выражали, съ перемѣнившимися обстоятельствами, потеряли первоначальное свое значеніе, и, не стоя въ уровень съ новыми потребностями, вмѣсто того, чтобъ ее выражать, только затемняли.

Въ настоящее время Вольное Экономическое Общество вступаетъ въ новую эпоху своего существованія и на предстоящее ему обновленіе обращено общее вниманіе, ибо съ возрожденіемъ его соединены большія ожиданія и надежды. Отъ достойной дѣятельности этого Общества за прежнее время остались воспоминанія, которыя продолжаютъ внушать къ нему уваженіе и ставятъ его, въ общественномъ мнѣніи, выше другихъ подоб-

ныхъ Обществъ, имѣющихъ тѣсно очерченый, мѣстный, исключительно эмпирическій кругъ дѣйствія. Въ Вольномъ Экономическомъ обществѣ живетъ, по преданію, плодотворная мысль великаго и славнаго царствованія. Это наслѣдіе должно быть сохранено ненарушимо, безъ умаленія, съ благодарностію и почтеніемъ, какъ завѣщаніе прошедшей и залогъ будущей дѣятельности Общества, какъ указаніе и знамя, подкрѣпляемое всѣмъ авторитетомъ обильной великими начинаніями эпохи. На этомъ основаніи, поощреніе и развитіе всѣхъ отраслей производительности и промышленности въ Россіи должно, кажется, и на будущее время оставаться, по прежнему, задачею, назначеніемъ и цѣлью Вольнаго Экономическаго Общества, почему эту цѣль надлежало бы выразить въ новомъ Уставѣ яснѣе, чѣмъ она выражена въ теперешнемъ (1824), для того, чтобъ Общество, и при новой обстановкѣ имѣло передъ собою ту же задачу, тотъ же кругъ дѣйствія и могло имѣть такое же благотворное вліяніе и значеніе, какъ и въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Въ этомъ отношеніи не должно терять изъ виду, что теперь народная промышленность уже не сосредоточивается у насъ, какъ прежде, почти исключительно въ одномъ домоводствѣ и земледѣліи; что всѣ отрасли обработывающей промышленности и торговли дѣлаютъ въ Россіи замѣтные успѣхи и потребность въ нихъ признается всѣми, даже для пользы самаго сельскаго хозяйства. Поэтому теперь кажется, умѣстно и своевременно было бы ясно и опредѣлительно выразить въ Уставѣ мысль, что Вольное Экономическое Общество имѣетъ цѣлію споспѣшествовать не одному сельскому хозяйству, но и всѣмъ прочимъ отраслямъ народной промышленности въ Россіи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что потребность въ такомъ Обществѣ живо чувствуется всѣми, особливо въ послѣднее время. Общественное мнѣніе силою обстоятельствъ приводится къ мысли слав-

наго Екатерининскаго вѣка, давшей существованіе Вольному Экономическому Обществу, и если послѣднее не пойметъ своего призванія, не приметъ эту мысль по прежнему за свой девизъ, то это поведетъ къ учрежденію другаго Общества, и силы, которыя, при совокупномъ дѣйствованіи, могли бы принести существенную пользу, стали бы, въ такомъ случаѣ, лишь истощаться въ безплодномъ разъединеніи.

—

Чтобы исполнить свое назначеніе, Общество должно:

Во первыхъ, употреблять всевозможныя мѣры, чтобъ сдѣлать общедоступными для массы публики свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ промышленности въ современномъ ихъ состояніи какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ;

Во вторыхъ, внимательно слѣдить за успѣхами развитія промышленности у насъ и за границею и знакомить съ ними публику;

Въ третьихъ, возбуждать и изслѣдовать вопросы, относящіеся къ той или другой отрасли промышленности въ Россіи, ея теперешнему состоянію и дальнѣйшему развитію и усовершенствованію;

И въ четвертыхъ по мѣрѣ средствъ и способовъ, поддерживать, поощрять и покровительствовать полезныя открытія, нововведенія, усовершенствованія и предпріятія въ Россіи, по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства.

Для распространенія въ публикѣ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ промышленности, надлежало бы прежде всего преумножать и пополнять библіотеку Общества и его музеи, основать по недостающимъ частямъ новые и открыть свободный въ нихъ доступъ для всѣхъ и каждаго. Съ тою же цѣлью слѣдовало бы ежегодно открывать по разнымъ отраслямъ промышленности публичные курсы, расположивъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, послѣдовательности и взаимномъ соотвѣтствіи другъ другу.

Чтобъ слѣдить за ходомъ промышленности и знакомить съ нимъ публику, Вольное Экономическое Общество должно находиться въ сношеніяхъ со всѣми сходными съ нимъ по цѣли и занятіямъ обществами въ Россіи и за границею, получать какъ ихъ отчеты, такъ и вообще всякаго рода изданія, имѣющія предметомъ промышленную дѣятельность и изъ всѣхъ этихъ матеріяловъ сообщать тщательныя извлеченія печатно въ изданіяхъ Общества и въ статьяхъ, предназнаемыхъ для чтенія въ собраніяхъ Общества.

Въ то же время Обществу надлежитъ подвергать тщательному разсмотрѣнію, изслѣдованію, а если нужно и испытанію, поступающія къ нему предположенія, новыя изобрѣтенія или усовершенствованія и въ тѣхъ же изданіяхъ сообщать публикѣ о результатахъ.

Когда какой-либо предметъ, относящійся къ области промышленности, по особенной своей важности, обратитъ на себя вниманіе и будетъ найденъ заслуживающимъ подробнаго, спеціяльнаго изученія — Вольному Экономическому Обществу должно быть предоставлено образовать изъ своихъ членовъ особыя временныя коммисіи для разсмотрѣнія и обсужденія того или другаго вопроса или предположенія, предлагать по онымъ задачи и темы на конкурсъ, а въ случаѣ надобности и наряжать особыя коммисіи для мѣстныхъ изслѣдованій.

Наконецъ, для поощренія къ усовершенствованію и развитію промышленности въ Россіи, Общество учреждаетъ промышленныя выставки, присуждаетъ награды за полезныя изобрѣтенія, нововведенія и усовершенствованія по всѣмъ отраслямъ промышленности, печатаетъ на свой счетъ лучшія объ нихъ сочиненія и въ случаѣ надобности покровительствуетъ всѣмъ полезнымъ промышленнымъ предпріятіямъ рекомендаціей, опубликованіемъ во всеобщее извѣстіе, денежными ссудами и пособіями и ходатайствомъ передъ правительствомъ.

О способахъ дѣйствія Вольнаго Экономическаго общества существуютъ различныя мнѣнія. Многіе, сверхъ изчисленныхъ выше, предлагаютъ еще и нѣкоторые другіе, а именно:

1) Въ настоящее время общество имѣетъ, въ извѣстной мѣрѣ, административное значеніе. Оно получаетъ на распространеніе оспопрививанія пособія отъ правительства и присуждаетъ оспопрививателямъ награды. Еще въ недавнее время, оно учредило и содержало училище, на точномъ основаніи Устава, который вмѣняетъ обществу въ обязанность, когда позволятъ средства учреждать земледѣльческія и рукодѣльныя школы. Этимъ намекамъ на административное призваніе Вольнаго Экономическаго общества, многіе весьма сочувствуютъ, полагая, что въ немъ-то и заключается залогъ и необходимое условіе развитія и процвѣтанія общества. Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Административная роль Вольнаго Экономическаго общества условливалась въ свое время скудостію способовъ правительства, недостаточностію административнаго механизма. Оттого нѣкоторая, болѣе или менѣе значительная часть администраціи, по необходимости была предоставляема не только обществамъ, но даже и отдѣльнымъ частнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи настоящее время существенно разнится отъ прежняго. Администрація получила у насъ обширное развитіе; не только управленіе медицинское и учебное, общее и спеціяльное, сдѣлали замѣтные успѣхи, но даже для направленія промышленной дѣятельности существуютъ теперь у насъ административные органы. При такомъ положеніи дѣла, административное призваніе Вольнаго Экономическаго общества является запоздалымъ остаткомъ другаго времени и другихъ обстоятельствъ, который несоотвѣтствуетъ болѣе современнымъ условіямъ и потому долженъ быть исключенъ изъ Устава. Это тѣмъ легче сдѣлать, что Вольное Экономическое общество уже не содержитъ школъ, а участіе его въ распро-

страненія оспопрививанія должно прекратиться съ будущаго 1858 года.

Впрочемъ, и не имѣя въ своемъ управленіи школъ, клиникъ и т. под. учрежденій, общество всегда можетъ, какъ только признаетъ нужнымъ, достигать той же цѣли, но другимъ, болѣе ему свойственнымъ и удобнымъ образомъ, а именно, отпускомъ суммъ на воспитаніе, въ существующихъ уже казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣтей или молодыхъ людей, тѣмъ или другимъ наукамъ, искусствамъ, или ремесламъ и рукодѣльямъ, выдавать отъ себя награды и преміи оспопрививателямъ, не принимая участія въ управленіи оспенною частію и проч.

2) Многіе полагаютъ, что Вольное Экономическое Общество должно имѣть собственныя, т. е. имъ на свой счетъ содержимыя и самимъ управляемыя образцовыя заведенія, которыя могли бы также служить и для произведенія опытовъ, напримѣръ: усадьбу или ферму, химическую лабораторію, сѣмянное депо и т. под. Это мнѣніе опирается на дѣйствующій нынѣ Уставъ, который въ числѣ средствъ, указываемыхъ Вольному Экономическому Обществу для достиженія его цѣлей, называетъ: повѣрку опытомъ правилъ, признанныхъ полезными въ сельскомъ хозяйствѣ, испытаніе новоизобрѣтаемыхъ орудій и машинъ и устройство ихъ на счетъ общества.

Необходимость подобныхъ заведеній для сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ, имѣющихъ спеціяльно-техническое начначеніе, отрицать нельзя; безъ нихъ они не имѣли бы значенія и не достигали бы своей цѣли. Конечно и такія общества могли бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, воспользоваться уже существующими подобными заведеніями, казенными или частными, устраняя отъ себя хлопоты и труды по управленію ими; но въ большей части случаевъ, по недостатку такихъ заведеній, общества бываютъ вынуждены завести ихъ отъ себя,

на свой счетъ и на себя же принять всѣ заботы и контроль по ихъ управленію. Но Вольное Экономическое Общество поставлено въ иныя условія. По изложеннымъ выше климатическимъ, мѣстнымъ и другимъ условіямъ Петербурга, оно не можетъ имѣть подъ своимъ непосредственнымъ, ежедневнымъ надзоромъ образцовой фермы, не можетъ производить опытныхъ посѣвовъ, ни другихъ техническихъ опытовъ. При томъ Вольное Экономическое Общество едва ли можетъ и нуждаться въ собственныхъ заведеніяхъ такого рода: располагая значительными средствами, считая въ числѣ своихъ сочленовъ извѣстныхъ спеціалистовъ по всѣмъ частямъ, общество всегда можетъ поручать имъ производство всѣхъ необходимыхъ опытовъ; наконецъ, еслибъ даже признано было необходимымъ имѣть обществу въ постоянномъ своемъ распоряженіи подобныя заведенія, то едва ли не было бы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и даже выгоднѣе войти объ этомъ въ сношеніе съ содержателями такихъ заведеній и заключить съ ними условія о предоставленіи обществу права ими пользоваться, за извѣстное вознагражденіе.

3) Въ дѣйствующемъ нынѣ Уставѣ общества, въ числѣ средствъ, которыми оно можетъ достигать своихъ цѣлей, названо соединеніе взаимными пользами сословія ученыхъ съ лицами, приводящими въ употребленіе полезныя открытія, какъ то: химиковъ, механиковъ, минералоговъ съ домоводцами, фабрикантами и заводчиками. Въ этомъ заключается мысль, что общество должно служить посредникомъ по предметамъ промышленности. Многіе придаютъ этой мысли весьма обширное толкованіе, полагая, что на обществѣ лежитъ обязанность выполнять всякаго рода порученія и заказы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ промышленности, какъ то: выписывать, по требованію частныхъ лицъ, машины и орудія, сѣмяна, управляющихъ, техниковъ по разнымъ частямъ, книги

и наоборотъ, что общество обязано публиковать прейсъ-куранты, разсылать относящіеся къ предметамъ его занятій лучшія книги, инструменты и т. д. Словомъ, по этому понятію, на обществѣ лежатъ всѣ обязанности конторы агенства и коммиссіонерства по всѣмъ отраслямъ промышленности.

Подобное назначеніе едва ли однако соотвѣтствуетъ не только цѣли, но и достоинству общества. Обременяя его безчисленными мелочными занятіями, оно только отклонило бы его отъ дѣйствительныхъ его обязанностей и призванія. Нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, Вольное Экономическое Общество, въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, а именно для поощренія и развитія промышленности въ Россіи, можетъ иногда быть вынуждено принять на себя роль коммиссіонера, напримѣръ когда необходимо поддержать какое-либо особенно важное и полезное изобрѣтеніе и ознакомить съ нимъ публику, или распространить новый родъ или видъ растенія, отъ котораго должна произойти несомнѣнная, чрезвычайная польза, или же удовлетворить какому-нибудь общему, сильному требованію на предметъ промышленности, пріобрѣтеніе котораго, по какимъ-либо особеннымъ причинамъ, крайне трудно или даже невозможно, безъ посредничества общества и т. д. Но такого рода случаи весьма рѣдки и будучи допускаемы лишь какъ изъятіе изъ общаго правила, не могутъ быть слишкомъ обременительны для общества. Впрочемъ и для этихъ рѣдкихъ случаевъ надлежало бы, кажется, постановить неизмѣннымъ правиломъ, что общество принимаетъ на себя лишь сношеніе и переписку, приводитъ только въ непосредственныя отношенія продавца и покупателя, но отнюдь не входитъ въ ихъ разсчеты, а тѣмъ менѣе можетъ принимать на себя полученіе, храненіе, упаковку и разсылку вещей; ибо въ послѣднемъ случаѣ общество вышло бы изъ своей роли и снизошло бы въ разрядъ

коммиссіонерскихъ и транспортныхъ конторъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, общество можетъ, если признаетъ нужнымъ, войти въ сношеніе съ какимъ-нибудь частнымъ заведеніемъ такого рода, поддерживать существующее, или даже дать средства для основанія новаго, словомъ можетъ поощрять и содѣйствовать, а не само на себя принимать несвойственныя ему обязанности.

—

Итакъ, чтобъ Вольное Экономическое Общество стало для нашего времени тѣмъ же, чѣмъ было при Екатеринѣ II, ему надлежитъ сдѣлаться средоточіемъ стремленій и усилій частныхъ лицъ къ развитію промышленности въ Россіи; предположенія, проэкты, взгляды, вопросы, свѣдѣнія, не имѣющія административнаго назначенія, здѣсь, въ обществѣ, должны быть обсуждаемы, изслѣдуемы и повѣряемы, словомъ, должны подвергнуться строгой критической выработкѣ, при помощи всѣхъ средствъ, которыя даетъ наука и опытность. Сдѣлавшись такимъ образомъ складалищемъ современныхъ понятій и свѣдѣній о промышленности въ Россіи, ея потребностяхъ и способахъ къ ея усовершенствованію, Вольное Экономическое Общество будетъ, съ одной стороны, разсадникомъ правильныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, вѣрнымъ руководителемъ частныхъ лицъ на поприщѣ промышленной дѣятельности, а съ другой, источникомъ всякаго рода полезныхъ для правительства свѣдѣній относительно промышленности, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно признало бы нужнымъ, какъ и теперь нерѣдко случается, потребовать мнѣнія общества по тому или другому предмету, входящему въ кругъ его занятій.

Такому назначенію Вольнаго Экономическаго Общества особенно благопріятствуютъ тѣ самыя условія, которыя, какъ выше сказано, препятствуютъ ему стать сельско-хозяйственнымъ или вообще техническимъ. По своему положенію въ

центрѣ высшаго государственнаго управленія, куда стекаются люди и свѣдѣнія изъ всѣхъ краевъ имперіи, общество можетъ находиться въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми лицами, занимающимися въ Россіи тою или другою отраслью промышленности теоретически или практически, получать точныя оффиціяльныя и частныя свѣдѣнія о ходѣ промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, имѣть въ числѣ своихъ дѣятельныхъ сочленовъ не только владѣльцевъ всякаго рода промышленныхъ заведеній, техниковъ, купцовъ, ученыхъ, завѣдывающихъ учебными заведеніями по части промышленности, но и лица съ большимъ вліяніемъ по своему общественному положенію и которыя потому могутъ существенно содѣйствовать обществу въ достиженіи его цѣлей. Близость Европы и удобство сношеній съ ней моремъ, поставляетъ Вольное Экономическое Общество въ возможность оказывать различнымъ отраслямъ промышленности въ Россіи существенно полезное посредничество и содѣйствіе; а располагая довольно значительными денежными средствами, которыя съ возвращеніемъ къ основной мысли и программѣ императрицы Екатерины II, непремѣнно еще увеличатся, Вольному Экономическому Обществу удобнѣе и легче развить свою дѣятельность и выполнить задачу, чѣмъ всѣмъ прочимъ существующимъ въ Россіи обществамъ, да и всякому новому обществу, которое было бы основано для той же самой цѣли. Ко всему этому должно еще прибавить, что Вольное Экономическое Общество, состоя подъ покровительствомъ члена императорской фамиліи, не только находится въ весьма благопріятномъ для его дѣятельности исключительномъ положеніи, но и можетъ имѣть большой кругъ вліянія, такъ какъ Августѣйшій представитель его, слѣдя за его трудами и усматривая ихъ общеполезные результаты, всегда имѣетъ возможность, когда признаетъ нужнымъ, ходатайствовать отъ себя передъ правительствомъ о томъ,

чтобъ оно обратило на нихъ вниманіе и извлекло возможную пользу, дарованіемъ средствъ привести предположенія общества въ исполненіе.

Противъ этого можно возразить, что возстановленіе программы Вольнаго Экономическаго Общества, начертанной въ царствованіе императрицы Екатерины, могло бы, въ настоящее время, имѣть важное неудобство въ томъ отношеніи, что занятія общества могли бы соприкасаться, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совпадать, съ занятіями правительственныхъ и административныхъ учрежденій по той же части, именно мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ, вслѣдствіе чего дѣятельность Вольнаго Экономическаго общества могла бы оказаться или безполезною и излишнею, или же оно присвоило бы себѣ аттрибуты правительственнаго учрежденія, которыхъ не имѣетъ и ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ и не должно.

Но это неудобство едва ли не есть только кажущееся. Названныя установленія имѣютъ административное назначеніе, призываются къ обсужденію вопросовъ, возникающихъ въ правительствѣ и съ своей стороны дѣлаютъ ему представленія о нуждахъ и пользахъ обработывающей промышленности и торговли и сословій, которыя ими занимаются. Напротивъ, Вольное Экономическое Общество состоитъ изъ частныхъ лицъ, не имѣетъ ни правительственнаго, ни административнаго призванія, не есть даже совѣщательное для правительства установленіе, не имѣетъ права входить съ представленіями или ходатайствами къ правительству иначе, какъ по предметамъ, относящимся къ его устройству, управленію и средствамъ. Наконецъ, самыя занятія его промышленностію суть болѣе ученыя и оказываемое имъ покровительство или поощреніе отнюдь не выходитъ изъ границъ, предписанныхъ для дѣятельности всѣхъ вообще частныхъ лицъ и установленій. Слѣдовательно, Вольное Экономическое Общество и административ-

ныя установленія, хотя имѣютъ одинъ и тотъ же предметъ, но, вращаясь въ различныхъ сферахъ, не только не могутъ мѣшать, но напротивъ будутъ содѣйствовать другъ другу. Живымъ этому доказательствомъ служитъ существованіе, рядомъ съ департаментомъ сельскаго хозяйства и ученымъ комитетомъ при томъ департаментѣ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, въ особенности же Вольнаго Экономическаго, которое даже состоитъ подъ особымъ управленіемъ и ни отъ департамента ни отъ ученаго комитета не зависитъ.

—

Сказаннымъ выше опредѣляется число и занятія отдѣленій въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Первое предполагается преобразовать въ хозяйственный комитетъ при совѣтѣ. Завѣдывая имуществомъ, доходами и расходами общества, хозяйственный комитетъ не имѣетъ ничего общаго съ отдѣленіями, которыя призваны выполнять программу Вольнаго Экономическаго Общества, каждое по своей части.

Второе, такъ называемое ученое отдѣленіе, не имѣетъ опредѣленной задачи и круга дѣятельности, которые бы обозначались особливыми предметами. Каждая изъ отраслей промышленности, входящихъ въ кругъ занятій общества, имѣетъ свою ученую сторону, которую отдѣлить отъ нея невозможно и которая поэтому должна-быть вмѣстѣ съ нею отнесена къ кругу занятій одного и того же отдѣленія. Собственно же ученой дѣятельности и призванія Вольное Экономическое Общество, какъ замѣчено выше, не имѣетъ и не можетъ имѣть. На этомъ основаніи, ученое отдѣленіе слѣдовало бы, кажется, упразднить.

Пятое, Медицинское и Ветеринарное Отдѣленіе, съ прекращеніемъ, съ 1858 года, участія Вольнаго Экономическаго Общества въ завѣдываніи оспопрививаніемъ, становится анахронизмомъ; ибо два главные предмета занятій этого отдѣленія,

домашняя медицина и ветеринарное искусство, входятъ въ составъ: первая—домостроительства, второе—скотоводства, которое составляетъ отрасль сельскаго хозяйства. По этому оба эти предмета — и домашняя медицина и ветеринарія должны, кажется, быть отнесены къ занятіямъ третьяго отдѣленія, а пятое отдѣленіе слѣдовало бы упразднить.

За тѣмъ, принимая въ основаніе раздѣленіе промышленности вообще на производящую, обработывающую и обмѣнивающую произведенія, и имѣя въ виду, что третье отдѣленіе и нынѣ занимается сельскимъ хозяйствомъ и домоводствомъ, а четвертое преимущественно предметами, относящимися къ обработывающей промышленности, надлежало бы учредить въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, вмѣсто трехъ отдѣленій, подлежащихъ закрытію, одно новое, которое посвятило бы труды свои предметамъ, относящимся къ торговлѣ?

При обсужденіи направленія, которое должно быть дано занятіямъ и дѣятельности Вольнаго Экономическаго Общества, естественнымъ образомъ представляется къ разрѣшенію вопросъ: въ какомъ отношеніи должно оно находиться къ прочимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ въ Россіи.

Предметъ этотъ былъ уже обсуждаемъ въ совѣтѣ, по поводу высказаннаго поэтому предмету мнѣнія одного изъ членовъ общества. Мнѣніе это заключается въ томъ, что бóльшая часть нашихъ Экономическихъ Обществъ, не получая никакихъ отъ правительства пособій и не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, весьма стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ и вынуждены ограничивать, или даже вовсе отлагать многія полезныя предположенія. Къ числу такихъ обществъ принадлежатъ: Казанское, Ярославское, Лебедянское, Пензенское, Юрьевское, Калужское и нѣкоторыя изъ Остзейскихъ. — Такъ какъ отъ развитія дѣйствій обществъ

можно ожидать важной пользы для нашего хозяйства; министерство же государственныхъ имуществъ, при ограниченности своихъ денежныхъ средствъ, не могло и не можетъ давать обществамъ достаточныхъ денежныхъ пособій, а къ испрошенію оныхъ изъ государственнаго казначейства нѣтъ надежды, то Вольное Экономическое Общество, располагая значительными средствами и находясь нынѣ, при новомъ благотворномъ направленіи, могло бы, кажется, удѣлять хоть нѣкоторымъ губернскимъ обществамъ постоянныя пособія изъ своихъ суммъ. Такъ какъ Вольное Экономическое Общество имѣетъ цѣлію улучшеніе сельскаго хозяйства во всей имперіи, а кругъ дѣйствій провинціяльныхъ обществъ распространяется на одну или на нѣсколько губерній, то тѣ изъ сихъ послѣднихъ обществъ, которыя получали бы пособія отъ перваго, были бы помощниками его и могли бы въ такомъ случаѣ, по справедливости, называться отдѣленіями Вольнаго Экономическаго Общества, подобно тому, какъ это принято по географическому обществу. Такой оборотъ дѣла, при постоянной готовности департамента сельскаго хозяйства содѣйствовать обществамъ, конечно не остался бы безъ полезныхъ послѣдствій.

Разсмотрѣвъ это мнѣніе, совѣтъ, съ своей стороны, находилъ, что и по климату и по свойству почвы С. Петербурга, и по личному составу, Вольное Экономическое Общество не можетъ заниматься практически сельскимъ хозяйствомъ съ такимъ успѣхомъ, какъ губернскія сельско-хозяйственныя общества; а въ то же время, послѣднія, при ограниченности своихъ средствъ, не могутъ развить свою дѣятельность надлежащимъ образомъ, тогда какъ, напротивъ, Вольное Экономическое Общество располагаетъ значительными денежными капиталами. Имѣя въ виду, что такимъ образомъ Вольное Экономическое и губернскія сельско-хозяйственныя общества могли бы взаимно другъ друга дополнять и совокупнымъ дѣй-

ствіемъ успѣшнѣе достигать своихъ цѣлей, совѣтъ призналъ приведенную выше мысль, заслуживающею особеннаго вниманія и положилъ принять ее въ соображеніе при начертаніи проэкта новаго Устава общества.

—

Если бы вышеизложенныя соображенія были одобрены, то первые §§ проэкта Устава Вольнаго Экономическаго Общества, опредѣляющіе предметъ занятій, цѣль, способы дѣйствія и раздѣленіе этого общества на отдѣленія, могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЦѢЛЬ ОБЩЕСТВА И ЕГО УПРАВЛЕНІЕ.

§

Императорское Вольное Экономическое Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать, съ помощью предоставленныхъ ему способовъ, развитію и усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства и домоводства, а также промышленности ремесленной, заводской, фабричной, мануфактурной и торговой.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, §§ 1 и 2, лит. а. Гл. VII, § 4, п. 3—5; §§ 7—9. Гл. III, § 2. Гл. VIII, § 1. лит. а.
Уст. Географ. Общ. § 6. [1])

§

По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій Общества, оно раздѣляется на три отдѣленія: а) сельскаго хозяйства и домоводства; б) промышленности ремесленной, заводской, фабричной и мануфактурной и в) торговли.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава VII, § 4, п. 2—5; §§ 6—9; гл. VIII, § 1, лит. б.
Уст. Географ. Общ. § 2.

———

[1]) Ссылки въ концѣ каждой статьи указываютъ на тѣ мѣста, гдѣ говорится *о томъ же самомъ предметѣ*, хотя бы и иначе, чѣмъ въ статьѣ проэкта.

§

Главный предметъ занятій общества есть подробное изученіе производительныхъ и промышленныхъ силъ Россіи и изслѣдованіе какія отрасли хозяйства и промыслы той или другой мѣстности наиболѣе приличествуютъ и какіе способы всего дѣйствительнѣе могли бы вести къ водворенію и развитію въ различныхъ мѣстностяхъ свойственнаго имъ хозяйства и промысловъ.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. в, гл. VII, § 8.

§

Общество внимательно слѣдитъ за всѣми новыми открытіями и усовершенствованіями по предметамъ своихъ занятій какъ въ Россіи, такъ и за границею, обсуждаетъ ихъ и старается сдѣлать общеизвѣстными и ввести во всеобщее употребленіе тѣ изъ нихъ, которыя на дѣлѣ окажутся полезными и выгодными.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2. лит. f. гл. VII, §§ 6—8.

§

Общество старается, по возможности, имѣть въ числѣ своихъ членовъ всѣ тѣ лица, кои пріобрѣли въ Россіи извѣстность или учеными трудами по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій общества, или практическими занятіями и знаніями по этимъ предметамъ въ качествѣ владѣльцевъ имѣній и хозяйственныхъ заведеній, заводчиковъ, фабрикантовъ, купцовъ и т. п.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава III § 2.

§

Общество входитъ въ сношенія внутри имперіи со всѣми другими обществами и значительными промышленными компаніями и съ возможно бóльшимъ числомъ лицъ, отъ коихъ можетъ ожидать нужныхъ ему свѣдѣній и содѣйствія, а также

съ учеными обществами и лицами внѣ Имперіи, занимающимися одними съ нимъ предметами.

Уст. Географ. Общ. § 5.

§

По всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій, Вольное Экономическое Общество имѣетъ свою библіотеку и музеи и прилагаетъ особенное стараніе о пополненіи той и другихъ по крайней мѣрѣ необходимѣйшими книгами, изданіями, каталогами, картами, моделями, рисунками, чертежами, образчиками и т. п., чтобъ и члены общества и посторонніе могли въ нихъ найдти всѣ главныя и существенныя по означеннымъ предметамъ ученыя пособія.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. д.
Уст. Географ. Общ. § 6.

§

Для достиженія своихъ цѣлей, общество: 1) издаетъ періодическія и другія сочиненія (а); 2) предлагаетъ на конкурсъ задачи и лучшіе отвѣты печатаетъ на свой счетъ (б); 3) присуждаетъ золотыя и серебряныя медали, денежныя и другія преміи и похвальные листы (в); 4) устраиваетъ чтенія, разсужденія и бесѣды между членами во время собраній и внѣ оныхъ, въ помѣщеніяхъ общества (г); 5) устроиваетъ выставки сельскихъ и вообще промышленныхъ произведеній; 6) учреждаетъ курсы публичныхъ лекцій (д); 7) открываетъ всѣмъ свободный доступъ въ свою библіотеку и музеи (е); 8) обнародываетъ извлеченія изъ журналовъ совѣта, общихъ собраній и собраній отдѣленій (ж); 9) даетъ порученія своимъ членамъ и постороннимъ лицамъ, желающимъ участвовать въ трудахъ общества, содѣйствуетъ тѣмъ и другимъ своими указаніями, поощреніями, пособіями, а въ случаѣ нужды своимъ ходатайствомъ (з); 10) если будетъ признано возможнымъ и нужнымъ, снаряжаетъ, съ предварительнаго отъ кого слѣ-

дуетъ разрѣшенія, нарочныя коммисіи, для произведенія, мѣстныхъ изслѣдованій (и).

а) Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. з.
Уст. Географ. Общ. § 8.
б) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. VII, § 6.
в) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. 1, § 2, лит. а. гл. IX, § 1.
Уст. Геогр. Общ. § 7.
г) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. X, §§ 11 и 12.
Уст. Географ Общ. §§ 51 и 67.
д) Существуетъ на практикѣ.
е) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. VIII, § 4.
ж) Существуетъ на дѣлѣ.
Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. 1, § 2, лит. *c*, *д*, *e*, *h*, *i*. Гл. XIII, § 1, лит. д.
Уст. Географ. Общ. § 3.
и) Уст. Географ. Общ. § 3.

РЕМЕСЛЕННАЯ БОГАДѢЛЬНЯ
И
ВООБЩЕ УПРАВЛЕНІЕ РЕМЕСЛЕННЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

—

Минувшаго 9 мая происходило въ домѣ С. Петербургскаго ремесленнаго сословія открытіе дома призрѣнія для здѣшнихъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ ремесленниковъ. Торжество какъ нельзя болѣе приличествовало празднуемой въ этотъ день церковью памяти Святителя и Чудотворца Николая, ознаменовавшаго земную жизнь свою столькими подвигами милосердія и благотворительности. Въ часъ по полудни, въ особо отведенной въ домѣ призрѣнія комнатѣ, совершено было молебствіе, въ присутствіи его высокопревосходительства, господина С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, его превосходительства, господина гражданскаго губернатора, гг. вице-губернатора, городскаго головы, старшины дворянскаго отдѣленія общей Думы, членовъ коммиссіи для введенія новаго положенія объ управленіи столицы, членовъ распорядительной Думы, предсѣдателя Ремесленной Управы, членовъ и засѣдателей оной, начальства цеховаго управленія, и при многочисленномъ стеченіи благотворительныхъ и другихъ лицъ. Послѣ благоговѣйной молитвы о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго дома, произнесено было священникомъ церкви Владимірской Божіей Матери, магистромъ П. Никитскимъ, слово, невольно исторгнувшее слезы у многихъ изъ присутствующихъ.

«Нельзя — сказалъ онъ, между прочимъ — безъ радости и умиленія быть свидѣтелемъ сего величественнаго и вмѣстѣ смиреннаго подвига всесозидающей любви христіянской; какимъ-же сладкимъ утѣшеніемъ, какою небесною радостію и торжествомъ должны быть преисполнены сердца тѣхъ, которые принимаютъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ?—Миръ и благословеніе отъ Бога, честь вамъ и слава отъ людей, боголюбивые и человѣколюбивые благодѣтели несчастныхъ! Теплыя слезы умиленія, искреннія благословенія отъ признательныхъ сердецъ призрѣваемыхъ вами собратій, конечно, достигнутъ до Престола Божія и оттуда низведутъ на васъ росу милости и благоволенія Отца Небеснаго, потому что никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе, и ни за что такъ не награждаетъ Онъ Своимъ человѣколюбіемъ, какъ за человѣколюбіе... Итакъ, да утвердитъ васъ Отецъ Небесный въ человѣколюбивомъ предпріятіи вашемъ, усердные благодѣтели! Да поможетъ онъ благодатію и благословеніемъ своимъ устроиться и распространиться предначатому святилищу любви и милосердія, чтобы подъ кровомъ его находили успокоеніе и отраду всѣ, истинно бѣдствующіе собратія ваши. Призри съ Небесе, Боже, и виждь, посѣти Священный вертоградъ сей, и утверди его!»

Послѣ молебствія, исправляющій должность старшины ремесленнаго отдѣленія общей Думы, Н. М. Комаровъ, пригласилъ всѣхъ посѣтителей, отъ имени ремесленнаго общества, пожаловать въ Управу этого сословія. Здѣсь, въ комнатахъ канцеляріи, были накрыты столы для почетныхъ посѣтителей, а въ помѣщеніяхъ цеховъ для лицъ цеховаго управленія. Изящный и вкусный обѣдъ, на которомъ присутствовало до двухъ-сотъ пятидесяти гостей, изготовленъ извѣстнымъ И. И. Излеромъ, засѣдателемъ Управы. За обѣдомъ былъ провозглашенъ тостъ за Августѣйшее здравіе и долгоденствіе Государя

императора и всего августѣйшаго дома, потомъ слѣдовали тосты за здоровье его высокопревосходительства, главнаго начальника губерніи, его превосходительства, г. гражданскаго губернатора, городскаго головы, гг. членовъ коммиссіи, предсѣдателя и членовъ Ремесленной Управы и другихъ лицъ, трудами и пожертвованіями принимавшихъ дѣятельное участіе въ учрежденіи дома призрѣнія. Оставляя праздникъ, господинъ главный начальникъ губерніи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ полное удовольствіе за найденный имъ вездѣ порядокъ и за похвальную готовность ремесленнаго общества быть полезнымъ страждущимъ и безпомощнымъ своимъ сочленамъ. Но еще долго и послѣ отбытія почетныхъ гостей длился праздникъ; общество радушно веселилось, счастливое мыслью о совершившемся богоугодномъ и человѣколюбивомъ дѣлѣ.

Дѣла общественной и частной благотворительности не новость и не рѣдкость въ Россіи; они были, есть и будутъ, и свидѣтельствуютъ о драгоцѣнной чертѣ русскаго народнаго ума и характера. Больницы, богадѣльни, пріюты и другія благотворительныя заведенія учреждаются у насъ въ такомъ множествѣ, что описанное нами открытіе небольшаго дома призрѣнія для С. Петербургскихъ ремесленниковъ могло бы остаться почти незамѣченнымъ, затеряться посреди тысячи другихъ подобныхъ событій, еслибъ единодушное, трогательное рвеніе здѣшнихъ ремесленниковъ къ совершенію этого благочестиваго подвига, и умное, добросовѣстное управленіе хозяйственными дѣлами ремесленнаго общества, значительно подготовившее и ускорившее открытіе ремесленной богадѣльни, не давали ему права на особенное вниманіе.

Давно уже была чувствуема необходимость обезпечить судьбу бѣдныхъ ремесленниковъ, по преклоннымъ лѣтамъ или немощи лишенныхъ всякаго способа существованія. Обширный и отлично устроенный здѣшнимъ купечествомъ домъ призрѣ-

нія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ предназначенъ для всѣхъ вообще городскихъ сословій, и потому не могъ призрѣть всѣхъ ремесленниковъ нуждающихся въ помощи. Особенное вниманіе обратилъ на себя этотъ предметъ съ 1847 года, когда многіе ремесленники были неоднократно замѣчены въ прошеніи милостыни. Но какъ обезпечить ихъ, и изъ какихъ источниковъ—вотъ вопросы, которые рѣшить было не легко. Общество раздавало единовременныя и постоянныя пособія бѣднѣйшимъ: частная благотворительность дѣлала свое дѣло; но оба эти средства не могли вполнѣ достигнуть своей цѣли. При томъ хозяйственное положеніе общества было затруднительно; при небольшихъ доходахъ, оно было обременено значительнымъ, по его средствамъ, долгомъ—недоимкой казенной и въ пользу города.

Эти затрудненія были мало по-малу устранены усердіемъ общества и благоразумными распоряженіями Ремесленной Управы, въ особенности предсѣдателя ея (съ 1847 года) Никиты Максимовича Комарова. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1847 года Ремесленное Отдѣленіе Общей Думы, по предложенію г. Комарова, обсуждало мѣры для обезпеченія убогихъ ремесленниковъ, и остановилось на мысли учредить домъ призрѣнія, на первый разъ на 25 человѣкъ; для этого очистить часть дома, принадлежащаго цеховому обществу; опредѣлить на расходы первоначальнаго обзаведенія у содержанія ежегодный доходъ съ общественнаго дома; завѣдываніе богадѣльней предоставить Ремесленной Управѣ, подъ руководствомъ Ремесленнаго Отдѣленія Думы, и сверхъ того открыть добровольную подписку по цехамъ. Въ то же время составленъ былъ проэктъ положенія о домѣ призрѣнія, которое 16 августа минувшаго года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Пока дѣлались необходимыя приготовительныя распоряженія къ открытію богадѣльни, значительность добровольныхъ при-

ношеній, скопившихся въ теченіе 1848 года, открыла возможность устроить предположенный домъ призрѣнія ремесленниковъ въ болѣе обширномъ видѣ. Къ 1-му января 1849 года общая сумма пожертвованій составляла болѣе 8 тысячъ руб., а къ 1-му января 1850 года она простиралась почти до 12 тысячъ руб. Старшина Ремесленнаго Общества Н. М. Комаровъ, подавшій мысль о богадѣльнѣ, былъ и первымъ вкладчикомъ: онъ пожертвовалъ на нее 2000 р. с.; городской голова В. Г. Жуковъ, столько извѣстный своимъ дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ дѣлахъ общественной благотворительности, 500 р.; засѣдатели Ремесленной Управы: Ф. А. Верховцевъ 450 р., Д. А. Андреевъ 300 р., членъ Управы С. Ѳ. Ѳедоровъ, С. Петерб. 1 гильдіи купецъ П. И. Кудряшевъ, по 200 р., членъ Управы Г. К. Кузьминъ, купцы: Г. К. Поповъ, Т. А. Кохановъ, 1-й гильдіи Е. Соколовъ и мастера разныхъ цеховъ: М. В. Жаворонковъ, П. И. Шуваловъ, А. М. Лѣтній, каждый по 100 р., двѣнадцать лицъ разныхъ сословій, преимущественно купеческаго и ремесленнаго, по 50 р. и болѣе; кромѣ того, столярнымъ цехомъ пожертвовано около 1200 р., обойнымъ около 650 р., перчаточнымъ 100 р., и почти столько же серебрянымъ.

Такая ревность общества и посторонних жертвователей, обнаружившаяся уже съ самаго начала подписки, дала возможность предсѣдателю Управы и ея членамъ положить твердое основаніе и вожделѣнное начало призрѣнію ремесленниковъ. Мысль о временномъ помѣщеніи призрѣваемыхъ была оставлена; стали думать объ устройствѣ постояннаго и прочнаго. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1848 года, былъ купленъ обществомъ домъ, находящійся рядомъ съ другимъ домомъ того же общества, гдѣ помѣщается Ремесленная Управа. Около половины издержекъ покрыто пожертвованною суммою; другая половина взята изъ Ремесленной казны, сбереженной

и умноженной вслѣдствіе разныхъ улучшеній по управленію дѣлами ремесленнаго общества, постепенно введенныхъ со времени преобразованія общественнаго управленія столицы въ 1846 году, въ особенности же со вступленія въ должность Ремесленнаго старшины, бывшаго предсѣдателя Ремесленной Управы Н. М. Комарова.

Послѣ пріобрѣтенія дома, который приноситъ обществу болѣе 700 р. ежегоднаго дохода, Ремесленное Отдѣленіе Общей Думы, по представленію Управы, назначило для постояннаго помѣщенія призрѣваемыхъ каменный надворный флигель, находящійся на дворѣ купленнаго дома, и опредѣлило потребную на передѣлку его сумму, съ тѣмъ, чтобъ работы были производимы хозяйственнымъ образомъ, подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ Управы. До окончанія же работъ, призрѣваемые ремесленники, уже въ числѣ 30 человѣкъ, помѣщены въ нижнемъ этажѣ купленнаго дома. Всѣ нужныя къ тому приготовленія возложены Управою на попеченіе члена ея, С. Ѳ. Ѳедорова, и выполнены имъ съ бережливостію, тщаніемъ и добросовѣстностію, достойными всякой похвалы. Одежда, обувь, постели и прочія принадлежности призрѣваемыхъ (на 40 человѣкъ), стараніемъ бывшаго предсѣдателя Н. М. Комарова, пріобрѣтены за самую умѣренную цѣну (278 р.); вся же почти кухонная, столовая посуда и другія мелкія вещи пожертвованы благотворителями изъ ремесленнаго же сословія. Мы имѣли случай разсматривать и помѣщеніе призрѣваемыхъ, и всѣ принадлежности богадѣльни въ малѣйшихъ подробностяхъ, и не могли не радоваться: такъ все хорошо, прочно, хотя и нѣтъ излишней роскоши, вездѣ и во всемъ видна заботливая рука и попечительная предусмотрительность. Мысль, что малѣйшія принадлежности этого скромнаго пристанища дряхлой старости и немощи скрываютъ въ себѣ лепту милосердія, дѣло любви или строгое и честное

отправленіе служебныхъ обязанностей множества лицъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, возбудило въ насъ чувства, которыхъ мы не въ силахъ пересказать. Мы поняли, что слезы умиленія, исторгнутыя словомъ пастыря, у однихъ выражали чувства, которыми и мы были преисполнены, видя благодатные плоды любви и милосердія; въ другихъ же онѣ конечно были вызваны сознаніемъ свято, безукоризненно исполненнаго долга, которое такъ сладостно для всякаго. Невидимые труды и неоцѣнимыя жертвы теперь, на этомъ торжествѣ, обнаружились. За нихъ молилась церковь; за нихъ воздавалась честь и хвала.

Предположенный обществомъ комплектъ призрѣваемыхъ ремесленниковъ (30 чел.) скоро наполнился. Въ настоящее время въ домѣ призрѣнія помѣщено уже 15 мущинъ и 15 женщинъ. Всѣ они, за исключеніемъ двоихъ, преклонныхъ лѣтъ (не моложе 50 и не старѣе 82 лѣтъ). Большая часть принадлежитъ къ сапожному цеху.

Выше было замѣчено, что учрежденіе дома призрѣнія для бѣдныхъ ремесленниковъ состоялась столько же по щедрости благотворителей, сколько и вслѣдствіе хорошаго управленія хозяйственными дѣлами здѣшняго ремесленнаго общества. Чтобъ пояснить это, считаемъ неизлишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ С. Петербургскаго ремесленнаго сословія, его денежныхъ средствахъ, управленіи и различныхъ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ немъ въ послѣднее трехлѣтіе [1]).

Сословіе ремесленниковъ заключаетъ въ себѣ ремесленниковъ, приписанныхъ къ С. Петербургу по ревизіи, и иногородныхъ, промышляющихъ ремесломъ въ столицѣ и временно

---

[1]) Иностранные ремесленники, не вступившіе въ подданство Россіи, и промышляющіе въ столицѣ, образуютъ особливые цехи (въ числѣ 16-ти), имѣютъ свою общественную казну и состоятъ подъ вѣдомствомъ особой Управы (иностранныхъ ремесленныхъ цеховъ). Въ настоящемъ обозрѣніи рѣчь идетъ только о русскихъ ремесленникахъ.

причисленныхъ къ сему сословію. Тѣ и другіе распредѣляются, смотря по ремеслу, между различными цехами.

До изданія новаго положенія объ общественномъ управленіи С. Петербурга (13 февраля 1846 года), цехи находились подъ управленіемъ своихъ выборныхъ старшинъ и старшинскихъ товарищей, и составлялись изъ ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ; пяти мастеровъ одного ремесла было уже достаточно для открытія новаго цеха. Цехи имѣли свои частныя управы, своихъ нотаріусовъ и секретарей (цеховыхъ маклеровъ), а общая Ремесленная Управа цеховъ сосредоточивалась въ лицѣ ремесленнаго головы, избираемаго всѣми ремесленниками изъ цеховыхъ мастеровъ. Для нужныхъ совѣщаній, Ремесленный Голова имѣлъ право созывать цеховыхъ старшинъ въ собраніе; по расправѣ, дѣла, касавшіяся учениковъ, находились въ его исключительномъ завѣдываніи; другія же дѣла, касавшіяся прочихъ ремесленниковъ, разбирались и судились имъ вмѣстѣ съ старшиною цеха. За тѣмъ управленіе ремесленнымъ сословіемъ сосредоточивалось въ его рукахъ, такъ, что онъ имѣлъ право отрѣшать отъ должности членовъ цеховаго управленія. Наконецъ, въ высшей инстанціи, все управленіе ремесленнымъ сословіемъ, въ особенности же дѣла наиболѣе важныя, сосредоточивались въ Городовомъ Магистратѣ.

Съ преобразованіемъ городскаго управленія, этотъ порядокъ измѣнился. Обязанности ремесленнаго головы перешли на присутствіе Ремесленной Управы, составленное изъ ремесленнаго старшины и членовъ, избираемыхъ ремесленнымъ отдѣленіемъ Общей Думы, изъ С. Петербургскихъ ремесленниковъ и двухъ засѣдателей изъ иногородныхъ ремесленниковъ, временно записанныхъ въ здѣшніе цехи. Все цеховое управленіе по внутреннимъ дѣламъ общества, подчинено ремесленному отдѣленію Общей Думы, а въ исполнительномъ порядкѣ Думѣ Распо-

рядительной; все же управленіе внутренними дѣлами каждаго цеха ввѣрено цѣховому старостѣ съ его помощникомъ.

Цехи состоятъ изъ мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. Въ 1849 году въ С. Петербургѣ было 52 цеха. Въ нихъ числилось·

мастеровъ.			подмастерьевъ.		
		вѣчно-цеховыхъ.			
муж.	женск.	всего.	муж.	женск.	всего.
845	85	930	1372	95	1467
		временноцеховыхъ.			
4893	517	5410	12658	435	13093
5738	602	6340	14030	530	14560

учениковъ.					
		вѣчно-цеховыхъ.			
муж.	женск.	всего.	муж.	женск.	всего.
512	182	694	2729	362	3091
		временно-цеховыхъ.			
9355	140	9495	26906	1092	27998
9867	322	10189	29635	1454	31089

На основаніи этихъ цифръ, временно-цеховыхъ ремесленниковъ въ С. Петербургѣ вообще слишкомъ въ девять разъ больше вѣчно-цеховыхъ; но эта пропорція не одинакова, если разсматривать отношенія тѣхъ и другихъ по полу и разрядамъ; всего ближе подходитъ къ ней отношеніе временно и вѣчно-цеховыхъ мужескаго пола; но временно-цеховыхъ женскаго пола только въ три раза больше вѣчно-цеховыхъ женскаго же пола. Далѣе: временно-цеховыхъ мастеровъ и мастерицъ почти въ шесть разъ больше вѣчно-цеховыхъ; временныхъ подмастерицъ слишкомъ въ четыре раза; временныхъ учениковъ слишкомъ въ восмнадцать разъ; напротивъ вѣчно-цеховыхъ ученицъ нѣсколько больше временно-цеховыхъ, такъ что на

13 первыхъ приходится только 10 вторыхъ. Этимъ объясняется, почему наибольшее число здѣшнихъ цеховыхъ ремесленниковъ приходится на временно-цеховыхъ падмастерьевъ (составляющихъ около половины всѣхъ цеховыхъ ремесленниковъ), мастеровъ (около шестой части) и учениковъ (около третей части); три же разряда вѣчно-цеховыхъ обоего пола и временно-цеховыя женщины составляютъ, отдѣльно, самыя незначительныя доли, а всѣ вмѣстѣ менѣе седьмой части общаго числа цеховыхъ ремесленниковъ.

Еще значительнѣе перевѣсъ ремесленниковъ мужескаго пола надъ ремесленниками женскаго. Вообще женскій полъ составляетъ только около $^1/_{21}$ части всего ремесленнаго сословія, такъ, что на 4 женщины приходится приблизительно около 85 мущинъ. Въ частности это отношеніе измѣняется. Между мастерами, на одну женщину приходится отъ 9 до 10 мущинъ, между учениками на 1 женщину отъ 30 до 31, а между подмастерьями на 1 женщину отъ 26 до 27 мужчинъ.

Тотъ же перевѣсъ мущинъ надъ женщинами находимъ, въ отдѣльности, между вѣчно и временно цеховыми. У первыхъ на 1 женщину приходится отъ 7 до 8 мужчинъ; у послѣднихъ на 1 женщину отъ 24 до 25 мущинъ.

На каждаго изъ мастеровъ и мастерицъ приходится вообще отъ 2 до 3 подмастерьевъ и отъ 1 до 2 учениковъ, безъ различія пола. Это отношеніе тоже значительно разнообразится, если разсматривать мущинъ отдѣльно отъ женщинъ и вѣчноцеховыхъ отдѣльно отъ временно-цеховыхъ. Между вѣчноцеховыми мужескаго пола, на одного мастера приходится отъ 1 до 2 подмастерьевъ, и наоборотъ отъ 1 до 2 мастеровъ на 1 ученика. Между ремесленниками женскаго пола на 17 вѣчноцеховыхъ мастерицъ приходится только 19 подмастерицъ, и на каждую мастерицу отъ 2 до 3 ученицъ. Но между временноцеховыми на 3 и 4 мастерицы приходится только по 1 ученицѣ.

На каждый изъ 52 цеховъ въ 1849 году приходилось среднимъ числомъ до 598 ремесленниковъ, именно около 570 мущинъ и около 28 женщинъ, около 539 временно и 59 вѣчноцеховыхъ. Въ томъ числѣ мастеровъ отъ 110 до 111 (времен. отъ 94 до 95), мастерицъ до 12 (врем. до 10), подмастерьевъ мужескаго пола 270 (врем. около 244), женскаго 10 (врем. отъ 8 до 9), учениковъ мальчиковъ 190 (врем. 180), дѣвочекъ 6 (вѣчно и временно-цеховыхъ почти на половину). Въ дѣйствительности эти нормальныя цифры значительно измѣняются. Самые большіе цехи по числу всѣхъ вообще ремесленниковъ были: портной (изъ 4453 человѣкъ), столярный (4198), сапожный (2179), булочный мелочныхъ лавочниковъ (1700), позументный (1277), кузнечный (1216), малярный (1203), мѣдно-бронзовый (1048), и серебряный (821); самые малые цехи перчаточный и зонтичный (по 39) и табачный (30) [1]).

Въ трехъ только цехахъ, и то весьма малочисленныхъ, число вѣчно-цеховыхъ превосходило число временно-цеховыхъ [2]); во всѣхъ же прочихъ временно-цеховыхъ было значительно больше вѣчно-цеховыхъ; въ одномъ цеху (квасно-кислощейномъ) послѣднихъ даже вовсе не было. Цехи, въ которыхъ находилось наибольшее число временно цеховыхъ суть: столярный (3951), портной (3879), сапожный (2026), булочный мелоч-

---

[1]) Въ прочихъ цехахъ ремесленники распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ	6	цехахъ	отъ	50	до	100	челов.
»	4	»	»	100	»	200	»
»	10	»	»	200	»	340	»
»	8	»	»	400	»	500	»
»	3	»	»	506	»	500	»
»	4	»	»	600	»	700	»
»	3	»	»	700	»	800	»

[2]) Именно въ клавикордномъ (на 54 ремесленника 23 врем. цех.), табачномъ (на 29 чел. 9 вр. цех.), и нѣмецко-булочномъ (на 79 чел. 22 вр. ц.).

ныхъ лавочниковъ (1699), малярный (1175), кузнечный (1153); наименьшее число временно-цеховыхъ: заключали въ себѣ цехи: зонтичный (36), перчаточный (28), клавикордный (23), нѣмецко-булочный (22), и табачный (9) [1]). Наибольшее число вѣчно-цеховыхъ находилось въ цехахъ: портномъ (574), позументномъ (353), столярномъ (247), мѣдно-бронзовомъ (198), сапожномъ (153) и обойномъ (136); наименьшее заключали въ себѣ цехи: кожевенный (9), печной (7), купорный, точильный и волосяной (по 5), пробочный и колбасный (по 4), прядильный и зонтичный (по 3), пряничный (2) и булочный мелочныхъ лавочниковъ (1) [2]).

Выше было замѣчено, что временно-цеховыхъ ремесленниковъ въ девять разъ больше вѣчно-цеховыхъ. По цехамъ это отношеніе не вездѣ одинаково. Напр. въ булочномъ цеху (ме-

---

[1]) Въ прочихъ цехахъ временно-цеховые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ	4	цехахъ	отъ	50	до	100	врем. ц.
»	5	»	»	100	»	200	»
»	10	»	»	200	»	300	»
»	4	»	»	300	»	400	»
»	5	»	»	400	»	500	»
»	6	»	»	500	»	600	»
»	3	»	»	600	»	700	»
»	1	»	»	700	»	800	»
»	1	»	»	800	»	900	»
»	2	»	»	900	»	1000	»

[2]) Въ прочихъ цехахъ вѣчно-цеховые распредѣлялись такимъ образомъ.

Въ	10	цехахъ	отъ	10	до	20	вѣчн.-цех.
»	5	»	»	20	»	30	»
»	5	»	»	30	»	40	»
»	2	»	»	40	»	50	»
»	4	»	»	50	»	60	»
»	2	»	»	60	»	70	»
»	2	»	»	70	»	80	»
»	2	»	»	80	»	90	»
»	2	»	»	90	»	100	»

лочныхъ лавочниковъ) былъ только одинъ вѣчно-цеховой на 1699 временно-цеховыхъ, а въ пряничномъ 1 вѣчно-цеховой приходился на 145 временно-цеховыхъ; въ другихъ же, напротивъ 1 вѣчно-цеховой приходится только на 2 и на 3 временно-цеховыхъ, именно въ цехахъ ситцепечатномъ, перчаточномъ, кондитерскомъ и позументномъ [1]). О цехахъ, гдѣ вовсе нѣтъ вѣчно-цеховыхъ, или гдѣ ихъ больше временно-цеховыхъ, сказано было выше.

Вовсе не было женщинъ въ восьми цехахъ [2]). На каждый изъ остальныхъ 44 цеховъ приходилось, слѣдовательно, круглымъ числомъ по 33 женщины. Всего ближе подходили къ этой средней цифрѣ цеха обойный (42 женщ.), мѣдно-бронзовый (38), и русско-булочный (32). За тѣмъ самые значительные по количеству женщинъ были цехи: портной (1376), позументный (223), ситцепечатный (100), булочный мелочныхъ лавочниковъ (73) и кухмистерской (70), а четыре: купорный точильный, пряничный, волосяной, и гончарный гребенной содержали только по 1 женщинѣ [3]). По этимъ цифрамъ уже можно судить о перевѣсѣ въ цехахъ мужской половины ремесленниковъ надъ женской. Дѣйствительно въ 14 цехахъ мужчинъ въ 100, 200 и даже почти въ 300 разъ больше, чѣмъ женщинъ, и только въ двухъ—портномъ и кухмистерскомъ—

---

[1]) Въ прочихъ цехахъ отношеніе вѣчно и временно-цеховыхъ было слѣдующее:

Въ вѣчномъ цеху на 1 вѣч. цех. 65 врем. цех., въ колбасномъ 63, въ купорномъ точильномъ 53, въ шорномъ 36—37, въ стекольномъ 34—35, въ кожевенномъ 30—31, въ прядильномъ 29, въ 2 цехахъ 25—26, въ 1 цеху 23—24, въ 12 цехахъ 10—20, въ 10 цехахъ 5—10, въ 8 цехахъ 3—5.

[2]) Клавикордномъ, прядильномъ, пробочномъ, перчаточномъ, стекольномъ, часовомъ, печномъ и зонтичномъ.

[3]) Изъ прочихъ цеховъ 8 содержали въ себѣ отъ 10 до 20 женщинъ, а двадцать три цеха менѣе 10.

отъ двухъ до трехъ разъ [1]). Замѣчательно также, что нѣтъ ни одного цеха, въ которомъ число женщинъ превышало бы число мущинъ, или хотя равнялось съ нимъ.

Эта пропорція представится впрочемъ выгоднѣе для женщинъ, если принять во вниманіе, что 42 цеха, по роду мастерствъ, къ нимъ относящихся, не допускаютъ въ составѣ своемъ ни подмастерицъ, ни учениць, а только мастерицъ,— обыкновенно вдовъ ремесленниковъ, которыя оставляютъ за собою ремесленныя заведенія, основанныя еще ихъ мужьями; слѣдовательно всѣ женщины, за исключеніемъ мастерицъ (602), въ числѣ 852 распредѣляются собственно между 10 цехами. По этому разсчету на каждый изъ этихъ цеховъ приходится среднимъ числомъ подмастерицъ и учениць до 77. Самое значительное число ихъ соединяютъ въ себѣ цехи ситцепечатный (69), позументный (104) и портной (1160); въ остальныхъ же семи цехахъ оно не ниже 5 и не выше 35. Самое большое число мастеровъ находилось въ цехахъ портномъ (690), булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (664), столярномъ (577), сапожномъ (454) и малярномъ (318); самое меньшее въ цехахъ зонтичномъ (20), перчаточномъ (17), клавикордномъ и прядильномъ (по 16), пробочномъ (14), табачномъ и волосяномъ (по 11). Въ прочихъ число ихъ простиралось отъ 25 до 212. Наибольшее число подмастерьевъ находилось въ цехахъ: столярномъ (2211), портномъ (1396) и булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (1028); наименьшее въ цехахъ клавикордномъ (27), трубочистномъ (23) табачномъ (19), перчаточномъ (13) и зонтичномъ (9). Въ прочихъ оно не превышало 850 и не было ниже 35. Наконецъ наибольшее число учениковъ находилось въ цехахъ портномъ (2367)

---

[1]) Въ прочихъ цехахъ мущинъ было больше женщинъ въ слѣдующей пропорціи: въ 14 цехахъ отъ 20 до 100 раз., въ 10 цехахъ отъ 10 до 20 разъ, въ 4 цехахъ отъ 4 до 10 разъ.

и столярномъ (1410); наименьшее въ цехахъ квасно-кислощейномъ (15), клавикордномъ и волосяномъ по (11), зонтичномъ (10), перчаточномъ (9), булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (8), нѣмецко-булочномъ (6); въ табачномъ же вовсе не было учениковъ.

И такъ, вотъ составъ здѣшняго русскаго ремесленнаго населенія, записаннаго въ цехи и состоящаго подъ вѣдомствомъ Ремесленной Управы. Въ заключеніе замѣтимъ, что число всѣхъ лицъ мужескаго пола, приписанныхъ къ С. Петербургу по ревизіи, какъ занимающихся такъ и незанимающихся ремеслами въ столицѣ, составляло въ 1847 году 4852 окладныхъ души, въ 1848 году 5273 души, въ 1849 году 5305 душъ, слѣдовательно въ теченіе трехъ лѣтъ оно увеличилось на 358 душъ.

На ремесленномъ сословіи, принадлежащемъ къ податнымъ званіямъ, лежатъ казенныя подати и повинности. По С. Петербургу платятъ ихъ только лица ремесленнаго сословія, приписанныя здѣсь по ревизіи въ вѣчно-цеховые; прочіе же, временно-цеховые, оплачиваютъ ихъ по мѣсту ихъ записки. Въ С. Петербургѣ казенныя подати и повинности взимаются съ ремесленниковъ ихъ цеховыми старостами и сборщиками податей по цехамъ, и представляются въ Ремесленную Управу, откуда онѣ уже поступаютъ въ Уѣздное Казначейство. Въ настоящее время эти подати и повинности оплачиваются реемсленнымъ сословіемъ бездоимочно. Въ 1847 году внесено въ Уѣздное Казначейство всего 21567 р. 60 к., въ 1848 году 22520 р. 16 к., въ 1849 году 25148 р. 39 к.

Для издержекъ по внутреннему управленію ремесленнымъ сословіемъ существуютъ двѣ казны: ремесленная и цеховая. Ремесленная казна образуется изъ сбора со всѣхъ вообще цеховыхъ ремесленниковъ, опредѣляемаго ежегодно Ремесленнымъ Отдѣленіемъ Общей Думы, изъ доходовъ съ домовъ,

принадлежащихъ ремесленному обществу, штрафныхъ денегъ и другихъ случайныхъ доходовъ. — Расходы изъ нея производятся не иначе, какъ на основаніи ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній и дополнительныхъ ассигновокъ, утверждаемыхъ въ свое время тѣмъ же отдѣленіемъ Думы. На 1850 годъ сборъ въ пользу ремесленной казны опредѣленъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ каждаго мастера по 1 р. 50 к., съ подмастерья по 15 к., съ ученика по 8 к., Сборъ сей собирается по цехамъ и вносится въ Ремесленную Управу. Въ 1847 году ремесленной казны было 25205 р., въ 1848 году 27783 р., въ 1849 году 55731 р.; израсходовано изъ нея въ 1847 году 9707 р., въ 1848 г. 11979 р., въ 1849 г. 28151 р.—Кромѣ обыкновенныхъ текущихъ издержекъ, покрытыхъ ремесленною казною, она доставила ремесленному сословію средства купить домъ (гдѣ устроена теперь богадѣльня) за 21000 р., уплатить 1000 р. податной недоимки, и слишкомъ 3500 р. невыполненныхъ расходовъ прежнихъ лѣтъ. За всѣми этими издержками, въ ней къ 1850 году оставалось еще въ остаткѣ около 7600 р.

Цеховая казна составляется изъ ежегоднаго сбора съ вѣчно и временно-цеховыхъ ремесленниковъ и добровольныхъ складокъ. И тѣ и другія опредѣляются тоже приговорами Ремесленнаго Отдѣленія Общей Думы. Кромѣ того сюда же поступаютъ и такъ называемыя входныя деньги, собираемыя единожды съ каждаго ремесленника при вступленіи его въ цехъ. На 1850 годъ оба упомянутые выше сбора съ ремесленниковъ обоего пола опредѣлены въ слѣдующемъ количествѣ: съ мастера 3 р., подмастерья 30 к., ученика 7 к., входныхъ денегъ взыскивается по 3 р. съ мастера и по 1 р. 50 к. съ подмастерья. Цеховыя кассы состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи самихъ цеховъ. Въ какомъ онѣ находятся удовлетворительномъ состояніи видно изъ того, что, несмотря на

увеличившіеся расходы на содержаніе цеховаго управленія, сборъ съ ремесленниковъ не былъ возвышенъ, и въ нѣкоторыхъ цехахъ даже сохранились значительные остатки. Въ 1848 году общая сумма цеховой казны, вмѣстѣ съ остатками прежнихъ лѣтъ, простиралась до 102466 р., а въ 1849 году до 114169 р. Въ 1848 году издержано на цеховое управленіе 78578 р., въ 1849 году 90697 р., за тѣмъ оставалось къ 1850 году 23472 р.

Кромѣ означенныхъ выше сборовъ, временно-цеховые ремесленники платятъ еще въ пользу города особливый сборъ, именно: временно цеховые мастера обоего пола по 3 р., подмастерья по 30 к., ученики по 15 к. Съ 1829 по 1838 годъ, по сему сбору накопилась на ремесленномъ обществѣ значительная недоимка, составлявшая около 22 т. р. Для уплаты ея общество, еще въ 1843 году, съ утвержденія высшаго начальства, приговорило ежегодно отчислять изъ остатковъ цеховой казны, впредь до уплаты, съ вѣчно-цеховыхъ ремесленниковъ по 30 к., а съ временно-цеховыхъ по 60 к. съ души. Этотъ приговоръ сталъ однако приводиться въ исполненіе не ранѣе 1848 года, когда въ должность предсѣдателя Ремесленной Управы, вступилъ Н. М. Комаровъ, которому общественное управленіе ремесленниковъ обязано столькими улучшеніями и нынѣшнимъ своимъ, можно сказать, образцовымъ порядкомъ. Въ 1848 году упомянутой недоимки уплачено 3850 р., въ 1849 году 4839 р.; всего погашено долга до 8689 р., осталось неоплаченнаго около 13257 р.

Такимъ образомъ, съ введеніемъ новаго положенія объ общественномъ управленіи С. Петербурга, въ особенности же съ 1848 года, здѣшнее ремесленное общество, не усиливая налоговъ, вслѣдствіе однихъ только благоразумныхъ распоряженій и предусмотрительной бережливости своего непосредственнаго начальства, успѣло уплатить около 13000 р. преж-

нихъ, лежавшихъ на немъ долговъ, пріобрѣсти домъ, стоющій 21 т. р., найдти средства для покрытія нѣкоторыхъ единовременныхъ значительныхъ издержекъ, и несмотря на все это привести свои денежныя средства въ цвѣтущее состояніе.

Въ теченіе того же времени, и съ тою же неусыпною заботливостію, произведены многія значительныя исправленія и улучшенія въ управленіи ремесленнаго сословія. Слишкомъ дробное дѣленіе онаго на цехи, и незначительный, по числу лицъ, составъ нѣкоторыхъ цеховъ, были обременительны для ремесленниковъ и убыточны для цеховой казны; для ремесленниковъ отсюда происходила обязанность чаще нести службу по цеховому управленію, цеховая же казна истощалась на содержаніе цеховаго начальства въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько было нужно для успѣшнаго хода дѣлъ по цеховому управленію. Вслѣдствіе этого, съ утвержденія высшаго начальства, семнадцать малочисленныхъ цеховъ присоединены къ остальнымъ тридцати пяти цехамъ, большимъ по своему составу, и однороднаго съ ними мастерства, чѣмъ уменьшено число лицъ цеховаго управленія слишкомъ на сорокъ человѣкъ, облегчены и упрощены обязанности цеховыхъ маклеровъ, и сдѣланы значительныя сбереженія въ издержкахъ на цеховое управленіе. Въ то же время мастерства, отнесенныя въ прежнее время къ несвойственнымъ имъ цехамъ, распредѣлены правильнѣе по другимъ цехамъ, и образуется, съ утвержденія высшаго начальства, новый цехъ мясниковъ. Кромѣ того, для окончательнаго устройства цеховаго управленія, начато составленіе цеховыхъ по нѣкоторымъ цехамъ обрядовъ; такіе обряды уже составлены, и съ утвержденія высшаго начальства приводятся въ дѣйствіе. Равнымъ образомъ точнѣе опредѣлены отношенія между мастерами и подмастерьями, и приняты мѣры къ законному огражденію ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Наконецъ введена правильная и подробная отчет-

ность по доходамъ и расходамъ ремесленной казны, и уже приняты мѣры къ распространенію этого порядка и на цеховыя кассы.

Вотъ краткій очеркъ теперешняго состоянія казны и управленія С. Петербургскаго ремесленнаго сословія. Что оно преуспѣваетъ, едва ли нужно прибавлять послѣ приведенныхъ цифръ и фактовъ. Новый порядокъ общественнаго управленія столицы, установивъ строгій контроль и ясныя правила по управленію городскихъ сословій, далъ возможность произвести въ этой части различныя улучшенія. Къ чести ремесленнаго сословія и Ремесленной Управы, въ особенности же бывшаго предсѣдателя ея, Н. М. Комарова, должно сказать, что они поняли и добросовѣстно выполнили указанныя имъ закономъ обязанности.

СЛУГА.

(Современный физіологическій очеркъ).

—

Изъ множества самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, одно, издавна, сдѣлалось любимымъ предметомъ писателей всѣхъ временъ и народовъ: это положеніе слуги. Типы слугъ рисовали геніяльною кистью и Шекспиръ, и Мольеръ, и Сервантесъ; надъ этими типами работали и наши писатели. Кто не приходилъ въ восторгъ отъ Осипа? Кто не читалъ и не помнитъ восхитительныхъ эскизовъ слугъ всякаго разбора, мастерски набросанныхъ И. С. Тургеневымъ?

А все-таки далеко еще не всѣ типы слугъ схвачены и усвоены литературѣ; многіе изъ нихъ ждутъ новыхъ дѣятелей. Лакей городской и лакей деревенскій, лакей пьяница, хвастунъ, мелкій плутъ, объѣдало и пройдоха, лакей обманывающій своего добродушнаго барина или помогающій ему въ разныхъ его любовныхъ и другихъ продѣлкахъ,—всѣ эти видоизмѣненія лакейскихъ типовъ подмѣчены и обрисованы болѣе или менѣе удачно и вѣрно. Но, сколько помнится, типъ лакея не былъ ни разу еще поясненъ отношеніями его къ высоко-просвѣщенному, талантливому, развитому и во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательному барину. А стоило бы! Во взглядѣ слуги на такого барина лакейская натура выступаетъ ярче, со многими своими характеристическими чертами, которыя безъ того остаются въ тѣни и оставляютъ типъ не полнымъ.

Отъ низменной и узкой сферы, въ которой вращается слуга, отъ привычки смотрѣть на міръ Божій изъ передней,—все, даже самое почтенное и достойное, пройдя сквозь голову и сердце лакея, опошляется. Этой судьбы не избѣгаетъ, разумѣется, и баринъ.

Положимъ, баринъ знаменитъ какъ писатель, государственный человѣкъ или ученый. Слава его разносится всюду; все наперерывъ стараются увидать, услышать, узнать его, ищутъ съ нимъ сблизится, считаютъ за особенную честь быть съ нимъ въ дружбѣ. Даже противники и враги, и тѣ не могутъ отказать ему въ уваженіи. Лакей смотритъ на все это съ своей особенной, лакейской точки зрѣнія. Смысла къ нравственно-высокому и изящному странно было бы отъ него и требовать. Сверхъ того, онъ чувствуетъ, можетъ-быть и безсознательно, превосходство надъ собою барина, и это превосходство его давитъ.

Много ли людей не испытываетъ этого, приходя въ соприкосновеніе съ избранными натурами? Но порядочнымъ людямъ это чувство превосходства другаго надъ собою внушаетъ уваженіе, любовь, даже благоговѣніе, въ лакеѣ же оно возбуждаетъ только недоброжелательство и зависть. «Удивительное это дѣло, думаетъ лакей про себя: что̀ бы, кажется, въ баринѣ такого особеннаго? По мнѣ такъ ровно ничего! А честятъ. И какъ еще честятъ! ужь подлинно, кому какое счастіе! За что̀ его такъ ужь черезчуръ любить? За то, что онъ краснобай. и за все хватается, и книжки перебираетъ? Это всякій сумѣетъ на его мѣстѣ сдѣлать не хуже его. Заставилъ бы я его комнату вымести, да сапоги почистить или на запяткахъ въ трескучій морозъ потрястись, и посмотрѣлъ бы, что̀ изъ него выйдетъ. Плохъ бы оказался, навѣрное. То-то и есть, что на легкомъ хлѣбѣ живетъ и такими же, какъ онъ, дармоѣдами прославляется».

Съ тѣмъ же злорадствомъ и затаенною завистью говоритъ лакей и о красотѣ своего барина, если Богъ надѣлилъ его красотой. Отрицать ее нельзя—онъ и не отрицаетъ. Но вслушайтесь хорошенько въ его отзывы объ ней: вы непремѣнно встрѣтите здѣсь, тамъ, словечко, которое вставляется, чтобъ ослабить похвалу. Нѣтъ, нѣтъ—и ввернетъ, что-де у барина носъ красный; а тамъ, что у него брюхо большое; дальше, что у него зубъ со свистомъ. Если лакей уменъ, эти вставки дѣлаются очень ловко, незамѣтно и кстати, такъ что, посмотришь на слова — хвалитъ; а общее впечатлѣніе выходитъ невыгодное для барина. Этимъ искусствомъ многіе лакеи обладаютъ въ совершенствѣ по привычкѣ лицемѣрить.

Если лакей зналъ барина, когда послѣдній былъ еще очень молодъ, нравственно и даже физически еще не сложился, дѣлалъ ошибки, впадалъ въ заблужденія, отдавался страстямъ, вообще шелъ въ жизни нетвердою стопой, — вотъ когда надо послушать лакея! Въ разсказахъ его о баринѣ въ такихъ случаяхъ обнаруживаются совершенно новыя черты лакейской души, какъ выскакиваютъ новыя стеклышки при поворотѣ калейдоскопа. Къ злорадству и зависти тутъ присоединяется еще Хлестаковская хвастливость, желанье казаться за панибрата съ знатнымъ своимъ бариномъ. «Для васъ баринъ важная птица, думаетъ лакей, и эта мысль проходитъ чрезъ весь его разсказъ о молодости барина,—а для меня такъ онъ такъ себѣ, дрянь и больше ничего! Вы его зазнали, какъ онъ человѣкомъ сталъ, а я видалъ его, когда онъ еще мальчишкой былъ и всякія глупости дѣлалъ и шашни за нимъ разныя водились». Съ этою заднею мыслью разскажетъ вамъ лакей, что его баринъ не прочь былъ сладко съѣсть и сладко выпить, и что и волокита онъ тоже былъ исправный. Въ доказательство, онъ начнетъ пересчитывать вамъ по пальцамъ, припоминая годы и всѣ мелкія обстоятельства, какъ его баринъ кутилъ и съ

Матрешкой, и съ Палашкой, и съ Наташкой, да тутъ же, рядомъ съ ними, назоветъ имена и такихъ лицъ, съ которыми, по всѣмъ вѣроятіямъ, были у барина совсѣмъ другія отношенія, имена, съ которыми, быть-можетъ, связаны самыя чистыя, святыя, самыя дорогія его сердцу воспоминанія молодости. Конечно вы, я, всѣ мы; знаемъ цѣну этихъ разсказовъ лакея. Похожденія молодости всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстны по опыту и не могутъ, разумѣется, измѣнить нашихъ понятій о баринѣ, или ослабить обаяніе драгоцѣннѣйшихъ о немъ воспоминаній. Изъ числа именъ, пестро смѣшанныхъ въ разсказѣ лакея, мы сумѣемъ отдѣлить тѣ, которыя человѣкъ нами чтимый и любимый быть-можетъ произносилъ съ уваженіемъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но дѣло не объ насъ, а объ лакеѣ и его взглядѣ на вещи. Касаясь до всего своими грязными руками, подводя все подъ одинъ уровень пошлости, не умѣя различать порывовъ чувственности отъ сердечной страсти, подымающей человѣка нравственно, лакей своимъ разсказомъ возбуждаетъ въ насъ только отвращеніе, и, желая изподтишка повредить въ нашемъ мнѣніи своему барину, изобличаетъ только дрянныя побужденія своей низменной натуры.

Что при этомъ лакей прежде и больше всего будетъ налегать на недостатки и слабыя стороны барина, это разумѣется само собою.

Недостатки! При этомъ словѣ сколько мыслей и скорбныхъ и утѣшительныхъ подымается вдругъ со дна души каждаго порядочнаго человѣка. Судъ слишкомъ строгій, разборъ слишкомъ мелочной въ этомъ отношеніи произносится или юношами, или ограниченными и тупоумными людьми, потому что недостатки и слабыя стороны—общій удѣлъ всѣхъ, безъ изъятія, смертныхъ. Кто не имѣетъ своей Ахиллесовой пяты? Притомъ же очень часто, почти всегда, недостатки людей, выдающихся

изъ толпы, представляютъ тѣневую сторону тѣхъ самыхъ качествъ и добродѣтелей, которыя снискали имъ уваженіе, любовь, извѣстность и славу, такъ что не будь этихъ недостатковъ, не было бы и этихъ добродѣтелей и достоинствъ. Также нерѣдко. недостатки и слабыя стороны суть не болѣе какъ крайнія послѣдствія побужденій и стремленій самыхъ естественныхъ, законныхъ, благородныхъ и почтенныхъ, свойственныхъ однѣмъ избраннымъ натурамъ. Бываютъ недостатки, зависящіе отъ причинъ совершенно случайныхъ или же чисто физическихъ, бываютъ и наслѣдственные недостатки, какъ бываютъ наслѣдственныя болѣзни. Много тоже значитъ, какъ кто самъ смотритъ на свои недостатки: одинъ ихъ вовсе не сознаетъ, другой ими хвастается съ циническимъ нахальствомъ; иной ихъ стыдится и скрываетъ, покоряясь и работая имъ какъ печальной неизбѣжности, которой одолѣть не могъ или не умѣлъ. Стало-быть, самый фактъ существованія или присутствія въ человѣкѣ недостатковъ самъ по себѣ ничего еще не значитъ. Наконецъ, намъ кажется, что слабыя стороны замѣчательныхъ людей имѣютъ или по крайней мѣрѣ должны бы имѣть для прочихъ высокое нравственное значеніе. Въ мірѣ нравственномъ это своего рода напоминаніе человѣку, что онъ — земля и въ землю обратится. Уравнивая всѣхъ въ несовершенствѣ, недостатки съ одной стороны умѣряютъ самоуваженіе, какъ бы оно ни было законно,—а съ другой служатъ звеньями, связующими въ одно цѣлое натуры высшаго и низшаго порядка, именно потому, что даютъ реальность, осязаемость высокимъ добродѣтелямъ и талантамъ, которые безъ того принадлежали бы къ области несбыточныхъ сновъ и мечтаній.

Нечего и говорить, что лакей неспособенъ понять всѣхъ этихъ оттѣнковъ и тонкихъ различій. Въ его головѣ отпечатлѣвается только внѣшняя оболочка вещей, подводящая подъ

одинъ итогъ самыя разнообразныя явленія нравственной жизни. Продажныя ласки и паденіе вслѣдствіе любви и страсти; человѣкъ упившійся виномъ отъ радости или избытка горя, вслѣдствіе привычки, по болѣзни или случайно, въ одиночку или въ дружеской бесѣдѣ — все это въ лакейской головѣ носитъ одно общее названіе, самое пошлое изъ всѣхъ, и которое потому всего болѣе подъ-стать его пошлымъ понятіямъ; а злорадство и зависть заставятъ его постараться вывалять въ грязи даже и то, что̀ по общимъ понятіямъ не есть даже слабость и только въ глазахъ лакея имѣетъ видъ чего-то предосудительнаго. Цѣль всѣхъ этихъ усилій — снять съ барина ореолъ славы, разсѣять нимбъ величія, которымъ онъ окруженъ, низвести его до себя. По вашимъ понятіямъ, близость съ замѣчательнымъ человѣкомъ налагаетъ обязанность лучше другихъ понимать его, болѣе другихъ цѣнить и любить; а лакей разумѣетъ это совсѣмъ иначе: въ случайной близости къ барину онъ видитъ только право говорить объ немъ съ пренебреженіемъ, трактовать его ни по чемъ. Оттого и существуетъ давнишнее правило не водить дружбы съ лакеемъ, не фамильярничать съ нимъ, потому что лакей тотчасъ же зазнается и возмечтаетъ, что онъ равенъ съ бариномъ. Для лакея близость и дружба есть патентъ на дерзкое и наглое обращеніе, потому что лакей всюду несетъ съ собою, подобно Петрушкѣ Гоголя, особенный, ему одному свойственный запахъ.

Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre, говоритъ французская пословица. Талейранъ къ этому прибавлялъ: parce qu'un valet est un valet. Великая истина.

Не подумайте однако, что пошлость, злорадство, зависть и Хлестаковство одни внушаютъ лакею грязные разсказы и размышленія о баринѣ.

Случается, что онъ имѣетъ къ тому и другіе поводы, болѣе близкіе и личные. Иной разъ баринъ, разглядѣвъ попри-

стальнѣе слугу и замѣтивъ за нимъ разныя разности, лишитъ его своего довѣрія, выбранитъ порядкомъ, а смотря по винѣ, въ припадкѣ справедливаго гнѣва, велитъ пожалуй и со двора прогнать. Какъ же лакею не досадовать и не злиться?

Истинное счастіе, что большинство лакеевъ или вовсе безграмотны, или не любятъ писать, и ограничиваются одними разсказами, которые погибаютъ въ Летѣ. Что еслибъ они стали писать мемуары? Какъ смерть, они разрушили бы нравственную красоту и на мѣстѣ ея оставили бы гнилой трупъ, который не составляетъ человѣка.

Впрочемъ, утѣшимся! Будь даже много такихъ мемуаровъ, врядъ ли бы имъ удалось выбраться въ печать. Кто жь рѣшится быть ихъ издателемъ?

«Dixi et animam levavi», какъ выражается В. В. Григорьевъ въ статьѣ: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ». («Русская Бесѣда» 1856. IV.)

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРѢЕВСКІЙ.

—

25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, переживъ своего брата, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца, всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ.

Кончина Петра Васильевича Кирѣевскаго прибавляетъ еще одно извѣстное и почтенное имя къ горестному и безъ того слишкомъ длинному списку мыслящихъ, просвѣщенныхъ и нравственно высоко стоявшихъ людей, которыхъ смерть сразила въ послѣднее, недавнее время. Имя его одно изъ тѣхъ, которыя извѣстны вездѣ, и у насъ и за границей, несмотря на то, что печатно оно являлось очень рѣдко. Память о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ неразрывно связана съ воспоми-

наніемъ о цѣлой вереницѣ молодыхъ и свѣжихъ талантовъ, такъ блистательно начавшихъ свое поприще по разнымъ отраслямъ науки и литературы въ Пушкинскую эпоху. Подобно всей лучшей тоглашней молодежи, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій докончилъ свое образованіе за границей, слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, и плодомъ этого было основательное знакомство съ европейскими языками и литературами. Но одаренный умомъ въ высокой степени яснымъ, пытливымъ и серьёзнымъ, Кирѣевскій не могъ остановиться исключительно на этомъ предметѣ, представлявшемъ, для Русскаго, интересъ слишкомъ общій. Его манилъ къ себѣ міръ русскій и славянскій, смутно начинавшій въ то время оживать въ предчувствіи избраннѣйшихъ людей Россіи и славянскихъ странъ. Это сочувствіе, теперь, въ насъ такое обыкновенное и естественное, въ началѣ Пушкинской эпохи было явленіемъ рѣдкимъ, новымъ, въ большомъ любителѣ и знатокѣ европейскихъ литературъ даже отчасти страннымъ, которое предполагало высокую степень убѣжденія, горячности, твердости и глубины мысли, именно потому, что было еще вновѣ и не за обычай. Русская и вообще славянская исторія, особливо наша народная литература, сдѣлались предметомъ особеннаго, а потомъ исключительнаго, внимательнаго и глубокаго изученія Петра Васильевича Кирѣевскаго. Не умѣя ничего дѣлать въ половину, Кирѣевскій отдался этому дѣлу со всѣмъ увлеченіемъ и любовью человѣка, для котораго убѣжденіе—первое и главное въ жизни. Съ палкой въ рукѣ и котомкой на плечахъ онъ отправился странствовать пѣшкомъ по нашимъ селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдѣ слѣды старины сохранились живѣе и ярче, неутомимо собирая народныя пѣсни, пословицы, сказанья, изучая народный бытъ и нравы, стараясь разглядѣть и понять обломки давно прошедшей народной русской и славянской жизни.

Такъ положено начало знаменитому собранію памятниковъ народной русской и славянской литературы и поэзіи, въ особенности пѣсенъ, которое обогатилось въ послѣдствіи щедрыми вкладами Пушкина, поэта Языкова и безчисленнаго множества другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лицъ изъ всѣхъ краевъ Россіи и даже другихъ славянскихъ земель. Кто заглядывалъ въ это сокровище, тотъ знаетъ ему цѣну. Слава этого собранія скоро обѣжала весь міръ. Нѣсколько разъ покойный Кирѣевскій принимался за его изданіе. Не говоря объ отдѣльныхъ пѣсняхъ, появлявшихся въ печати въ разныхъ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ, даже цѣлый отдѣлъ изъ этого собранія—духовные стихи, которые поются нашими слѣпыми и нищими—былъ напечатанъ. Свадебныя пѣсни также были уже давно изготовлены къ печати, но остановлены собирателемъ, если не ошибаемся, потому, что ему доставлено было въ то время нѣсколько новыхъ пѣсенъ того же разряда, поразительной красоты, и онъ намѣревался включить и ихъ въ свое изданіе.

Но еще лучше собранія былъ самъ собиратель. Большая начитанность его по части русской исторіи и исторіи другихъ славянскихъ племенъ, глубокое убѣжденіе и симпатичность ума—все это дѣлало его бесѣду драгоцѣнной и поучительной. Пишущій эти строки имѣлъ утѣшеніе наслаждаться этой поучительной и живительной бесѣдой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, и съ благодарностію и любовью вспоминаетъ объ ней и теперь, много времени спустя. Сколько свѣжихъ чувствъ, благодатныхъ стремленій, любви къ добру и истинѣ вынесено изъ этихъ бесѣдъ въ жизнь и слилось нераздѣльно съ почтенною и дорогою памятью достойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго!

Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, безпримѣрное и неизмѣнное прямодушіе и простота

дѣлали этого замѣчательнаго человѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тѣ, которые не раздѣляли его мнѣній и не сочувствовали его убѣжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубоко-поэтической и глубоко-религіозной натуры.

Изъ родныхъ и многочисленныхъ почитателей Петра Васильевича Кирѣевскаго безъ сомнѣнія найдутся многіе, которые скоро сообщатъ подробную его біографію и обстоятельныя свѣдѣнія объ оставшихся послѣ него ученыхъ трудахъ и драгоцѣнныхъ собраніяхъ. Мы позволили себѣ сказать нѣсколько словъ объ усопшемъ, уступая потребности сердечной и принося заочно на его свѣжую еще могилу дань почтенія и слезу искренней скорби. Да будетъ память о почившемъ и повѣсть его трудовъ и благородной жизни также назидательна для будущихъ подвижниковъ и тружениковъ истины, мысли и добра, какъ плодотворно было его симпатическое и поучительное живое слово для тѣхъ, которые имѣли счастіе имъ наслаждаться лично!

АЛЕКСАНДРЪ АНДЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

—

Русское художество понесло новую невознаградимую потерю. 3-го іюля, около двухъ часовъ пополуночи, скончался Александръ Андреевичъ Ивановъ, знаменитый творецъ знаменитой картины: «Явленіе Мессіи народу».

Смерть неумолимо опрокинулась на свою жертву. Еще 30-го іюня ввечеру Ивановъ весело разговаривалъ съ своими знакомыми; къ 10 часамъ вдругъ ему стало дурно; черезъ минуту обнаружились сильные припадки холеры, а къ 6 часамъ утра врачи потеряли всякую надежду на его выздоровленіе.

Нельзя безъ глубокой горести подумать объ этой утратѣ. Но скорбь становится еще тяжелѣе, когда приводишь себѣ на память всѣ обстоятельства, при которыхъ такъ внезапно перервалась жизнь художника. Двадцать лѣтъ посвятилъ онъ своей картинѣ, работая надъ нею неутомимо, настойчиво, какъ немногіе изъ насъ Русскихъ умѣютъ работать. Съ этимъ трудомъ связана была вся его жизнь, весь смыслъ его жизни. Наконецъ, трудъ конченъ. Онъ везетъ это любимое дитя свое на родину, которую горячо любилъ, несмотря на двадцативосьми-лѣтнее отсутствіе, и въ которой провидѣлъ богатые задатки художественнаго развитія. Въ Петербургѣ картину Иванова одни встрѣтили съ энтузіазмомъ, другіе ставили ее ни во что,—вѣрный признакъ явленія чрезвычайнаго, далеко

выходящаго изъ уровня обыкновенности. И вотъ, въ ту мучительную для художника минуту, когда сужденія о его трудѣ высказывались, а мнѣніе еще не сложилось, онъ умеръ, тревожимый разнорѣчивыми отзывами, изрекавшими приговоръ надъ дѣломъ всей его жизни. Завѣса для него поднялась, но конецъ зрѣлища остался закрытъ навѣки...

Ивановъ скончался пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта, имѣя за собою совершенное громадное дѣло, а не однѣ надежды на будущіе труды. Намѣренія такого человѣка не могутъ быть названы мечтами. А онъ намѣревался сдѣлать многое. Мыслями своими онъ безпрестанно обращался къ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно везти туда свою картину и тамъ сосредоточить всю свою дѣятельность. По тому, что̀ отъ него осталось, можно судить сколько русское художество потеряло съ его смертью.

Какъ всѣ истинные художники, Ивановъ былъ нѣженъ и впечатлителенъ, но незлобивъ и дѣтски простодушенъ. Только чистой душѣ, какова была его, и открывается художественная истина. Всѣ знавшіе его коротко, понимающіе дѣло, единогласно отзываются, что онъ имѣлъ большое художественное образованіе, которое у насъ такъ рѣдко бываетъ соединено съ большимъ талантомъ.

3-го іюля, въ 8 часовъ по полудни, прахъ покойнаго перенесенъ изъ дома, гдѣ онъ жилъ, въ домовую церковь академіи художествъ. Съ глубокою печалью шли мы за его гробомъ, размышляя о странныхъ судьбахъ русскаго художества и русскихъ художниковъ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ГГ. СТУДЕНТАМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЮРИД. ФАКУЛЬТЕТА 11 СЕНТЯБРЯ 1857 ГОДА, ПЕРЕДЪ ОТКРЫТІЕМЪ КУРСА ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

—

Мм. гг.!

Съ трепетомъ и сердечнымъ смущеніемъ вступаю я на эту каѳедру. Съ этой же самой каѳедры преподавалъ покойный профессоръ Неволинъ, котораго имя вписано неизгладимыми чертами въ лѣтописяхъ русской юридической и исторической литературы; эту каѳедру занималъ профессоръ Мейеръ, слишкомъ рано умершій, и котораго благородная и почтенная ученая и педагогическая дѣятельность почти нераздѣльно принадлежитъ Казанскому университету. При такихъ предшественникахъ преподаваніе гражданскаго права и безъ того нелегкое по необработанности у насъ этого предмета, становится еще труднѣе.

Но не одно это смущаетъ меня. Вступая на кафедру, я невольно переношусь мыслями и сердцемъ къ другой лучшей эпохѣ моей жизни. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ, я точно также вступалъ на каѳедру въ старшемъ изъ русскихъ университетовъ. Эта была счастливая пора. Жизнь манила впередъ. Наука, лекціи, дружба наполняли существованье. Въ памяти моей воскресаютъ образы дорогихъ наставниковъ и товарищей, которые словами участія

или строгимъ совѣтомъ дружбы руководили первые робкіе мои шаги на ученомъ поприщѣ. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Въ теперешнюю, торжественную для меня минуту сердце сжимается скорбью, при мысли, что я никогда не увижу ихъ больше, никогда уже не услышу ихъ голоса.

Мм. гг.! И теперь, возвращаясь на каѳедру черезъ девять лѣтъ я приношу съ собою то же непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки; ту же горячую вѣру въ высокія историческія судьбы отечества, тоже довѣріе къ нашимъ молодымъ поколѣніямъ, въ особенности университетскому, которымъ по закону естественнаго преемства принадлежитъ будущее; наконецъ, ту же готовность работать для науки и каѳедры по крайнему разумѣнію, по мѣрѣ силъ. И если когда-нибудь изъ этой аудиторіи выйдетъ великій ученый юристъ или замѣчательный практикъ, который полезною дѣятельностію и славою своего имени наполнитъ отечество—говорю это отъ полноты сердечнаго убѣжденія, —всѣхъ болѣе будетъ радоваться обойденный, оставленный имъ назади наставникъ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ МОСКВѢ, НА ОБѢДѢ 28 ДЕКАБРЯ 1857 ГОДА.

Мм. Гг.

Не прошло еще полутора года съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ насъ праздновали дѣла гражданской мудрости и милосердія, ознаменовавшія начало новаго царствованія. Мы разстались тогда съ радостію и надеждами въ сердцѣ, предчувствуя много добраго въ будущемъ. Теперь мы знаемъ о великодушномъ призывѣ Государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чаяли многія поколѣнія уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ.

Мм. Гг. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріяльныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе — приготовиться къ нему достойнымъ образомъ; ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступятъ на святую обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностію вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, на сколько мы могли и умѣли! 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться о правильномъ устройствѣ

нашего экономическаго быта, — я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено пріискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокій смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣннымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія; или они отступаютъ передъ задачей, и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ всѣхъ и каждаго; во второмъ — задача все-таки рѣшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріяльнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.

Начало предстоящаго святаго дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха. Кто просвѣщеннѣе другихъ, тотъ, естественно, и разумнѣе; кто высоко стоитъ на общественной лѣстницѣ, тотъ и способнѣе обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и

исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человѣка, тѣмъ болѣе сословіе, принимающее дѣятельное участіе въ судьбахъ народа.

Поднимемте же, господа, бокалы во здравіе державнаго Миротворителя, который и въ дѣлахъ внѣшнихъ и въ устроеніи внутреннемъ приноситъ дары и благословеніе мира на Русскую землю! Да провозвѣститъ свѣту его царствованіе эпоху, въ которую должно свершиться всеобщее, разумное соглашеніе разрозненнаго! Приступая къ великому дѣлу, да не впадемъ въ уныніе, но будемъ напрягать всѣ силы на разрѣшеніе трудностей, на устраненіе препятствій! Да смягчатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой несокрушимой твердынѣ да устроится жизнь наша на вѣчныя времена! Да будетъ все во-едино, исполняясь благоговѣніемъ передъ неисповѣдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цѣли.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ НА ОБѢДѢ 12 ЯНВАРЯ 1858 ГОДА, ВЪ ПАМЯТЬ ОСНОВАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—

Господа! Мы соединились въ прошломъ году въ этотъ же самый день, почти нечаянно, но съ такимъ радостнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ души, которое отразилось и на самомъ нашемъ праздникѣ. Для меня онъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Отчего же сердце наше такъ сладостно трепещетъ и бьется при мысли объ университетѣ, въ которомъ мы воспитывались? Что жь, развѣ всѣ мы были счастливы во все время, проведенное нами въ университетѣ? Конечно, нѣтъ! Для многихъ время университетскаго курса было временемъ тяжкаго испытанія и въ нравственномъ и въ матеріяльномъ смыслѣ. Или университетъ далъ намъ патентъ на счастіе и успѣхъ по выходѣ, и мы хранимъ къ нему за то благодарное воспоминаніе? Многіе скажутъ на это «да», а многіе скажутъ и «нѣтъ». Такъ что же? Не гордимся ли мы званіемъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, потому что онъ двигалъ и двигаетъ впередъ науку, обогатилъ область знанія новыми истинами, насъ снабдилъ необходимымъ для практической жизни запасомъ положительныхъ свѣдѣній?... Какъ бы мы ни были ослѣплены любовью къ мѣсту воспитанія, какъ бы ни были проникнуты чувствомъ народной гордости, мы не можемъ, однако, не сознаться, что въ дѣлѣ науки мы до сихъ поръ еще ученики другихъ, болѣе насъ просвѣщенныхъ народовъ, и долго еще будемъ учениками; что самостоятельность наша очень недавно стала обнаруживаться, и притомъ покамѣстъ только въ болѣе или менѣе удачныхъ попыткахъ примѣнить готовые результаты науки къ условіямъ и особенностямъ нашей жизни и быта.

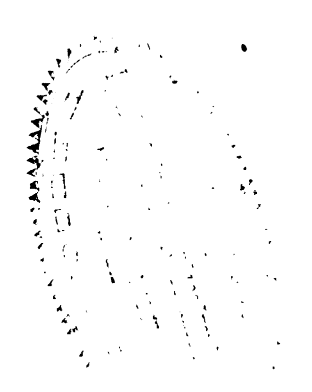
Нѣтъ, тайна любви нашей къ университету скрывается не во всемъ этомъ, а въ высокомъ, нравственномъ и человѣческомъ значеніи вообще нашихъ университетовъ. Въ мірѣ нравственномъ университеты дѣлаютъ у насъ то же, что государство дѣлаетъ въ жизни общественной. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, государство собирало разорванныя и разобщенныя части теперешней Россіи, неутомимо сводило ихъ къ единству, сперва политическому, потомъ административному. Рядомъ съ тѣмъ упразднились постепенно и учрежденія, напо-

минавшія прежнюю разрозненность. Когда это великое дѣло въ главныхъ чертахъ совершилось въ жизни, появляется Московскій университетъ и продолжаетъ его въ головахъ и сердцахъ людей, сводя безконечное разнообразіе мѣстныхъ и сословныхъ привычекъ, различій и предразсудковъ подъ одинъ умственный и нравственный типъ, чуждый тѣхъ особенностей, которыя противорѣчатъ всенародному, общему человѣческому типу. По странной, но многозначительной игрѣ случая, основаніе Московскаго университета совершилось чрезъ два года послѣ уничтоженія въ Россіи внутреннихъ таможенъ...

«Великое призваніе и значеніе Университета отразилось, болѣе или менѣе, на каждомъ изъ насъ. Всѣ мы испытали на себѣ его силу и власть, а потому всѣ носимъ на себѣ его печать. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе переродился и перевоспитался, войдя въ ту особенную университетскую атмосферу, которая слагается изъ присущей этому учрежденію великой государственной и человѣческой идеи, изъ великихъ истинъ науки, стремящейся къ общему и единому, наконецъ изъ живаго дыханія молодой жизни со всей ея благодатной, поэтической обстановкой—дружбой, вдохновеніемъ, порывами, шутками и добродушнымъ остроуміемъ. Изъ тѣсныхъ рамокъ ежедневности умъ нашъ вышелъ тогда въ широкій міръ мысли и науки; сердце пріучилось биться не отъ однихъ личныхъ вопросовъ, но и отъ горячаго сочувствія къ добру, истинѣ и прекрасному; нѣсколько дурныхъ привычекъ ума и сердца отброшено нами во время университетскаго курса; нѣсколько благородныхъ чувствъ и мыслей залегли глубоко на днѣ души и стали краеугольнымъ камнемъ всей жизни, стали — если позволено такъ выразиться—тѣмъ внутреннимъ камертономъ, который въ важныя минуты громко раздается въ насъ и отъ котораго каждый невольно встрепенется, какъ бы ни отучали людей прислушиваться къ этимъ внутреннимъ, задушевнымъ

звукамъ заботы и тягости жизни, соблазны, паденія или излишніе успѣхи. Вотъ отчего мы на вѣки срослись съ Университетомъ, гдѣ воспитывались. Воспоминаніе о немъ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о нашемъ умственномъ и нравственномъ обновленіи; ибо университеты творятъ не чиновниковъ, не ученыхъ, не художниковъ, не военныхъ, не купцовъ: они творятъ людей съ человѣческими сердцами, съ умомъ раскрытымъ и чуткимъ къ голосу истины. Университеты закаляютъ молодыя души на тяжкій подвигъ жизни, въ любви къ правдѣ. Куда ни обратитесь — на всевозможныхъ поприщахъ, во всевозможныхъ общественныхъ положеніяхъ, вездѣ работаютъ питомцы университетовъ, и работаютъ съ честью, устремленные на задачу, для разрѣшенія которой университеты существуютъ. Въ вѣрности службы, въ любви къ отечеству, въ способностяхъ, въ знаніи, они никому не уступятъ. Господа! да здравствуютъ всѣ наши университеты! Начавшись послѣ уничтоженія внутреннихъ таможень, да процвѣтутъ они съ новымъ блескомъ послѣ уничтоженія внутреннихъ заставъ!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

III.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И РАЗСУЖДЕНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ НАРОДНОМУ БЫТУ, ПОВѢРЬЯМЪ, ПРАЗДНИКАМЪ И Т. П.

IV.

РАЗНЫЯ СТАТЬИ И СМѢСЬ.

DATE DUE